

А. Б. Ш А П И Р О

О Ч Е Р К И
ПО СИНТАКСИСУ
РУССКИХ
НАРОДНЫХ
ГОВОРОВ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. Б. Ш А П И Р О

ОЧЕРКИ
ПО СИНТАКСИСУ
РУССКИХ НАРОДНЫХ
ГОВОРОВ

СТРОЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА-1953

Printed in USSR

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Р. И. АВАНЕСОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин дал исчерпывающее освещение вопроса о развитии диалектов в разных исторических условиях и о роли диалектов в образовании национального языка. Прежде всего И. В. Сталин внес полную ясность в самое понятие диалекта. Он провел резкую грань между диалектами «классовыми» и диалектами местными («территориальными»). Первые, в отличие от вторых, он называет не диалектами, а жаргонами. Жаргоны «обслуживают не народные массы, а узкую социальную верхушку»¹.

Иное дело — местные диалекты. «Диалекты местные (территориальные)», наоборот, обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. Ввиду этого некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки»².

Итак, местные диалекты обслуживали и до сих пор еще продолжают обслуживать широкие народные массы. В прошлом это были преимущественно крестьянские массы, но в дальнейшем, благодаря широкому притоку в города выходцев из деревни, черты диалектной речи проникали и в язык некоторых групп городского населения. При этом для крупнейших городских центров характерно одновременное наличие элементов различных диалектов. В настоящее время, в связи с быстрым уменьшением разницы между городом и деревней, а также между физическим и умственным трудом, значительно ускорился процесс поглощения диалектов общенациональным языком. В язык деревни, независимо от того, какой диалект в ней господствовал в течение длительного предшествующего периода, широко

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1953, стр. 43.

² Там же, стр. 43—44.

проникают и лексика и грамматические конструкции общенационального языка. С другой стороны, и общенациональный язык обогащается за счет многих особенностей диалектной речи.

Все эти процессы имеют большое значение для изучения истории формирования русского национального языка и в особенности русского литературного языка эпохи социализма.

Хотя «элементы современного языка были заложены ещё в глубокой древности, до эпохи рабства»¹, язык, развиваясь, в дальнейшем подвергся значительным изменениям. «Дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, ещё более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — всё это внесло большие изменения в развитие языка»². Изменения, происходившие в первую очередь в письменных стилях речи, по мере своего распространения в обществе, постепенно проникали и в устно-разговорный язык, благодаря чему последний утрачивал некоторые свои специфические черты, отличавшие его от языка письменного.

В значительно меньшей степени этот процесс приближения разговорной речи к письменному языку имел место в диалектах. В силу ряда условий экономического и социально-бытового характера диалектная речь довольно долго сохраняла многие свойственные ей черты как в области лексики, так и в области фонетики, морфологии и синтаксиса.

Поставив перед собою задачу — изучение синтаксического строя русской разговорной речи, автор настоящей работы обратился в первую очередь к исследованию синтаксиса речи диалектной, как сохраняющей в себе черты устно-разговорного языка, сравнительно менее подвергнувшегося влиянию синтаксических норм письменно-книжного языка.

Настоящая работа была закончена в 1945 г. и в 1946 г. защищена в качестве докторской диссертации. После опубликования труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» она была переработана и при этом несколько сокращена.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 28.

² Там же, стр. 26—27.

ВВЕДЕНИЕ

I

Из вопросов синтаксиса русского языка мы избрали для исследования область синтаксиса разговорной речи. Разговорная речь является по своей природе диалогической и протекает в условиях, при которых в качестве фактора, определяющего характер речевой структуры, значительную роль играет реальная, окружающая говорящих обстановка (присутствие тех или иных людей, наличие тех или иных предметов, явлений, непосредственная реакция собеседника и т. п.). Разговорная речь противопоставляется так наз. книжной речи, которая в основе своей монологична и в отношении своей структуры лишь минимально зависит от непосредственной реакции слушателей или читателей, а также от окружающей говорящего или пишущего обстановки¹. С известными оговорками, которые вряд ли требуется здесь излагать, разговорная речь может быть отождествлена с речью устной, а книжная речь — с речью письменной (напомним лишь, что предлагаемое различие имеет в виду синтаксическое строение, а не лексику и тем более не фонетику и не морфологию).

Устная речь первична, именно она непосредственно возникла из прямой потребности человека сообщить что-то другому человеку, — сообщить с тем, чтобы и самому что-то услышать — узнать. Первоначальным, а в значительной мере и

¹ Л. В. Щерба писал: «...Монолог является в значительной мере искусственной языковой формой, и ...подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге. В диалоге куются новые слова, формы и обороты; к диалогу прежде всего приложено все то, что говорится о действии разных психологических и физиологических факторов, изменяющих язык, и человек, желающий изучить эти факторы, и должен обращаться к этой форме проявления языка» (Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915. Приложение, стр. 2).

дальнейшим — вплоть до нашего времени — содержанием устной речи преимущественно являлись и являются интересы данного момента, — конечно, в широком смысле этого слова. Таким образом, сюда относятся как диалог, состоящий из вопроса-ответа по поводу иногда самого мелкого житейского факта (например: «Где ты был?» — «В лесу»), так и знаменитая сцена приема чиновников Хлестаковым или не менее знаменитый судебный допрос Катюши Масловой. Само собой разумеется, что формы устной речи, по мере общего развития человеческого языка, изменяются, приемы ее становятся разнообразнее и сложнее, но все же она сохраняет при этом те характерные свои черты, которые вытекают из основной ее сущности, из прямого ее назначения — удовлетворять задачам непосредственного общения. Важнейшими такими чертами устной речи являются (в отношении синтаксического): разнообразие ритмомелодических приемов; связанная с этим слабая оформленность служебными словами связей между отдельными высказываниями; связанная с этим же нередко встречающаяся «разорванность» слов, образующих словосочетание, «пропуски» слов, «подразумеваемых» на основании контекста или оккужающей обстановки («неполные» предложения); повторения как дословные, так и варьированные, вызываемые обнаруживаемой во время речи необходимостью сделать сказанное слово ясным или прочнее внедрить его в сознание слушающего; употребление слов, не являющихся членами предложения (частиц, вводных слов, междометий)¹. Все эти черты могут, в той или иной мере, обуславливаться также эмоциями, нередко сопровождающими высказывание.

Письменная речь, имея много общих черт с речью устной, в то же время во многом от нее отличается. Это отличие вытекает из того, что та цель, ради которой человек прибегает к письменной форме речи, и те условия, в которых эта речь осуществляется, весьма существенно отличаются от цели и условий устного речевого общения. Можно сказать почти без натяжки, что пишут не о том, о чем говорят, пишут, находясь в иных взаимоотношениях со своим партнером, чем когда говорят, а потому пишут не так, как говорят, или, что то же, говорят не так, как пишут. Пишут о более «важных» вещах, чем говорят. Даже тогда, когда пишут с целью тут же получить ответ (например, когда пишут запрос, письмо, записку и т. п.), написанный текст представляет собой нечто большее по размеру и более закончен-

¹ Подробно об устной диалогической речи см. в статье Л. П. Якубинского «О диалогической речи». «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы, I, СПб., 1923.

ное по содержанию, чем высказывания, произносимые во время беседы. Пишут обычно тому, кто отделен расстоянием, чья непосредственная реакция на высказываемое не проявляется во время обращения к нему: часто пишут коллективному адресату (например, читателям книг, журналов, газет и т. п.). Все это и многое, менее существенное, но все же своеобразное и важное, требует, чтобы письменная речь была максимально (насколько это возможно для пишущего) логически ясна и убедительна, чтобы излагаемое не давало поводов для недоумений и двусмысленностей и было по возможности доступно наибольшему числу предполагаемых читателей. Каждый пишущий в той или иной мере к этому стремится, для чего и использует существующие в сложившейся языковой системе специальные приемы, и в этом — своеобразные особенности письменной речи. Говорят обычно тому, кто находится в непосредственной близости к говорящему, чье отношение к высказываемому можно «прочитать на лице», т. е. установить тут же, во время речевого обмена; говорят чаще всего с одним или немногими собеседниками, образующими вместе с говорящим единый круг людей, принимающих участие в беседе на более или менее равных началах и потому являющихся одновременно и говорящими и слушающими. Всякое непонимание, обнаруживающееся во время устной беседы (и выражающееся в равной мере словами, мимикой, телодвижениями), обычно тут же компенсируется как прямым пояснением, так и повторением или заменой того отрезка речи, который оказался неясным, и т. п. А раз все это так, то и само высказывание, протекающее в таких условиях, не нуждается в тщательной отделке ни со стороны логической, ни со стороны синтаксической, ни даже со стороны лексической. Слушатель в условиях устного общения о многом может «догадаться», так как, во-первых, сама тематика беседы ему обычно хорошо знакома и близка, во-вторых о невыраженном, «недосказанном» лексически и синтаксически (имеются в виду так наз. собственно синтаксические средства, следовательно, не ритмомелодия) он может судить по ритмомелодическим приемам говорящего, в-третьих, о непонятном он может переспросить — словами, выражением лица и т. п.¹

¹ Говоря здесь об устном и письменном общении, мы не имеем в виду ораторских выступлений, устных докладов и отчетов и т. п. и тем более чтения вслух написанного или напечатанного текста. Точно так же не имеется в виду интимно-эпистолярная форма общения или краткие записки-вопросы, требующие немедленного ответа. Первые значительно ближе по своей природе к письменной, вторые — к устной разновидности речи, хотя полностью и во всех деталях с ними не совпадают.

Все сказанное однако не означает, что мы в нашей реальной повседневной практике имеем дело с описанными здесь видами речи в их чистой форме. Наоборот, чистой формы как устной, так и письменной речи мы, вероятно, не встречаем никогда. Реальными являются, в качестве крайних форм, речь, близкая к устной, и речь, близкая к письменной, а между ними располагается множество переходных, смешанных типов. И тем не менее это нисколько не мешает нам оперировать понятиями «устная» и «письменная» речь и рассматривать ту и другую со стороны их специфических особенностей¹.

Наиболее характерные виды разговорной, устной речи находим в речи диалектной. Диалектная речь в течение многих столетий представляла собой орудие общения людей, в громадном большинстве своем (в настоящее время это относится к самому старшему поколению) не владевших письмом, грамотностью. Диалектная речь, отчасти в силу этого последнего обстоятельства, в минимальной степени испытывала на себе влияние речи письменной и потому очень слабо, и во всяком случае не систематически, отражала и отражает некоторые специфические особенности письменной речи. Следовательно, все сказанное выше об особенностях устной речи должно находить и действительно находит яркое отражение в диалектной речи. И чем архаичнее говор, чем старше возрастом его носители, чем дальше они стоят от воздействующего на язык литературно-книжного влияния, тем больше оснований рассматривать синтаксические явления такого говора как типичные для устно-разговорной речи. Особенно это касается синтаксического строя, в частности — структуры предложения.

¹ Давая такую характеристику основных черт устной и письменной форм речи, сошлемся на высказывания лингвистов, затрагивавших данный вопрос. Приведем несколько цитат (учитывая при этом, что они принадлежат авторам, стоящим на идеалистических позициях и, следовательно, требующим критического к ним отношения).

«Nur in der gesprochenen Sprache kann ich beobachten, wie der Wechselverkehr von Sprechen und Hören vor sich geht, eine der allerwichtigsten Fragen der ganzen Sprachwissenschaft. In der Antwort auf die Frage wiederholt vielfach der Antwortende Verschiedenes aus der Frage nicht weil es ihm als Gehörtes schon geistig verschwebt» (Blüm. — Einführ., 85).

«Bei gesprochener Rede ist im allgemeinen die Ähnlichkeit der psychologischen Situation beim Sprechenden und Hörenden genügend gross, dass sie sich auch ohne Zuhilfenahme eindeutiger Korrelate verständigen können; das Verständnis verläuft eben empfindungsmässig, und sie können eventuell noch mehr als die empfindungsmässig, und sie können eventuell noch mehr als die Korrelate, sie können ganze Satzglieder und Sätze, und schliesslich die Rede überhaupt entbehren...» (Lerch — Hauptpr., I, 40).

Здесь уместно разъяснить, почему предметом исследования взят вопрос о строении предложения в говорах. Объясняется это тем, что характерными для синтаксиса разговорной речи, в отличие от книжно-письменной, являются главным образом (а может быть, даже исключительно) приемы построения предложения. Другая группа вопросов синтаксиса, которую можно было бы обозначить названием «структура словосочетания», не содержит ничего такого, что сколько-нибудь существенно отличало бы от литературно-книжного языка говоры как тип речи, в целом более близкий к разговорному языку. В самом деле, если в говорах мы находим, например, употребление существительных при некоторых глаголах или при некоторых предлогах не в тех надежных формах, что в книжно-литературной речи, или, например, признаки отмирания среднего рода, то это — явления, отличающие не разговорную речь от книжной, а диалектную речь от литературной — как устной, так и письменной. А изучение этого круга вопросов не входит в нашу задачу.

Конечно, в настоящее время, когда культура проникает даже в самые отдаленные углы нашей страны, когда следы влияния книжной речи в той или иной мере можно без особого труда обнаружить у каждого говорящего по-русски, уже нельзя говорить о живых носителях такой речи, которую можно было бы полностью противопоставить литературному языку. Добиваться отыскания таких носителей беспредельно. Но пройдет еще несколько десятилетий, и уже нельзя будет говорить не только о противопоставлении, но даже и о существенных различиях между речью диалектной и литературной. Вот почему нужно торопиться изучать диалектную речь с самых различных сторон ее, и с синтаксической стороны в особенности.

Между тем синтаксический строй русских говоров совершенно не изучен. Это можно утверждать без всяких оговорок. В нашей, довольно богатой диалектологической литературе нет ни одной работы (если не считать единичных, очень небольших, статей, скорее, заметок), посвященной специально синтаксису говоров. Только в очень немногих описаниях отдельных говоров можно найти сведения, характеризующие их синтаксическую сторону. Примером подобных работ можно считать статьи Мансики об отдельных говорах б. Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний¹, Будде —

¹ В. Мансикка. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губ. Изв. ОРЯС ИАН, XVII, кн. 2, 1912; его же. Заметки о говоре Никольского уезда. Изв. ОРЯС ИАН, т. XIX, кн. 4, 1914; его же. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. Изв. ОРЯС ИАН, т. XIX, кн. 4, 1914.

о говорах б. Рязанской, Тульской и Орловской губерний¹, Петровской — о говорах с. Матыр Рязанской губ.², Еремина — об уломском и ваучском говорах б. Новгородской губ.³ В лучших общих монографических работах по диалектологии (Шахматова, Дурново, Селищева, Аванесова, Кузнецова) мы либо не находим вовсе синтаксических сведений, либо находим очень немногие краткие замечания об отдельных явлениях, преимущественно о типах словосочетаний, в частности — об употреблении предлогов и о формах согласования. Почти совершенно не обращалось внимания на строение предложения, на порядок слов в нем, на формы, которыми выражаются члены предложения, и мн. др. Такое отсутствие внимания к синтаксической стороне диалектной речи объясняется, несомненно, тем, что явления синтаксиса более или менее общи либо у всех, либо у значительных групп говоров. Для установления возможно большего количества типов говоров и их особенностей, конечно, всего показательнее и важнее не синтаксис, а лексика, фонетика и, далее, морфология (в особенности если иметь в виду синтаксис в том традиционном его понимании, которого придерживались до сих пор подавляющее большинство лингвистов)⁴. Но для тех лингвистов, которые смотрят на диалектологию как на составную часть истории языка (а эта точка зрения сделалась уже гос-

¹ Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследования и словарь. СПб., 1904 (отд. оттиск из Сб. ОРЯС ИАН, т. XXVI); его же. О народных говорах Тульской губернии. СПб., 1898 (отд. оттиск из Сб. ОРЯС ИАН, т. III, кн. 4, 1898); его же. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанских говоров. РФВ, № 2—3, 1892.

² Ю. В. Петровская. К диалектологии рязанских говоров. села Матыр Зарайского уезда. Сб. ОРЯС ИАН, т. XCIX, № 6, 1922.

³ С. А. Еремин. Описание уломского и ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губернии. Сб. ОРЯС ИАН, т. XCIX, № 5, 1923. < 1922

⁴ Такой крупный и разносторонний лингвист, как В. А. Богородицкий, считал, что описать говор — это значит дать обзор фонетических и морфологических явлений — и только. В своей статье «Казанская лингвистическая школа», в главе «От говора дер. Белой к диалектологическим изучениям» («Труды Московского института истории, философии и литературы», т. V, М., 1939, стр. 265—294), он пишет о том, что им изучались фонетические явления в говорах, и добавляет: «Недостает обзора форм склонения и спряжения». Синтаксис даже не упоминается. А вот другой пример, свидетельствующий о невнимании диалектологов к синтаксису. К. Филатов в своем «Очерке народных говоров Воронежской губ.» откровенно признается: «О синтаксических особенностях воронежских говоров много говорить не приходится ввиду того, что при знакомстве с народными говорами Воронежской губ. эту их особенность мы упустили из виду (разрядка наша. — А. Ш.). и потому теперь придется ограничиться теми немногими фактами, которые, так сказать, сами напросились, незаметно для нас вошли в собранный материал» (РФВ, 1908, № 1—2).

подствующей), синтаксический строй говора не может быть безразличен, так как: 1) в синтаксисе мы находим сплошь и рядом чистые реликты весьма далеких эпох жизни языка, 2) мы часто наблюдаем, в качестве способов выражения тех или иных синтаксических отношений, такие ритмомелодические фигуры, которые не могут не иметь значения для фонетики, а через нее и для морфологии данного говора. Вместе с тем изучение синтаксиса говоров важно в качестве введения в синтаксис языка в целом, в частности — в синтаксис литературного языка.

Следует иметь в виду, что синтаксические явления в говорах (как в этом можно будет убедиться далее, при рассмотрении конкретного материала) значительно разнообразнее, чем в книжной речи, где речевой штамп (в частности и в особенности — синтаксический) играет очень заметную роль, а в некоторых жанрах (например, в так наз. деловой речи) в известной мере неизбежен. Поэтому изучение синтаксиса говоров нередко проливает свет на многие явления синтаксиса книжной речи, представляющие собой в ряде случаев первоначальные конструкции живой речи, позднее преобразованные под влиянием специфических задач письменного общения, в частности — в интересах усиления и обогащения выразительных средств языка художественной литературы.

Изучать народные говоры можно, как известно, в разных аспектах. В частности, можно изучать либо один какой-нибудь слой говора (например, старшего поколения, среднего поколения, младшего поколения), либо все слои, сравнивая их между собой и наблюдая изменения, происходящие в говоре при переходе от поколения к поколению. Изучение второго рода необходимо, между прочим, для того, чтобы проследить процесс постепенного разрушения говоров и приближения их к единому общенациональному языку. Наша задача иная: нас интересуют самые старые по возрасту носители говора, притом такие, которые в силу условий главным образом дореволюционного быта меньше всего испытали на себе воздействие со стороны литературного языка. Такие люди, по понятным причинам, чаще встречаются в местностях, удаленных от железных дорог, от административных центров. Это большей частью женщины-старухи, обычно неграмотные, к тому же такие, которые прожили свой век в своем селении и, главное, не жилали подолгу в городах. Естественно, что и тематика их разговоров ближе к повседневным интересам их круга. Вот почему в речи этих людей можно нередко отыскать — конечно, с большими оговорками — истоки тех синтаксических явле-

ний и фактов, которые мы находим в устно-разговорном слое современного литературного языка.

II

Материалом для изучения синтаксического строя русских говоров могли бы быть многочисленные записи, сделанные лицами, изучавшими и изучающими говоры, а также фольклорные записи, количество которых чрезвычайно велико. Однако записи как того, так и другого рода не могут служить вполне надежным и основным источником для синтаксической характеристики говоров. Причины этого заключаются в следующем:

1) Те материалы, которые специально собраны в качестве ответов на вопросы по синтаксическому разделу различных диалектологических программ, хотя и многочисленны, но чрезвычайно однообразны и ограничены: вопросы (а следовательно, и ответы) совершенно не касаются строения предложения, порядка слов, способов связи между предложениями и т. д.

2) Среди вопросов (а потому и среди ответов) немало таких, которые вообще никакого отношения к синтаксису не имеют¹. Так, например, синтаксическими явлениями в программах упомянутого рода считаются: употребление *ночь* в значении «ночью», *вечёр* в значении «этот вечер», *греховодный* в значении «грешный»², *часто* в значении «зачастую»³, *малый* в значении «мальчик» и «взрослый мужчина»⁴, *молодёжник* в значении «молодые люди обоего пола»⁵, *кони* в значении «лошади»⁶ и т. п. В числе синтаксических явлений приводятся также: употребление эпитетов как неотделимых от понятия частей (*на Волги-ряке*, *Питяр-харадок* и т. п.), «частое употребление имен ласкательных и уменьшительных, иногда не вызываемое необходимостью, т. е. независимо от грамматического значения этих имен» (*абивалась мая сердьечья, адин*

¹ Новая «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», составленная Институтом русского языка Академии наук СССР в 1945 г., свободна от указанных недостатков. Но в ней синтаксический раздел крайне скуден и разработан значительно слабее других разделов. Материалы, которые собраны по этой программе, частично нами использованы.

² «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. VIII, 1903 (Симб. губ., Корсунский у.).

³ Там же (Вятск. губ., Нолинский у.).

⁴ Там же (Тульск. губ., Новосильский у.).

⁵ «Материалы...», вып. IX, 1910 (Арх. губ.).

⁶ Там же.

нонишний *надок* и т. п.)¹. То же находим и в более поздних работах, например в описании говора дер. Савкино Пушкинского района Псковского округа К. А. Иеропольского², где в качестве синтаксических явлений приводятся такие: «Наблюдается обилие слов с ласкательными и уменьшительными суффиксами: *малюхатный* (маленький), *никалишенъки* (никогда), *николиньки* (нисколько)»; «Для обозначения единичности, соединяемой иногда с оттенком уважения к предмету, слова употребляются с суффиксом *-ина*: *лесина, дирявина, паласина...*»; «Время очень часто определяется так: *при баярах* (т. е. во время крепостного права), ...*при Никалашки* (т. е. при Николае II). Время дня определяется так: *да пирягватки* (до завтрака), *да абеда...*; удивление выражается междометием: *еф, дивья, никак ты, ня уи?*»

3) В тех случаях, когда изучавшие говор делали записи связной речи, не всегда имело место точное воспроизведение сказанного: часто не соблюдался подлинный порядок слов, обычно не обозначалось ударение в словах, опускались некоторые слова, в особенности частицы, может быть, опускались даже какие-нибудь части предложения, в результате чего записанная речь выходила более «гладкой», более «правильной», чем она была на самом деле. Да это и понятно, если принять во внимание, что записывавшие ни в какой мере не ставили своей целью изучение синтаксического строя речи, а имели в виду показать лишь лексику, фонетику и морфологию.

4) Что касается фольклорных записей, то, не говоря уже о том, что они вообще делались и делаются не с лингвистическими целями и потому не всегда гарантируют текстуальную точность, самый материал фольклора представляет собой с синтаксической стороны нечто типизировавшееся, отстоявшееся в форме определенных, переходящих из уст в уста готовых конструкций и потому имеет для синтаксиса живой речи весьма относительную ценность. Несомненно, что фольклорный текст дает представление о некоторых явлениях диалектного синтаксиса, но не нужно забывать того, что в силу большой подвижности фольклорных сюжетов и самых текстов последние могут совмещать в себе весьма разнохарактерные языковые явления (особенно это относится к лексике и синтаксису), не являясь в силу этого образцом какой-либо определенной, единой системы.

Вот что писал по этому вопросу Л. В. Щерба: «Давно известно, что показательным для данного состояния языка

¹ К. Филатов. Очерки народных говоров Воронежской губ., РФВ, 1908, № 1—2.

² Изв. ОРЯС ИАН, т. III, кн. 2, Л., 1930, стр. 592—593.

могут быть только прозаические тексты, и то лишь в том случае, если они являются по форме свободным творчеством лиц, от которых они записаны»¹ (разрядка наша. — А. Ш.). И дальше: «эти тексты (ритмические, в большинстве — песни. — А. Ш.) являются наилучшим доказательством того, что песни ни в коем случае (разрядка автора. — А. Ш.) не могут служить диалектологическим материалом в строгом смысле этого слова»².

А вот что писал о былинах М. Н. Сперанский: «Если мы говорим об относительной близости стиля и вообще формальных особенностей речи былины к современному народному говору, в то же время говорить о тождестве языка современной записи былины с этим говором мы не можем: в нем есть целый ряд своеобразных черт, в современной живой народной речи не находимых, хотя и понятных...»³ Он же отмечал и другое явление, имеющее существенное значение для изучающих грамматический строй былинной речи: «...Прежние собиратели, даже такие, как П. Н. Рыбников или А. Ф. Гильфердинг, считали для себя возможным, издавая свои записи... приближать былинную своеобразную речь к уровню живой речи современного им общества, причем одни это делали с большей, другие с меньшей осторожностью...»⁴

Об отличиях песенной речи от обыкновенной разговорной диалектной читаем у Н. Н. Дурново: «Благодаря условиям ритма и другим песни содержат много архаизмов, неизвестных уже разговорному языку; песни, занесенные из другой местности, могут заключать в себе черты другого говора, которые долго не сглаживаются, находя поддержку себе в ритме и других условиях пения»⁵.

Все изложенные выше соображения побудили нас, раньше чем приступить к выполнению поставленной задачи, заняться собиранием материала непосредственно из уст носителей русских говоров. С этой целью мы в течение трех лет подряд (1938, 1939, 1940 гг.) совершали поездки в деревню, производя на месте записи разнообразных (и по содержанию и по размеру) отрезков устной речи. Записи производились либо нами единолично, либо совместно со студентами — нашими учениками, либо (реже) одними студентами (группами по два-три

¹ Л. В. Щербя. Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915. Приложение, стр. 3.

² Там же. Приложение, стр. 5.

³ Русская устная словесность, т. I. Былины. Под ред., с вводными статьями и примеч. М. Н. Сперанского. М., 1916. Статья «Былинная речь».

⁴ Там же.

⁵ Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии. Варшава, 1903.

человека), если они по своим способностям и благодаря приобретенному навыку заслуживали доверия. Сделанные записи в тот же день проверялись (если они делались группой, то проверке помогало сопоставление параллельных записей). Записи, почему-либо возбуждавшие сомнение, подвергались вторичной проверке, и если проверка не давала твердых данных, то такие записи исключались из картотеки. Нами были изучены в синтаксическом отношении два северновеликорусских говора — Никольского района Вологодской области (1938) и Приозерного района Архангельской области (1940) и один южновеликорусский говор — Спасского района Рязанской области (1939). Материал первых двух говоров представляет собою около 2800 записей, материал третьего говора — около 2200 записей. Под записью следует понимать отрезок речи, без пропусков, записанный в один прием; в отдельных случаях запись содержит только одно словосочетание, в других — одно предложение, в третьих — сочетание двух или нескольких предложений, следовавших одно за другим и объединенных тематически. Поскольку записывалась живая речь, воспринимавшаяся на слух, в записях большей частью поставлены знаки препинания, соответствующие тому членению текста и тем взаимоотношениям между частями текста, которые фиксировались во время слушания и записывания. Обозначение пауз, равно как и интонации, несмотря на чрезвычайную важность этой стороны речи, производилось только в особых случаях, так как систематическое фиксирование ритмомелодии потребовало бы особого напряжения внимания и во много раз замедлило бы процесс записывания (к тому же обозначение интонации речи на слух условными графическими приемами может дать очень немного показателей и не является достаточно точным).

Таким образом, основным и наиболее надежным материалом, на котором строится данная работа, являются собственные записи за период 1938—1940 гг. Но наряду с ними нами используется также и материал, извлеченный из печатных изданий, начиная с сороковых годов прошлого века, в той мере, в какой он представляется нам доброкачественным с точки зрения отражения в нем синтаксического строя речи. Лучшими в данном отношении являются записи Е. Ф. Будде, В. И. Чернышева, Ю. В. Петровской, С. А. Еремина (к сожалению, немногочисленные), В. Мансикки, Н. П. Гринковой; более однообразны по характеру и не всегда надежны ответы на вопросы по различным программам. Использованы также непечатанные материалы, хранящиеся в архивах Всесоюзного географического общества, словарного отдела Института языкознания Академии наук СССР, рукописного отдела библиотеки Академии наук СССР, а также записи, произведенные за

последние 7—8 лет участниками диалектологических экспедиций ряда педагогических институтов (Ленинградского им. Герцена, Московского городского, Калининского, Куйбышевского, Чкаловского и др.) и хранящиеся в архиве Института языкознания Академии наук СССР.

Наряду с материалом современных говоров нами сделаны наблюдения, с целью отыскания синтаксических параллелей, над языком ряда памятников древнерусского языка. Памятники взяты оригинальные (не переводные) и большей частью такие, которые в максимально возможной степени отражают стихию живой, нестилизованной речи (исторические, юридические, повествовательно-бытовые). Вопрос о правомерности экскурсов в памятники прежних эпох, полагаем, не может вызывать сомнений со стороны тех, кто считает, что в говорах сохранились и продолжают еще сохраняться — в различной мере — явления из пройденных языком исторических этапов. Наконец, использован частично также фольклорный материал для иллюстрации синтаксических явлений, получивших широкое распространение в народных говорах (преимущественно северновеликорусских).

III

Что же именно составляет содержание данной работы и на каких теоретических основах она строится?

Мы ставим себе целью дать описание всех наиболее существенных явлений, относящихся к структуре предложения, которые оказались в поле нашего зрения. Мы отмечаем при этом случаи, когда то или иное явление широко распространено (если оно не имеет всеобщего значения, а бывает наряду с другими явлениями того же рода) и когда оно, наоборот, представляется малораспространенным или даже редким. Намечающихся в говоре тенденций распространения или, наоборот, исчезновения тех или иных явлений мы не изучали, так как нами исследовалась, как уже сказано, речь лишь старшего поколения, а кроме того, изучение динамики говоров вообще не входит в нашу задачу¹. В тех случаях, когда син-

¹ Следует однако заметить, что и при статическом изучении явлений языка, поскольку оно выявляет случаи колебаний и неопределенности, можно ставить по отношению к отдельным фактам вопрос о ходе развития тех или иных явлений. По этому поводу нельзя не вспомнить сказанного Л. В. Щербой в его «Некоторых выводах», приложенных к «Востоchnoлужичскому наречию» (кстати сказать, также имевшему, по заявлению автора, своей главной задачей всестороннее описание говора): «Здесь (в области форм.— А. Ш.), как и везде в языке (в фонетике, в грамматике и в словаре), надо помнить, что ясны лишь крайние слу-

таксические явления свойственны различным изученным нами группам говоров, это особо не оговаривается, но ясно само собой из того, что приводятся примеры как из северновеликорусских, так и из южновеликорусских говоров (обычно без дальнейшей дифференциации)¹. Если же какие-нибудь явления присущи лишь части говоров, это всякий раз отмечается, причем указывается лишь, что данное явление встречается в северновеликорусских либо в южновеликорусских говорах, а уже самые приводимые примеры показывают, в каких именно отдельных говорах соответствующее явление наблюдается².

Но описание строения предложения в говорах не является единственной и самодовлеющей целью данной работы. На фоне описываемых фактов мы стараемся дать истолкование тех из них, которые представляются нам специфическими в первую очередь с точки зрения особой природы устной разговорной речи, а кроме того, с точки зрения своеобразных черт диалектной речи в отличие от речи общелитературной.

Таким образом, в работе ставится ряд теоретико-синтаксических проблем и делается попытка их разрешения на основе изученного материала. К числу наиболее важных из этих проблем относятся:

1. Вопрос о природе бессоюзного паратактического сочетания предложений в «сложное целое», являющегося наиболее распространенной и характерной конструкцией разговорной речи, и о способах выражения отношений между предложениями, образующими такое «сложное целое». Формы паратакти-

чая. Промежуточные же в самом первоисточнике — в сознании говорящих — оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвиста, так как здесь именно подготовляются те факты, которые потом фигурируют в исторических грамматиках, иначе говоря, т. к. здесь мы присутствуем при эволюции языка» (Л. Щерба. Некоторые выводы..., п. 7).

¹ Так наз. средневеликорусские говоры условно отнесены нами к южновеликорусским, так как имеющийся в нашем распоряжении материал не дает никаких оснований для выделения их, с точки зрения синтаксической, в особую группу, а, наоборот, объединяет те и другие многими общими чертами, отличающими их от говоров северновеликорусских.

² Во избежание недоразумений еще раз оговариваем, что, поскольку в нашем распоряжении имелся хотя и обильный, но все же далеко не исчерпывающий материал, не все явления из области структуры предложения, встречающиеся в русских говорах, изучены и описаны в данной работе. Точно так же возможно, что некоторые из явлений, представленные здесь как редкие, на самом деле в говорах, еще не изученных, встречаются часто. Данная работа, являющаяся первым опытом систематического описания строя предложения в русских говорах, понятно, ни в какой мере не может претендовать на полноту разрешения поставленной задачи.

очень слабо разработаны в синтаксисе литературного языка: при исследовании этого вида связи внимание обычно уделяется главным образом так наз. сочинительным союзам (хотя и при наличии союзов отношения между предложениями выражаются еще и некоторыми другими показателями, из которых очень видную роль играет ритмомелодия); при бессоюзном же партаксисе средства выражения отношений между предложениями остаются невыясненными. Между тем, как показывают наблюдения над устной разговорной речью, и диалектной речью в особенности, при бессоюзии решающую роль играют, наряду с ритмомелодией и, в некоторых случаях, наряду с порядком предложений, еще и другие факторы: морфологический и даже лексический «параллелизм», лексические противопоставления соединяемых предложений и нек. др. Рассмотрение этих факторов подводит вплотную к общему вопросу о взаимосвязи между лексической и грамматической сторонами языка, — вопросу, которому также до сих пор не уделялось никакого внимания, но без уяснения которого многие грамматические вопросы не могут быть до конца разрешены¹. В настоящей работе все эти вопросы поставлены и в известной степени решаются.

2. Вопрос о способах выражения частных видов гипотактического отношения между предложениями. Речь идет как о гипотаксисе, выраженном посредством так наз. подчинительных союзов и относительных слов, так и о гипотаксисе бессоюзном. И этот вопрос также весьма скудно исследован в нашей литературе (несколько лучше обстоит дело с подчинением посредством относительных слов, но и здесь — применительно к русскому языку — сделано весьма мало)². Что касается гипотаксиса бессоюзного, то, как известно, многими отрицается самая возможность его. В нашей работе подвергается рассмотрению как та, так и другая точка зрения, и вопрос решается в пользу возможности бессоюзного гипотаксиса. Далее идет вопрос о характере значения союзов (не только, впрочем, подчинительных, но и сочинительных), именно о действительной или мнимой многозначности некоторых союзов, и приводятся доказательства в пользу того, что союз обладает лишь одним значением, отдельные частные оттенки которого могут обнару-

¹ Интересные наблюдения в области взаимоотношений между лексикой и грамматикой (применительно к структуре отдельного слова) делает В. В. Виноградов в книге «Русский язык» (М., 1947), раздел «Введение в грамматическое учение о слове».

² Основной работой общего характера в данной области до сих пор остается диссертация Ф. Е. Корша «Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса». М., *1937. Есть высказывания по вопросам, связанным с относительным подчинением, у Потебни («Из записок по русской грамматике»).

живаться лишь в различных контекстовых условиях. Почти не затронут до сих пор в литературе вопрос о множественности и разнородности факторов, участвующих одновременно в создании того или иного вида подчинительного отношения между предложениями — о роли каждого из этих факторов в отдельности и их возможных сочетаний. К числу таких факторов, наряду с «общепризнанными» (союзы, относительные слова), принадлежат: порядок соединяемых предложений, соотношение их «ритмомелодических рисунков», соотношение форм, которыми выражены отдельные члены в соединяемых предложениях (чаще сказуемые); наконец, что весьма важно, но до сих пор почти не привлекало внимания исследователей, — это характер лексических значений тех членов соединяемых предложений, которые играют роль опорных пунктов «сложного целого», образуемого в результате соединения простых предложений. Здесь собственно синтаксическая сторона строения предложения входит в соприкосновение с областью лексики, и исследователь оказывается перед проблемой взаимодействия этих двух различных, но вместе с тем нередко органически переплетающихся языковых областей. Как ни нова и ни сложна эта проблема, уклоняться от ее рассмотрения нет никаких оснований, тем более, что на материале разговорной речи разработка ее обещает дать более интересные результаты, нежели на материале речи письменно-книжной. Разработке этого вопроса в настоящей работе уделено много внимания.

3. Вопрос о двусоставных несогласованных предложениях. Этот вопрос, как известно, подробно рассмотрен Шахматовым в его «Синтаксисе русского языка». Однако неучет Шахматовым характера форм главных членов с точки зрения возможности и невозможности согласования приводит к значительному расширению категории случаев несогласованности сказуемого с подлежащим. В данной работе, на основе критического разбора точки зрения Шахматова, устанавливается различие между случаями несогласованности и несогласуемости и дается полный перечень типов «подлинной» несогласованности сказуемого с подлежащим. Заодно с этим проводится более отчетливая граница между несогласованными двусоставными предложениями и односоставными безличными предложениями.

4. Вопрос о широко распространенных в диалектной речи особенностях в области согласования сказуемого с подлежащим. Здесь рассматривается употребление форм числа и рода сказуемого при подлежащем, обозначающем количественное понятие, форм числа при подлежащем, выраженном так наз. собирательным существительным, и нек. др., и устанавливаются определенные закономерности, в основе которых лежат такие факторы, как «одушевленность» и «неодушевленность» подле-

жащего, характер лексического значения глагола-сказуемого и нек. др. Данный вопрос не разработан в синтаксисе литературной речи, хотя и затрагивается некоторыми авторами (Потебней, Шахматовым), и вовсе еще не исследован применительно к речи диалектной.

5. Вопрос о предложениях с существительном-местоименной конструкцией, т. е. о таких, в которых на первом месте имя существительное, повторяемое в дальнейшей части предложения уже в виде местоимения, соответствующего этому существительному по значению. Значительное повышение тона на существительном и пауза, отделяющая его от дальнейшей части предложения, придают указанной структуре отчетливый и своеобразный характер предложения усложненного типа. Вопрос о таких предложениях, чрезвычайно характерных для разговорной речи, ставился в нашей литературе, но лишь попутно и в довольно ограниченных рамках¹. В данной работе рассматриваются все встретившиеся в говорах варианты этих предложений и высказываются соображения относительно языковой подосновы процесса, приведшего к их образованию.

6. Вопрос о порядке слов в предложении. И этот вопрос принадлежит к числу неисследованных, причем не изучена не только грамматическая роль порядка слов, но и соотношение того или иного типа словорасположения с различными типами предложений (двусоставных и односоставных, утвердительных и отрицательных, содержащих прямой вопрос и содержащих косвенный вопрос), с одной стороны, и с ритмомелодией предложения — с другой. Однако совсем обойти вопрос о порядке слов при исследовании строения предложения (и в особенности в диалектной речи) представляется недопустимым. Вот почему в данной работе этот вопрос поставлен, причем главное внимание уделяется методу исследования и описания наблюдаемых типов словорасположения и делаются лишь некоторые выводы предварительного и пока еще самого общего характера.

7. Вопрос об особенностях употребления некоторых служебных слов в северновеликорусских (а также в некоторых сибирских) говорах. Имеется в виду постановка соединительных союзов не перед связываемыми единицами речи (предложениями, однородными членами предложения), а после

¹ См. А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 3 и сл., гл. XXI. Автор, ссылаясь на то, что он часто слышал предложения такого типа в речи преподавателей, склонен называть им. падеж существительного, стоящего вначале, «лекторским». Знакомство с диалектной речью показывает, что эта конструкция имеет ряд вариантов и широко распространена во всех русских говорах.

них, а также постановка частиц в самом конце предложения независимо от того, какой из членов предложения выделяется или усиливается при помощи частицы. Эти явления, как оказывается, довольно устойчивые в ряде говоров, до сих пор не только не были объяснены в диалектологической литературе, но почти и не зафиксированы собирателями материала (лишнее доказательство того, как мало у нас обращали внимания на синтаксическую сторону говоров). Видимо, до полного истолкования этих особенностей еще далеко: необходимо прежде всего накопить фактический материал, разобраться в нем и затем уже искать объяснений установленных фактов. В данной работе собранный материал классифицируется и делаются некоторые предварительные над ним наблюдения. Возможно, что в дальнейшем для окончательного решения затронутого вопроса придется обратиться к синтаксису других языков, которые могли в данном случае оказать влияние на синтаксическую структуру предложения некоторых северновеликорусских говоров (например, к синтаксису языков финской группы).

8. Вопрос об употреблении частиц, вводных слов и вводных предложений, количество которых в говорах очень значительно. При этом возникает ряд частных вопросов: об общей функции частиц, вводных слов и вводных предложений в живой речи, о приемах введения их в предложение, о степени употребительности отдельных частиц, вводных слов и вводных предложений. Заодно возникает вопрос о разграничении частиц и союзов, с одной стороны, частиц и наречий — с другой, о разграничении вводных слов и вводных предложений. В работе рассмотрен и систематизирован обильный материал, освещающий этот большой и важный вопрос, и делается ряд теоретических обобщений и выводов, основанных на анализе этого материала.

Все указанные и некоторые менее важные вопросы, неодинаковые по своему удельному весу, но имеющие существенное значение для синтаксиса русского языка, ставятся и разрешаются в данной работе в той мере, в какой это позволяет сделать, с одной стороны, собранный к данному моменту материал, а с другой стороны — общее современное состояние разработки синтаксиса русского языка. Все это не может не обуславливать в очень значительной степени характер и темпы дальнейшей разработки проблем нашей науки.

Задача полного (по возможности) описания строя предложения в говорах выдвигает вопрос о системе, полагаемой в основу такого описания. Но что значит предопределить заранее систему для фактов, которые еще не изучены и даже во многом неизвестны? Если исходить целиком из какой-либо синтаксической теории, существующей в науке, то это означало

бы применить к материалам говорков синтаксические категории и понятия, установленные на основании изучения книжно-литературного языка (так как именно этот язык систематически изучался до сих пор синтаксистами). А это не привело бы к действительному познанию того, что есть в говорах, так как различие между книжно-литературным языком и говорами резче всего проявляется именно в их синтаксическом строе. А раз это так, то нельзя навязывать говорам никаких готовых схем, а, наоборот, нужно искать только то, что в них действительно есть. Означает ли это однако, что к синтаксическому строю наших говоров следует подходить так, как мы подошли бы к совершенно новому для нас, неизвестному языку, о котором знаем только то, что он обладает определенным словарным составом, но не знаем, как сочетаются в нем слова в предложении, о котором мы знаем, что в нем есть предложение (так как без предложений невозможно общение посредством языка), но совершенно не представляем себе ни типов, ни структуры предложений и т. д.? Полагаем, что в данном случае подход должен быть не совсем такой, так как уже первое непосредственное знакомство с говорами с несомненностью подсказывает нам, что в них, как и в литературном языке, слова объединяются в словосочетания и что способы сочетания слов здесь в основном такие же, как и в литературном языке; что в говорах типы и структура предложений в основном такие же, как и в литературном языке, и т. д. Таким образом, нужно, принимаясь за изучение синтаксического строя русских говоров, исходить из какого-то, по возможности минимального, количества наиболее общих, установленных для литературного языка категорий, наличие которых в говорах не вызывает сомнений, и далее, на основе этого подвергнуть тщательному просмотру все остальное, ничего не предпринимая заранее. Вопрос о пределах того минимума исходных синтаксических категорий, о котором идет речь, конечно, также может быть спорным, но мы не считаем нужным на этом останавливаться, так как не придаем здесь этому вопросу принципиального значения.

Здесь же постараемся ответить и на другой вопрос общего характера — может ли предпринятое нами описание дать представление о системе строения предложения в говорах? Иначе говоря, можно ли на основании этого описания узнать, в каких взаимоотношениях находятся отдельные явления, образующие в своей совокупности тот или иной раздел строения предложения (например, как соотносятся друг с другом различные способы выражения сказуемого или связывания однородных членов), и какие вообще закономерности действуют в этой области? На этот вопрос мы должны ответить отрицательно. Дело здесь

не в недооценке важности изображения системы и еще менее — в нежелании это сделать, а в том, что самый характер работы, как она задумана и выполнена, исключает такую возможность. Искать систему, лежащую в основе той или иной стороны какого-нибудь явления (и в частности — языка, например, в фонетике, морфологии, синтаксисе), возможно лишь тогда, когда изучается что-либо цельное и внутренне единое. Можно искать и установить систему (фонетическую, или морфологическую, или синтаксическую) одного говора или одной группы весьма близких между собой говоров, так как в данном случае мы имеем дело с рядом взаимодействующих и противопоставленных друг другу фактов. Но когда описываются явления из области многих говоров, в основе которых лежат подчас различные структурные принципы, попытка установить единую систему, охватывающую хотя бы наиболее существенные частные явления, заранее обречена на неудачу. Хотя в области синтаксического строения русские говоры различаются между собою значительно меньше, чем в других областях (фонетика, морфология, лексика), все же полагать, что они представляют собою законченное синтаксическое единство, было бы совершенно неосновательно. Быть может, если бы мы располагали достаточно большим количеством описаний синтаксических систем ряда отдельных говоров, следовало бы поставить вопрос об отыскании в этих говорах, взятых в их совокупности, каких-то общих, объединяющих их в одно целое синтаксических черт. Но таких описаний у нас еще нет, а следовательно, ставить перед собой подобную задачу в настоящее время во всяком случае преждевременно.

IV

Выше уже было сказано о том совершенно неудовлетворительном состоянии, в каком находится у нас изучение синтаксических явлений в говорах. Если еще можно говорить о наличии некоторого количества сырого материала, иллюстрирующего отдельные синтаксические явления, то о каких-либо более или менее законченных синтаксических характеристиках говоров (в целом или хотя бы отдельных сторон) говорить вовсе не приходится. В частности, структуре предложения в говорах внимания вовсе не уделялось, если не считать единичных, большей частью попутных и очень общих замечаний. Замечания эти касаются то логико-психологической основы речи в целом и предложения в частности и, соответственно, формального строя предложения, то ритмомелодической стороны высказывания, иногда отражающейся на фонетике говора. Вот примеры таких высказываний:

«Женщины и дети почти никогда не вырабатывают даже удовлетворительно порядочного разговора, но постоянно вносят в речь свою крайнюю смесь всякого рода форм и, что наиболее плохо, — ничуть не наблюдают за последовательностью мысли, позволяя себе то забегание вперед, то бессвязность, то отсутствие существенных дат для правильных толковых умозаключений. Нет никакой возможности ввести в какие-либо определенные рубрики формы крестьянского разговора в области своеобразного способа сочетания предложений, сочетания периодов и т. п., где не только последовательная связь даже очень многих высказанных мыслей сплошь и рядом бывает еле изъяснима и едва понятна, — но также отдельно взятые предложения часто отступают от всяких правил сколько-нибудь удовлетворительного или хоть терпимого лишь порядка. Например, вместо того, чтобы сказать: «Матушка! Теперь светло: надо лампу погасить!» можно услышать: «Матушка! Лампу... светло... загасить!»¹ Ясно, что в этой характеристике нет ни малейшей попытки осмыслить и объяснить данный характер синтаксической структуры диалектной речи.

«... В описываемом говоре для них (речь идет о предложениях с невыраженными главными членами. — А. III.) характерна ширина и стойкость ассоциации с возникавшими ранее представлениями и расчет на большую подвижность и богатство памяти слушателя, чем те, которые требуются языком литературным»². Это верное замечание высказано в общей форме, между тем как затрагиваемое явление заслуживает самого серьезного и глубокого освещения.

«Говор прерывистый, рубленая речь, как в Вятской губернии»³.

«Говор несколько певучий, у женщин больше». «Говор протяжный, певучий»⁴.

«Говорят медленно, не торопясь»⁵.

«Когда женщины о чем-либо рассказывают, то слова несколько растягивают, и они [слова] приобретают какую-то слащавость, особенно слова, означающие качество, напр. хорошая, худая, работающая, домовитая, молочная»⁶.

¹ А. Грандильевский. Родина Михаила Ломоносова. Областной крестьянский говор. Сб. ОРЯС, т. XXXIII, № 5, 1907.

² Ю. В. Петровская. К диалектологии рязанских говоров. Говор села Матыр Зарайского уезда. Сб. ОРЯС, т. XCIХ, № 6, 1922.

³ Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследования и словарь. СПб., 1904.

⁴ О говоре Никольского уезда Вологодской губ. Сб. ОРЯС ИАН, т. XXX, № 5, 1910.

⁵ О говоре Камышловского уезда Пермской губ. «Материалы...», вып. IX, 1910.

⁶ О говоре Тотемского уезда Вологодской губ. Сб. ОРЯС ИАН, XXXVII, № 5, 1910.

«Наблюдается удлинение речи посредством вставки в слова лишних звуков в довольно значительном количестве»¹.

«Произношение отрывистое, скорое. Крестьяне говорят небольшими короткими предложениями. В отдельных починках эта краткость доходит иногда до того, что трудно даже понимать их речь»².

А вот интересная, но опять-таки чисто внешняя характеристика ритмомелодической стороны одной группы говоров, данная весьма серьезным исследователем: «Что меня поразило, так это особая тоника говора. От самого спокойного повествовательного рассказа веет какой-то строгостью, порой грубостью, с оттенком сердитого ругательства. Я объехал довольно много деревень края, и это общее впечатление сердитости речи меня не покидало, а все более укреплялось и особенно по направлению к северной границе мною обследованной местности, к деревне Верховью, где бранный, прямо-таки страшный характер речи крестьян поразителен»³.

Мы воздерживаемся в своей работе от исчерпывающей формулировки понятия предложения, так как ни одно из существующих в лингвистической литературе определений нам не кажется вполне удовлетворительным. Полагаем однако, что неразрешенность этого вопроса, относящегося к области общего языковедения, не имеет для данной работы решающего значения. Говоря о предложении, мы будем понимать под ним такой отрезок речевого текста (в данном случае устного), который, состоя минимально из одного слова, в ритмомелодическом отношении составляет единое целое, противостоящее другим таким же речевым отрезкам, и характеризуется полной отделенностью посредством пауз от предшествующей и последующей частей текста. Такой речевой отрезок в большинстве случаев представляет собою грамматическую форму выражения суждения. Нам кажется, что сказанного достаточно для того, чтобы практически различать, имеем ли мы дело с одним предложением или с несколькими, с целым предложением или с его частью.

Для удобства описания строения предложения в говорах мы принимаем, как основанное на реальном положении вещей в русском языке (и во многих других языках), предложенное А. А. Шахматовым деление предложений на односоставные и двусоставные и некоторые связанные с этой схемой употребляемые

¹ М. К. Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора. Сб. ОРЯС ИАН, XXXVII, № 5, 1910.

² Н. Добротворский. Особенности русского наречия в Орловском уезде Вятской губ. (небольшой словарь), ВГО, 42—X.

³ С. А. Еремин. Описание уломского и ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губернии. Сб. ОРЯС ИАН, XCIX, № 6, 1922.

им же синтаксические термины (главные и второстепенные члены предложения, бесподлежащие предложения, бессказуемые предложения и нек. др.)¹. Вообще же мы пользуемся общеупотребительной синтаксической терминологией, стараясь избегать вовсе употребления терминов там, где без них можно обойтись. В очень немногих случаях, когда это крайне необходимо, мы вводим новые термины, конечно, разъясняя их содержание (например, сложное сказуемое). Описываемые в работе явления мы стараемся иллюстрировать возможно большим количеством разнообразных примеров (всего иллюстративного материала, имеющегося в нашем распоряжении, мы, к сожалению не могли ввести в работу).

¹ См. его «Синтаксис русского языка», вып. 1. Учение о предложении и словосочетаниях, изд. 2. М., 1941. Приблизительно такой же принцип классификации предложений находим у Блюмеля. Ср. его «Eingliederige Sätze», соответствующее шахматовским односоставным (Blüm. — Einführ.).

ОБЩИЕ ЯВЛЕНИЯ СТРОЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В устной разговорной речи, в особенности в диалектной, далеко не всегда возможно точно определить границы предложения, понимаемого так, как это нами формулировано выше. Объясняется это не только частым отсутствием таких признаков предложения, как наличие «главных членов», грамматическая связь между членами, последовательность между «простыми» предложениями, входящими в состав «сложного», наличие главного предложения в кругу придаточных и связывающих их союзов и относительных слов, но главным образом тем, что ритмомелодический рисунок, характеризующий предложение, не всегда достаточно отчетлив и выразителен.

Известно, что чем речь «разговорнее», тем она непосредственнее отражает процесс мысли, лежащей в основе высказывания. Такая речь, как правило, паратактична. Наименее устойчивы в ней приемы объединения отдельных простых предложений в сложные, а также, нередко, и приемы связывания слов в словосочетания¹. Очень часто решающая роль принадлежит при этом ритмомелодии. Однако эта сторона речи еще совершенно не исследована, не установлены даже более или менее устойчивые приемы ее изучения².

hervorstehende

¹ В своей известной работе о латинской разговорной речи Т. В. Hofmann говорит: «Das hervorstehende Merkmal der Umgangssprache gegenüber der schriftsprachlichen Fügung ist ihre Abneigung gegen die Unterordnung durch Nebensätze jeder Art und ihre Verliebe für lockere partikellose Beiordnung» (Hofm. — L. U., 105).

² Das wesentliche Kennzeichen der umgangssprachlichen Satzbildung ist die Lockerung der Satzglieder und die Auflösung des logisch geschlossenen Satzes in embryonale Kurzsätze mit eigener affektischer Betonung und Pausenbildung zwischen denselben. Dies stossweise ergänzende Zusammenfügung entspricht in erster Linie den Bedürfnissen des Schriftweise in Frage und Antwort dem Faden abwickelnden Dialogs; im monologischen Sprechen ist es eines der mechanisierten Dialogelemente, auf denen sich die ganze Umgangssprache aufbaut (Hofm. — L. U., 102).

Вот несколько примеров «неорганизованной» речи (из рассказа старика 70 лет):

Были помещики в селе Ворожеском, те крестьяне барский были, а мы не были барский, это наша была земля. Старик-то и рассказывали, три дни работали на барина, три дни дома, на волю вышли в шестьдесят третьем, от барина вывели их, к барину не ходить на роботу... (Калин. — Д. К., № 373).

Рукавицы ти связаны ис шерсти из овецей. Вот шерсть-ту остригут с офиц-то, оципают да опрядут, а тогда и рукавицы вяжут бабы. Это фсе бабья работа. А как ис кожи либо ис парусины сошיתי, дак это уж будут вирхоньки. Под вирхоньки одевают испотки, шчтобы рукам тиле было зимой, а то в одних то вирхоньках отморозиш пёрсты ти. Испотки тожи вяжут ис шерсти. Ну, а пирьц'атки, дак то уж таки, нитяни все боле. Живут же когды и шырстяны, да мало, все больше куплёны. В этих знац'ит каждой перст о себе (Арх. — Д. К., без №).

Треска с Мўрману, рису вывгарят, коровеѳо маслиц'ка, перьцю да луку. Розобьют треску, розвертим на мясорубки и сделаши начинку, сварши в чулунки да затем ф крыночку; маленьки пироѳи делали — трешчотики. Ис сѳмѳи, ис пѳлтаси — морьскѳ рыба. Сѳмужьши да трешчѳтъя — больши пироѳи. Изѳ всеѳо делали и с чѳрной муки: селетка да наваѳа (Карел. — Д. К., № 302).

Ја холостая, ја дифка осталас', и брат не жэнивши, ја кон'-конѳм была, за сохѳй ходила, за борѳнѳй ходѳла, фсѳ знала... (Ленингр. — Д. К., № 204).

В северновеликорусских говорах слабость организующих центров в простом предложении, а еще более в сложном¹, довольно ярко отражается в ритмомелодической стороне речи. Не имея возможности, вследствие неразработанности приемов передачи, дать описание основных ритмомелодических фигур, типичных для северновеликорусского предложения, ограничимся лишь одним общим замечанием: в том отрезке речи, который представляет собой «предложение», мы часто находим, наряду с главным, несколько второстепенных фразовых ударений — значительно больше, чем в южновеликорусских говорах. Так, в предложении: *Прежде жѳла-то здѳсь мало было, все дуброва*²

¹ Термины «простое» и «сложное» предложение употребляются в данной работе с известным ограничением, поскольку границы самого предложения часто совершенно неопределенны, а тем более — неустойчивы способы связывания отдельных предложений в синтаксические целые.

² Пунктуация в этом и в большинстве дальнейших приводимых в работе примеров собственной записи дается применительно к тому, как

(Вол.) фразовые ударения были сделаны на следующих словах: *прежде, жила-то, мало, дуброва*, причем наиболее сильное ударение пришлось на слово *мало*. В сочетании с характерной для северновеликорусских говоров слабой редукцией безударных гласных это обилие второстепенных фразовых ударений приводит, между прочим, к тому, что между словами или между словосочетаниями, несущими такие ударения, создаются иногда лишь кажущиеся паузы. Все это придает таким отрезкам речи известную долю внутренней законченности, «отдельности», делает их как бы маленькими самостоятельными предложениями, а это в свою очередь ведет к снижению роли «большого» предложения, к ослаблению силы и значения главного фразового ударения, к снижению роли синтаксических связей между составляющими его элементами.

Приведенное выше предложение представляет собою со стороны ритмомелодической примерно такую картину:

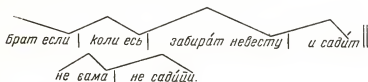
Но так как данное предложение в отношении синтаксической структуры достаточно прочно организовано (расположение предложений, ясность связей между членами предложения, достаточная поддержка чисто синтаксических отношений со стороны лексики), то обилие в нем второстепенных фразовых ударений еще не в состоянии расстроить его цельность и придать отдельным его частям подобие самостоятельных предложений. Возьмем другой пример:

Брат если, коли есь, забира́т невесту и сади́т, не сама, не сади́ци (Вол.).

В этом отрезке речи, представляющем собой одно целое («предложение») постольку, поскольку он отделен полными паузами от предыдущей и от последующей речи, внутренние

воспринималась речь со стороны смыслового содержания; в примерах, заимствуемых из записей других лиц, соблюдается пунктуация последних. Что касается фонетической стороны текстов, то мы старались передать лишь важнейшие, наиболее характерные черты говоров (для северновеликорусских — оканье, цоканье, и на месте старого ъ и нек. др; для южновеликорусских — явления редукции гласных, преимущественно только в предударных слогах, з фрикативное и нек. др.). То же относится и к морфологическим особенностям. Примеры, взятые из записей других лиц, приводятся точно в той транскрипции, в которой они даются этими лицами. Получающийся вследствие этого разноречивый в отношении внешнего вида иллюстративный материал оказался совершенно неизбежным.

синтаксические связи весьма слабы. Слабость эта выражается в следующем: 1) в «срыве» задуманной структуры начальной части предложения и переходе к другой структуре (*брат если...—коли есь*), 2) во вторичном «срыве» структуры — во второй части предложения (*не сама...—не сади́щи*), 3) в отсутствии сочинительного союза перед *не сама*¹. Ритмомелодия этого отрезка дает примерно такую картину:

Несомненно, что здесь самостоятельность отдельных элементов, несущих на себе второстепенные фразовые ударения и отделенных от соседних довольно отчетливыми паузами, очень значительна и что, при слабости синтаксических связей внутри предложения, здесь получается как бы ряд отдельных предложений, объединенных общностью темы и противопоставленностью окружающему тексту. «Большое» же предложение складывается здесь в результате ряда следующих одна за другой речевых волн, часто набегających одна на другую, взаимно сталкивающихся и перекрещивающихся.

Приведем еще несколько предложений, которые характеризуются недостаточностью синтаксического сцепления составляющих их элементов, восполняемой специальными ритмомелодическими приемами (и кроме того, конечно, еще обстановкой, «ситуацией»):

А тогда же жили, дѣк всё сама, и за скотом, всё сама (Вол.)

Помоложе будет, на мельнице, того-то (т. е. брат, который работает на мельнице, моложе того, другого брата; Вол.).

Как вот погода, по погоде поспевают (ответ на вопрос: «Много ли грибов в лесах?»; Вол.).

Случаев, когда «несвязность» предложения объяснялась просто невниманием говорящего к принятым в говоре приемам связывания слов и предложений, указать нельзя. Всякий раз это явление может быть объяснено известными причинами. Рассмотрим несколько таких случаев.

Льны хорбишѣ, вот которой прядѹт (Вол.).

¹ Это ни в коем случае не означает, что всякое отсутствие союза там, где он мог бы быть, должно рассматриваться как признак слабости синтаксических связей. В данном случае, наряду с другими фактами, отсутствие союза можно истолковать именно таким образом.

Здесь переход от мн. числа (*мны хорошие*) к ед. числу (*которой*) можно объяснить тем, что второе предложение, присоединенное частицей *вот*, является не определительным, в строгом смысле слова, к первому, а добавочным (возможно — после разделяющей паузы). Действие формы мн. числа могло поэтому сойти на нет, и местоимение *которой* оказалось согласованным с начальной формой существительного *лён*, выступающего здесь уже в значении материала — волокна, а не полевой культуры.

Такую же в общем картину строения сложного предложения наблюдаем и в южновеликорусских говорах. И здесь чем «сложнее» предложение, тем структура его обычно примитивнее. И здесь мы постоянно слышим предложения, образующиеся в несколько приемов, набегающими одна на другую волнами.

(В приведенных ниже примерах место перехода от одной «волны» к другой обозначено вертикальной чертой).

Цяво хочешъ нѣбалтѣть | сын-то ее (Ряз.).

В Рязань-то | все больше на елестрѣцество ездят | на муцѣ (т. е. лечиться; Ряз.).

А събираюцѣ | хѣраводом и хѣрають | об масленой (Ряз.).

Не купили | пѣлатѣнцы-то у ней? (Ряз.).

На Бѣльским он тѣрѣвал | с жаню-то (Ряз.).

Этим же объясняется и то, что тот или иной член предложения выражается сначала местоименным словом, которое вслед за тем поясняется соответствующим словом с конкретным значением.

Его нет | этого мальчика | в комнате (Вол.).

Я и то ей боялся | бабке Акулине (Ряз.).

Он постѣре мене | брат-то (Ряз.).

А этот зависнѣй вот | брат-то (Ряз.).

Нередко встречающуюся «разбросанность» членов предложения нужно объяснить тем же характером выражения мысли.

Хлѣба тут стали нас жеселѣть давать (Ряз.).

Нѣпайли нас шли с тѣрху мужукѣ вином (Ряз.).

Купить средств нет сяницѣ, была дѣраѣя, а так не хватить (Ряз.).

И в южновеликорусских говорах очень большую, а часто и решающую роль играют интонация и паузы, несколько отличные от северновеликорусских, но тем не менее очень выразительные (в частности, здесь нет или значительно меньше описанных выше второстепенных фразовых ударений)¹.

¹ Этого же рода явления наполняют нашу повседневную разговорную речь. Убедиться в этом можно почти исключительно путем непосредственного наблюдения. В художественных произведениях, даже у лучших писателей, диалог всегда обычно «подиравлен» с точки зрения синта-

Все сказанное выше об общем характере сложного предложения, при более пристальном его исследовании, подкрепляют следующие структурные явления¹:

І. Многочисленные случаи перехода, уже в процессе произнесения предложения, от одной синтаксической конструкции к другой, причем «линией перелома» является слово, которое как бы входит и в ту и в другую структурную группу.

Прара́д, а́на по нем прямо ду́рно ей сделалось (Ряз.).

По три́цать сва́дьбов съби́ралось у нас в храме вя́нцали (Ряз.).

Он э́тих де́ушак на коню́шни йих бо́льна бра́ли (Петр.—Ряз.).

Бо́льше што́б ты не зэ́рницый (т. е. больше чтобы ты не озорничал; Ряз.)

А́на с́яс до́ма нет (Ряз.).

А́нй та́м жи́веть а́на с цю́жйми (Ряз.).

У мене́ уж ло́шадь са́бе нэ́жила́, ха́рбйшу (Ряз.).

Тьмнатá-то а́на нас пьла́вйну ве́ка на́шево убавля́ет (Ряз.).

Проте́кает ре́ка Лу́говская у нас на́зывается (Ленингр.—Д. К., без №).

А ре́ка в Ка́рани́ке да́ле́ко до ре́ки — ве́рста бу́де (Арх.).

Ё́н уж ви́дит, што́ она в е́й ма́ло то́лку (Арх.).

А я, быва́ло, ве́рс за се́мерйну — за во́сьмерйну сходи́шь (Арх.).

Я во́т се́годня́ го́д во́т што́ на́до мно́й сде́лалось (Арх.).

ксийской структуры. Только изредка элементы вполне «натурального» высказывания можно встретить у Л. Толстого, Горького и нек. др. Вот несколько примеров:

— Славная девочка эта в красном платочке. Вы ее знаете, капитан?

— *Э́то о́коло мо́ей кварти́ры до́чь о́дного ма́троса*, — ответил штабс-капитан (Л. Толстой. Севастопольские рассказы).

— *Что вы́ хоте́те что́б я де́лал?* — сказал он наконец (Л. Толстой. Война и мир).

Они́ ме́ня счита́ют, что́ я бу́нтова́ть могу́ (там же).

Вечером — Гольденвейзер. *К сты́ду сво́ему волну́ет му́зыка* (Дневник Л. Н. Толстого, 1910 г.).

— Со второй женой в Орле жил, она орловская была. Там чахоточных очень много. И — крапивы, все заборы крапивой обросли. *Тепе́рь у ме́ня тре́тья; ко́нечнo, не ве́нчана́. Уе́хала в То́мск. Та́м у нее...* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина, ч. 2. М., 1952, стр. 306).

Довольно часты такие явления в очень «разговорных» по языку дневниках С. А. Толстой:

Писъмо́ от Та́ни, — зо́вет, и Ми́хаил Серге́евич.

Снача́ла э́то мне по́казало́сь ужа́сно о́пять расста́ться.

И Ле́в Никола́евич все, что́ отри́цал, бы́ли то́лько сло́ва.

¹ Так как многие из описанных далее явлений характерны не только для сложного, но и для простого предложения, то в числе приводимых примеров фигурируют предложения как сложные, так и простые, притом из говоров и северновеликорусских и южновеликорусских.

Объяснения этого явления следует искать в том, что высказывание и форма его отражают непосредственный ход мысли говорящего, претерпевающий в подобных случаях известный «перелом»¹.

Нужно отметить, что во всех приведенных примерах (записанных лично нами) на месте перехода от одной синтаксической структуры к другой нигде не было ни паузы, ни какого-либо интонационного обозначения перехода.

II. Довольно часты случаи вставки внутрь предложения другого предложения, группы слов, иногда даже одного слова, синтаксически самостоятельного, с целью пояснения чего-либо в основном предложении (времени, причины или других обстоятельств, обстановки и т. п.). Такие вставки могут появляться в любом месте основного предложения — там, где говорящий ощутит в них потребность. Это очень ярко отражается на их ритмомелодической стороне: они обычно бывают полностью выключены из интонационного «рисунка» основного предложения, в середине которого, для помещения вставки, делается почти механический перерыв. Самая вставка произносится несколько быстрее по сравнению с основным предложением. После вставки интонационный «рисунок» основного предложения либо продолжается, либо повторяется сначала. Неожиданность вставки и связанного с ней разрыва предложения не только для слушающего, но иногда для самого говорящего бывает часто настолько значительна, что заставляет говорящего после вставки повторить слово или несколько слов, непосредственно ей предшествовавших.

Вставка может не только вводиться в середину предложения, разрывая его на две части, но и прибавляться в конце его, — все зависит от того, в какой именно момент высказывания говорящий ощущает в ней потребность.

Ей за хватёру — а́на́ то́лько пѣдмѣта́ла — сто рублей пѣлажѣли (Ряз.).

А я вот ноне — у мене сын балѣетъ — я в Бельским купляла, восемь рублей платила (за мед; Ряз.).

Ездил — ꙗлѣбный ꙗод был — ездил в Сибирь за хлебом (Ряз.).

А мы хотъ какую пѣбирѣшку — тады с мамой жили — все пускали (пускали ночевать прохожих; Ряз.).

И вот мы этот ꙗод, какой уражѣйный был — лен дѣргать некому было — мы на поле хадѣли (Ряз.).

¹ Рассматривая данное явление («Vermischung»), Блюмель дает ему такое же объяснение: «Ehe der Sprechende mit der ersten Form fertig geworden ist, hat sich ihm die zweite aufgedrängt, und er vollendet den Satz im Sinne der zweiten» (Blüm. — Einführ., 233).

Брат мой пакóйник пошел в сельсовет — анá в двацáть иетьвѣртом ꙗду родилáсь — и там крементовáл ей такое ймец'ко (крементовáл — рекомендовал; Ряз.).

В Спасское пайдѣшь — там у мене сын живетъ — «Мама, прихадí, пятый номер...» (дом номер пять; Ряз.).

А мужик цюднóй был адíн, — умер он сейцáс-то (Ряз.).

Анá тут пригнали карóв и авѣц' пригнали, — Любóмкин помѣшник там был... (Ряз.).

А карóва наша — мы íе ни закúтали — придí ды ляшь зли крыльцá (Рез. — Курек.).

Я ни затела йдить: свáты тады менé — батькя прапил — мене унѣварили... (Б.—Т. О.).

Дуняшын атец — очин абидна еáму наказаласи — давай вилами жес'лезными её ꙗлаву раскалачивать (голову змеи, укусившей Дуняшу; Петр.—Ряз.).

В девцáц, большая уж бýла, ходила на вецёрки, дак нé была табáц'ная душйнка (т. е. никто не курил; Арх.).

Сейцáс приехал домой — Фѣдор Алексѣевич' тут был кладовсцикóм, — пошли с Фѣдором Алексѣевичем к Максиму... (Арх.).

А матъ-то и говорит: «Миколушка, сугрѣва моя тёплая, — сын ведь был, — Миколушка, доброзот...» (Арх.).

У меня была тётка грамотна, — а сестра мáмонькина, — так жýла много годов (Арх.).

У нас дедюшка Самсон служил, — отцу моёмú брат, — дак двацáть петь лет, пришёл уж старцóм (Арх.).

А лонй ходили вот — когда? мýсец будет — а потерялась корова, и корову не нашли (Арх.).

Ой, говорит, башкíрец, — башкíрцем звали старика-то (Арх.).

А Ирinyя-то эта стол-от убрáла, — старуха такá бýла, Ирinyя (Арх.).

В Питер уехала, сѣстры все придержали, — были две сѣстры да и (Арх.).

Однажé когда Кальшев привез свою умершова младенца, то батька, он тогда мел церковну ограду, а намо бы прихождáнам эфто надо было делать, спросил его, когда умер младенец? (Тобольск. — ВГО, Б.; VI—30).

Рбятйшкы зъхварáют, дѣдушка поедут в лѣс ф Чудиш, эть вот фстречь нас, привѣзут нылу-то (грясцá-то) от помóсу и нѣпоят йих и нѣдйн нюмират (Куйб. — Д. К., без №) ¹.

¹ Фольклор также дает примеры таких вставок:

Купец вынул ножичек, в кармане у него был, и давай эту руку пилить... (Аф. Ск., II, 302).

А лза-баба — живет тут у царевича — услышала эти речи и стала сказывать... (там же, 284).

III. Отметим также смешение конструкций подчинительной и сочинительной. Особенно распространены сложные предложения, у которых на первом месте — предложение с подчинительным союзом, а на втором — предложение с союзом *и* или *а*.

Кады ана упала, и он прямо заревел (Петр. — Ряз.).

Если где-ка родные, и поеду туда (Вол.).

Покуль из злева несли в избу, а он уж... (Арх.)¹.

IV. Часты случаи смешения конструкций косвенной речи и прямой. Говорящий начинает передачу чужой речи союзом «что», т. е. начинает строить косвенную речь, но очень скоро переходит к конструкции прямой речи. Формы прямой речи явно ближе и органичнее для него. Пользуясь прямой речью, говорящий не только передает содержание сказанного тем или иным лицом, но и участвует в переживаниях, связанных с высказыванием, на время речи как бы перевоплощается в то лицо, которому принадлежит передаваемое высказывание. Говорящему естественнее и легче выступать в роли того, чье высказывание он передает, еще и потому, что это связано с прямым употреблением личных местоимений (*я, ты* и т. д., *мой, твой* и т. д.), между тем как переделка прямой речи в косвенную требует известных усилий, необходимых для замены местоимений одних лиц местоимениями других лиц, одних личных глагольных окончаний другими, иногда одного наклонения — другим и т. п.

Я ей летось прописала писмо, што не хаді ты со мнѣя (Ряз.).

Он прасіласи, што пустите явѣ! (Ряз.).

Паспорил на четверть вина, што руку прилажу а ата-прѣца замок (Петр. — Ряз.).

Так велел, што как хошь, мама, выкупи кáртоц'ку (Арх.).

Писала, што, мама, мои платья перебери да высуши (Арх.).

Рабѣла я ф пѣли с мѹжѣм без бабушки и он мне вѣз

¹ Этот вид смешения конструкций очень распространен в памятниках прежних веков, отражающих живую речь, и в фольклоре:

А как бывает на Москве пожарное время, и они, стрелцы, повинни ходить все на пожар... (Котош.).

А как они, послы, придут к которому государю, в котором он городе живет, или где в отъезде, и их тот государь велит принять и поставити на дворе... (Котош.).

А как царь идет из церкви в хоромы, и в то время бывает звон во все колокола (Котош.).

И как пришел Фрол Скобеев к Ловчикову, и Ловчиков имел с ним разговор мног (Ф. С.).

И как вышла та мамка из церкви, и подошел Фрол Скобеев к той мамке... (Ф. С.).

Пока я с вашим отцом говорил, а черти на них дрова возили (Аф. Ск., II, 216).

дамбой; нидёля прашла и анять павёс ф пбю за ёта что ни разсай в рабочию пору (Куйб. — Д. К., без №) ¹.

V. Характерной особенностью является прямая речь с неразвитой «авторской» частью, т. е. той частью предложения, в которой указывается, кому прямая речь принадлежит (обычно говорящее лицо называется, но при этом названии нет глагола сказуемого, обозначающего говорение, высказывание).

И бабка май: «Не надо, не надо мне ётого папá!» (Ряз.).

Илюша мне: «Ехай, ёхай, мать, — сын-то мой, — я тée правдью» (Ряз.).

А я: «На, на, бярй хоть двести...» (Ряз.).

А он: «Дупцы рубаю» (Петр. — Ряз.).

Я: «Пожсаласта, дедушка, палечитя» (Петр. — Ряз.).

Ему мужычок: «Д'ве картошки е'му надо ф сутки» (Петр. — Ряз.).

А я: «Нет не нужна» (Петр. — Ряз.).

Друшкó вынаить деньги. Дефьжи: «Че'тыри у'ла, че'тыри рубля се'рёдачку пазалати!» (Петр. — Ряз.).

А я: «Пайду и я варата закутаю» (Рез. — Курск.).

Сын-от: «Ехала бы, мама, к нам» (Вол.).

Принесу гостинци-то, а Надежда-то Ивановна: «Ой, Овдотья, не носи ты, ведь они не голб'ны» (Арх.).

¹ Описываемое явление находим в повествовательных местах старых, в том числе и древнейших русских памятников, а также в фольклоре: И они в допросе своем сказали, что построена та часовня во имя Святых Троицы в давних годах, а строил ее один крестьянин Федор Иванов сын Мухомов... а по какому случаю строил ее, про то мы не знаем (Акты, 726).

А целовав кр'сть к новгородцем, како хо'ю оу вас оумерети (Син. сп. I Н. л.).

И присла в' Новгородь, како не хо'ю оу вас кн'жити (там же).

Ивашко выпил и поел и стал рассказывать, что иду-де искать себе невесты (Аф. Ск., I, 128).

Немало примеров этого рода находим и в художественной литературе:

Кельнеры, невольно подчиняясь общей молчаливости, шопотом спрашивают о том, **какого вина прикажете?** (Л. Толстой. Люцерн).

Я видел, как полковому командиру понравилось, когда я сказал, **что позвольте мне идти...** (Л. Толстой. Севастопольские рассказы).

Мне пишут, **что может ли быть ревность без любви...** (Л. Толстой. Рубка леса).

Эмил считал себя посредником между своим другом и сестрой — и чуть не гордился тем, **что как это все превосходно удалось!** (Тургенев. Вешние воды).

Кузьма Васильевич внутренне подивился учености своей любезной, дал жиденку грош и велел сказать, **что хорошо, мол, приду** (Тургенев. История лейтенанта Ергунова).

Ходили просить насчет пачпортов, **что не будет ли, мол, от вашего превосходительства какого решения?** (Слепцов. Владимирка и Клязьма).

VI. Такой же характерной особенностью является прямая речь, вводимая без всякого предупреждающего предложения. В таких случаях передача прямой речи обычно сопровождается имитацией речевых приемов того лица, слова которого приводятся, в первую очередь — со стороны ритмомелодической.

А у нас взяли и сбили. — «Не ну́жен он вам» (о церковном колоколе; Ряз.).

Падѣбнѣть: «Дай пѣкурить» (Ряз.).

Как у каѣо карова позитѣлась, събирають сабрáние: «Дать ямѹ карову» (Ряз.).

Надысь ко мне пришли. — «Бабка, уцѣсь иди!» (Ряз.).

А прошло время немножко. — «А я за уцѣтеля пойду» (Ряз.).

А батюшко вышел. — «Экой окаяннѣй, кѣнюшка-то изуецили» (Арх.).

Я пришла, вѣздымалась на лѣсницѹ. — «Ты, грибушко, не рыцѣй» (Арх.).

Трицѣть три года дома не быѣал, а тут приѣхал. — «Ой, Иван, Тимофеевицѣ приѣхал, Иван Тимофеевицѣ пристал!» — все бежѣа смотрѣть (Арх.)¹.

VII. Часты случаи повторения уже высказанной мысли во второй части предложения, присоединяемой к первой; иногда это по форме новый вариант всего первого предложения, иногда — вариант только части его. Общая функция повторения — разрядка эмоции, сопровождающей высказывание, а во многих случаях — стремление, обычно несознаваемое, совершеннее выразить то, что нужно сказать².

А. В а р ѣ и р о в а н и е целого предложения.

а) В одних случаях второй вариант отличается от первого только способом выражения мысли, самое же содержание обоих вариантов совершенно одинаково.

Нынѣ пѣрямоки, нет-нет дѣжицѣк (перемѣки — дожди; Ряз.).

У няѣб бѣла пѣть дѣцѣрѣй, пѣть дѣцѣрѣй от ѣсене оставѣлѣси (Ряз.).

Скотá-то было у всех, у всех было скотá (Вол.).

Умѣр, ѹмѣр, нету того живѣа, ѹмѣр (Арх.).

¹ Аналогичные примеры из фольклора:

Пришел к богатому: «Ах, братец родимой! Помоги сколько-нибудь моему горю: жѣна и дети без хлѣба сидѣт, по целым дням голодают» — «Проработай у меня эту неделю, тогда и помогу!» (Аф. Ск., II, 303).

Пришла жѣна домой, муж на печке крѣтит. «Эх ты, старенькой мой! ай опять что болит? ай опять захирѣл?» (Аф. Ск., III, 446).

² «Auf affektische Ausdrucksverstärkerung weist auch die unveränderte oder leicht variierende, meist mit einer Steigerung verbundene Wiederholung ganzer Sätze; sie dient der nachdrücklichen Wiederaufnahme des Wesentlichen der Äusserung in von starker Erregung oder lebhaften Pathos erfüllten Zusammenhängen. . . . Auch die Dialekte kennen diese Wiederaufnahmen. . . » (Hofm. — L. U., 96).

Ты нам не ну́жсон, ты нам не надо (Арх.).

Сёстра-то была сурова́я-сурова́я, дак сохрани господи какá сурова́я была (Арх.).

Что по́делаашь, ни́чего не по́делаашь! (Арх.).

б) В других случаях второй вариант, наряду с лексико-синтаксическим видоизменением сказанного в первом, содержит что-нибудь новое и по существу: либо дополнительную деталь, либо уточнение, разъяснение того, что может показаться не вполне ясным.

Он давно с жено́й расше́лся, они давно дру́х дру́жку не знали... (Ряз.).

Прия́жбми к нам из области, из Рязани прия́жбми (Ряз.).

С вя́нцями ины́х ба́гаты́х вя́дуть, вя́нцы на гла́вах (Ряз.).

Молоду́хой уехала, да дома не бывала, деся́тый год дома не бывала (Арх.).

Недо́суж ходить-то, некогда по я́годки ходить (Арх.).

Был до́сужсой, ко вся́чине был до́сужсой (досужий — ловкий, искусный; Арх.).

Мне семьдесят годов, семьдесят пё́рвой поше́л (Арх.).

А не бывала я никуды, дале своих дере́вён никуды не бу-вала (Арх.).

А фосты-то у них дак, а фосты-то тя́нущи! (Арх.).

Надо изба-то перекры́ть, как можно надо перекры́ть (Арх.).

Низ-от был отстро́ён, низ-от у моёго мужа е́щё был от-стро́ён (Арх.).

Б. Варьирование части предложения. Второй вариант части предложения, повторяя сказанное (часто буквально), представляет собой новое предложение, прибавляющее что-нибудь, либо разъясняющее, либо уточняющее сказанное. Иногда разъяснение представляет собой лишь незначительное, чисто формальное (морфологическое или синтаксическое) видоизменение первого варианта, но и это, повиди-мому, кажется говорящему целесообразным.

Ба́льным тэ́к ва́рять, э́то ба́лэеть (Ряз.).

Надысь вон рабб́цим давали, э́то раб́тае́ть на пако́-се (Ряз.).

Там а́нй по па́лпуду, матрё́, буханки бу́дут, па во́семь ки́лов (Ряз.).

Он ня́давно то́лько пэ́ступил, матрё́, то́лько прише́л (Ряз.).

Все ва́ляю́щи, как сна́й на поле, ме́ртвые ва́ляю́щи (Ряз.).

Три каро́вы было да па́дтёлки, три каро́вы до́йные (Ряз.).

Робб́ца́ сила, кото́рым надо раб́та́ть, так те уеха-ли (Вол.).

Муж ло́вил, зи́мой и ле́том ры́бку ло́вил (Арх.).

У нёго заболели нутренности, в грудях заболело (Арх.).
Ён обсиротел, да ёго сюды вэ́ли, восьмигодового вэ́ли (Арх.).

Свой, сусё́д, рядовой-то сусё́д (рядовой — живущий рядом; Арх.).

Ён сидит на сту́лу, в больном углу́ сидит денежки сцита́т (Арх.).

Оны́ это прие́зжали, на первого-то маю́ прие́жали (Арх.).

Гд'э вы на кварт'иры, была ч'ёрная изба, ч'ёрная п'эч была (Ленингр. — Д. К., № 132).

В других случаях (это более характерно для простого предположения) второй вариант не вносит ничего существенно нового или разъясняющего, а лишь показывает то же самое с другой стороны, под другим углом зрения.

Ся́мнѣ́ять лет вот лѣзѣ́ть, не воста́ваеть (Ряз.).

С матерью сваёй жила, со старухой со сваёй радный (Ряз.).

Ве́дь он от нас а́тше́л, а́тделѣ́лси (Ряз.).

В По́чезере ло́вят рыбу, рыбо́ловом (Арх.).

У нас ва́лом детей, ва́лом ро́бят, полно́ деревня (Арх.).

А сама́ была́ ё́ка небольшо́я, ма́ленька (Арх.).

Очень часты и такие вторые варианты, которые представляют синонимы (лексические или грамматические) к первым вариантам — в виде одного слова или в виде целого словосочетания, нередко фразеологического характера.

А у́ж дело к осе́ни было́, ислѣ́ню (Ряз.).

На́род яму́ пацѣ́нье, все ша́пки снима́ли, гла́внѣ́й при́бор (Ряз.).

Я на сваю́ сто́рону, на сваю́ лаво́чку (Ряз.).

А́и, старухи, у́ж чу́пы ста́ли, из ума́ выхо́дятъ (Ряз.).

Любимы́ сына́вѣ́ прыгну́ли а́дин да́ле́ка, а друго́й е́ще да́льше, кото́рых он лю́бя (Петр. — Ряз.).

Я умру́, а ты по мне́ слези́ночки не ка́пни, не пла́чь (Арх.).

А́ртеле́ю-то има́ют, има́ют да изыма́ют, захва́тят (имать — ловить; Арх.).

Как видно из примеров, иногда нелегко разграничить явления, отнесенные здесь в различные рубрики: не всегда можно с полным основанием утверждать, представляет ли собою данный вариант что-нибудь новое по содержанию или же по способу выражения. Но несомненно одно: самый прием осложнения речи вариантами (целого предложения или его части) находится в органической связи с природой разговорной речи.

VIII. Близким к приему варьирования предложения или его части является прием повторения, отражающий во многих

случаях эмоциональные настроения говорящего, а также служащий для усиления и закрепления сказанного. Повторяться могут как целые предложения, так и части их, иногда отдельное слово — тот отрезок речи, на котором сосредоточивается эмоция, или тот, который кажется говорящему более важным и потому требующим большего внимания.

Повторяющееся предложение или его часть может при этом слегка изменять свой состав или синтаксическую форму, что служит приемом оживления высказывания.

Я к нямѣ пѣдашлѣ — он пришѣл в кѣбинѣт — я к нямѣ пѣдашлѣ... (Ряз.).

Пашлѣ я на торх, в Нижнее, — уж у мене был мальчик, четыре года ямѣ — пашлѣ я на торх... (торх — торфоразработки; Ряз.).

В аднѣй бриґаде у нас трѣцѣть гѣктѣров — тринѣцѣть бриґад — в кажной бриґаде трѣцѣть гѣктѣров (Ряз.).

А дѣти-то уж убежали, убежали дѣти-то (Арх.).

Дак я-то уж не помню этого монастыря, уж я не помню (Арх.).

Сѣгѣду одѣвѣ не замѣрзли, зима холѣдна бѣла, одѣвѣ не замѣрзли (одѣвѣ — едва; Арх.).

Было такое время перед Миколою, девятое число было перед Миколою, девятое число, Микола летний (Кар. — Оч.).

Как показывают некоторые из приведенных примеров, повторение может быть вызвано также тем, что высказывание прерывается какой-нибудь вставкой, после которой говорящий, с целью вернуть слушателя (а иногда и самого себя) к прерванному ходу мысли, повторяет сказанное ранее.

Примеры на повторение части предложения (нередко одного слова):

Яґѣдов нынѣ нету, яґѣдов (Ряз.).

За ямѣйну копѣец'ки нѣ дал, мои кони три бегали, копѣец'ки нѣ дал (Арх.).

Дѣверь-от Иванушко у меня был хорѣшой, дѣверь (Арх.).

Из одѣжси набавѣют ему зѣмной и лѣтной, из одѣжси-то (Арх.).

Все больше однѣ ем-то, однѣ, не пихѣюси с ним порѣто (порѣто — очень; Арх.).

Сына-то, нонь-то остарѣла, а жалею, сына-то (Арх.).

Гостинец-то мнѣ-ка послан, гостинец-то, прѣник (Арх.).

Доцери сын-от, доцери, а ей-то брат двурѣдний (Арх.).

А ухѣду ведь надо, ухѣду (Арх.).

Ходила за справкой, ходила да, подводѣй йѣздила, бѣвала да (ответ на вопрос: «Была ли в районном центре?»; Арх.).

Кѣколки-то шлѣ, да заблудѣлис' вѣдно, твой-то кѣколки (Карел. — Д. К., № 252).

IX. К приему повторения частично примыкает прием удвоения (иногда утроения) слова. Обобщающим является здесь момент усиления, укрепления в сознании слушателя выражаемого дважды (или трижды) понятия путем фиксации на нем особого внимания. Значение, создаваемое посредством удвоения слова, бывает трояким:

а) Удваиваются глаголы (либо существительные при опущенном, но легко подразумеваемом глаголе), причем удвоением выражается длительность (иногда периодическая повторяемость) действия или состояния. Чаще всего удваиваемые слова не связаны между собой союзами, причем оттенок длительности передается некоторой замедленностью темпа, в котором произносятся соответствующие глаголы или существительные, и совершенно одинаковым повышением тона на каждом из них. Но удваиваемые слова могут быть связаны соединительным союзом (*и, да*), и тогда на первом слове оказывается более сильное повышение, чем на втором, союз же произносится с понижением.

Там вот, у Спаса, кáпил, кáпил (т. е. там, у г. Спасска, долго накрапывал дождик; Ряз.).

Шла, шла так-та по гүрүдей (т. е. шла некоторое время по воде, пока вода не стала по самую грудь: Ряз.).

Грызүть, гүрызүть, цявó-нибудь нáдыть — конюх пaпáл та-кой плахóй (лошади долго грызли ступеньки крыльца; Ряз.).

Я стаю, стаю, скоро смеркáеѝ, а явó нет (Ряз.).

А тут свадьбу спрáеють, на дру́гой день мýлады, муж с жaнáми, катáюѝ, катáюѝ (Ряз.).

Вот растут ани, дети, растут (Петр. — Ряз.).

Етим бóром, ббром, ббром, и в этом барү нзываеѝ Жу-лёво, где ето на машину садяѝ (т. е. надо долго идти бором и т. д.; Ряз.).

Выйди сыяе прямо с этих гóрков, и до Спасу пясóк, пясóк и пясóк (Ряз.).

Я, бывало, не сменяють мене, хбóду да хбóду (Ряз.).

Телята все уйдут в остров, а она хбдит, хбдит (Арх.).

Йидё, а ноги-то велихáюѝ, велихáюѝ (велихаться — болтаться; Арх.).

А ён пошёл да, пошёл да, пошёл да (Арх.).

Созу вынес и лáдит, и лáдит и (Арх.)¹.

¹ ФольклорУдает много аналогичных примеров:

Чертенок таскал, таскал денги, много узе перетаскал — а шапка все не полна (Аф. Ск., I, 151)

Батрак связал оба конца своей веревки и подлз чорту; узе тот мерил-мерил, мерил-мерил, все конца нету... (там же, 150).

Шли они, шли, и пришли в дремучий густой лес (там же, 131).

б) Удваиваются глаголы (либо существительные при отсутствии, но легко подразумеваемом глаголе), причем удвоением обозначается действие, продолжающееся в течение некоторого, ограниченного периода времени и обычно сменяющееся другим действием. На первом из повторяющихся слов делается в таких случаях усиленное повышение тона, а на втором, тесно, без всякой паузы примыкающем к первому, — незначительное повышение.

Их шумели-шумели — не дъшумѣлись (Ряз.).

Ана́ пѣмрѣа́, я по ней кри́чала-кри́чала... (Ряз.).

... А то ана ляжѣтъ-ляжѣтъ, памрѣтъ — и не узнають (Ряз.).

Побѣѣчи-побѣѣчи да и вы́вернеѣи (Арх.).

Всѣ с батожском хожу, так-то не ходить мне, идѹ-идѹ да и падѹ (Арх.).

Сѣя плести лапти, искѣа-поискѣа — колоц'ка нет (Вол.).

Нарвѣ-нарвѣ да потекѣ (о нарыве; Арх.).

Полезѣйт-полезѣйт, да на второй день пойдѣ сѣмец'ком торговать (Арх.).

Полезѣйт-полезѣйт да и вы́станѣ (вы́стать — встать из лежащего положения: с кровати, с лавки и т. п.; Арх.)¹.

Нельзя не заметить, что значение ограниченности действия определенным периодом времени очень отчетливо выступает у глаголов совершенного вида, у глаголов же несовершенного вида этот оттенок не всегда достаточно заметен. Поэтому описанный выше способ произношения для удвоенных глаголов несовершенного вида необходим в полной мере. К этому нужно добавить, что все такие удвоенные глаголы несовершенного вида могут быть, без изменения указанного оттенка значения, заменены соответствующими глаголами совершенного вида, например: *Их пошумели-пошумели — не дошумелись; А то она полезѣйт-полезѣйт, помрет — и не узнают* и т. п. Там, где такая замена невозможна, оттенок ограниченности во времени, повидимому, частично уступает место оттенку количественного усиления действия (см. следующий пункт).

в) Удваиваются глаголы (особенно в форме повелительного наклонения), а также слова, принадлежащие к другим частям речи. Основное значение этого удвоения — либо стремление

Водил он его, водил по городам — авось возьмет кто в ученье... (Аф. Ск., II, 249).

Вот барин едет себе да едет, вдруг — откуда ни возьмись бежит навстречу заяц (там же).

¹ Аналогичный фольклорный пример:

Вот он крепился-крепился, да как хватит на каждую лапу по волку (Аф. Ск., I, 45).

к усилению представления, вызываемого данным словом, либо выражение настойчивости или бесспорности того, о чем идет речь¹.

Да вон хош мэй, хош бань — в пескё, в пескё, в пескё, из пяска не вылезаеть (о ребенке; Ряз.).

Сперва харош-харош пэступил, — глядь — анять избалуеци (когда поступил, был очень хороший, а потом избалуется; Ряз.).

Сядбя-сядбя, а уж как бы сказать я не мау — лет шесть-десять пять ей было (Ряз.).

Ну, благодарю вам — всем, всем, всем (Ряз.).

Галдю: «Жанись, жанись!» (Ряз.).

Как дбцки даждуся, паёду, паёду (Ряз.).

Пэгадите, пэгадите, не сразу Масквй строилась, паждй-те, паждй-те, даждётесь! (Ряз.).

Как заревя-то, заревя-так ой господи (Арх.).

Умёр, умёр, нету того живё, умёр (Арх.).

Я и говорю ска: «Глупая ты, глупая» (Арх.).

Пришла — ён худой лежит, худой... (Арх.).

Пойдём, пойдём на рёку, скорей! (Арх.).

Нуко, полизь, полизь! (Арх.).

А мной-то, батюшко, уважают, уважают (Арх.).

По раздёлу, по раздёлу, о себе хлебáми-то (старуха живет в разделе со снохой; Арх.).

Х. Весьма характерным является прием усиления глагола в личной форме посредством постановки перед ним инфинитива. Это служит для придания утверждению большей убедительности, для устранения из сознания слушателя предполагаемого у него сомнения. Вондрак называет такой инфинитив «интенсивным», или эпаналептическим².

Такое сочетание инфинитива с личной формой может быть истолковано как близкое по значению к обороту «что касается того, чтобы совершать такое-то действие, то я его совершаю (или не совершаю)».

Был наклён присылаеть нам, а прияжеть не прияжеть (Ряз.).

¹ Между повторяющимися словами, в особенности когда они представляют собой в ритмомелодическом отношении параллельные фигуры, никакой синтаксической связи установить нельзя.

² Der intensive oder epianaleptische Inf. tritt vor das gleichbedeutende Verbum, häufig um den Begriff desselben besonders hervorzuheben oder, wenn das Verb negiert ist, um die Negation im Russ., wie Potebnja... meint, zu verstärken: r. a prodavaty ne prodaju, ni za kakija den'gi, a koli krépko on poljubitsja, tomu podarít' podarju (Afan. Sk., 348) (Vondr. — V. S. g., II, 419).

Драть бы надрала уж как-нибудь, пъячѣньку, — таскать-то уж дабрѣ тѣжало (о льне; Ряз.).

А анá пѣмерѣть-то не пѣмярлá, вот тах-то (Ряз.).

Ведь это папѣть цѣйкю вот я вѣпила, уважение вам сделала (Ряз.).

Арбузы-то продáть продáла, да денешки рассатáрила (т. е. растратила; Кар.—Мозд.)¹.

XI. Широко распространено сочетание двух предложений, спаянных настолько тесно, что из них образуется в ритмомелодическом отношении единое целое.

Я, милай, ницѣво не зѣтварѣла пѣспяшѣла к цѣю-ту (Ряз.).

А енѣка там я оставила крицѣть (Ряз.).

И сам книшкю вынул за пазухами у неѣво была (Петр.—Ряз.).

Ана ему палажила адну картошку и хлѣнца аѣу адин раз укусить (Петр.—Ряз.).

XII. Типичным для разговорного сложного предложения является вставка главного предложения внутрь придаточного. Это встречается обычно тогда, когда главное имеет сказуемое-глагол со значением «знать», «видеть», «слышать» и т. п.

А вот севодняшний год, не знаю, есть ли анá, нет ли (о чернике; Ряз.).

К призыву их, не знаю, каѣдá патрѣбують (Ряз.).

Вот што рябята: девка, слышу я, што зѣварѣть (Ряз.)².

XIII. Нередко встречаются предложения-концовки, служащие для закрепления сказанного. Чаще всего это выражения, утвердившиеся в говоре в качестве устойчивых фразеологизмов и состоящие из нескольких слов или из одного слова.

Бувáла, а тб рази (ответ на вопрос: «Бывала ли в городе?»); *а тó рази*—конечно, ну да; Ряз.).

— Куры есть? — Есть, а тб рази (Ряз.).

Харбшáя квартѣра у них, как жа (Ряз.).

А анá пѣмерѣть-то не пѣмярлá, вот тах-то (Ряз.).

Дѣаѣять пѣтова в дом, зѣварѣть, буду, тах-то (Ряз.).

Гадбѣ через пять, тах-то вот (Ряз.).

¹ Много аналогичных примеров дают фольклорные произведения:

— *Что, детушки, купили себе по лошадке? — Купить не купили, даром получили* (Аф. Ск., I, 155).

Чорт' евял в рот пулю, давил-давил зубами, в лепешку ее смял, а разгрызть — не разгрыз (там же, 153).

Спать не сплю, дремать не дремлю, а все думаю думаю (Гл.—Посл.).

² То же встречаем в древнерусских памятниках:

Воды, не знаю, где взять (Ж. А.).

Он же, невѣм, гдѣ скрыл их (Ж. А.).

Тѣма деньгами не пошакáшь, **нет** (т. е. на те деньги не разгуляешься; Арх.).

Тысь молоец шостой день, ни день ни ноц покою не знат— кататца те животом, **ды-ну!**.. (Полисад.— Влад.).

Тысь молоец ни хлебушки, ни квасу не дают, морят те на умор какой-то горькой, в рот не возьмешь водой, **ды-ну** (Полисад.— Влад.).

СТРОЕНИЕ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Наряду со сложными предложениями, строение которых отличается слабой или неотчетливо выраженной связью между составляющими их частями, в говорах, как северновеликорусских, так и южновеликорусских, наблюдаем и такие типы сложных предложений, в которых отношение между частями выражено достаточно отчетливо¹. При этом возможны два основных способа выражения отношения между частями сложного предложения: 1) без помощи специальных служебных слов (союзов, относительных слов), 2) с помощью таких слов. Есть предложения, представляющие собой переходную форму от первого типа ко второму. Кроме того, очень часты предложения, в которых одни части связаны между собой посредством служебных слов, а другие — без них. В тех случаях, когда части предложения связаны посредством служебных слов, другие способы выражения между ними также используются, но в меньшей степени.

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ЧАСТИ КОТОРЫХ СВЯЗАНЫ БЕЗ ПОМОЩИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

Наблюдая диалектную речь, нетрудно увидеть, что наиболее распространенным и обычным приемом является непосредственное следование одного высказывания за другим. Каждое отдельное высказывание формируется в самом процессе речи, тут же обычно складывается и порядок расположения высказываний. Говорящий не заглядывает далеко вперед, его активная деятельность в области построения предложения не идет дальше того, что ему необходимо для выражения интересующей

¹ Правда, далеко не всегда такие предложения фигурируют в «чистом» виде: они то и дело соединяются с предложениями слабо организованными, образуя вместе с ними смешанные типы. Такими будут и некоторые примеры, приводимые в настоящем разделе.

его в данный момент мысли. Для выражения своей мысли и связи между мыслями он использует существующие в языковом опыте его коллектива, и тем самым в его собственном опыте, синтаксические конструкции. Конструкции эти он варьирует в различных отношениях: употребляет тот или иной порядок слов внутри словосочетания, тот или иной порядок словосочетаний внутри предложения, тот или иной порядок предложений внутри сложного предложения; употребляет те или иные формы слов для выражения членов предложения; широко и многообразно использует служебные слова и ритмо-мелодические средства языка. Получающиеся в результате использования всех этих приемов сложные предложения могут однако обходиться и без специальных служебных слов для связывания простых предложений. Грамматическими показателями отношений между составными частями сложных предложений являются в таких случаях не самостоятельные лексические единицы (служебные по своей функции), а, наоборот, такие элементы, которые могут быть лишь абстрагированы из лексического состава и общей композиции сложного предложения. При этом в каждом отдельном случае обычно используется не какое-нибудь одно из указанных выше средств, а либо все они, либо несколько с преобладанием какого-нибудь одного. Кроме всего этого, могучим пособием для правильного восприятия слушателем таких высказываний является, как уже говорилось, обстановка, в которой протекает процесс языкового общения, и близкие жизненные связи между собеседниками¹.

¹ Все сказанное характерно не только для русского языка, но и для разговорной и в особенности для диалектной речи и других языков. Ср. высказывания по этому вопросу ряда авторов:

«En général, la compréhension est facilitée par le milieu, la situation, les circonstances où se déroulent la plupart des conversations en pleine vie; dans les trois quarts des cas, les interlocuteurs parlent de faits qui vont connus des uns et des autres...» (B.—Le lang.).

«...Die Sprache hat ihre guten Gründe, sie (логические отношения.— A. III.) nicht auszudrücken: die logischen Korrelate dafür, Präpositionen, Konjunktionen, Adverbien (falls, daher, obgleich, trotzdem, nichtsdestoweniger...) sind schwerfällig, pedantisch, plump, grob, sie stoßen den Leser mit der Nase auf Dinge, die man ihn besser erraten lässt, sie sind unkünstlerisch, sie haben keinen sinnlichen Inhalt, lassen die Anschauung leer, der Deklamator muss sie halb unterschlagen, der Komponist weiss nichts da mit anzufangen. Daher vermeidet sie die anschauliche Sprache des Volkes...» (Lersch — Hauptpr., I, 47).

«Auch die Ersparung von übergeordneten Verben und überhaupt Hauptsätzen jeder Art bei mit Konjunktionen eingeleiteten Nebensätzen erwächst aus gleicher Grundlage: die affektische Betonung in Verbindung mit Mienen, Gesten und Situation ersetzen die entsprechenden Verba timendi, mirandi usw., deren Gebrauch vielmehr der Intellektualsprache, und dem ruhigeren, nach Abebben der Gemütsbewegungen sich einstellenden Ton der Alltagssprache eignet» (Hofm.—L. U., 51).

1. Очень распространен тип сложных предложений, в которых в качестве основного грамматического показателя «однородности» простых предложений, образующих сложное, является параллелизм — лексический и морфологический, сочетающийся обычно с параллелизмом ритмомелодическим.

Стон стайть, гуд гудить (Ряз.).

Я работала, я в Маскве жила, в лэзарёте я служила, за салдбатами жадйла (Ряз.).

Апять утром вставаем, апять идём сюда (Ряз.).

Сейчас машина напрядёт, машина наткёт (Ряз.).

Пинкя — асбья, кьнапй — асбья (Б. — Т. О.).

Кто-то в лес, кто-то молотить (Вол.)¹.

2. Близко к этому типу сложного предложения стоит объединение простых предложений, в которых имеются слова, по смыслу противопоставляемые друг другу и несущие на себе фразовые ударения. Получается также своего рода параллелизм, всегда явно отражающийся в ритмомелодической стороне сложного предложения.

¹ Аналогичные примеры из фольклора:

Тут утка крикнула, берега зякнули, море взболталось, море есколыгнулось — лезет чудо юда, мосальская губа... (Аф. Ск., I, 36).

Конь бежит, только земля дрожит, из-под ног ископыт по сенной копне летит, из ушей и ноздрей дым валит (Аф. Ск., I, 136).

*Во шатре стоит кроваточка тисовая,
На кроватке лежала периночка пуховая,
На перине одеялышко черного соболя,
Под кроваткой стоит бочка да с зеленым вином...* (Григ., III, 17).

*Сидит на коне молодец во двенадцать лет;
Под ним конь, как лютый зверь,
Из ноздрей-то искры сыплются,
Из ушей-то дым столбом стоит...* (Рыбн., I, 199).

*Шелом на буйной голове замычется,
Шелому цена три тысячи;
Конь в руках мурземецкое, как свеча горит;
К левой бедре припоясана сабля острая,
Во долину сабля сажень печатная...* (Кирша, 22).

*Пришли охотники рыболовые,
Все избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны...* (Кирша, 17).

*Бились витязи три дня,
Бились три часа, три минуточки,
Намахались их плечи могутные,
Ужидилась кони их добрые,
Притупились мечи их булатные* (Кир., IV).

Май хлебы паёли, дру́гáя сваза́ зъя́вляе́т хлебы (Ряз.).

Не нашёл сваёй пабо́ски, за́цял цю́жю́ жать (Ряз.).

Да она́ ни́чего, е́сь дру́гая б́у́то хоро́шая (Арх.).

По́ перво́й д'е́н' ни́ц'ево́ было́, по́ друго́й д'е́н' до́ локт́и́ роспу́хла (Горьк.)¹.

3. Встречаются и такие сложные предложения, в которых сочетаются оба описанных выше способа соединения простых предложений, т. е. и параллелизм и противопоставление.

Сы́час по́л'ут па́дсолну́хи, па́том ка́са'и́ца, та́м ж'е́л' нас'и́т', та́м ажы́ны нас'и́т'... (Гр., VI).

Отношение между указываемыми мыслями может быть выражено посредством одних только ритмоледичных приемов, а именно — посредством выделения фразовым ударением по одному слову в каждом из простых предложений, посредством одинакового (точнее — однообразного) для каждого предложения интонационного рисунка и пауз между предложениями. Сложные предложения такого типа обычно содержат в себе описание чего-нибудь, рассказ о фактах, следующих один за другим или совершающихся одновременно. К этому способу выражения отношения может добавляться, в качестве усиливающего его приема, частичный лексический параллелизм.

Та́м по́ла́ти ќла́дено́, та́м д́и́ти спа́ли (Арх.).

Эта́ бы́ла р́удная́ изба́, эта́ пе́ц'ка́ бы́ла ру́сская́ (рудная — топившаяся по-черному; Арх.).

У нас ба́йна хо́рбша́, бе́лая, пе́ц'ка́ бе́лая... (Арх.).

Ско́тийнина́ своя́, мо́лоц'и́на своя́ (Арх.).

По́толок ќра́шено́, всё́ ќра́шено́ (Арх.).

Та́м яго́ды бли́зко, во́лну́хи бли́зко, ры́ба бли́зко (Арх.).

Ру́ки ле́та́ют, но́ги ле́та́ют, го́лова ле́тат во́ все сто́роны (Арх.).

По́больше́ дом-от́ бы́л, зи́мбо́вка бы́ла, за́дню́ха (зимбо́вка — зимняя, утепленная часть дома; задню́ха — пристройка сзади дома; Арх.).

...У́ меня́ яго́д на́брано́, у́ меня́ моро́шки по́лон у́шат на́бран (Арх.).

В сложных предложениях рассматриваемого типа явно выступает одинаковая значимость того, о чем говорится в каждом из простых предложений, и вместе с тем стремление гово-

¹ Фольклор дает много образцов таких предложений:

Не шу́тка про́машка́, шу́тка по́правка (Даль — Посл.).

На дру́гих у́мен, на се́бя ѓлу́п (Даль — Посл.).

У́мный́ сми́ряе́тся, ѓлу́пый́ наду́вае́тся (Даль — Посл.).

У́м до́водит до́ безу́мья́, разу́м до́ разду́мья́ (Даль — Посл.).

Во до́лину́ са́бля са́жень печатна́я,

В ши́рину́ са́бля во́сми ве́ршков... (Кирша, 22).

рящего перечислить известные ему факты, переживаемые им чувства и т. п. как части одного целого. Это достигается сочетанием указанного выше параллелизма с весьма отчетливой расчлененностью всего сложного предложения на почти математически равные части. Сложные предложения такого типа поддерживают эпический стиль повествовательных жанров, — их встречаем поэтому часто в былинах, сказках и т. п. фольклорных произведениях.

Бусы из бѣсеря, на них склупнѣ тоненькая (Ряз.).

Пот ключьями льетъ, всё мокро (Ряз.).

Я явѣ любила ободритъ, сматрѣть мнѣ на явѣ радостно было (Ряз.).

Мы приехали туда, итпрямѣ, сзавѣр нам поставили (Ряз.).

Пайдѣм скарѣ драть, до абѣда три пуда наберѣм (Ряз.).

А бруснику скупають такие у нас скѣпнѣики, в лясѣ живють, ббѣки у них стайтъ (Ряз.).

Перед светом праснѣѣи, анѣ явѣ накормитъ, анятъ уснѣтъ (Ряз.).

Абрѣда у нас друнѣя; нѣлавѣ ѣсѣ нѣрѣтъ, лѣнѣя, бѣнѣты цѣплѣють, пушкѣи, пѣднѣзы, тѣвяты, лѣнды атлѣснѣѣи купляим, бадрѣик ис жалстѣни, уроди как калѣцѣ... (Б.—Т. О.).

У нас прѣзѣник ни рабѣтѣѣим, ѣ крунѣ хѣдим, унѣашѣѣим, лѣпѣшки пѣкѣм, ульѣа бывѣитъ, танкѣи ѣбѣдють, илрѣшѣи... (Б.—Т. О.).

Чудѣсник былъ, голова була кудрѣвѣтая (Вол.).

Все белѣе, грѣвы-то долѣе... (Арх.).

Комарѣ нас всех заели, толькѣ цѣшѣмси (Арх.).

А мужа взяли в солдаты, одна остѣлась (Арх.).

Детей выросѣтила, доцѣ уѣ замуж вышѣла, у доцѣри двоѣ детѣи родѣлось уѣ (Арх.).

Вѣцѣра весь день косѣла, да одѣва дошѣла, три цѣшѣки выпѣла кѣпѣянку, ушѣла на сарѣи спѣтъ (Арх.).

4. В том же типе сложного предложения, но с более длительной паузой между его частями, выражается оттенок сопоставления первой части со второй. В зависимости от реального содержания текста здесь возможны между простыми предложениями отношения действия и его результата, причинно-следственное, иногда противопоставления.

Год прѣшлѣ — под венѣцъ мѣне (Ряз.).

Сѣдетъ — всѣ пѣсинѣтъ (Ряз.).

Вѣялку прѣняслѣ — скарѣй мѣлатѣтъ (Ряз.).

Пѣкѣс нѣямнѣжко уѣманѣлся — анѣи жѣтъ пѣйдѣтъ (Ряз.).

Каши крупнѣѣѣи нѣклатѣешь — десѣтъ цѣлавѣк не пѣядѣтъ (Ряз.).

Не пона́вился мне — нужда напёрла (нужда заставила пойти замуж за человека, который не нравился; Ряз.).

Цявóй-то хо́чешь сказа́ть — язы́к атня́лси, не вы́говари́шь (Ряз.).

Лёсинку сру́бят — одно́ смо́льё (Вол.).

Выхо́дные они́ да́ют — ну́ко весе́льству́ют (Вол.).

Да ну́ко ры́зжикн лома́ть да лома́ть — поло́н бура́к на́ло-ма́ла (Арх.).

Де́дюшка два́цять петь ле́т служи́л в солда́тах — нё́ была́ война́ (Арх.).

Пришла́ на сходку́ — стари́ков по́лна изба́ сиди́т (Арх.).

А после́ налади́лси́ жи́ть хоро́шо — мужи́к у́мёр опе́ть (Арх.).

5. Очень распространенным является сложное предложение, в котором между простыми делается значительная пауза, причем простые предложения представляют собой в интонационном отношении симметрично расположенные равные (не по числу слов, а по синтаксическому строению) и равнозначные части. Основное значение такого построения предложения — сопоставление и указание на взаимозависимость. Частные оттенки значения взаимозависимости вытекают обычно из реального содержания предложений. Чаще всего это связь временная или условная, либо условно-временная (поскольку условная связь базируется всегда на временных отношениях). В тех случаях, когда в начале второго предложения есть слово *тогда*, связь между предложениями — временная. Условие или указание на время обычно содержится в первом предложении.

Мене бра́ли — два́цять три́ сеа́дьбы́ бы́ла (Ряз.).

А в де́вках жи́ла... ой мно́го я го́ря ви́дела! (Ряз.).

А уже́ зима́ приде́тъ — та́кды́ уж се́ном их ка́рми́ть (Ряз.).

А пэ́старёл — та́кды́ уж я ну́жна, ба́бка (Ряз.).

Ко́ скоту́ ходи́м — за́сви́цлем (Вол.).

Я при́шла — она́ пяти́годо́ва́ бы́ла, на шосто́м (Арх.).

6. Наряду с этим типом сложного предложения, но еще более часто, встречаются сложные предложения, в которых оба простых со стороны ритмомелодической представляют собой одно целое, как бы одно простое распространенное предложение, связь же между предложениями здесь обычно временная. Предложение, в котором указывается, когда совершается то, о чем говорится в другом предложении, может ставиться как на первом, так и на втором месте, а может вставляться и в середину другого предложения. По размеру своему это временное предложение обычно краткое и нередко состоит всего из одного сказуемого, всегда глагольного. У этого предложения есть, несомненно, черты, сближающие его со вставным предложением (см. выше), однако оно, по сравнению с этим последним, составляет не «иностранное тело» по отношению

к окружающему тексту, а органическую часть его (почему, между прочим, и может стоять на первом месте, что невозможно для предложения-вставки).

Он мне хлеба не было ұрақшы давал (Ряз.).

Клавдия Ивановна сама придёшь накормить (Ряз.).

Я бывало не сменяют мене хбдю да хбдю (Ряз.).

Ани ибмеряли ешо мы не сёяли (Ряз.).

В Сибирь мы ездили вон какая дарбұа была! (Ряз.).

Там мы приехали утұт было сколько! (Ряз.).

Глядь, судьы, он уехал ешо мы в Маскве жили (Ряз.).

Скатуину не видать ұбнютъ (Ряз.).

Я не пивала молода была (Арх.).

Ешб был муж отходила (т. е. сноха отделялась, когда еще жив был муж; Арх.).

По шести короваёф дают покойника принёсуи (М.—Н.).

На сине спят приезджяют (М.—Н.).

Шчо не унёсла блюда похлёбала? (М.—Н.).

Вот какой поворот делаем издим (М.—Ш.).

И молодой был не пил (М.—Ш.).

Мы лигли солнышко только возило (М.—П.).

Нощь спал ежал (М.—П.).

Ну, он деньги перестали опеть к ёму пришоу (Шахм.—Олон.).

Это очень типичная конструкция и для литературной разговорной речи. Мы наблюдаем ее повседневно. Ср. такие фразы, записанные в подлинном виде А. М. Пешковским: «А на поле как хорошо мы были!», «А было время их расстреливали»¹, «Почему ты уходишь не закрываешь электричество?»²

7. При той же структуре сложного предложения, которая описана в п. 5, но при наличии известных соотношений между формами, которыми выражены сказуемые того и другого предложения, возможна только условная связь. Это бывает: а) когда сказуемое первого предложения выражено условным наклонением или повелительным в значении условного, а также буд. временем; б) когда сказуемое первого предложения выражено инфинитивом (сказуемое второго предложения обычно стоит в таких случаях не в прош. времени); в) когда на

¹ А. М. Пешковский. Сборник статей. Л. Госиздат, 1925. Статья «Десять тысяч звуков».

² А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 3 и сл., гл. XXVI.

сказуемом первого предложения делается резкое повышение тона, а между предложениями — отчетливая пауза.

А кинь на дарбѹ — нагѣй нлѣтѣишь и всю рѣзнѣишь (об ореховой скорлупе; Ряз.)¹.

На тебе глѣдетъ — живот балѣтъ (Ряз.).

Да вѣдь будутъ уцѣтъ — уцѣнымъ будѣтъ (Ряз.).

А засохнетъ — худо будѣтъ (Ряз.).

А то вамъ уважай, кѣдусовскимъ, — все глѣзѣ выцарапаете (Ряз.).

Наробѣтамъ — зиму едимъ (Арх.).

Здѣсь жить хорошо — корова своя имѣтъ (Арх.)².

Какъ видно изъ большинства примеровъ, условие, при которомъ возможно то, о чемъ говорится въ одномъ изъ предложений, обычно содержится въ первомъ предложении. Только последний примеръ даетъ обратную картину. Условная связь выражается въ немъ соотношениемъ формъ сказуемого — инфинитивомъ во второмъ предложении при «непрошедшемъ» времени сказуемого въ первомъ предложении, но, кроме того, еще усиленнымъ интонационнымъ выделениемъ словъ *корова своя* во второмъ предложении. Отсутствие перечисленныхъ условий приводитъ къ тому, что отношение между предложениями можетъ быть воспринято и какъ времен-

¹ В предложенияхъ, записанныхъ нами и нашими учениками, описанная здѣсь ритмомелодія была зафиксирована на месте. В примерахъ, взятыхъ изъ печатныхъ материаловъ, соответствующая ритмомелодія предполагается. Это замечание относится ко всемъ аналогичнымъ случаямъ и в дальнейшемъ.

² В сказкахъ, пословицахъ, поговоркахъ и другихъ фольклорныхъ жанрахъ такие сложные предложения широко распространены:

Не скажешь — сейчасъ съемъ тебя! (Аф. Ск., II, 284).

Укрепится человекъ — крепче камня, а ослабнетъ — слабѣе воды (Даль — Посл.).

Карась сорвется — щука навернется (Даль — Посл.).

Удастся — бразска, не удастся — квабѣк (Даль — Посл.).

Бояться несчастья — и счастья не будетъ (Даль — Посл.).

*В дорогу ту ехать убиту быть,
В другую ту ехать женату быть,
В третью ту ехать богату быть* (Гильф., III, 226).

*Тутъ-то Сухмантый пораздумался:
Какъ поехать мнѣ ко славному городу ко Киеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру?
Поехать мнѣ — живу не бывать...* (Рыбн., II, 148).

*Говорила Катерина-та Микулична:
«Да премладый Чурило ты сынъ Пленкович!
Да я тя поиграю, тебя богъ проститъ,
Да ты меня поиграешь, тебе сто рублей»* (Гильф., III, 224).

ное и как условное. Так именно и понимаются многие сложные предложения из приведенных в п. 5. Вот еще несколько подобных сложных предложений:

Цяб не по ней — в рбзѣ брала (Ряз.).

Щепѣя попадут — клади о себе в кѹцу, и мусор попадет — клади опять в другую кѹцу, а деньги перестанут — опять ко мне приходи (Шахм. — Олон.).

8. При том же строении сложного предложения возможна причинная, а также изъяснительная связь между простыми предложениями. Это отношение воспринимается при наличии значительной паузы между предложениями и выделении одного из слов второго предложения повышением тона. В таких случаях во втором предложении заключается причина, обоснование того, о чем говорится в первом предложении, либо же раскрывается, конкретизируется (часто в виде перечисления деталей) сказанное в первом предложении.

а) Во втором предложении — причина, обоснование.

Я разрываюся, плацю: жалко мне (Ряз.).

Мене уж на блинах пѣминѣли: думали — не жив (Ряз.).

Цяво хошь нѣбалтаеѣтъ, сын-то ее: с глупѣной (Ряз.).

Ямѹ дѣялѣб хадѣтъ нялзя: храмѣй (Ряз.).

А мы все мокрые: дажѣ mila (Ряз.).

Бывало, в эту пору и гурцѣв не оберѣси, а нѣня нет: дажѣб нет (Ряз.).

Вѣрст за трѣтцѣтъ ѣздим к хѣти на дравѣ: степ у нас (Б. — Т. О.).

А перь у нас вицярѣнак нетѣти: ѹ сѣт ходим, капѹсту сажѣим, пѣлим, на бакшѣ, хряды дѣлаим (Б. — Т. О.).

Тяжело поднимать-то: люѣно больно (люѣно — очень; Вол.).

Усодбмилась: с обеда ходила, пограѣбила (грабить — сгребать сено; Арх.).

Сѣгѣду одѣа не замѣрзли: зима холѣдна бѣла (Арх.).

А я не толкую, цѣго пить: не пивѣла век-от (не толкую — не понимаю; Арх.).

А, ска, Мишка, ска, берегись винѣ пить: от винѣ пропадѣшь (Арх.).

Меня уцѣтъ не надо было: я с малых лет наѹцѣна бѣла (Арх.).

А я уж ей не смела дразнить, этой свекрѣви-то: бойкѣя бѣла (Арх.).

В робѣтницѣ нанимѣѣи не захотела: ска, тяжѣлѣ будѣ жить (Арх.).

Пойдѣм, у нас лѹѣе роботать: теплѣя да (Арх.).

Нѹжна стрица обмаладѹ мѣсица: вѣлѣсы будут рость луччи (Хал. — Курск.).

Возми с собой шубно одѣяло, вишь кака стужа! озебнешь ведѣ (Лук. — Перм.).

Бедниться не на кого: сам виноват (бедниться — жаловаться; Коп. — Пск.).

б) Второе предложение — изъяснительное.

Итить дьялѣ: с вярстѹ аь паббле (Ряз.).

Ницѹть дома не живѣть: все на реку да на реку (Ряз.).

Хѣрашѣ около мене: хлеб, рожь-то (Ряз.).

Двор большѣй был: падрѣд дванѣцяти (Ряз.).

Туды за Локашѣ-то, там ведѣ канѣцѣ нашей реке: анѣ там в большѹю рякѹ упадаетъ (Ряз.).

Премировали: раз 20 рублей, раз 15 рублей (Ряз.).

А тапѣрь вон знай машины: и прядѹть машиной, и шѹть (Ряз.).

Мне дело дали: я шорник калхѣзный (Ряз.).

У ней свѣкрѣ бальнѣя: не ходить, итнѣлѣсь нѣѹи (Ряз.).

Свой он: братѣн мужу-то (Вол.).

Язык как колоколѣ: все брякат (Вол.).

У нас такая-то поцѣва: все просит назѣм (назѣм — удобрение, навоз; Вол.).

У меня там хорошо: мух нет, да не жарко (Арх.).

Я не могу спать: выстану да на лавке посижу (Арх.).

Он уж был такой: с людьми-то хорѣшой, хорѣшой, хорѣшой (Арх.).

Такѣ у ней волосы: все завивѣѹѹи (Арх.).

Идѣ как погибелка: вся голѣвушка висит (Арх.).

Я хоть небольшѣ была, а крепкѣя: в век свой не лѣживала (Арх.).

А волк-от витѣ больно, бают, вороват: он, бают, на однем-те месте не живет; а все седни здѣсь, а на утрѣ та уж и забежит верст за двадцѣть (Нижегор. — ВГО, XXIII—99).

Какии неувѣрчиви: божишься, и то не верѹт (Арх. Слов., № 118)¹.

9. При том же строении 'сложного предложения возможен во втором предложении оттенок следствия, результата, иногда вывода или заключения из того, что сказано в первом предложении. Этот оттенок находит себе выражение в повышении тона на одном из слов в конце первого предложения, значительной паузе между предложениями и сильным фразовым ударением на одном из слов второго предложения.

А тут рѣзѣбравлѣсь — апятѣ нас в калхѣз принѣли (Ряз.).

Этот на том свете — про нѣвѣ нѣцѣво жалѣваѹи (Ряз.).

¹ Предложения этого типа часто встречаются в пословицах и поговорках:

Счастье, что волк: обманет, да в лес уйдет (Посл.).

Счастье — не конь: хомута не наденешь (Посл.).

Беда — не дуда: поиграв, не кинешь (Посл.).

Буря, бывало, пайдѣть — зѣи не видать (Ряз.).

На другой бок пирьвѣршиш — бѣтѣ как хгрошо
(Б. — Т. О.).

Мы ни стѣлабрѣтцы: у нас можна курить (Б. — Т.).

Вот я под хоромы сяду — теплѣ будѣ (Арх.).

А ты, доброзот, много в мою гблову плеснула блова — она не шатѣеѣи (Арх.).

В острову ницѣво нет — надо за озеро ходить (Арх.).

Когда при описанном строении сложного предложения в первом простом есть местоименное указательное слово *такой*, *так* и т. п., то второе простое обычно поясняет степень признака, о котором говорится в первом предложении.

Такб стѣкло было — хоть все на ляпац'кѣ дери (ляпац'кѣ — тонкие пластинки; речь идет о слюде; Арх.).

Он был раньше такой хулиган — из тюрьмы не вон (Арх.).

Повышение тона в первом предложении приходится обычно в таких случаях на указательном слове.

Внешние показатели отношений между предложениями в сложных предложениях, рассмотренных в последних пунктах, не настолько резко отличаются один от другого, чтобы по ним можно было безошибочно установить в каждом отдельном случае, что именно содержит второе предложение: причину, «изъяснение» или следствие, вывод. В таких случаях синтаксическое строение позволяет уловить только то, что является общим для всех этих видов отношений, именно — что во втором предложении содержится нечто расширяющее, углубляющее содержание первого чем-то частным, конкретным, между тем как в первом предложении содержится общее, основное. Вот примеры, где между простыми предложениями по синтаксическим показателям почти с одинаковым основанием можно усмотреть различные частные виды этого отношения:

Ох, цѣй харбш — рыгаѣи хграшб (Ряз.).

Я рада: дед пбмер, мене ргзвѣзѣл (Ряз.).

В первом примере можно усмотреть и связь факта и его следствия, результата («Чай хорош, поэтому рыгается хорошо»), и связь факта и его причины, обоснования («Чай хорош, это видно из того, что рыгается хорошо»). Во втором примере можно усмотреть и «изъяснение» (т. е. ответ на вопрос: «Чему именно рада?»), и изложение причины того, о чем говорится в первом предложении («Рада потому, что дед умер и развѣзал меня»).

На следующем примере можно показать, что различные виды отношений между предложениями выражаются чрезвычайно тонкими внешними приемами:

Зѣкапѣиши — до самово пѣтравѣ дни хѣркаешь землей
(о торфяных работах в старое время; Ряз.).

Если произнести слово «закоптишься» с резким повышением тона, получится отношение условное («Если закоптишься...»). Если то же слово произнести с меньшим повышением тона, получится отношение факта и его результата («Закоптишься, в результате чего до самого петрова дня...»).

Еще примеры этого типа:

Мужик ловкач, обдѣлает кого угодно (Васн. — Вят.).

Испортили парня, дурут (испортить — околдовать, нагнать порчу; Васн. — Вят.).

В бане одурманило — насилу отдышалась (Васн. — Вят.).

10. Очень близко к только что описанному типу стоит такое сложное предложение, в котором первое простое предложение содержит в себе глагол (*смотреть, глядеть, слушать* и т. п.), произносимый с повышением тона, между предложениями делается значительная пауза, а во втором простом одно из слов или словосочетаний заметно выделяется в произношении. Второе простое предложение в таких случаях обозначает то, что является объектом восприятия.

Патбм я вышла на колидбр, сматрю — мой дедушка несёт воду (Ряз.).

Я вышел, гляжу — исвяйáет а҃онь вроде как сзади (Ряз.).

Я г҃лянула на дарб҃у — лажйт узел, свинки хунта це-тыре (Ряз.).

Поглядишь — приехал да бурак рыбы приѣз (Арх.)¹.

11. В тех случаях, когда в первом предложении сказуемое выражено глаголом со значением высказывания, мышления, чувствования или восприятия, второе предложение может присоединяться к первому без всякой паузы. Второе предложение содержит в таких случаях объект того действия, о совершении которого говорится в первом предложении.

Вялите Тимохе карбѣу надо прирезать (Ряз.).

Узнал у леснїцѣсѣ денег у нлѣб мно҃го (Ряз.).

Анá вїдѣла ў хáтя дворавбѣй (Б. — Т. О.).

Слышала ф старину бѣнали на палѣм (Б. — Т. О.).

А мы думали вы с жанáми тут (Ряз.).

Думали не жив (Ряз.).

Думаю уж прапáла я на свете (Ряз.).

¹ Фольклорный язык дает множество таких примеров (в повествовательных жанрах):

Глянула в правую сторону — стоит колодезь (Аф. Ск., II, 279).

...глянула в чистое поле — короли еще больше того войск собрали и опять весь город обступили (Аф. Ск., I, 161).

Выходят во двор, смотрят — старичок с ноготок давно убежал, только половина бороды на столбе мотается (Аф. Ск., I, 140).

...пришли на конную, смотрят — лошадей много, а выбрать не из чего (Аф. Ск., I, 155).

А брад думал сабака (Петр. — Ряз.).
 Аній байці мужукий придѣть и закурять (Ряз.).
 А ино говоря на берегу живут построились (Арх.).
 Мать-то баяла двенадцята недѣля идѣ (ребенку; Арх.).
 Думала зимы-то сѣгодня не прожить (Арх.).
 Думали вы не придѣте (Арх.).
 А ему грѣзици сапоги (Арх.).
 Уцѣошь на смотрѣ приѣхали да и пойдѣшь (Вол.).
 Ноневидишь, сугрѣвушка, остарѣла (Арх.).
 Я видел его тайѣли (М. — Ш.).
 Видеѣ мимо-то ѣхал (М. — Ш.)¹.

12. Точно так же могут сливаться в одно целое два предложения, в первом из которых выделяется в произношении имя существительное; второе из предложений (обычно краткое) служит в таких случаях пояснением, определением к выделенному существительному первого предложения. Предложение определяющее может стоять на втором месте, но может стоять и внутри первого, обычно примыкая непосредственно к определяемому существительному.

У нас ни у каѣ две избы нет **прамеждѣ сѣни-то** (Ряз.).
 У нас баба **пѣмѣрла нѣнь-то** | знала эти слова (М. — П.).
 Старик **показывала-то я вам** | мужу моему братан (М. — П.).

Поправился ли тот мужык **змей-то укусил**? (М. — П.).
 Сын **сноха-то ушла** | лони умѣр (М. — П.).
 Наш дом у байны **вы вѣцера купались** (М. — П.).

Сказанное об отсутствии в сложных предложениях рассматриваемого типа паузы между простыми предложениями следует понимать так, что здесь нет пауз, противопоставляющих одно предложение другому. Но здесь возможны и делаются такие паузы, какие встречаются внутри простого предложения между его членами или группами членов. В некоторых из приведенных примеров паузы отмечены вертикальными чертами. Как нетрудно убедиться, эти паузы отделяют группу сказуемого от группы подлежащего, что очень часто имеет место и в простом предложении, в особенности если группа подлежащего значительна по размеру.

¹ Этот тип сложного предложения часто встречается в памятниках древнерусского языка и в фольклоре:

А старца Селиверстка искали... и сказали не нашли (Ф. Шакл.).

А чая в реку посадят (Ж. А.).

Визжу плавают стройно два корабля влаты (Ж. А.).

Видит — опять нехватает одного барана, рассердился, побежал в избушку... (Аф. Ск., I, 140).

День шел, другой шел, на третий забрел в дремучий лес. Где тут ночевать? Увидал на опушке две избы стоят... (Аф. Ск., III, 356).

Общий вывод, который можно сделать из рассмотренного в этом разделе материала, состоит в том, что при соединении предложений без помощи служебных слов восприятие отношений между ними складывается на основании разнородных факторов, из которых сопоставление реального содержания соединяемых предложений играет едва ли не наиболее важную роль; далее следует ритмомелодия всего сложного предложения и составляющих его частей — отдельных простых предложений; наконец, в некоторых случаях, показателем отношения может являться порядок предложений. Трудно сказать, какие именно элементы взаимоотношений выражает тот или иной показатель, так как функции каждого из них не дифференцированы: в одних случаях большая «нагрузка» приходится на долю ритмомелодии, в других — на долю реального содержания предложений (вспомогательную роль играет при этом также обстановка, в которой протекает речевое общение) и т. д. Окончательное же понимание слушающим отношений между простыми предложениями, образующими сложное, складывается на основе совокупного восприятия всех отдельных факторов, учитываемых в их реальном проявлении в каждом данном случае.

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ЧАСТИ КОТОРЫХ СВЯЗАНЫ ПРИ ПОМОЩИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ЧАСТИ КОТОРЫХ СВЯЗАНЫ ПОСРЕДСТВОМ ЧАСТИЦ

Простые предложения, входящие в состав сложного, при отсутствии соединяющих их союзов или относительных слов, могут связываться, как вспомогательным средством, при помощи служебных слов — частиц.

На возникающий вопрос о том, почему служебные слова данной категории, используемые для связывания предложений, не рассматриваются как союзы, а именуются частицами, можно ответить следующее: 1) частицы, служащие для выражения отношений между предложениями, выполняют лишь вспомогательную роль: они усиливают, иногда уточняют то отношение между предложениями, которое в основном выражено другими средствами (ритмомелодией, порядком предложений, соотношением времен глаголов-сказуемых) или которое складывается на основании реального содержания связываемых в одно целое предложений, между тем как союзы служат основным

средством выражения отношений между предложениями; 2) они отличаются значительной подвижностью и занимают в предложении место в зависимости от того, где стоит тот член предложения, к которому они примыкают по смыслу, между тем как союзы всегда помещаются в начале предложения; 3) они всегда неударяемы (проклитичны или энклитичны)¹.

Десять целовек приди — дак хватит (речь идет о большом самоваре; отсутствие частицы *дак*, благодаря употреблению повелительного наклонения в первом предложении и паузе между предложениями, не сказалось бы на понимании отношений между предложениями; Арх.).

Письма нет от матери — я и плацую (частица *и* — в середине второго предложения; Ряз.).

Бывало, мы их [паневы] пѣдпайшем: они ведь нам долгие были (частица *ведь* — в середине второго предложения; Ряз.).

Перейдем к обзору частиц, употребляемых для выражения отношений между простыми предложениями, входящими в состав сложных.

Частица *ведь*

Эта частица, вводимая во второе из связываемых предложений, при наличии более значительной паузы между предложениями, указывает, что второе предложение содержит в себе объяснение причины, обоснование того, о чем говорится в первом предложении. Интонация первого предложения обычно совершенно не подготавливает слушателя к тому, что дальше последует пояснение, т. е. первое предложение не содержит в конце того характерного повышения тона, которое обозначает, что мысль в целом еще не закончена и, следовательно, нужно ожидать изложения второй половины ее.

Анѣ баяѣи мужуки придут и закуратъ: ведь сущь-та кака! (Ряз.).

Яѣ не брали в бязѣумный дом, яѣ пустили: ведь яѣ знали (Ряз.).

У ѣтово дети хорошие, а у тавѣ ѣлупѣе: он ведь пѣанѣушка (Ряз.).

¹ Несомненным неудобством является то, что служебным словам, о которых здесь идет речь, присвоено наименование частиц, используемое в дальнейшем для обширной категории слов, выполняющих иную функцию. Однако нежелание вводить новые термины без особенной надобности и частичная близость этих служебных слов к частицам показали нам достаточным основанием для присвоения им наименования «частицы».

Да́к худо́ оку́тка-то, а мне на́до те́пло: ве́дь ста́ра уж (Арх.).

Ту́т не́льзя сва́тато́, ро́дня ве́дь; не́вистин о́тец мо́ему шу́рину бра́тан (братан — двоюродный брат; Лук. — Перм.).

Частица *так*

Эта частица выступает в нескольких произносительных вариантах: в южновеликорусских говорах в виде *тэк*, *дэк*, в северновеликорусских — *так*, *дак*, *дэк* (последнее иногда звучит почти как *дык*). Все описываемые ниже типы сложных предложений с частицей *так* (и ее вариантами) характерны главным образом для северновеликорусских говоров, в южновеликорусских они крайне редки. Особенность этой частицы состоит в том, что она всегда ставится в начале второго предложения. Что касается значения, вносимого самой частицей, то оно состоит только в том, что второе предложение противопоставляется первому — не в том смысле, что второе предложение содержит нечто противоположное по отношению к сказанному в первом, а лишь в том, что введением в предложение частицы указываются факт и место перехода от одного предложения к другому. Однако в результате употребления говорящим некоторых других приемов (о них см. ниже) частица *так* в сочетании с этими приемами может выражать, кроме противопоставления, и некоторые другие отношения между предложениями.

1. В тех случаях, когда в первом предложении на одном из слов (или словосочетаний) делается значительное повышение тона, а во втором предложении такое же примерно повышение делается на слове (или словосочетании), соответствующем по смыслу интонационно выделенному слову первого предложения, второе предложение, начинающееся частицей *так*, выражает следствие, результат или логический вывод из сказанного в первом предложении.

Не пива́ла, дэк не знаю́ (о козьем молоке; Вол.).

Я вот то́же не в любви́ вышла́, та́к ве́к не по праву́ жила́ (Вол.).

В воскресе́нье у нас пра́зник в на́шей дере́вне, да́к на́ть ры́бы-то́ най́ти (Арх.).

У нас ве́дь, ви́дишь, си́верной кра́й, да́к у нас все сты́нне́ (Арх.).

Мяса́ насо́лю, да́к на ве́сь-от го́д (Арх.).

А ма́ть — о́дин па́рень, да́к тресе́щи (Арх.).

Па́рхи́ця выпала́, да́к съ́здите́ за дро́вами (парха — только что выпавший пушистый снежок; Арх.).

2. При наличии определенных форм сказуемого в первом предложении и соответствующих им форм во втором предложении (интонационное выделение коррелирующих по смыслу слов в обоих предложениях и пауза между предложениями сохраняются во всех этих случаях) отношение между предложениями воспринимается как условно-следственное. Очень характерно и важно, что роль частицы *так* здесь обычно настолько невелика, что опущение ее не приводит к изменению указанного смыслового отношения между предложениями. Вопрос, таким образом, сводится к тому, о чем говорилось выше, при описании сложных предложений, в которых простые связаны без помощи союзов (стр. 46—47).

Рассмотрим встречающиеся типы таких сложных предложений.

а) Сказуемые обоих предложений выражены глаголом в сослагательном наклонении.

Муж бы был, даж не поехала бы (Арх.).

б) Сказуемое первого предложения выражено повелительным наклонением со значением сослагательного, а сказуемое второго — буд. временем.

Уж этот — десять человек приди, даж хватит (о большом самоваре; Арх.).

За его заступись, так себе только остуду наживешь (Подв. — Арх.).

в) Сказуемое первого предложения выражено инфинитивом со значением сослагательного наклонения, а сказуемое второго — буд. временем или инфинитивом со значением возможности (невозможности) или неизбежности действия, либо словами *надо*, *можно* и т. п.

А уж не жить, даж придёщи продать кому ни (т. е. если не жить, то придется дом продать кому-нибудь; Арх.).

Вот короб заплетать, так тут надо по росчёту, аль кошель (Арх.).

Торговать, даж торговать без омеру, без овесу (Лук. — Перм.).

г) Сказуемое первого предложения выражено буд. временем, а сказуемое второго предложения — также буд. временем или повелительным наклонением. Условно-следственное отношение особенно отчетливо выступает тогда, когда буд. время в том и в другом предложении обозначает действие, время от времени повторяющееся или возможное (в этом случае сказуемое второго предложения может быть выражено наст. или прош. временем несовершенного вида).

Не привезешь, даж и ко мне не ходи (Вол.).

За чем она придё просить, даж ницёво не давайте (Арх.).

Заболит, так соды цёво попьё (Арх.).

Большу лодку сошьё, дак десять рублей за нее возъмё, а маленьки, дак по шес да семь рублей (Арх.).

А скуды пријидё, дак недѣлю да боле выживё (Арх.).

д) Сказуемое второго предложения выражено наст. или буд. временем (возможно и повелительное наклонение); сказуемое первого предложения обычно выражается теми же глагольными формами.

На том берегу нет, дак на другой переѣду, а найду дак (Арх.).

Такое положѣнѣ, дак поможом, говорит (Арх.).

Ееъ вера, дак возъмѣт деву-то (М.—Ш.).

Разновидностью даншого вида сложного предложения является такое, в котором первое предложение произносится частично с вопросительной интонацией¹.

А желаете (?), так в нашу баенку сходитѣ (Арх.).

Так я говорю: «Ходко шьёт (?), так ходко и носить будешь (ходко—быстро, недолго; Арх.).

Желаете (?), дак дам крынку... (Арх.).

Сравнение предложений этого пункта с соответствующими предложениями, заключающими в себе условно-следственное отношение без частицы *так*, показывает, что при одинаковых структурных чертах сложного предложения наличие этой частицы делает выражение указанного отношения гораздо более очевидным.

3. Если второе предложение, начинающееся частицей *так*, содержит в себе специальное восклицательное слово и произносится с восклицательной интонацией (последнее обязательно, специального восклицательного слова может и не быть), то содержание такого предложения воспринимается как количественная или качественная характеристика того, о чем говорится в первом предложении.

Наеѣз рыбы, дак ой! (Арх.).

Такой был хозѣин-от, дак сохрани господи! (Арх.).

Вецерѣнка да соберѣѣи, дак ой-ой-ой господи! (Арх.).

Иной год наростѣ, дак валом! (о грибах; Арх.).

А семья-то была, дак я пришла уж девятым куском! (Арх.).

Иной раз уток привѣз, дак бурак двоѣ несли (восклицательная интонация на слове двоѣ; Арх.).

¹ Следует иметь в виду, что характер повышения тона в условном предложении, стоящем на первом месте, тот же, что в предложении с прямым вопросом. Это проливает свет на происхождение условных придаточных предложений. Их генетическую связь с вопросительным предложением подтверждает также употребление в них союзов *если, ежели*, содержащих в себе вопросительную частицу *ли*.

4. Между первым и вторым предложениями может не быть никакого соответствия в отношении глагольных форм сказуемых; первое предложение произносится с небольшим повышением тона на одном из членов, предупреждающим о том, что мысль говорящего выражена не до конца; между предложениями делается небольшая пауза. В таких сложных предложениях второе простое предложение выступает как более важное по смыслу сравнительно с первым: первое предложение является как бы вступлением, содержащим тот фактический материал, на основе которого во втором высказывается основное суждение.

А дби́ка-то была, дак она коровку-то кормила да пошла (Вол.).

А он, батюшко, лежал, дак думали — умрё (Арх.).

У дбценьки была робетийшка, дак я возилась там (Вол.).

В девйцях, большая уж была, ходила на вецёрки, дак не была табáцная душйнка (Арх.).

У нас один мужик был, так он ббёк был спать (Арх.).

Сестра-то была суровáя-суровáя... дак впереди всех умрела (Арх.).

А у меня вн́ку в Питер пбзвали, дак она бёгом побёгла (Арх.).

Конь был, дак цйстой бегу́н (Арх.).

Восемь дитёнков, ино ма́леньки, а ино больши́й, дак всех нать перемы́ть (Арх.).

Потом богодáнны́ умёрли, свёкор умёр, свекрёва́ умёрла, дак жйла с девёрьями (богодáнны — свекор и свекровь; Арх.).

Была тут заднёуха хорбша, дак в заднёухе, ска, зимой-то (подразумевается: жили в заднёухе; Арх.).

У доверенного-то прикáйшика шкатулку украл с дёньгами, так вот в пётельку брбсилси (Арх.).

Бают лён берут: так везу продать, да купить соли (Зуб.— Разгов.).

У миня лони паринь немб́к, стрась как, дак мы думали, итчо ему неотжиц́це, а вот ноне поправилсэ (Арх.— Д. К., без №).

В поле, вишь, не охоч робить, так пошел на лесную (т. е. на лесной промысел; Подв.— Арх.).

...Ну, дак прошенья прю́сим; итти жо будучи домóй; робята йхати хотят по сёно дак сурежать их. Проишайко-те (Вят.— ВГО, X—51).

Переходный тип, стоящий на границе между описанными выше типами сложных предложений с частицей *так* и последним типом, представляют собой такие предложения:

Ся́сье не посто́яло в перьвом, так не надо дру́г искать (Арх.).

Пряжа-то бы́ла, так я все пряла... (Арх.).

На́ зиму насо́лйшь, да́к как надо ешь (Арх.).

Незначительные оттенки интонации, преимущественно в первом предложении, приводят к различным смысловым отношениям: возможно то отношение, которое описано выше, в п. 4 (во втором предложении высказывается главное суждение, исходящее из сказанного в первом предложении как из фактического материала); возможно понимание содержания второго предложения как следствия или результата того, что сказано в первом предложении; возможно, наконец, и условно-следственное отношение (это относится к первому и третьему из последней группы примеров).

5. Близко к описываемому типу сложного предложения стоят предложения, которые по составу членов — если игнорировать интонацию и паузы — можно рассматривать как простые. Однако по своему ритмомелодическому рисунку они полностью совпадают со сложными предложениями, рассмотренными в предыдущих пунктах: перед частицей *так* делается пауза (хотя и меньшей длительности, чем между простыми предложениями); на одном из слов первой части предложения, до частицы *так* (эта часть иногда состоит всего из одного слова), делается повышение тона, а одно из слов второй части также выделяется повышением тона.

Я | дэ́к не бы́вала (Вол.).

Те го́ды ра́ньше | так ее по́ мнбгу дра́ли, эту ко́ру (Вол.).

Лоні́ | да́к было́ мно́го това́рисцев, а сё́годня не́т (Арх.).

Ны́нче за трё́и су́тки | да́к можно́ вон ку́ды уе́хать (Арх.).

А я́ | да́к вот ко́ли поедут собо́ровать на пер́вой рас́ жерсвую́ чо́лаковой (собо́ровать — собирать; Курб.— 2 разгов.).

...Да́ вот су́ме́рничам;́ кто ле́жит, кто си́дит та́к, а вот сва́тья́ | да́к она́ и в по́темках предет (Лук.— Перм.).

В Ша́дрине́ | да́к все хре́сьяна́ наго́лб си́ют пше́ницу;́ ржа́- нова́ хле́ба и не зна́ют (наго́лб — пого́ловно; Лук.— Перм.).

Ску́су в по́зле́бке я не ско́лько не зна́ю, по́ мне | да́к просты́е и́ти го́раздо лу́тше (Лук.— Перм.).

Основное и по существу единственное значение, создаваемое здесь сочетанием частицы *так* с указанной выше ритмомелодией, состоит в том, что слушающему сначала как бы предлагается «для обозрения» какое-либо представление, после чего относительно воспринятого высказывается то или иное суждение. Так, первое из приведенных выше предложений

обозначает примерно следующее: «Что касается меня, то я не бывала». Так же может быть раскрыт смысл и остальных предложений и всех других им подобных¹.

Частица *то*

Эта частица (встречающаяся в говорах между простыми предложениями редко) употребляется в тех же условиях и с тем же значением, что и частица *так*.

Не имеют против, то страстьми берут (т. е. не могут ничего возразить, так берут застрашиванием; Вол.).

А доц' вышла замуж, то и не записали (Арх.).

Дух-от короткой, то и дыгат (дыгать — трусить; Б.—Кал.).

А илименты — это правил'но: свой робёнок, то и кор'ми (Ленингр., Д. К., № 203).

Отставной солдат да старая девка в доме, — то выходи скорее вон (Подв.—Арх.)².

Частица *и*

Эта частица вводится во второе предложение и всегда примыкает к глаголу-сказуемому (глагол этот обычно стоит не на первом месте в предложении). Между предложениями делается значительная пауза, а на одном из слов первого предложения делается повышение тона. Значение сложного предложения с такой конструкцией — факт (излагается в первом предложении) и его результат, следствие или неизбежно необходимое продолжение (излагается во втором предложении).

Письма нет от матери — я и плацую... (Ряз.).

Незля — я и не работаю (незля — нельзя; Ряз.).

Он прастыл — ўхи-то и зляжйло (Ряз.).

Лячмй иднавá — в акурат и приснйлси (Ряз.).

Атсунуть её — анá и стайть (Ряз.).

Шумнул бы — народ и прибяжái (Ряз.).

¹ Предложения последнего типа засвидетельствованы, как типичные для разговорной речи, в нашей художественной литературе:

В Риме же так уж тысячу лет вместо церкви провозглашено государство (Достоевский. Бр. Кар., I, 2, 1).

— Вот я так уж никогда туда не поеду, — продолжал Тросенко, не обращая внимания на наспушившего майора (Л. Толстой. Рубка леса).

— А ты бы сизарки курил, милый человек! — заговорил Чикин, скрив рот и подмигивая. — Я так её сизарки дома курю, они слаще (там же).

² Частица *то* встречается в древнейших русских памятниках, где, повидимому, она еще употреблялась со значительной долей местоименного значения. Ср. *Оубеть моуж(ь) моужа, то мьстит братоу брата* (Пр. рус., Акад. I список).

Язык-то у меня как колокол — всё и колокол (Вол.).

Сено-то далеко — там и мёдом (Вол.).

До воспиталу только доезди ж, он и умер (Лук.—Перм.)

Карбас-то, вишь, шаткбй, баб-от и ошарбвило (ошарбвить — привести в беспамятство; Подв.—Арх.).

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗАМИ И ОТНОСИТЕЛЬНЫМИ СЛОВАМИ

Сложные предложения с союзами

Все встречающиеся в говорах союзы можно разделить на две категории: 1) союзы, соединяющие предложения равнозначные, друг от друга независимые, — союзы *сочинительные*; 2) союзы, соединяющие предложение дополняемое, раскрываемое в части своей или в целом, с предложением дополняющим, раскрывающим, — союзы *подчинительные*¹.

Сложные предложения с сочинительными союзами

Сочинительные союзы, встречающиеся в говорах, можно разделить на одиночные и повторяющиеся.

Союзы одиночные

Сочинительные союзы одиночные служат для объединения в одно целое двух предложений, относящихся друг к другу как равнозначные синтаксические единицы. К этой группе относятся союзы *и, да, да и, а, зато, а то, или, только, вот и, так и*.

Союз и

Союзом *и* объединяются в одно целое предложения, в которых сообщается о фактах, происходящих одновременно или следующих один за другим. Самый союз *и* выражает только объединение, все же другие оттенки отношений между объединяемыми предложениями воспринимаются слушающими либо из сопоставления реального содержания предложений, либо

¹ Деление союзов на сочинительные и подчинительные делается здесь не в силу существующей грамматической традиции, а потому, что оно реально существует в говорах, в чем можно убедиться из анализируемого ниже материала. Правда, не всегда в говорах возможно провести резкое различие сочинения и подчинения, и в связи с этим некоторые союзы лишь условно можно причислить к той или иной категории. Однако в целом существование двух категорий союзов сомнения вызывать не может.

на основании ритмомелодических показателей в их сочетании с реальным содержанием. Ритмомелодия указывает также и на то, имел ли говорящий заранее намерение высказать как первую, так и вторую мысль (незначительная пауза между предложениями, одна интонационная вершина, объединяющая оба предложения), или же вторая мысль возникла у него уже тогда, когда он заканчивал или уже закончил выражение первой (значительная пауза с полным понижением тона в конце первого предложения). В первом случае можно говорить о соединении предложений, во втором — о присоединении последующего предложения к предыдущему.

Вот дажи' будутъ, и ѳрибы будутъ (Ряз.).

У нябѣ тах-то бранхѣт и лѣхкие балъные в ѣм (Ряз.)¹.

Сейѳс там пѣрхѣд, и лѣдков нет (Ряз.).

Доѳеръ тамока | и три сына тамока (Вол.).

Нѣвы люди, и нѣвы пѣсни (Вол.).

Золото положъ, и никто не задѣржит (не задѣржит — не присвоит; Вол.).

Корѣвушок дѣржала, и все у меня было (Арх.).

Два гѣба сполнилося, и уж отѣлилася (Арх.).

Шуба да кафтан зимой не скиналися | и вѣсной тожо (Арх.).

Поглядел он на его и так-то ему бедно стало (бедно — досадно; Подв. — Арх.).

Тем вѣрѣм пошатнула нашего жаниха и свалился он на лафку (Гр. — Арх.).

Союз *да*

Союз *да* употребляется: 1) для объединения двух предложений, которые, будучи синтаксически равнозначными, не противоположны друг другу по содержанию; 2) для объединения двух предложений с синтаксически равнозначным, но взаимно противоположаемым содержанием.

В первом случае союз *да* близок по своей функции к союзу *и*, но отличается от него тем, что придает связи между предложениями оттенок присоединения, т. е. указывает, что мысль, выражаемая вторым предложением, возникла уже после того, как предыдущая мысль была высказана. Это подтверждается тем, что при употреблении между предложениями союза *да* с указанным значением первое предложение обычно произносится с интонацией законченности. Однако второе предложение нельзя рассматривать как совершенно самостоятельное, так как пауза, делаемая перед ним, короче обычной паузы между самостоятельными предложениями; кроме того, второе предложение

¹ Случаи явного присоединения отмечены вертикальной чертой между предложениями.

имеет несколько убыстренный темп в своей начальной части и значительное повышение тона на одном из своих членов.

Три карбы было, да падтёлки были... (Ряз.).

На, Пётрушка, да поминай моего Пётра Ехймовица (Арх.).

Нас-то двоё, да товарищев двоё (Арх.).

Сын на войны, да внука умёрла (Арх.).

Костя, дай мне што следуё, да я проц' пойду (Арх.).

Приехал прикащик, да захотись ему вецеринка собрать (Арх.).

Непосредственные наблюдения показывают, что употребление *да* (с указанным оттенком значения) более распространено в северновеликорусских, нежели в южновеликорусских говорах.

Употребление союза *да* для объединения предложений с противоположным содержанием (также по непосредственным наблюдениям) одинаково распространено как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах.

Харбиш мужик, да дбляго жить не стал (Ряз.).

Было закалял дожищек-то, да вот нету (Ряз.).

Ана бы и можна, да не хочетца (Черныш.— Б. М.).

Думаю захворала, да н'ицево не бо'ито, окром'а как с'ина (Гр., I).

У нас язя много, да ловить некак (некак — невозможно; Арх.).

У нас недалеко, да только тбжо за озёром (сенокос; Арх.).

Прялка-то е, да ноне не пряду (Арх.).

Ему бы выйти надо, да ёго война-то задержала дак (Арх.).

Дом-от у меня нбвой, да некому пановать (Арх.).

Было много сыновьев у меня, да все пр'имерли (Арх.).

Лежал за мертвецкую, да пошел на отжив и оздоровел (Подв.— Арх.).

Он врал-то сильнё, да и я и не кырнул, пускай, ску, врет (ску — думаю, говорю себе; Кулик.— Олон.).

Носим воду из колодца, да весной мутновата живет (Лук.— Перм.).

Не редки случаи, когда установить точно, какой из описанных выше двух оттенков значений выражен в предложении, нет возможности.

Д'ес'ат' годоф розошилисы, да оп'ат пр'ишол (Гр., I).

Ходй, да дом помни (Арх.).

Повторное употребление союза *да* в конце предложения

В северновеликорусских говорах встречается прием повторного употребления союза *да* в конце присоединяемого предложения.

В доски клали ёго, да закопали в яму да (Арх.).

Мыла избу, да в стены попала да (в стене оказалась иголка, поранила руку; Арх.).

А ёны двѣими с жѣнѣй живут, да двѣ детей да (Арх.).

Поскольку присоединение второго предложения уже выражено первым союзом *да*, вторичное употребление его, повидимому, служит для усиления и закрепления той связи, которая установлена союзом, стоящим между предложениями. Таким образом, можно считать, что второе *да* близко по своей функции к частице. Независимо от того, как будет названо это *да*, следует отметить своеобразие приведенного факта, имеющего свои варианты (см. ниже) и характерного, насколько можно судить по опубликованным диалектологическим материалам, лишь для части (повидимому, довольно ограниченной) северновеликорусских говоров.

Союз *да и*

Этот сложный союз употребляется в говорах (чаще в северновеликорусских) также для присоединения одного предложения к другому. От союза *да* он отличается тем, что придает указанной выше связи оттенок «и кроме того», «и к тому же», а в некоторых случаях обозначает резкий переход от одной ситуации к другой.

Спать-то хорошо, да и мухи не кусают (Арх.).

Он там проводил деньги-то, да и назад (проводил — истратил; Вол.).

Сидят' у дѣми, дѣ и хорюшка мѣла (Кам. — Тульск.).

...У ней рыла-та словно вспахана, рябищая, гарнищая, дурнищая, да и гутѣр-та ня по девичью ... (Даль — Тамб.).

В деревне у нас все живут таки справно, только Фома нужненько, да и он без хлеба не сидит (Лук. — Перм.).

Сложный союз *да и*, подобно союзу *да*, также употребляется в части северновеликорусских говоров повторно (с тем же смысловым оттенком).

Им-то полно блюда наклали малины, да и высушили да и (Арх.).

Иногда союз *да и* ставится в конце второго предложения.

Два яйца разбито, молока да и (второе предложение — неполное, обозначает: «Да и молока дали»; Арх.).

Близость по функции союза *да и* (как и *да*), помещаемого в конце второго предложения, к частице видна из такого примера:

Мешок там сколько стоит, дак заплотишь да и (Арх.).

В этом предложении *да и* близко по значению к *и* и должно быть отнесено к частице *дак* в качестве добавочного элемента (*дак и*). Встретилось такое конечное *да и* в предложении-вставке:

В Питер уехала, сёстры всё придержали, — были две сёстры да и (придержали — присвоили; Арх.).

Здесь *да и* уже безусловно не имеет союзного значения, а употреблено в функции выделительно-усилительной частицы.

С точно такой же выделительно-усилительной функцией встречается изредка и *да*.

Рыбку ловил да, а пашни уж не пахал (о старике; Арх.).

Да у нас мало пили да, хотя и была водка да (Арх.).

Союз *а*

Основное значение союза *а* — объединять в одно целое предложения, содержание которых сопоставляется. Сопоставляться могут как разнообразные по содержанию факты, так и факты, которые заключают в себе элементы, противопоставляемые друг другу. Здесь возможно несколько случаев.

1. Посредством союза *а* соединяются предложения, содержащие элементы сложного описания или повествования. При этом и первое предложение может начинаться союзом *а*, назначение которого, повидимому, состоит в том, чтобы противопоставить начинающееся высказывание тому, о чем шла речь раньше, или тому, о чем думает, что чувствует говорящий в момент начала высказывания. Возможно объединение в одно сложное предложение не двух, а целой цепи простых предложений.

Рика вышла Кёна из озера, а попала рика в Онсгу, а Онега ушла в Онегу-горот (М. — П.).

А доц'-то вышла за Волоц'ихина, а он приписной был, приёмной (Арх.).

А у ей двоё детей, два сына, а отц'я нет (Арх.)¹.

2. Посредством союза *а* объединяются предложения, в которых говорится о противопоставляемых друг другу: а) предметах (иногда обладающих теми или иными качествами или взятых в определенном количестве, что выражается соответствующими определениями; названия предметов выражаются именами существительными или заменяющими их местоимениями); б) признаках или обстоятельствах, характеризующих какой-либо процесс и выражаемых наречиями (в том числе и местоименными) или падежными и предложно-падежными конструкциями; в) действиях, выражаемых соответствующими глагольными формами. Слово, выражающее во втором предложении противопоставляемое понятие, обычно стоит непосредственно после союза *а*.

¹ Как известно, такое употребление союза *а* очень часто встречается в древнерусских памятниках и в фольклорных произведениях (былинах, сказках и т. п.).

- а) Сын кúрить, а тесть не кúрить (Ряз.).
 Мы, бабы, дураки, а үзспадá еѣб дура́це были (Ряз.).
 Я враз пъянлá это касйтъ, а снах́ никак (Ряз.).
 Бывало, из избы он, сын-то мой, а анá на мене (Ряз.).
 Иван, я вянцйтъ буду, а ты за хлебом пъяжáй (Ряз.).
 Иные, хитрые, ницáвб не скажут, а я-то всё ръскажú (Ряз.).
 Мы, бывало, прядём, а они, штоб мы не здрямáли, все кажуть сказки-то (Ряз.).
 А у нас земли-то много, а лóбду еѣб больше (Ряз.).
 А у меня сын корьмит, а доц' обряжáт (Арх.).
 Два дитёнка остались: одному сёмой год, а Маринке той третий (Вол.).
 Там по домам всё лавки были, по домам, а базар-то не был (Арх.).
 Цетýре сына, а пята-то девушка (Арх.).
 Цетвёро детей остались, а муж-то пómёр (Арх.).
 Одного медведя убили, а три-то ушло (Арх.).
 Цетыре зáмужем, а две есцё девками (Арх.).
 ...Одна нога в бахýля, а другá боскóм (бахýлы — род легкой обуви; боскóм — босиком; Арх.).
 У меня уж одна вышла, а другá тожо на той порý (Арх.).
 Еѣ-то племёниця, а мне-то внúка óт сына (Арх.).
 Мы пахали, а он всё лодки шил на гумне (Арх.).
 Ты обначалуй, а я кончу (Подв.—Арх.).
 б) В нашем калóце вадá харбóшая, а вон в прóцих — ванюцáя (Ряз.).
 ...Пиши письма пъ-харбóшему, а пъ-платóму не пиши (Ряз.).
 Тап'ёр' јеѣ н'и паб́јеш, жанú, а рáн'ше б́йли (Гр., VII).
 К абёду варя́ть им лапшу малы́ннуу, а к ужину кашу (Ряз.).
 Там-то была больн́ця, а тут нё была (Арх.).
 Лонй даж было много товáрисцёв, а сёгóду нет (Арх.).
 А весной сиз хорошей, а осенью язъ хорошей (Арх.).
 Сёгóдней год было много снегу, а лонёцкой год мало (Арх.).
 В Вологду только бувáла, а больше никуда не бувáла (Арх.).
 В кибитке-то изнутри околочу полсью, а сверту ладно и рогожа (Лук.—Перм.).
 в) С ними вот так пýсидю, а работать я уж не мóжу (Ряз.).

Как показывают наблюдения над живой речью, слова, выражающие противопоставляемые понятия, выделяются повышением тона, благодаря чему все сложное предложение приобретает внешнюю симметричность.

К рассмотренному типу предложения с союзом *а* принадлежат и такие, в которых словами, выражающими противопоставляемые понятия, являются одинаковые в обоих простых

предложениях местоимения или — реже — одинаковые знаменательные слова.

Другой пръядлйвый цыловёк и кажетъ, а другой и нет (Ряз.).

У иных есть, а у иных нисколько (Ряз.).

Восемь дитёнков — ино малыньки, а ино большй, дак всех нать перемыть (Арх.).

Эта уснётъ, а эта вакрух ей сидить (Ряз.).

Эта здесь принёсена, а эта из Архангельского привёзена (принёсена — рождена; Арх.).

Буря-то прашла, салёмы натеряла — кто пѣдабрал, а кто нет (Ряз.).

Новое он меня поборол, а новое я его (новое — недавно; Подв. — Арх.).

Ковды-то хорошо скоро найдёшь, а ковды не найдёшь (Вол.).

До плавины взялся, а до плавины куда дѣлси (половину кувшина удалось вытащить из земли, а половина провалилась в яму; Ряз.).

3. Посредством союза *а* соединяются и группы предложений; каждая из групп в таких случаях представляет собой что-либо единое по содержанию, противопоставляемое такому же единству, заключенному в другой группе предложений.

Большу лодку сошьё, дак десять рублей за нее возъмё, а малыньки, дак по шесъ да семь рублей (Арх.).

Если добудёшь, дак принесёшь, а если не добудёшь, дак так уйдёшь (Арх.).

Рош посёют — её зовут бзимь перва, а потѣм пловина вёсны пройдёт — её зовут рош (Куйб. — Д. К., без №).

И в этих случаях в каждой из соединяемых групп предложений есть слово, а чаще два или несколько слов (в простых предложениях), соответственно выделяемых интонационно как носители основных элементов противопоставления.

4. Посредством союза *а* могут связываться простые предложения, в которых содержится противопоставление, не находящее себе поддержки в противоположности лексических элементов.

Вот пшанѣ смѣлем, а кто в ступоц'ке талкётъ (Ряз.).

...Жнѣм, а он к ей-то и идё, медведь-от (Арх.).

Ийдё, а ноги-то велихаются (Арх.).

Самая рабѣция парѣ, а он там прамуцѣи (Ряз.).

Пилить, а где абызы вазить (ответ на вопрос: «Что можно делать зимой?»; оба простых предложения здесь неполные; Ряз.).

Рйденъко говорили совсем, а теперъ попривыкли (об эстонцах-переселенцах; рйденъко — мало, плохо; Вол.).

Бело по белу, а другѣ красным по белу вышивала (Арх.).

5. Союзом *а* связываются простые предложения или группы простых предложений, которые представляют собой противопоставляемые друг другу факты, ситуации, соображения и т. п., но в которых противопоставление не находит себе выражения в отдельных корреспондирующих лексических элементах.

...гром грымѣть, а в деревне-то пакбѣ (в городе шумно, словно гром гремит, а в деревне покойно; Ряз.).

Видно еѣо, а уж к вечеру (Ряз.).

Анѣ, пѣпадьѣ-то, уехала, а дом пустой (Ряз.).

В темноте, а голос цють (Вол.).

Приобживуѣи, приглядѣть, штѣ за парень, штѣ за девка, цѣго она стоит, а уж того нет, штѣбы пивѣ варить или штѣ (Вол.).

Наладила постелю-ту на мѣс, скинѣюсь, разувѣюсь, а ѣго нет (мос, мост — пол; Арх.).

Придѣшь косить, а косой-то ткнуть нѣкуды (Арх.).

Цетвѣро детей наскопилося, а муж-от ѣмѣр (Арх.).

Куды-то уѣхано далеко-то, а писем нам не пишут (Арх.).

Они хорошо живут с мужем двоѣма, а доць-то ѣциѣи далеко (Арх.).

В северновеликорусских говорах изредка встречается повторное употребление союза *а* (в конце простого предложения).

Да ты Марью на руку возьмѣшь а, а сам уйдѣшь а* (Арх.).

6. Очень часто союз *а* употребляется для присоединения предложения, в котором изображается что-нибудь неожиданно открывающееся взору, слуху и т. п. По сравнению с бессоюзным присоединением, также используемым для выражения указанного оттенка, наличие союза *а* усиливает значение неожиданности или, во всяком случае, яркости впечатления от того, что говорится во втором предложении.

Никако не было у варѣт, глянѣли — а она уж гариѣть (изба; Ряз.).

Я утѣрлася, хватѣлася — а сѣтника-то нет (Ряз.).

Сняли с пецѣи — а он весь прижогси, весь в пузырях (Арх.).

Глянѣл, а у них мясо кругом налитбе (т. е. навалено грудой; Б.—Кол.).

...Глядь — а там на дворе калодись (Б.—Т. О.)¹.

¹ Фольклорный язык дает немало образцов таких сложных предложений:

Наутро смотрит, а курочка самоцветный камушек снесла (Аф. Ск., II, 197).

В скором времени случилось одному боярскому сыну проезжать мимо Марусиной могилы; смотрит — а на той могиле растет чудный цветок, какого он никогда не видывал (Аф. Ск., III, 363).

Союз зато

Этот союз, соединяя два предложения, обозначает, что содержание второго предложения противопоставляется сказанному в первом предложении и рассматривается как нечто более ценное, более важное или приятное, либо же как уравновешивающее то, о чем говорится в первом предложении.

Вот старикам-то и не ндравѣца так жить, зато нам, бабам, лучи стало жить (Калин. — Д. К., без №).

Не ровен человек-от на сем свете, иной уродится примерно зтакой, зато у ево душа словно варака (варака — скала; Подв. — Арх.).

Я изжила вѹот век своѹй, а неколды не живала по летам без силюшок; зато и куретѣн завсѣлды прятала чеснѣхонько! (Вят. — ВГО, X—51).

Парень люто робит, зато люто и ес (Лук. — Перм).

Союз а то

Этот союз также употребляется для выражения противопоставления. Однако отношение между противопоставляемыми предложениями, соединяемыми посредством союза *а то*, осложнено такими оттенками, которых нет при союзе *а*. При общем значении резкой противопоставленности здесь возможны еще некоторые дополнительные оттенки значений.

1. Первое простое предложение может начинаться условным союзом (в южновеликорусских говорах это чаще всего союзы *кабы*, *кѣб*, *куб*), причем эта конструкция обычно не разворачивается в сложное предложение с главным и придаточным условным. Первое простое предложение выражает, таким образом, факт возможный, но не имевший места, второе же простое предложение содержит факт, имевший место в действительности. Для выражения именно этого оттенка противопоставления, т. е. для указания, что во втором предложении будет говорить о том, что на самом деле произошло или происходит вместо того, что могло происходить, и употребляется союз *а то*.

Кѣб я унясла, на взравствѣ папѣлась, а то я мужа свѣябѣ атбиваю (Ряз.).

Кѣб как тады была вяртка, а то руки все искалѣцены (Ряз.).

Куб анѣ мужик нѣлажил воз, а то бабы... (Ряз.).

Какой ляд это мельница! добро бы почвенная, а то на мутовке много ли смелешь? (Лук. — Перм.).

Союз *а то* может быть усилен частицей *ведь*.

Дивья бы линился он, али бы пил, — а то ведь не вѣдитца за им ѣтова (Отв. — Перм.).

Встречаются, впрочем, случаи, когда первая часть сложного предложения сама является сложным предложением, так как после предложения с *кабы* идет предложение, являющееся по отношению к нему главным, а уж вслед за этим—предложение (иногда тоже сложное), начинающееся союзом *а то* и говорящее о том, что имело или имеет место на самом деле.

Кэб на бядú какую делала, стала бы отвязять, а то не знаю, што отвязять (Ряз.).

2. Во втором простом предложении, присоединяемом посредством союза *а то*, говорится о том, что имеет место в данном или в других случаях, при других обстоятельствах, с другими людьми, предметами и т. п., противопоставляемыми тому случаю или обстоятельству, тем людям или предметам, о которых говорится в первом предложении.

Ина́гда и на машине х́рашб, как х́рашб п́падешь, а то ни стать, ни сесть (Ряз.).

Када ляхкб уж, нямно́жец'ко паде́лаюсь, а то уж и не тро́аю (из рассказа больной; Ряз.).

Вот х́одов нет, а то во-о, кузав́нами та́шутъ (Ряз.).

Аднá только Кузняц'бва уц́ла три зимы, а то все сме́ны (учительницы часто менялись; Ряз.).

Когда-когда слово-то скаже, а то ровно мертвый лежит (Кулик.—Олон.).

Сё нипа́хода, дажж́а, а то ба мы у ба́рйна, у халах́ва, кб́ны а́ржаны́и за сёна ям́у о́траба́тывали (Б.—Т. О.).

Гавари толкам, а то ходиш окала ды абáпала (Рез.—Курск.).

3. Второе простое предложение, присоединяемое посредством союза *а то*, может содержать в себе причину или обоснование того, о чем говорится в первом предложении, причем в качестве причины или обоснования часто приводится то, что может произойти, если не совершится действие, о котором говорится в первом предложении.

Ан́и дом свой пр́гманы́ли, две тыся́ци с п́лавинной ад́али, а то малá кварта́ра была (Ряз.).

Ты их па́жб́ливай, а то ан́и малб́денькие (Ряз.).

Бей на гузу́, а то зярн́а мно́га даром пропа́бнуть (Отв.—Курск.).

Это окошко не открывайтё, Кб́л'ка, а то упаде́ и рама (Ленингр.—Д. К., № 208).

...Вся бяда жанить парня, а то приглядитца и слюбитца! (Даль — Тамб.).

4. Встречается, наконец, в вопросительных предложениях употребление союза *а то* в значении «или» с оттенком сомнения.

Продать, а то сменить? (Вол.).

Робенок ханьжит, чего-то видно надо ему; не ись ли хочет, а то спать не захотел ли? (ханьжить — просить чего-нибудь жалобным голосом; Лук.—Перм.).

Союз *только*

Этот союз (его варианты: в южновеликорусских говорах *тольки*, а в северновеликорусских — *токо*) употребляется для соединения двух предложений, из которых второе содержит нечто противоположаемое содержанию первого или нечто вносящее в него ограничение.

Есь бы лоси-то, токо мы не забивём: штрахуют (Вол.).

От хозяев мы работали, только мы с выработки (Арх.).

Был он лонись тutowa, только дня нá гад не упомяну (Подв.—Арх.).

Союз *или*

Союз *или* (его варианты: в южновеликорусских говорах — *али*, *аль*, в северновеликорусских — *ли*) употребляется для соединения синтаксически равнозначных предложений в тех случаях, когда необходимо указать, что из двух или нескольких фактов или положений (о которых говорится в простых предложениях) реальным является только что-нибудь одно (а что именно — говорящему неизвестно).

Ети — папбвы они дбц'ки, аль он папбв, г'варять, сын (Ряз.).

А многоль у тя лежунов-то, али все тягуны? (лежун — пассажир, едущий на судне за плату; тягун — пассажир, едущий бесплатно, но обязанный выполнять судовые работы; Подв.—Арх.).

Должно, по гдломяни направили, али в голомя отнесло (гболомя — открытое море; Подв.—Арх.).

Ушли ли нет домой (М.—П.).

Союз *вот и*

Этот союз употребляется для указания, что то, о чем говорится во втором предложении, является выводом или результатом того, о чем говорится в первом предложении. Между простыми предложениями, соединяемыми посредством союза *вот и*, обычно делается пауза, которой предшествует повышение тона, — все это служит предупреждением о том, что далее последует высказывание, связанное с предыдущим.

Расписались, песни и'рають, вот и п'жканылись (Ряз.).

С вярстѹ прайдѣшь, вот и станция, едешь куда хошь (Ряз.).

Рибяты все едут в ночную, вот и съчиняють их... (Д.—Тамб.).

Схоронила двух сынов, вот и живу в горях (Ав.—Тер.).

Они видя наше бабѣ положенье, вот и хоцце на вино сорвать (Гр.—Арх.).

Весь лагун вымляли на эту место, вот и стала скляйска (лагун — бочка; Б.—Ряз.).

Вторая составная часть союза *вот* и может быть отделена от первой одним или несколькими словами.

...Ноги-те и озебли; вот горечка и схватила (Лук.—Перм.).

Союз *так* и

Этот союз (произносимый всегда как проклитика) употребляется для указания, что содержание второго предложения является результатом того, о чем говорится в первом предложении. Совпадая, таким образом, частично по функции с союзом *вот* и, союз *так* и не выражает оттенка логического следствия, вывода. При союзе *так* и, как и при союзе *вот* и, первое простое предложение обычно заканчивается повышением тона; паузы между предложениями может не быть.

Льготник был, а потом война-то скрѣсла, так и взѣли (скрѣсла — началась; Арх.).

Н'е покрáвицца мат'ѣр'ю, так и рубашка давай (Гр., I).

Ф первый рас идете^а, так и рспрашивайте... (Д.—Кал.).

Ты бы бойчая, яка не вострая! — Да где вострѣя! поторопись, — дак и улетишь вверх тармашки (Лук.—Перм.).

Ему только первой спень дай заспать, так и не подымешь спень — сон, засыпание; Подв. — Арх.).

Неча ей делать-то, так и точит щеками (точить щеками — сплетничать; Подв. — Арх.).

На часок ево спустили, так и весь день не видал (спустить — отпустить, позволить отлучиться; Подв.—Арх.).

Пожалуй, вариант этого союза можно усмотреть в случаях, когда второе предложение начинается проклитическим *так*, а дальше, перед словом, выделяемым так наз. логическим ударением, стоит *и*.

Мать-то рубаху не скинула ечера, так в грязной-то рубахе и проходила праздник-от (Арх.).

Союзы повторяющиеся

Сочинительные союзы повторяющиеся служат для объединения в одно целое нескольких простых предложений, относящихся друг к другу как синтаксически равнозначные

единицы. Особенностью употребления повторяющихся союзов является то, что они ставятся не между соединяемыми простыми предложениями, а при каждом из них, начиная с первого. Повторение союза придает соединению предложений усиленный характер, подчеркивая наличие не одного, а нескольких явлений, разнообразных по содержанию и вместе с тем синтаксически равнозначных. Каждый элемент повторяющегося союза большей частью занимает место в начале связываемых простых предложений. В каждом из простых предложений повышением тона выделяются слова, которые, взятые вместе, выражают ряд однородных понятий и составляют те смысловые центры, на которые опирается самое объединение нескольких предложений в одно сложное. Число объединяемых предложений может быть неограниченным (но их может быть и два), и именно в этой возможности объединения неограниченного числа предложений и заключается отличие сложных предложений с повторяющимися союзами от сложных предложений с одиночными союзами. Сложные предложения с повторяющимися союзами можно охарактеризовать как предложения открытого типа; их структура обозначает, что говорящий высказывает целый ряд мыслей, сам еще не зная во время речи, сколько именно, и завершает свое высказывание только потому, что он в данный момент исчерпал все, что может сказать. Это очень отчетливо выражается характером интонации сложных предложений рассматриваемого типа: однообразием системы повышений и понижений тона в каждом из простых предложений (так наз. интонацией перечисления) и, чаще всего, отсутствием в конце последнего простого предложения того спокойного понижения тона, которое обозначает завершение всего высказывания в целом. Сложное предложение с повторяющимися союзами обычно заканчивается в интонационном отношении так, что слушающий вправе ожидать продолжения перечисления, и только наступающая длительная пауза либо переход к предложению нового типа (нередко к обобщающему) показывает, что сложное предложение закончено.

В говорах встречаются следующие повторяющиеся союзы: *и — и..., да — да..., да и — да и..., или — или..., ли — ли..., то — то...*

Союз *и — и ...*

Союз *и — и...*, соединяя в одно целое несколько простых предложений, обозначает, что содержащиеся в них высказывания в известном отношении подобны одно другому, что, взятые вместе, они образуют то смысловое единство, о котором хочет сообщить говорящий. Элементы этого повторяющегося союза большей частью ставятся в начале простых предложений.

И пашанó была, и мука (Ряз.).

И ржи сѣют, и овса сѣют (Вол.).

Но иногда этот союз ставится не в начале объединяемых предложений, а внутри их — при тех словах, которые являются носителями и выразителями однородности.

Были и му́б, были и лясá, были и зямлѣ (зямлѣ — им. мн.; Ряз.).

Ён и мастерить, ён и шить (Арх.).

Союзы *да — да...*, *да и — да и...*

Союз *да — да...* употребляется в общем так же, как и союз *и — и...*, однако имеет некоторые отличительные черты.

Если о союзе *и — и...* (как и об одиночном *и*) можно сказать, что он соединяет связываемые предложения, то о союзе *да — да...* следует сказать, что он служит для последовательного присоединения. Вот почему *да — да...* (точнее — его составные элементы *да*) вводится только начиная со второго предложения. Паузы между предложениями, связываемыми посредством союза *да — да...*, несколько длительнее, чем между предложениями, связываемыми посредством союза *и — и...*

Шѣсь недель отлежал, да отправили в больницу, да в больнице полежа.. (Арх.)¹.

Союз *да — да...*, в отличие от союза *и — и...*, в некоторых северновеликорусских говорах помещается не в начале простых предложений, а в конце каждого из связываемых предложений, причем в этом случае *да* вводится и в конец первого предложения.

Бахилки сбишты да, ботѣноц'ки куплены да (Арх.).

Дак колько цѣловек припугáли да, колько цѣловек поревело да! (Арх.).

[У сохи] вѣце јес'тя дá, плóт'је јес'тя дá, обжы јес'тя дá, присбх јес'тя дá, рогáль јес'тя да... (Карельск. — Д. К., № 102).

В качестве повторяющегося союза, помещаемого в конце связываемых предложений, употребляется в части северновеликорусских говоров также *да и — да и...*

У нас есь да и, за цетыре вѣрсты есь да и, за трѣцять вѣрс есь да и... (ответ на вопрос: «Где есть кирпичные заводы?»; Арх.).

¹ Сложные предложения этого типа очень часты в памятниках (преимущественно деловых) прежних эпох:

...Подъячему дано пять алтын; пошлин от наказу дано полполтины; да в Шуцы подъячему дано десять алтын, да сыну баярскому дано гривна (Прих.-расх.).

*Постѣля мѣкнѣя да и, подушка хорошая да и, два оде-
вала (Арх.).*

Союз *ли — ли...*

Повторяющийся союз *ли — ли...* употребляется при перечисле-
нии фактов одинаково возможных, если говорящий хочет
указать, что реальным из них является лишь один, но какой
именно — ему неизвестно. Элементы этого союза (*ли*) вводятся
в каждое из связываемых предложений, начиная с первого, и
помещаются при том слове в предложении, которое является
носителем логического ударения. Таким образом, *ли* может
стоять и в начале, и внутри предложения, как перед выде-
ляемым словом, так и после него.

Ли чалѣвка итлетѣла, ли вѣлажнѣ (Ряз.).

Ли тѣплѣ, ли пѣрѣтапѣла (Ряз.).

*Ли канѣ тѣбе жалка, ли сбруи залатой, ли 'тца тѣбе
жалка, ли матушки родной (Раст. — См.).*

Не знаю, выдержит ли, нет ли (Вол.).

Не знай, пришоу ли, нет ли (М. — Ш.).

Дотенѣ ли, нет ли (М. — П.).

Не знай, буду ли, нет ли (М. — П.).

Встречаются случаи, когда предложения связаны друг с
другом и повторяющимся союзом *ли — ли...* и в то же время
одиночным *ли*, имеющим то же значение, что *или*, например:
Не знаю, ему кто ли дал ли, так ли (т. е. дал ли ему кто-
нибудь книгу, или он ее «так» достал; Вол.).

Союз *то — то...*

Повторяющийся союз *то — то...* употребляется при пере-
числении фактов однородного характера, совершающихся по-
очередно, причем порядок, в каком они совершаются, не
имеет существенного значения, а важно лишь то, что в то
время, когда происходит один из фактов, остальные не имеют
места. Возможно употребление, начиная со второго предложе-
ния, вместо *то* союза *а то*. Это вносит дополнительный отте-
нок в указанное выше отношение между предложениями, а
именно — указание на то, что происходящие поочередно факты
рассматриваются говорящим как противоположные один другому.

*То запутается, то тамока́ на него насчитѣют, то цего
(Вол.).*

*Пѣньки ў платѣ вѣжым, то изнѣимитѣя, то дѣжа лѣм
стайть (Б. — Т. О.).*

То хотѣла кавой-то дѣжидать, а то ушла рѣзашлася (Ряз.).

Встречаются сложные предложения этого типа, в которых
первое простое предложение не имеет элемента *то*.

За дровами сѣздить, то за сеном пошлют — найдут дѣла (Арх.).

Повидимому, это объясняется тем, что, начиная высказывание, говорящий не имеет в виду строить сложное предложение рассматриваемого здесь типа, а уже в процессе речи у него возникает потребность в такой структуре, что и приводит к введению *то* во второе предложение.

Сложные предложения с подчинительными союзами

Подчинительные союзы, употребляемые в говорах, многочисленны и весьма разнообразны по своим значениям, т. е. по тем отношениям и оттенкам отношений, которые при помощи их устанавливаются между связываемыми предложениями. Роль самого союза при этом не всегда одинакова: в одних случаях отношение между предложениями выражается почти исключительно союзом (другим средством выражения этого отношения, наряду с союзом, всегда является еще ритмомелодия); в других случаях, кроме союза (и ритмомелодии), используются также порядок предложений, частицы, вводимые в подчиняющее предложение и находящиеся в структурном соотношении с союзом, порядок членов в придаточном предложении.

Что касается самых союзов, то, с одной стороны, встречаются такие, которые имеют широкое значение, с другой стороны — такие, которые имеют сравнительно узкое значение. Какой именно оттенок значения выражает в каждом отдельном случае тот или иной союз из числа принадлежащих к первой категории, обычно устанавливается на основании реального содержания, а также других синтаксических показателей, имеющихся в сложном предложении.

Подчинительные союзы, как и союзы сочинительные, выполняя специальную роль показателей отношений между предложениями, не являются членами подчиненного предложения, в состав которого они обычно входят в ритмомелодическом отношении.

Союз *что*

Союз *что*, выступающий в различных говорах в виде нескольких вариантов (*што, штѣ, шо, що, щи*), употребляется для выражения следующих видов отношений между предложениями:

1. Для указания, что в подчиненном предложении приводится содержание того, что воспринимается или выражается каким-либо лицом (или вообще одушевленным предметом), упоминаемым в подчиняющем предложении. В подчиняющем

предложении в таких случаях обычно есть слово (или группа слов), обозначающее восприятие или выражение, — именно с этим словом, через посредство союза, и связано подчиненное предложение.

Сквозь сну это слышу, што так шумлять (Ряз.).

Мать моя видела в сонном видении, штё деревня сгорит (Вол.).

По себе слышу, што не помру́ (Арх.).

Внима́йё не берут, што тут красноармёйци (Арх.).

Шумить, што у тебе жарить (Петр. — Ряз.).

Анй барану рассказали, што барыня нас карила (Петр. — Ряз.).

...Иные говорят, штё никуда девались (Вол.).

Отец' стал натуживать, что женить да женить (натуживать — настаивать; Арх.).

Век не бива́л, не пожа́миён, что у мужа бива́та была (Арх.).

Зянович! гваря́, ци французы гра́мтники, ат чагож ани такйи югамо́нныи? (Роз. — Тамб.).

Не описано, што во што ранен (Арх.).

Чаще всего предложение с союзом *что* ставится на втором месте. Однако в тех случаях, когда содержание такого предложения представляется значительным, а подчиняющее предложение кратко, возможен обратный порядок предложений.

Иди к дбхтарю, што я нездоров — екажи, он мне бумажку даст (Ряз.).

2. Для указания, что в подчиненном предложении приводится то, о чем думает, что чувствует, переживает какое-либо лицо (или вообще одушевленный предмет), упоминаемое в подчиняющем предложении. И в этом случае в подчиняющем предложении обычно есть слово, обозначающее то или иное внутреннее состояние (мышление, чувство и т. п.), — с этим словом, через посредство союза, и связано подчиненное предложение.

Думаютъ, што плахи пирати эта наших жон (Петр. — Ряз.).

Мы и умом не думали, што наш ён жоних (Арх.).

Ты в уме не держи, што я у детей прожигу (Арх.).

Ты дорожил, што лишний день у тебя хлеба проедят (дорожил — скупился; Арх.).

Зацуюствовала, што не могу туда (Арх.).

И так обрадѣла, што из сироства вот куды взѣли (Арх.).

Года три ему есь, я думаю што (М. — П.).

Как показывает последний пример, союз *что* иногда ставится в конце подчиняющего предложения, если оно стоит на втором месте.

3. Для указания, что в подчиненном предложении раскрывается конкретное содержание того, что в подчиняющем выражено указательным местоимением (*такой, так, то* и т. п.). Указательное местоимение подчиняющего предложения всегда при этом выделяется повышением тона. С этим местоимением, через посредство союза, и связано подчиненное предложение.

Согрѣйи так, штѣ руку ли не жгот (Вол.).

Наловила так рыбки-то, што домой одва приѣхали (Арх.).

И так плацѣ, што голосом-то воѣ (Арх.).

...Я за то девуку заклевала, што мать праздники не во время прѣзнуѣ (Арх.).

До того, бедной, выцях, што одна стинь осталась (стинь — тень; Фил. — Разгов.).

В таку корбицу завел, что и свету не видать (корба — трущоба лесная; Кулик. — Олон.).

Волдырь-от и не велик, да такой квилкой, што и до-тронуться не дает (квилкой — чувствительный; Подв. — Арх.).

Он так тя словом уест, што век попомнишь (Подв. — Арх.).

Встречаются случаи, когда указательного местоимения в подчиняющем предложении нет, но вся структура сложного предложения, и в первую очередь интонация его, указывает на тот характер отношения между предложениями, который описан в настоящем пункте.

Дак заболел бок-от, што не можно терпѣть (Арх.).

...Сама сабе рукавѣ яще кумачем натче, щѣ любѣ-дорога (Даль — Тамб.).¹

Вот так девка! У, малой! и добро; проста-напроста хлеб с солью — толстицѣя да гладчицѣя, щѣ любѣ дѣрога глядѣть (Даль — Тамб.)¹.

4. Для выражения сравнительной связи: во втором, подчиненном, предложении приводится то, с чем сравнивается предмет, признак или действие, о котором говорится в первом предложении.

Ишь как гулко хлопает — што твое ружьѣ (Сол. — Новг.).

У них больше, што у нас (М. — Ш.).

На Кенозере повеселѣ, што здись (Арх.).

Союз *чтобы*

Союз *чтобы* (произносительные варианты в различных говорах: *штобы, штѣбы, шобы*, к тому же часто без конечного *ы*)

¹ Ср. фольклорное: *И вот треснул мороз, что у волка хвост замерз* (Аф. Ск., I, 11).

употребляется для выражения нескольких видов отношений между подчиняющим предложением и подчиненным, а именно:

1. Для указания, что в подчиненном предложении излагается цель того, о чем говорится в подчиняющем предложении. Подчиненное предложение с союзом *чтобы* чаще всего ставится после подчиняющего. Но оно может вставляться также в середину подчиняющего, иногда же стоит перед подчиняющим.

Так и плавяють, шоб пыли не было (Ряз.).

Этим хвощ'ям труть палы, шоб билей были (Б.—Т. О.).

...Задьник пат пайник, шоб бн стаял... стаял ни сломаўши (Б.—Т. О.).

Трау сре⁴займ, штоб ни расла, ни нмушыла ахурцы нахародя (Б.—Т. О.).

Тутока затоплеем, тамока дрова, штебы теплїе-то (Вол.).

Низ-от бери, сватушко, забей звбздём, штобы не хлябало (Арх.).

Водицы подольют, штеб она не спыхало (не загорелось; Вол.).

Штобы мы спать не дрямали, нам сказки кажутъ (Ряз.).

У ково обаливэцц пбгрен, тынзм згоражывт, штоб не обаливала земаля (Куйб.—Д. К., без №).

А весельники тбрбают шестом иль сакбм, штоп рыба ни ушла из невода (Карельск.—Д. К., № 302).

2. Для указания, что в подчиненном предложении излагается содержание высказывания, восприятия, чувства, о котором говорится в подчиняющем предложении, причем то, о чем говорится в подчиненном предложении, представляется не реальным, а лишь желательным или возможным.

Тебе приказываю, штоб ты взяла (Ряз.).

И слуха нет, штобы муж жану бил (Ряз.).

В манастирь побежала попускать, штобы не венцал (Арх.).

Ну, где жо видано, ште бы ходили кулеши по утрами? (Вят.—ВГО, X—54).

3. Для указания конкретного содержания того, что в подчиняющем предложении выражено указательным местоимением, причем то, о чем говорится в подчиненном предложении, представляется желательным или возможным.

Приобжиуѣи, приглядятъ, ште за парень, ште за девка, цѣго она стоит, а уж того нет, штебы пиво варить или ште (Вол.).

Иногда союз *чтобы* ставится не в начале подчиненного предложения, а в середине его — непосредственно перед тем словом (обычно глаголом), с которым он ближе всего связан по смыслу.

Вы сяс аттала уйдите, на парты шоб не садились (Ряз.).

Тропинки-то штобы не было, залбмоц'ков заломат (Арх.).

Общей чертой всех сложных предложений с союзом *чтобы* является то, что глагол-сказуемое подчиненного предложения обычно имеет форму прош. времени. Но эта форма никогда не обозначает, что действие совершилось раньше того, о чем говорится в подчиняющем предложении, — наоборот, оно всегда обозначает действие последующее¹.

Союз *как*

Союз *как*, наряду с союзом *что*, является одним из наиболее употребительных в говорах. Основное его значение — сопоставление в каком-либо отношении того, что говорится в подчиняющем предложении, с тем, что говорится в подчиненном предложении. Отношение это может иметь несколько вариантов, которые находят свое выражение в некоторых дополнительных показателях, о которых см. ниже.

Подчиненное предложение с союзом *как* может стоять как впереди подчиняющего, так и после него. Возможна также вставка подчиненного предложения с союзом *как* в середину подчиняющего. В первом случае союзу *как* подчиненного предложения в начале подчиняющего предложения может соответствовать *так*. Это *так* произносится в одних случаях как самостоятельное слово (местоимение) без редукции гласного, в других — с редукцией, что дает произносительный вариант *тэк* (в северновеликорусских говорах встречаем также *дѣк*). Выступая в качестве проклятики, *так* не корреспондирует с *как* по значению, а является частицей, основная функция которой — обозначение перехода от подчиненного предложения к подчиняющему. Что это именно так, видно еще из того, что в подчиняющем предложении, предшествующем подчиненному, *так* в начале никогда не употребляется, потому что граница между подчиняющим и подчиненным обозначена союзом *как*.

Чаще всего при союзе *как* между подчиненным и подчиняющим предложениями отношение — временное. Это отношение может иметь два варианта:

¹ Объяснить это явление следует, повидимому, исторически: элемент *бы*, вошедший в состав союза (*что* + *бы*), ранее примыкал к глаголу, образуя вместе с ним форму сослагательного наклонения. Эта форма и выражала действие желательное или возможное. Данное значение сохраняется и сейчас в конструкции «*чтобы* + форма прош. времени глагола». Ср. у М. Горького: «Не думаю, *что* Б. Шоу имел *бы* право ответить на приглашение в какую-либо иную страну так саркастически, как ответил он на приглашение редактора «*Nation*» О. Г. Вилларда приехать в Америку» («Ответ на анкету американского журнала»). О происхождении союза *чтобы* см.: Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к литературному русскому языку, изд. 3. Киев, 1950, стр. 317.

1. Действия, о которых говорится в том и другом предложении, происходят одновременно, сопровождают одно другое. Такой оттенок получается, когда действие, о котором говорится в подчиненном предложении, выражено глаголом несовершенного вида (возможно и формой инфинитива) или глаголом совершенного вида в форме так наз. будущего простого со значением обычно происходящего, время от времени повторяющегося действия. То же отношение находим, когда подчиненное предложение — назывное (по терминологии Шахматова — односоставное бессказуемое).

Это раньше у нас — как сямнѣать лет, так барышня нѣдвѣать панѣву (Ряз.).

Как, бывало, уяжѣють, так, бывало, выкидывают денѣжки (Ряз.).

Как стирать, так анѣ мене завѣть (Ряз.).

Я в носу не могу сидѣть: как вѣтер большой, дѣк меня ветром поразѣт (в носу — в носовой части лодки; Арх.).

У нас как станѣ холодать, так озѣро станѣи (Арх.).

Как пѣсни запоют, дак слышно уж, где вѣцер происходит (Арх.).

...А как идѣ, словно гоголь, так на ней от жиру все и трясетца (Даль — Тамб.).

Как зайдѣшь на колокольню да посмотришь вниз, дак страх боязно (Лук. — Перм.).

Союз *как* может стоять и не в начале подчиненного предложения.

После работы как губѣнку сваришь да похлебашь, дак куды как хорошо! (губѣнка — грибная похлебка; Лук. — Перм.).

Учи ему не бывало, а вот попадетца как да под суд отдадут, дак отобѣет лафу-то повораивать (учѣ — наставление, наказание; Лук. — Перм.).

2. Действие, о котором говорится в подчиняющем предложении, начинается после того, как заканчивается действие, о котором говорится в подчиненном предложении. Такой оттенок получается, когда действие, о котором говорится в подчиненном предложении, выражено глаголом совершенного вида, в особенности же — если глаголы обоих предложений имеют форму одного и того же времени (будущего простого или прошедшего).

Какъ хоря прѣидѣть, такъ ѣсѣ ѣспомнишь (Б. — Т. О.).

Какъ лѣжу, такъ задѣхси (Б. — Т. О.).

Онъ у насъ, повсягодно какъ зима сдѣстъ, такъ и в деревню собирается (Подв. — Арх.).

Какъ зѣ лен возмѣи, такъ вся работа остановлѣеи (Вол.).

Какъ обожнѣси, такъ и на охоту (во втором предложении сказуемое опущено; Вол.).

Как вода поприбѣдѣ в озерѣ, так уш шабаш рыба! (Арх.).

Вѣснѣй дорогá картошка, а как позябла, дак она в цѣны была (Арх.).

А как три убѣла сдѣлали, так стала цѣствовать (Арх.).

Лонѣсь, как река-то разошлась, так лес бережной сгубила до прутика (Подв.—Арх.).

Встречаются случаи, когда в подчиняющем предложении союзу *как* подчиненного соответствуют другіе местоимения, а именно: *тогда, тут, втапоры*. Все они (не только *тогда* и *втапоры*, но и *тут*) подчеркивают временное отношение между предложениями.

Как дош польѣ, втапоры нать прятяя (Арх.).

А как поутру кресѣны встанут да нá ход пойдут, тут я и приуснѣ (Арх.).

При той же точно структуре, какая описана выше, отношение между предложениями может иметь дополнительный, условный оттенок: то, о чем говорится в первом, подчиненном, предложении, не только определяет время того, о чем говорится во втором, подчиняющем, предложении, но также указывает на условие, при котором то, о чем говорится в подчиняющем предложении, реально. В ряде случаев этот вторичный оттенок значения не имеет никаких специальных грамматических показателей и улавливается исключительно на основании соотношения реального содержания предложений.

Как сѣвяб ума нет, так хош кака уцѣтельница ницѣб не наѣцить (Ряз.).

Как харѣшй хазяин нападѣтъ, так ямѣ еѣб лѣѣе хбѣѣи дѣлатъ (Ряз.).

Как крышу-то покроешь дранью, дак она долѣше служит (Тук.—Перм.).

Оно как привыкнешь, так ничево (М.—Ш.).

Свѣтушко, большѣ нету досѣнок-то — как наа будѣ, дак на сарае там (Арх.).

Во всех этих предложениях не вызывает сомнения временное соотношение между предложениями. Условный оттенок, как сказано, воспринимается здесь исключительно на основании реального содержания того и другого предложения. В следующих же предложениях оттенок условности в известной степени поддерживается особенностями структурного характера — отсутствием (или «скрытностью») в первом предложении глагола-сказуемого или же выражением сказуемого посредством инфинитива. Как то, так и другое, лишая предложение оттенка «процессности», тем самым придает отношению между предложениями дополнительный оттенок обусловленности одного явления наличием другого.

Как не одной, дак дорѡдно петь (дорѡдно — хорошо, удобно; (Вол.).

А как досуг-то, дѣк придѣм (Вол.).

Ведь как полѣсник, так е лыжи, а у детей нет (полѣсник — человек, работающий в лесу; Арх.).

Как волосы большие, дак заплетут дѡ пояса (Арх.).

Перекрыть как сыну, так и будѣ дом хороший (Арх.).

Как из одной из этой испектѣ, так така же мякѣшка... (Арх.).

То же нужно сказать и относительно возможности в сложных предложениях рассматриваемого типа дополнительного оттенка причинности. И он наслаивается на основное значение — временное, причем здесь обычна не одновременность явлений, а смена одного другим. Уже в этом заложена известная предпосылка для восприятия совершившегося ранее — как причины, а совершившегося позднее — как следствия. Нужно отметить и другое: не всегда возможно отчетливо разграничить в таких предложениях условный и причинный оттенки, что свидетельствует о грамматической недифференцированности этих оттенков при союзе *как*, основной функцией которого является, как уже сказано, выражение сопоставления фактов и явлений.

На старом мѣсти, как ѡбжито, дак хорошо (Арх.).

Вы уж как привыкли, дак у вас всё в руках дѣлаеѣи (Арх.).

Мы как век ѣздили в лодке, дак не сомнѣм рук (Арх.).

Мы как привыкли в этом мѣсти жить, дак все в лес и смотрим (Арх.).

Подчиняющее предложение, стоящее на втором месте, может примыкать к подчиненному непосредственно — без указанных выше местоимений или частиц. Отношения между подчиняющим и подчиненным предложениями в общем те же, что и при *так, тогда, тапоры, тут*.

Как пайдѣ мимо, зайду и катаюсь (заходит на кладбище и плачет; Ряз.).

Как он мене брал, дѣвоц'ка у грудей была (Ряз.).

В Сибирь-то во как мы ездили, дорѡта-то не савсѣм исправлена была (Ряз.).

Как в стѣрастѣ пѣстѣнавѣли, лѣвоц'ники яво и пѣртянѣли (Ряз.).

Как у каѣо карѡва пѣхитѣлась, събирають сабрѣние: «Дать ямѣ карѡву» (Ряз.).

Как доц'ки даждѣся, паѣду, паѣду (Ряз.).

Как вот так станешь, шея зѣбалѣть — бросишь (работать; Ряз.).

Как за первава мужа выхадила, заккрытым лицом ве'нчали, платком закрывла (Петр.— Ряз.).

Как к вяницѣ ѣхать, нявѣстаhalbся... (Б.— Т. О.).

Я как сюды пришла, не танивали никто (Арх.).

Как запустили на две сажёнки, опять така же тбня (Арх.).

А как ёго в Красну-то Армию взели, я и отравилаи (Арх.).

Как онъ едут, зтой носовищк ичупат шестом сельдь
(носовищк — сидящий в лодке на носу; Карельск.—Д. К., № 302).

Во всех приведенных примерах перед нами чисто временное отношение между подчиняющим и подчиненным предложениями. И здесь, при том же соотношении временно-видовых форм глаголов, что и в соответствующей группе рассмотренных выше сложных предложений, получаются оттенки то одновременности, то следования одного действия за другим. Ср. следующие предложения:

В Сибирь-то во как мы ездили, дарба-то не совсем исправлена была. Как в стярста пьстгнасили, лавоц'ники яво и пьртянули.

Оттенок условного отношения возможен и при данной структуре сложного предложения. Грамматические показатели этого оттенка не поддаются учету. Наиболее выразительными здесь являются, повидимому, значительное и довольно резкое повышение тона на сказуемом или присказуемом члене первого предложения и отчетливая пауза между предложениями.

А как нужно, будеть дарбм нъжизать (Ряз.).

А как он ласки, ему хбцеи еиб делатъ (т. е. если он проявляет ласковое отношение, то хочется еще для него работать; Ряз.).

Как работа прбвици, ницёго (Арх.).

Однако нужно признать, что провести грамматическую грань между предложениями с временным отношением и предложениями с условным отношением не представляется возможным. Это объясняется тем, что временное отношение доминирует, как основное, над оттенком условности, если последний имеется. Ср.: *Как бальная-то, анá уж цёрная* (о легком; Ряз.). Это прежде всего воспринимается так: «Когда большое, то уж черное». Для другого понимания: «Если большое, то уж черное» грамматических оснований здесь нет.

То же следует сказать и об оттенке причинности, который может наслаиваться на временное отношение. В некоторой степени грамматическим выражением его является нередкое наличие при сказуемом второго предложения частицы *и* со свойственным ей оттенком следствия, вытекающего из сказанного в предшествующем предложениях.

Как мы сарели, есть пёцево, анá и взяла ее от мене (Ряз.).

При отсутствии таких показателей оттенок причинности может улавливаться только на основании сопоставления реального содержания того и другого предложения.

Но как мало колы́цес'во было отрезано, он не жил тут (малое количество земли; Вол.).

В тех случаях, когда подчиненное предложение, начинающееся с *как*, стоит после подчиняющего, союз *как*, кроме своей прямой функции, служит также для обозначения границы между предложениями. Наличие такого «пограничного знака» освобождает говорящего в значительной степени от необходимости обозначать переход от одного предложения к другому посредством паузы, вследствие чего пауза здесь обычно незначительна и может даже вовсе отсутствовать.

И в сложных предложениях данной структуры основным видом отношения между предложениями является сопоставление с точки зрения времени с уже рассмотренными выше оттенками одновременности или последовательности фактов, зависящими от соотношения временно-видовых форм глаголов-сказуемых того и другого предложения.

Я работала в калхбзе, карбв дайла, как в первый год вышла (Ряз.).

...И жанйлся там, как со службе пришел (Ряз.).

У, жизнь сразу была харбшая, как я приехала (Ряз.).

Штаны не одне обуют, брюки-те, как морозы-то большиё (Арх.).

Мама, полйзь-ко на озорбд, как я стану озород метать (Арх.).

Сейцяс анá мне лйфе, как в калхбз вашла (Ряз.).

Следующие сложные предложения, ничем не отличающиеся по структуре от только что рассмотренных, воспринимаются как содержащие оттенок условности; однако этот оттенок создается только соотношением реального содержания того и другого предложения.

Инагдбá и на машине хърашб, как хърашб пънадёшь (Ряз.).

А сигй семь копйёк фунт, да петь копйёк фунт, как мелкие (Арх.).

А так гбр'ко жив'от пиво, как п'ер'еложат хм'ел'у-ту (Горьк.).

То же следует сказать и об оттенке причинности, содержащемся в некоторых предложениях с союзом *как*: и этот оттенок обычно вытекает из соотношения реального содержания предложений.

Меня хотели в животноводы, как я хорошо обраййáлась с животными (Вол.).

Ты ведь рада, как она убралась-то (Арх.).

Довольно часты сложные предложения, у которых подчиненные с союзом *как* вставлены в середину подчиняющего, разрывая его на две части. Такое положение подчиненного предложения, когда оно занимает центральное место в высказывании, является показателем того, что говорящий хочет

привлечь ко второй части подчиняющего предложения большее, чем при другом расположении предложений, внимание.

У мене, как атѣц' дома, байѣи (о детях; Ряз.).

Я весь день, утром как паёла, ейб ницывб не ела (Ряз.).

Он, как с действительной службе, все жил на стѣранѣ (Ряз.).

Сей год... как будут лес, все побегут (т. е. когда или если будут лесоразработки, все охотно пойдут; Вол.).

Я уж, как старуха, я уж не тужу по свайм (Ряз.).

Последние два примера говорят о том, что и при данной структуре сложного предложения в подчиненном может заключаться оттенок условности и оттенок причинности. И здесь эти оттенки воспринимаются не на основании грамматических показателей, а как вытекающие из соотношения реального содержания того и другого предложения.

Союз *как* может выражать также сравнение. При этом встречаются такие структурные варианты:

1. В первом предложении именная часть составного сказуемого выражена сравнительной степенью, второе предложение содержит то, с чем делается сравнение.

Два раза сена больше, как раньше было (Вол.).

2. Первое предложение начинается союзом *как* и содержит изложение какого-нибудь явления, по отношению к которому другое явление (о котором говорится во втором предложении) приводится в качестве аналогичного.

Как яиц'ко катийѣи, робота идет (Вол.).

Грамматическими показателями сравнительного оттенка являются здесь, во-первых, параллелизм структуры простых предложений (порядок главных членов предложения, способ выражения их), во-вторых — параллелизм интонационный. Так, в приведенном примере повышение тона приходится на словах *яиц'ко* и *робота*, выполняющих одну и ту же синтаксическую функцию в предложениях и стоящих на одном и том же месте по отношению к другому члену словосочетания, в состав которого они входят.

Впрочем, эти показатели не всегда так выразительны, — в таких случаях сравнительный оттенок воспринимается на основании сопоставления реальных значений объединяемых простых предложений¹.

¹ Все описанное здесь разнообразие случаев употребления союза *как* встречаем также в фольклоре, особенно в сказках:

Как была я вдовой, бывало ни один из вас не проходил мимо моей норы, а как вышла замуж, то каждый день шляется (Аф. Ск., I, 42).

Медведь и волки, как увидели то, зачали меж собою растобаривать... (Аф. Ск., I, 44).

Да хто в эку пойдет. Гляко на дворе-ту ливня льет, как из ведра хлещишот (Двин.—Разгов.).

Довольно часты сложные предложения (примеры указывают на северновеликорусские говоры), у которых первое предложение начинается союзом *как*, а второе — сочинительным союзом. Большей частью это союз *и*, иногда *да* в значении «и». Но встречается и союз *а*, выражающий сопоставление. Союз *как* обычно выражает в таких случаях временное отношение, не осложненное никакими оттенками (условности, причинности). Такая структура сложного предложения отражает, повидимому, тот период развития сложного предложения, когда на базе сочинения, как более раннего типа сочетания простых предложений, стало формироваться подчинение. Это предположение подкрепляется еще тем, что присоединение второго предложения посредством сочинительных союзов имеет место при подчинительном союзе *как*, являющемся одним из наиболее ранних союзов с наиболее широким значением.

Как выйду, и не могу найти комнаты (Вол.).

Как сели в кругу, да слушаем сидим (Арх.).

Как жнём, а он к ей-то и идё, медведь-от (Арх.).

Он, мальчик, как откричал, и пошёл дать афсеца сваму жыребначкю (Петр.—Ряз.)¹.

Союз *когда*

Союз *когда* встречается преимущественно в южновеликорусских говорах. В северновеликорусских говорах он довольно редок, соответствующие функции обычно выполняет союз *как*. Наиболее распространенные произносительные варианты союза

Как узнала кова о своей беде, села она на лавку, зачала горько плакать и припевать... (Аф. Ск., I, 53).

Нечем хвалиться, как все из рук валится (Даль — Посл.).

А медведь сел под дерево, стал выкидывать осолудями и сорожить, как бабы на бобах задают (Аф. Ск., I, 46).

¹ Аналогичные явления часто встречаются в древнерусских памятниках:

А как бывает на Москее пожарное время, и они, стрельцы, повинны ходить все на пожар... (Котош.).

А как царь идет из церкви в хоромы, и в то время бывает звон во все колокола (Котош.).

А как то все устроится, и о том известят царю (Котош.).

Да как пристае, того ослушника изымая, к Москее приедет: и тому ослушнику за его ослушание учинити наказание... (Улож.)

...И как придет дамой, и меня бедную бьет и увечит на смерть (Акты, 306).

...И как пришел Фрол Скобеев к Ловчикову, и Ловчиков имел с ним разговор мног (Ф. С.).

...И как вышла та мамка из церкви, и подшел Фрол Скобеев к той мамке и отдал ей поклон... (Ф. С.).

когда: в южновеликорусских говорах — *када*, *кады*, в северновеликорусских — *ковды*.

Подчиненное предложение с союзом *когда* может стоять перед подчиняющим и после подчиняющего; оно может также вставляться в середину подчиняющего предложения, что имеет такое же значение, как и соответствующая вставка предложения с союзом *как* (см. выше).

Основное отношение между подчиняющим и подчиненным предложениями, выражаемое союзом *когда*, — временное. И здесь, как и при союзе *как*, возможны два варианта временного отношения: одновременность и последовательность тех явлений, о которых говорится в объединяемых предложениях. Эти варианты определяются теми же соотношениями видо-временных форм глаголов-сказуемых подчиняющего и подчиненного предложений, которые были установлены применительно к союзу *как*.

1. Подчиненное предложение — перед подчиняющим.

Кагда́ я вя́нцѣлась, сва́дѣное двѣ́дѣть пять было (Ряз.).

Толька нас кагда́ выдадутъ, свякрѣ нѣкрываетъ снаху́
(свякрѣ — свекровь; Ряз.).

...А кагда́ в бѣ́хѣ, он нѣкаси́л сабѣ ся́нцѣ (Ряз.).

Кагда́ на службе, вся хѣрма казѣнная (Ряз.).

Кагда пѣдбѣлѣ́и народ, был уж поздно (Ряз.).

Када́ к вя́нцу а́бува́ють, кла́дуть а́те́ц или брат хѣ́ти
капѣ́як дѣ́зѣть ѣ́ баи́ма́к ѣ́ пра́вай (Б.—Т. О.).

Када́ рош тѣ́вятѣ́ть, ува́ ржѣ́ ѣ́ хлѣ́би бе́на́ить и сидѣ́ть
(Б.—Т. О.)

...Ѣ́ от ка́да блины пѣ́ку́ть, дѣ́става́ють ско́взръду (Б.—Т. О.).

Стали-то хоронить когда, я пошѣ́л (Арх.).

Бабы прѣ́дут когда, скаат, наа́ посѣ́ть наа́ клубок с сере́тена (Ленингр.—Д. К., № 129).

Как показывают приведенные примеры, союз *когда* (как это наблюдалось и по отношению к союзу *как*) может стоять и не в начале подчиненного предложения, а в середине и даже в конце его. При этом *когда*, повидимому, тяготеет непосредственно к сказуемому, занимая место либо перед ним, либо после него.

Большинство записанных сложных предложений с союзом *когда* показывает, что подчиняющее предложение, стоящее после подчиненного, присоединяется к нему непосредственно. Переход от подчиненного предложения к подчиняющему обозначается в таких случаях значительным повышением тона на сказуемом подчиненного предложения и заметной паузой между предложениями. Но иногда в начале подчиняющего предложе-

ния ставится местоименное наречие *тогда* (варианты *тада*, *тады*), *тут* (вариант *туда*), частицы *то*, *так*. В этих случаях интонация и пауза обычно используются в незначительной степени.

...*Каждá охárкаеш кровью, та́гда памрѣшь* (Ряз.).

Каждá картошки парбем, тут прихжáють (с торфоразработок; Ряз.).

Когда весной, так она шибко пойдѣт... (Вол.).

2. Подчиненное предложение — после подчиняющего.

Он был в плянѹ, ка́гда вайна́-то была (Ряз.).

Куда ж мне работать, ка́гда я из действия вышла? (Ряз.).

Ихрáцы назвáтѣйѣ, девѣйцы, ихрáють, ка́да нивесту йз-за стала пѣзвэдѹтъ к винчáльнѹ (Б.—Т. О.).

Воздвижжѣ живѣт, когда обрбѣиѣ (живѣт — бывает; Вол.).

Брат-от ушѹ на службу, когда мне было шеснáѣть лет (Вол.).

Он раньше дбáю жил, млáдбѹ ка́гда был (врач долго жил в деревне, будучи молодым; Ряз.).

Петель — это уже там холостая по третьему лету, не обгоняется когда (Ленингр.—Д. К., № 129).

Приведенные примеры вызывают два замечания: 1) союз *когда* и при данном расположении предложений может стоять не в начале подчиненного предложения, а внутри его, примыкая к сказуемому; 2) отношение между предложениями может осложняться оттенком условности (см. второй пример), который, впрочем, не имеет грамматических показателей, а воспринимается на основании соотношения реального содержания того и другого предложения.

3. Подчиненное предложение — в середине подчиняющего.

В тех сложных предложениях, в которых наблюдается такое расположение простых предложений, подчиненное предложение обычно следует за той частью подчиняющего предложения, в которой находится слово, обозначающее временное понятие, и служит для дополнения или уточнения этого слова. Подчиненное предложение при этом всегда отчетливо выделяется паузами. Такое двустороннее обозначение границ способствует усилению значения второй части подчиняющего предложения.

А нб́цей, ка́гда из школы пайдѹ, сколько раз на сталб́ѣ нгáлтáла (Ряз.).

А патб́м, ка́гда ани переехали в Рязань, и вот он мне... (Ряз.).

В сентябре, ка́гда картошки рыть, та́гда уж анá пѣспáваеть, краснееть (о клюкве; Ряз.).

Союз с тех пор как

Этот союз встречается очень редко (вероятно, заимствован из литературного языка). Он обозначает, что действие, о котором говорится в подчиняющем предложении, ограничено в своем начальном моменте временем, когда началось или совершилось другое действие, — то, о котором говорится в подчиненном предложении.

... *кхлавá балить* ўсё с тых пор как *нахú сламáл* (Е.—Т. О.).

Союз только

Этот союз обозначает, что действие, о котором говорится в подчиняющем предложении, начинает совершаться с момента совершения другого действия — того, о котором говорится в подчиненном предложении.

Только с настéли вставаю... свекр *зачнёт* *гварить* (Ряз.).

Только к пристани завязались, к обедни ударили (Кулик.— Олон.).

Союз если

Союз *если* (и его варианты в южновеликорусских говорах *эсли, езли, эзли*) указывает, что в подчиненном предложении приводится условие, при котором то, о чем говорится в подчиняющем предложении, является реальным.

Подчиненное предложение с союзом *если* чаще ставится перед подчиняющим. Это выдвигает условие на более видное место и ставит его в центр внимания слушателя. При такой структуре сложного предложения подчиняющее может иметь в начале частицу *то* или *так* (варианты *дак, дэк*), служащую для резкого разграничения предложений, подобно тому как это наблюдается в рассмотренных выше предложениях с союзами *как* и *когда*.

Если анá ндагхáток там, я *дьяньáми* сколько надо *уплóтю* (Ряз.).

Если ямú харóшее питание, он *будет* *уцýи* (Ряз.).

Если явó пасóдишь, *что твайх* детей *будет* *кармить?* (Ряз.).

Невот сушат на карбасах, перекинут их и распола́гают. А порвалса — везут домой до поцýняют, а если запасный — дру́гой берут (Карельск.—Д. К., № 302).

Набóгом же́сли н'е обложус'а *ја б́ду хлопотат'* *как и а́уди* (Горьк.).

Езъли хто уейдить е'во — к убѣтку, намрѣть (Б.—Т.О.).

Езли нас нету, ницѣв не пѣмуцѣйи (Ряз.).

Езъли атѣцъ намрѣть, у нас чалѣбють (Б.—Т.К.).

Если ты думаешь жить, то пиши письма пѣ-харошему, а пѣ-плахѣму не пиши (Ряз.).

Если нас с ней нету, то чѣлять нипацѣм не будутъ (Ряз.).

Если в Рыбинском есь, даж мы денег пошлѣм (Арх.).

Примечание. Следует отметить две черты в примерах из северновеликорусских говоров (примеров, правда, записано очень мало): 1) союз *если* не имеет вариантов, 2) подчиняющее предложение в каждом из сложных предложений начинается частицей *так* или, реже, *то*.

В тех случаях, когда подчиняющее предложение стоит перед подчиненным, смысловой центр тяжести приходится на первое предложение, что выражается значительным повышением тона на одном из членов этого предложения (чаще на сказуемом).

Я вижу, если хто на мене плохо смѣтрить (Ряз.).

...Он не виноват, если дѣлаеѣи што (Ряз.).

А я ѳт ѣѣ нзавѣ, еесли она пастѣрьшы (Б.—Т.О.).

Сама собой жила бы, если бы не отдавали замуж (Арх.).

Совсем редки, повидимому, сложные предложения, в которых подчиненное с *если* вставлено в середину подчиняющего предложения.

И мужик, если в чрѣзы, также катѣеѣи-валѣеѣи (грызь — грыка; Ряз.).

Союз *ежели*

Союз *ежели* (с вариантом *ежли*) имеет то же значение, что и *если*. Употребление союза *ежели* ничем не отличается от употребления союза *если*.

Ежели не пашол я работать, естѣ нѣцево (Ряз.).

Ежели ты радѣшь, въкавѣя будешь (вековѣя — обойденная женихами девица; Ряз.).

Ежли жанѣх пѣжалѣить съч'яе, на свѣй дѣнышки нехай бирѣть (Б.—Т.О.).

Я слыхал от старых людей, штѣ весной ежеле из муровишиов перѣж красные муровѣи выхуѣдѣт, — будет лето красное... (Вят.—ВГО, X—51).

Скотина ежели не придѣ домой, так ѣйшут, ѣйшут (Арх.).

А ежели, мама, не на флот, так в кони... вот которы на кѣнях ѣйздиют (Арх.).

А ежели одну сѣргу заплел не так, и выйдѣт немѣдно, расплетѣть надо (сѣрга — узкая полоса лыка; Арх.).

Этот союз (вариант *лель*), встречающийся сравнительно редко (записан в одном из южновеликорусских говоров), имеет то же значение, что и союзы *если*, *ежели*. В приводимых примерах подчиненное предложение с союзом *лели* стоит перед подчиняющим.

Лели памрем, фсѣ двѣжыма-нидвѣжыма тебе астаница (Петр.—Ряз.).

Лель можыт сасватать, так мы будим вас щитать за-мesta аѣа раднова (Петр.—Ряз.).

Хошь лели песни слушать, и нада за песни и҃риц дарить (Петр.—Ряз.).

А лель уйдѣшь, то я тебе за҃яню и разарву (Петр.—Ряз.).

Союз *коли* (*коль*)

Этот союз по своему значению ближе всего к союзу *когда*; следовательно, при основной своей функции — выражении временного отношения — он может дополнительно, вместе с другими синтаксическими средствами, выражать также оттенок условности. Иногда, как увидим из приводимых примеров, этот оттенок может вытекать только из соотношения реального содержания того и другого простого предложения. Подчиненное предложение с *коли* может стоять как после подчиняющего, так и перед ним (второе встречается чаще); может оно вставляться и в середину подчиняющего предложения.

Я выезал, коли солнышко закатѣлэс (Мат. 1910 — Влад.).

Коли здоров, не один день не прогулят даром (Мат. 1910 — Перм.).

На бисѣдя с҃҃ряшѣшь, калы́ ҃асѣт'зѣ будя (Б.—Т. К.).

Ноцѣй, говорит, коли хоцѣшь (Арх.).

...А калы бог даст паживетца им, да пайдут ребятаиш-ки — и ана смѣлитца (смѣлитца — станет нравиться; Даль — Тамб.).

...В год два раза, а коли хороша, и три заворачиват (ответ на вопрос: «Сколько раз в год свинья поросится?»; Вол.).

Тота же, калы нужды ня увидишь, так и в дабре не походишь (Даль — Тамб.).

Коли давали, было брать, тепере даровѣ уже и не глядят (даровѣ — пусть; Подв. — Арх.).

Подле реку этта в кочках множество пѣголиц; подѣшь коли по кочкарнику, дак заметат их столько, што и! закричат: пивик! пивик! (Лук.—Перм.).

...И нынѣ калѣ нѣчью мѣма прейдѣш, так ѡтрапѣ бярѣ (Роз.—Тамб.)¹.

Союзы *раз, буде*

Эти союзы употребляются сравнительно редко. Они по значению должны быть приравнены к союзу *если*, так как устанавливают условно-следственное отношение между связываемыми простыми предложениями. При союзе *раз* отношение между предложениями осложняется еще оттенком причинности, которого обычно не бывает при других условных союзах (причем то, что приводится как причина, является реальным фактом). В тех случаях, когда подчиненное предложение стоит перед подчиняющим, последнее может, как и при *если*, начинаться частицей *так* (в северновеликорусских говорах *дак*).

Раз служишь — иди (Ряз.).

Раз цѣловек остарѣл, дак тот бок худой, тот бок худой (Арх.).

Раз лодка тяжѣлая, дак ей и тѣнѣ (Арх.).

Рас онѣ широкѣ, вот в ѣтом мѣсте супон', так и наб'ют. А тем бѣлее в лѣтнее время (Ленингр.—Д. К., № 115).

Буди нам неверите: станьте на лукошки, посмотрите в окошки (Зуб.—Разгов.).

...*Дам крынку, пристоялось будѣ* (Арх.).

Как видно из последнего примера, союз *буде* может стоять и не в начале подчиненного предложения.

Союз *кабы*

Этот союз (с вариантами *къб, кубы, каб*) также служит для выражения условного отношения. Отличие его от *если, ежели, лели* состоит в том, что посредством *кабы* указывается, что условие, при котором что-либо (то, о чем говорится в подчи-

¹ Предложения с союзом *коли* очень часты в народных сказках и пословицах:

Ты поворотлив и на ногу скор; коли он на тебя ескинется, ты сейчас от него уйдешь (Аф. Ск., I, 42).

Коли увидишь kota с бараном, махай утиркою: мы пойдем — их повстречаем (Аф. Ск., I, 44).

Жили-были на одном дворе козла да баран; жилили промеж себя дружно: сена клѣк — и тот пополам, а коли вилы в бок — так одному коту Ваське (Аф. Ск., I, 45).

Ступай, да поскорей приходи; не умирать же нам с голоду. Коли сам за вами пойду, — всем худо будет (Аф. Ск., I, 47).

Коли хочешь, я, пожалауй, сделаю тебя пестрее моей лошади (Аф. Ск., I, 48).

Коли не коваль, так и рук не погань (Даль — Посл.).

няющем предложении) возможно, представляется на самом деле несуществующим, между тем как при *если, ежели, если* вопрос о реальности или нереальности этого условия не имеет значения, а важен лишь самый факт условно-следственной связи. Именно этой особенностью, вносимой союзом *кабы*, объясняется то, что в подчиняющем предложении ему обычно соответствует при сказуемом частица *бы*. Каждое сложное предложение с союзом *кабы* как бы предполагает после себя другое сложное предложение, схема которого может быть формулирована так: «на самом же деле этого условия нет, а потому нет и соответствующего следствия».

Все записанные сложные предложения с союзом *кабы* имеют на первом месте подчиненное предложение. Это еще не дает основания для вывода, что в сложных предложениях с этим союзом возможен только такой порядок простых предложений, однако порядок этот, видимо, преобладает. Подчиняющее предложение, когда оно стоит после подчиненного, нередко начинается местоимением *тогда* или частицей *так (дак)*. Примеры (их, правда, немного) из северновеликорусских говоров все имеют в начале подчиняющего предложения такие частицы.

Кабы знала, чурёц'ки стала бы давать (Ряз.).

Кубы не дети, я бы аста́лась (Ряз.).

Кубы пъямка была, она ба́льшая была бы (Ряз.).

Каб дбжичек был, может было бы (о грибах; Ряз.).

Каб была чернйка, я б за чернйкой с вами схадила (Ряз.).

А каб ягоды, о, я б вас зкармйла! (Ряз.).

Каб ате́ц' дома был, он бы нам сдeлал (тележку; Ряз.).

Кабы хорошо работали все, дак бы привели в порядки-то (Арх.).

Кабы ягоды были, дак сходили бы за ягодам (Арх.).

Кабы розвитбй чёловек был, дак он бы... (Арх.).

Каб овсяно́й блинок, да тоненький, да со сметаной, так я бы поела (Арх.).

Среди записанных примеров встретилось несколько сложных предложений, в которых при сказуемом подчиняющего предложения нет частицы *бы*. Однако описанное выше значение (нереальность как условия, так и следствия) свойственно и этим сложным предложениям, и отсутствие частицы *бы* может быть объяснено какими-нибудь чисто внешними причинами.

Каб ма́ть-то была, дала ли а́н так валя́и (Ряз.).

Каб папа́л кто по́старбйй, всех угасти́ли (Ряз.).

В тесной связи со сложными предложениями с союзом *кабы* находится довольно частый в говорах тип сложного предложения, имеющего на первом месте простое предложение с *кабы*, за которым следует не подчиняющее предложение, а предложение, начинающееся союзом *а то* (реже *а*). Получается соеди-

нение двух как бы неразвернутых конструкций: 1) подчиненного предложения, в котором высказывается нереальное условие, с отсутствующим подчиняющим (которое здесь легко подразумевается); 2) второго предложения, содержащего противоположное условие, реальное, но с отсутствующим выводом из него (который предполагается ясным слушателю).

Каб я сама нѣряблѣ ахѣпоц'ку, а то тавѣрка нѣряблѣ (Ряз.).

Каб как тады была вѣрткѣ, а то руки все искалѣцены (Ряз.).

Кубанѣ мужик нѣлажѣл воз, а то бабы... (Ряз.).

То же встречается и при союзе *если* (б), например:

Если б у тебе табаку не было, а ведь есть (Ряз.).

Что предложения этого типа надо понимать именно так, видно из существования комбинированного типа сложных предложений, например:

Кабы он в калхозе работал, тады б с ребятами жила, а то в горѣ работает... (Ряз.).

Союзы *пока, покамест, покуда* и т. п.

Эти союзы обозначают один из оттенков временного отношения, а именно — что то, о чем говорится в подчиняющем предложении, ограничено в отношении длительности либо начальным, либо конечным моментом того, о чем говорится в подчиненном предложении. Подчиненное предложение с союзами этой группы может стоять и перед подчиняющим и после него; оно может вставляться и в середину подчиняющего предложения. Оттенки значений, создаваемые местоположением подчиненного предложения, — те же, что и при других, выше рассмотренных союзах.

В калхозе-то, пакѣ не все вашлѣ, у нас было народу меньше (Ряз.).

Садись, пока ёго нет (Вол.).

Осенью их оставляю здесь, пока корова дойт (Арх.).

Невот спустят и дожыдают, стоит ни по одним суткам, покамест рыба ни придет (Карельск.—Д. К., № 302).

Анѣ карбѣтинькѣ⁴я, далбѣть јѣѣ јсѣ јрѣмя, покѣмис пирѣстѣнѣть плясѣть (Б.—Т. О.).

При наличии в подчиненном предложении союза рассматриваемой группы, в подчиняющем предложении, если оно стоит после подчиненного, возможны частица или указательное местоименное наречие. Функция их — та же, что и при других, выше рассмотренных союзах.

Дож вѣть штѣ, пока есь он едѣт туды, так перестѣнѣт (Двин.—Разгов.).

А пока́ дол' н'е полуц'у́, пота́ и н'е уйд'у́ (пота́ — до тех пор; Гр., I).

Союз может стоять в подчиненном предложении не только в начале, но и внутри его.

В силе покуда́ была, так питала́ (питала — содержала; Вол.).

С тем же значением, что и рассматриваемые союзы, употребляются союзы *доке́ль* (до́келе), *поке́лича*, *покуль*.

Даке́ля работают, их держутъ (Ряз.).

Паке́лича жа́рка стани́ть, пате́ль стира́й (Хал. — Курск.).

Покуль из хлева́ несли в избу, а он уж... (Арх.).

Последний пример представляет собой случай, нередко наблюдающийся в говорах, а именно — сочетание подчинения с сочинением; наряду с подчинительным союзом (*покуль*) в первом предложении находим сочинительный союз (*а*) во втором предложении. В тех случаях, когда при сказуемом подчиненного предложения стоит частица *не*, сочетание союзов *пока*, *покамест*, *покуда* и т. п. с *не* обозначает, что то, о чем говорится в подчиненном предложении, имеет решающее значение по отношению к тому, о чем говорится в подчиняющем предложении (см. выше соответствующие примеры).

Союз *где*

Союз *где* (с произносительным вариантом *иде* в южновеликорусских говорах) служит для выражения пространственного отношения, а именно: то, о чем говорится в подчиняющем предложении, поясняется в отношении места тем фактом, о котором говорится в подчиненном предложении. При этом подчиненное предложение может стоять как перед подчиняющим, так и после него. В начале подчиняющего, когда оно занимает второе место, может стоять местоименное наречие *туда*, *там*, *тут*; в этом случае подчиненное предложение служит для непосредственного пояснения этого наречия.

Иде́ лясбе́ нет, туда́ и атправля́ють (Ряз.).

А иде́ ряка́ есть, там́ и рыба́ есть (Ряз.).

Где́ уку́сить, там́ у ней ва́льшка́ (ва́льшка — волдырь; Ряз.).

Хто́ где́ набе́г, там́ и скве́рну́ли (Ряз.).

Где́ не́цисто, сыро́ в избе́, тут веде́щи́ больше́ блаха́ (Ряз.).

Где́ вот дом-от стои́т, тут бы́ли онба́ры (Вол.).

Иногда подчиняющее предложение, стоящее после подчиненного, отделяется от последнего (как при других союзах, рассмотренных ранее) частицей *то*. Однако для сложных предложений с союзом *где* это не характерно.

В предложениях этого типа заключается иногда оттенок условно-следственный (ср. предпоследний пример). Кроме того,

подчиняющее может иметь в начале местоименное наречие и тогда, когда стоит перед подчиненным предложением.

Там недалеко рѣкѣ, иде мы работали у Спаса (Ряз.).

Сложные предложения без местоименного наречия в подчиняющем предложении возможны при любом порядке простых предложений.

Где папоротник найдёшь, и сиди (Ряз.).

Он жил, сейчас где стальной у нас (Ряз.).

Где се́мёйсва-та ба́льшя́, на́ цыря́дѹ тку́ть (Б.—Ист.).

А я у избы́-то и стою, где она за́пѣрта (Арх.).

Изредка союз *где* употребляется не для обозначения пространственных отношений, а в значении «вместо того чтобы». В этом случае подчиненное предложение с союзом *где* всегда безличное и стоит на первом месте; союз *где* имеет при себе частицу *бы*, а сказуемое этого предложения выражается инфинитивом.

Где бы ночью спать, я не могу спать: выстану да на лавке посижу (Арх.).

Здесь один из многих случаев превращения слова (в частности, местоимения) с пространственным значением в слово с другим, более абстрактным значением; ср. также союзы *покамест*, *пока*¹.

Союз *куда*

Этот союз (с вариантом *куды*) употребляется, как и союз *где*, для выражения пространственного отношения; но в то время как подчиненное предложение с союзом *где* поясняет место совершения того, о чем говорится в подчиняющем предложении, подчиненное с союзом *куда* поясняет место направления действия, о котором говорится в подчиняющем предложении.

Подчиненное предложение с союзом *куда* может стоять как перед подчиняющим, так и после него. В начале подчиняющего предложения, когда оно занимает второе место, может стоять местоименное наречие *туда*, *там* и т. п.

Подьте да глядите: куда залбо́мц'ки глядят, туда и идите (Арх.).

Дуня, ты пошла, куда баяла-то? (Арх.).

¹ Ср.: *Ах, Иван-царевич, за какое ты дело влялся? где бы сразаться доброму молодцу, а он стадо пасет!* (Аф. Ск., I, 162).

Как переходный тип находим такие предложения: *Где барин сдурут, а все я, овца, виновата!* (Аф. Ск., I, 28). *Где мужик мой курочку словит, а все я, лиса, виновата* (там же).

Союзы *потому* (*потому что*), *по случаю*

Эти союзы употребляются для обозначения причинного отношения между предложениями. В записанных сложных предложениях подчиненное предложение стоит после подчиняющего. Характерно, что перед предложением, начинающимся союзом *потому*, пауза довольно значительная, чего не наблюдается при союзе *по случаю*, где пауза может быть минимальной и даже вовсе отсутствовать. Трудно решить вопрос о том, каково происхождение *потому* как причинного союза: является ли он в этой роли усечением сложного союза *потому что* или же переосмысленным наречием *потому*, часто употребляемым для указания на причину чего-либо. Употребление *потому* в качестве причинного союза в тех говорах, где *потому что* неупотребительно (а таких значительное большинство), скорее свидетельствует о том, что *потому* не восходит к этому сложному союзу.

Изба-то пѣрѣет, потому сыро (Кудр.—Тв.).

Пѣчку-тѣ баба по-утру затопит — дѣверь отвѣрит, самѣ шубу, братец ты мой, наденет, потому хлѣбно бѣдет выдѣ-то, значительно (Мат. 1910—Тв.).

Я эти деньги на подати поворотил, потому шибко уж староста пристаёт (Б.—Кол.).

Союз *потому что*, употребляемый, повидимому, очень редко, выступает как полновесный подчинительный союз.

Плохо растёт, потому што наём много требует (Вол.).

Надо полагать, что *потому что* представляет собой позднее заимствование из литературного языка, где он также принадлежит к союзам сравнительно новым по времени образования. Недавно, вероятно, попало в говоры и *по случаю*, хотя и встречающееся в качестве подчинительного союза довольно часто. Оба эти союза совершенно неизвестны в памятниках древнерусского языка. Но *по случаю* пришло не из литературного языка, а из городского просторечия, где широко употребляется и в настоящее время в качестве предлога и подчинительного союза. В одном из южновеликорусских говоров записано следующее предложение, весьма типичное по своей структуре и для городского просторечного стиля:

Это вот засуха, она пѣрѣбѣла по случѣю дажѣ нет (она — речка; Ряз.).

Союз *хоть* (*хотя, хош, хоша*)

Этот союз служит для обозначения противоречия между тем, что говорится в связываемых предложениях. Если сказанное в одном из соединяемых предложений противоположно тому, чего можно было бы ожидать на основании сказанного

в другом предложении, то это несоответствие выражается употреблением союза *хоть*. Предложение с этим союзом может стоять на первом месте. Это обозначает, что говорящий выдвигает на первое место несоответствие между двумя фактами.

Хоть какая я ни есть, ты мене не бесцесть (не обижай; Ряз.).

Да вот хош мой, хош бань, в пяскѣ, в пяскѣ, в пяскѣ, из пяска не вылязаеть (мать о ребенке; Ряз.).

В тех случаях, когда предложение с *хоть* стоит на первом месте, второе предложение очень часто начинается с противопоставительного союза *а*, *а все, все равно, и то*. Этим еще резче подчеркивается тот характер отношения между предложениями, который описан выше.

Я хоть небольшая была, а крепкая, в век свой не лживала (Арх.).

Хоть ламай, всё равно в дверь не прятыййт (Ряз.).

Хоть ана ндеу́али ту́чки, облацка́, все равно дош не будет (Ряз.).

Хоть дурная халупка, а всё память надо (Ряз.).

Хоть с бантиком, а все хадил (Ряз.).

Хоть на свои деньги они покупали ситец, и то рады (Вол.).

Когда предложение с союзом *хоть* стоит на втором месте, противоречие между излагаемым (в первом предложении) фактом и тем реальным и возможным обстоятельством, о котором говорится во втором предложении, выступает менее резко.

Играй песни, хоть лоб тресни... (Ряз.).

Я тут с обѣма поразговариваю, а ответа нету, хоть сколько говори... (Арх.).

Не послучалось нам бывать тамотки, хоша оказь и выходила (оказь — случай; Подв. — Арх.).

Сложные предложения с *хоть*, *хотя*, надо полагать, давно существуют в говорах. Слова *хотя*, *хоть* в функции союза с описанным выше значением встречаются в памятниках, начиная с древнейших. Ср.: *А за кормилца 12, тако же и за кормилицю, хотА си буди холѡп хотА си роба* (Пр. рус.).

В «Сборнике простонародных слов» А. Луканина зарегистрированы сходные по значению с союзом *хоть* союзы *што хоть* и *што-што*, причем приводятся такие примеры:

Што хоть он богат, да у бога милости не купит.

Што хоть он смирен, а пальца в рот ему не клади, откусит.

Я его не боюсь, што хоть он устрашиивает. Бог не выдас, свинье не съись.

Што-што витер да валы на реке, а мы таки переплыли.

Я ему утру усы-те, што-што он тятенькин сынок.

Эти союзы употребляются для обозначения того, что сказанным в предложении, начинающемся этим союзом, сравнивается то, о чем говорится в другом предложении. Предложение с союзом *ровно, словно* может стоять как на втором, так и на первом месте.

Не пъярни́ѹи, ровно мене кольями били... (Ряз.).

Ровно сѣвер будет, облац'ка заходили (сѣвер — северный ветер; Вол.).

Больно уж наш-то охмарился, словно схитил его кто (Подв.—Арх.).

Так-от ево и подергиват, словно гоготать хочет (Подв.—Арх.).

Союз *чем*

Союз *чем* употребляется для обозначения того, что сказанному в предложении, начинающемся этим союзом, предпочитается то, о чем говорится в другом предложении. Предложение с союзом *чем* (подчиненное) может стоять как на втором, так и на первом месте. В подчиняющем предложении обычно стоит слово *лучше*, подчиненное предложение большей частью бывает безличным, главный член его в таком случае обычно выражается инфинитивом.

Чем так, уж лѹѹе уж на аднѹм месте жить (Ряз.),

Иди кругом, чем беспокоить (М.—Ш.).

Пойду чай пить, чем пива пить (М.—Ш.).

Когда подчиненное предложение с *чем* стоит на первом месте, подчиняющее, как и при некоторых других союзах, может начинаться частицей *так*.

Чем отсека́ть голова мне, так лучше содвину корабли в воду (М.—Ш.).

Чем холодна вода пить, так лутше тепла (М.—Ш.).

...Чем бросать, так я лутше съем (М.—Ш.)¹.

Союз *чем* может стоять и не в начале подчиненного предложения.

Пьрьправля́ть чем, лѹѹе пастрѹить (т. е. чем ремонтировать старый дом, лучше построить новый; Ряз.).

¹ Фольклор также дает предложения этого типа с союзом *чем*:

Чем тебе по лесу таскаться, наймись ко мне на три года (Аф. Ск., II, 208).

Цапля после раздумалась и сказала: «Чем эжить одной, лучше пойду замуж за журавля» (Аф. Ск., I, 72).

Чем завираться, лучше молча почесаться (Даль — Посл.).

Относительное слово *который*

Сложные предложения с относительным словом *который* по своему строению неоднородны. В одних сложных предложениях простое предложение со словом *который* стоит на первом месте, в других предложениях — на втором месте. В предложении, стоящем на первом месте, относительное слово *который* чаще всего стоит при существительном и с ним согласуется, причем это же существительное во втором простом предложении либо повторяется, имея при себе указательное местоимение (обычно *тот*), либо заменяется личным местоимением 3-го лица или указательным местоимением *тот*. Первый из этих двух вариантов сравнительно редок.

Ф которой день итти, в тот день ея и кормя (М.—П.)¹.

Второй вариант (с одним только местоимением во втором предложении) встречается довольно часто.

...И каторый малчик убил ваякѣ, он дал еѣму три рубл'а... (ему — мальчику; Петр.—Ряз.).

Направо каторый выше дом, тот мой (Вол.).

Которой цѣловек в белом платьи, овады на того не садятси (М.—П.).

Котора девица бѣз пояса, у той украдѣ лопѣтье (М.—Ш.).

Котора дѣвка пойѣт лѣччы ф'с'ех, онѣ и зы'бѣят (Мал.—Куйб.).

А котора дѣвка с пар'ным израйт, те вдвойом идут (Мал.—Куйб.).

В северновеликорусских говорах в таких сложных предложениях второе предложение нередко начинается частицей *так* (*дак*), способствующей резкому противопоставлению второго предложения первому.

Которые рѣбят, так им варят (т. е. тем, кто работает, варят мясо; Вол.).

¹ Известно, что конструкция эта широко распространена в древнерусских памятниках, причем между предложениями здесь обычно вставляется союз *и*:

И каторого ответчика в городе пристав не сыщет: и приставу по того ответчика итти к его двору (Улож.).

И в которые дни бывает со кресты ход; и в те же дни в рядах ничем не торговать... (Улож.).

А которыми реками суды ходят, и на тех реках прудов и плотин и мельниц не делати... (Улож.).

... А которые люди грамоте не умеют, и в тех людей место велети отцам их духовным руки свои приложить (Т. пр.).

А по тем делам которые люди у розыску были, и тех людей, по приказу его, Федкину, мыывали московских розных полков стрельцы... (Ф. Шакл.).

Которые эдак хорóбиш, дак их плотáми (т. е. хорошие сорта леса сплавляют не отдельными бревнами, а плотами; Вол.).

Которой жонилсе парень-от, так отець нему (М. — Ш.).

Получающееся благодаря вставке частицы *так* противопоставление придает отношению между предложениями дополнительный оттенок значения. Так, в первых двух из приведенных примеров — это оттенок причинно-следственный (варят мясо не только тем, которые работают, но и за то, что они работают и т. п.)¹.

Наряду с описанными вариантами сложного предложения первого типа очень часты такие сложные предложения, у которых существительное, имеющее при себе относительное слово *который*, во втором простом предложении не повторяется и не заменяется местоимением.

Каторава сына ни любил, адин только год учил (Петр. — Ряз.).

Которая бедная деушка замуж идёт, и он давал на свадьби (Петр. — Ряз.).

Которая по́мёрла-то, была на цюжбóй сторонé (о дочери; Вол.).

Конешно, которой опытной конюх, такого сена не дас (Вол.).

В северновеликорусских говорах и в таких сложных предложениях в начале второго простого предложения может ставиться частица *так* (*дак*), выполняющая ту же функцию, что и в рассмотренных выше сложных предложениях.

Котора сразу привыкнет, так шьёт и шьёт (Вол.).

Ловя́т которы, дак много продава́ют (Арх.).

Нету кудель-то топёрь, а котóра бы́ла, так спрёмли (Арх.)².

В сложных предложениях, в которых простое с относительным словом *который* стоит на втором месте, первое простое

¹ И конструкции второго варианта часто употреблялись, по свидетельству памятников, в древнерусском языке, но также с союзом *и*, присоединяющим второе предложение к первому:

А который росол пажнет затхоль и его сливать да свежим наполнявати (Дом.).

И которые бояре царю свойственные по царице, и они в думе и у царя за столом не бывають (Котош.).

А которые взяты будут в полон не на бою, и не в посылаж: и тем давати на окуп со ста четвертей по пяти рублей (Улож.).

² Данный подтип сложного предложения также фигурирует в памятниках и также обычно с союзом *и* между простыми предложениями (союз этот встречается и в одном из вышеприведенных примеров: «Которая бедная деушка...»):

А котора́я рыба всякая, и мясо солено на провеси, и вывешивати под весну... (Дом.).

У которого отца два или три сына, или три брата живут вместе, а не порознь, и от трех емлют одного человека... (Котош.).

предложение содержит в себе существительное, с которым названное относительное слово согласовано в числе и роде. Иногда это существительное заменяется местоимением, личным или указательным (*тот, такой*).

Это событіе было мой шурин, который погиб на войне (т. е. это случилось с моим шурином; Вол.).

А этот-то мудрёной был, у которого шесть-то пальцёй (Арх.).

Ну вот за ётим я была, ну вот зъ кѣброво выхадѣла-то (Ряз.)¹.

Встречаются сложные предложения, в которых простое с относительным словом *который* вставлено в середину другого предложения. В этих случаях вторая половина предложения, в которое сделана вставка, может начинаться частицей *так* (*дак*).

Она, к которой приходила лежить, и говорит... (Арх.).

И вѣйи, которые его, послали (Вол.).

Робѣця сила, которым надо работать, так те уехали (Вол.).

Старуха-то, котора јѣздила к царю, дак моя доц'и была за внуком (Арх.)².

Относительное слово *какой*

Сложные предложения с относительным словом *какой* встречаются в южновеликорусских говорах, причем *какой* употребляется здесь в том же значении, в каком в северновеликорусских говорах употребляется *который*. Структура сложного предложения — такая же, как и при *который*. Относительному слову *какой* может в другом предложении соответствовать указательное местоименное прилагательное *такой*.

Когда относительное слово *какой* находится в предложении, стоящем на первом месте, второе предложение часто не имеет

¹ Такие сложные предложения, в которых простое с *который* стоит на втором месте, тоже встречаются в древнерусских памятниках:

А ездят бояре в коретах старые, которые на лошадях сидеть не могут (Котош.).

При этом очень часты случаи, когда существительное, с которым согласуется относительное слово, повторяется при последнем во втором предложении:

А иные заморские товары покупают... на товарные деньги, которые товары продают у Архангельского эс города (Котош.).

А править исцовы иски на порутчиках, которые порутчики будут в лицах (Улож.).

В изученных говорах этот тип сложных предложений не встретился.

² Этот тип сложного предложения также встречается в древнерусских памятниках, правда более поздних:

... У посыльных людей, которые посланы были по него Алешку, он Куска не отбивывал (Куска — Кузька; Ф. Шакл.).

в своем составе слова, от которого непосредственно зависит форма рода и числа этого относительного слова.

В какую время рабѣйци, в такую и дають (Ряз.).

На како́во я нѣмька́ла, уж, идо́л, в белой рубáшецѣ́ке сидѣть (Ряз.).

Какой первый двор-то, куры все пѣлякнѣ́сь (Ряз.).

И ка́кая аста́неи без матери — без а́йа, калхо́з дава́еть (Ряз.).

Там таких ле́цють нервных, у каких но́ги атня́лись (Ряз.).

Эти возю́ть, ка́кие избѣ́йки (Ряз.).

Ана́ нету ей, ляка́рства-та, ка́кую дава́л, фся да́шла (Б.—Т.).

И вот мы э́тот го́д, ка́кой уража́йный был, мы на по́ле ха́дили (Ряз.).

Примечание. К этому типу принадлежат и сложные предложения с редко употребляемым относительным словом *кой*.

Спой [песню], ко́ю в вели́кое го́вѣйѣ́ не грѣх (Вол.).

Относительное слово *где*

В южновеликорусских говорах встречаются сложные предложения, в которых простое предложение, стоящее на втором месте, связывается с предшествующим ему предложением посредством местоименного наречия *где*, относящегося к одному из существительных этого предложения и определяющего это существительное. Функция *где* в таких предложениях может быть приравнена к функции местоименных прилагательных *который* и *какой*, стоящих в предложном падеже с предлогами *в*, *на*, *при* и т. п. Существительное первого предложения, определяемое вторым предложением, обычно принадлежит к числу тех, которые могут быть использованы для обозначения места пребывания кого (чего)-либо или места действия (бор, дом, село, лес, ручей и т. п.).

Этим боло́м, боло́м, боло́м и в э́том бару́ называе́щи Жу́лево, где́ это́ на маши́ну са́дяйци (Ряз.)¹.

Относительное слово *кто*

Широко распространены сложные предложения с относительным местоименным существительным *кто*. Существительное это может стоять в любом падеже как с предлогом, так и без предлога. В предложении, в состав которого он входит, *кто* является его членом и вместе с тем связывает это простое

¹ Встречается эта конструкция и в древнерусских памятниках деловой речи, но довольно редко:

Ме́жа до ми́арины по руче́и, гдѣ́ евши́ ро́зѣ́ стѣва́л (Дв. гр.).

предложение с другим простым предложением. Простое предложение с *кто* может стоять на первом месте. В этом случае во втором предложении, нередко в начале его, стоит указательное местоимение, через посредство которого первое предложение и связывается со вторым.

Кто жалаетъ, на сверхурѣк идѣтъ (Ряз.).

Кто пѣхватицейъ вьзять, и палѣтѣни нѣвезѣтъ (снопов; Ряз.).

Каму пакѣжѣтца, тотъ и ходу ни выжывить (Б. — Т. О.).

Хто што зѣнать, тотъ и причитаить (Б. — Т.).

Кто маленько понужняе, тотъ и сенцемъ кормиу (Вол.).

Кто сига не кѣшывал, тотъ рыбы вкуса не знаѣ (Арх.).

Кто ловѣтъ старѣѣи, тотъ и ест (Арх.).

Каѣбъ пѣпадѣтца — изамнѣтъ (Б. — Т. О.).

Кто хѣѣа, тотъ вѣхадѣи и бярѣи (Ряз.).

Как видно из двух последних примеров, падеж относительного слова *кто* может зависеть от сказуемого подчиняющего предложения (не «кто попадется», а «кого...», потому что в подчиняющем предложении *изомнутъ*; не «кому хочется», а «кто...», потому что в подчиняющем предложении *тотъ заходи*).

В северновеликорусских говорах второе простое предложение при данной конструкции сложного предложения может начинаться также частицей *так* (*дак*).

Нетъ, у насъ кто старѣѣи, дакъ сухо не надо јись (Арх.)¹.

В тех случаях, когда простое предложение с *кто* стоит на втором месте, чаще встречается форма косвенного падежа этого относительного слова (нередко с предлогом).

Купили у кого деньги есъ сѣдь (Вол.).

Там-то у меня знакомые, у кого жила, пустили бы (ночевать; Ряз.).

Относительное слово *что*

Местоимение *что* в качестве относительного слова может употребляться с двоякой функцией.

1. Простое предложение с относительным словом *что* стоит на втором месте; относительное слово *что* указывает на суще-

¹ Сложные предложения рассматриваемой конструкции широко распространены в древнерусских памятниках, начиная с наиболее ранних (во втором предложении часто ставится в начале *ино*):

А кто почнетъ имать своего исца в своемъ сребре до зѣрока, ино ему востинца възять (Пск. гр.).

А кто предъ господю сударитъ на суде своего истыца, ино его в рубли выдать тому человеку, а князю продажа (Пск. гр.).

А кто поспѣѣимати оу стѣго николи тои лоскутъ судитѣся с нами предъ бѣѣ (Дв. гр.).

А кто мытъ, или перевозъ, или мостовщину заведетъ вѣновь для своего пожитку своимъ вымысломъ безъ указу, и у нсго за то възяти на государя (Улож.).

ствительное, стоящее в первом предложении и определяемое вторым предложением. Относительное слово *что* в таких случаях всегда ставится в форме им. падежа и может указывать на существительное любого рода как единственного, так и множественного числа. Таким образом, *что* в таких сложных предложениях выполняет ту же функцию, что и рассмотренные выше относительные слова *который* и *какой*.

Ёму не попадали те, што дееице (М. — III.).

Потом он взяў, закупив в Новигороде в три днѣ всю, весь товар, што было... (Шахм. — Олон.).

Доцель ходила, в афтут дом, што крайной-то стоит в деревни (Гр. — Арх.)¹.

Как показывают приведенные и многие другие примеры, относительное слово *что*, употребленное в функции *который* и *какой*, обычно имеет значение им. или вин. падежа. Однако возможно и такое употребление, при котором *что* не может быть понимаемо как им. или вин. падеж, но нет оснований усматривать здесь и другую падежную форму. Следовательно, местоимение *что* не является здесь в полном смысле слова членом того предложения, в состав которого оно входит.

Дай нам тую тарелку, што золата щитать (Раст. — См.).

Надо было тем помокѣй, что жить негде (т. е. тем, которым...; Арх.).

2. Простое предложение с относительным словом *что* стоит на первом или на втором месте, в другом же простом предложении относительному слову *что* (которое может стоять в любом падеже) часто соответствует указательное местоимение *тот* (обычно в среднем роде с обобщенным значением) или обобщительное *все*, которое непосредственно и поясняется предложением с *что*.

Што с мэнэ спрбсють, то аткажѹ (Б. — Т. К.).

На што взглянѣ, то и сдѣлат (Арх.).

Тол'ко ч'ево потч'ош, то и понос'иш (Гр., II).

Ч'ево улѣпаешь, то и наденешь (Д. — Без.).

Все абсмастрѣли, ц'ево есть у них (Ряз.)².

¹ Такое же употребление относительного слова *что* известно и в памятниках (более поздней поры) и в фольклоре:

...*Послан из Троицкого Сергиева монастыря Воскресенского собору что у нас, великих государей, на Сенех, бывшей дьякон...* (Ф. Шакл.).

Лучше с честью подойдите до попросите: хотим дискать поиграть с твоим меньшим братиком, что под стогом-то лежит (Аф. Ск., I, 45).

Прибежал в лес, лег под кустом и начал заливать свои раны, что дались ему от собаки (Аф. Ск., I, 55).

² Описанная конструкция сложного предложения с относительным словом *что* широко распространена в памятниках, начиная с древнейших:

Сложные предложения, в которых простое с относительным словом *что* стоит на втором месте, а первое простое не имеет указательного или обобщительного местоимения, сравнительно редки.

Работаю нямного, цяво падсѣбно мне (Ряз.).

Относительные слова *как, сколько*

Местоименные слова *как* и *сколько*, являясь членами одного из простых предложений, входящих в состав сложного, служат вместе с тем связующим элементом между предложениями: они относятся одновременно к глаголу (или производному от него слову) того предложения, в которое входят, и к одному из слов другого предложения. Очень часто в другом предложении местоименному слову *как* соответствуют указательное *так*, местоименному слову *сколько* соответствует указательное *столько*, реже *то*. Кроме того, в северновеликорусских говорах, в начале другого предложения, если оно стоит на втором месте, может стоять еще частица *дѣк*.

Как анѧ была, усадѣба, так и есть (Ряз.).

Как есе люди голосовали, дѣк так и я (Вол.).

Мне уж тѣлька гадѣв не жить, колька прѣжилѧ (Ряз.).

Сколька причитѧѣи, то и полуцѣм (Вол.).

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С КОСВЕННО-ВОПРОСИТЕЛЬНЫМИ И КОСВЕННО-ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ

К этой категории относятся сложные предложения, у которых одно из простых содержит в себе вопрос или восклицание, относящееся по смыслу к стоящему в другом предложении глаголу, обозначающему восприятие (видение, слышание, понимание и т. п.), высказывание, внутреннее переживание и т. п., или к производному от такого глагола слову. Предложение, содержащее вопрос или восклицание, является при этом вопроси-

А что с нимъ погибло, а того ꙗму эселяѣти (Пр. рус.).

Цим володѣл григорей тим володѣ^{ти} изану (Дв. гр.).

Цим володѣл матѣѣи оуравнѧ и братанѧ его еаске мартушов, тим володѣти изумну василью (Дв. гр.).

...А что попортилося ино то напередѧ ести и в заим давати и милостиню (Дом.).

...А что украд, и то на нем доправитѧ и отдать тому, у кого он украд (Улож.).

А что збираетца у тоѧ часовни во время моления казны и те деньзи идут тоѧ эсь волости в церковную казну на строение... (Акты, 414).

тельным или восклицательным только по содержанию, но лишено целиком или в значительной части той интонации, которая присуща такому предложению, когда оно независимо, т. е. когда оно произносится говорящим для прямого задавания вопроса или для непосредственного выражения чувства. Предложения этого второго типа, как содержащие «прямой» вопрос или «прямое» восклицание, можно было бы назвать прямо-вопросительными или прямо-восклицательными, и тогда для предложения первого типа подойдут названия косвенно-вопросительных и косвенно-восклицательных¹. Поскольку косвенно-вопросительные и косвенно-восклицательные предложения служат для дополнения другого предложения, к которому тесно примыкают, они могут в известном смысле рассматриваться как подчиненные предложения. Грамматическим выражением этой подчиненности является в данном случае отсутствие той вопросительной или восклицательной интонации, которая была бы у того же предложения, если бы оно было независимым при том же лексическом составе и порядке слов, а также (в известных случаях) соответствующие обстановке личные местоимения и личные формы глагола, отличные от тех, которые были бы при «прямом» вопросе или восклицании.

Вопросительность и восклицательность рассматриваемого подчиненного предложения выражаются обычно местоименным словом (*кто, что, какой, что за, как, где, сколько* и т. п.), являющимся членом этого предложения. В тех случаях, когда вопросительность относится не к местоименному слову, а к члену предложения, выраженному знаменательным словом, подчиненность вопросительного предложения обозначается частицей *ли*, вводимой в подчиняемое предложение.

Косвенно-вопросительные и косвенно-восклицательные предложения занимают обычно второе место в сложном предложении; после того как высказано предложение, содержащее глагол (или производное от него слово) со значением «видеть», «слышать», «говорить», «чувствовать» и т. п., следующее непосредственно за ним предложение с вопросом или восклицанием, лишённое вопросительной или восклицательной интонации, легко воспринимается слушающим как «чужой» вопрос, «чужое» восклицание. Как увидим дальше, это не так или не совсем так в тех случаях, когда предложение с вопросом стоит на первом месте (для восклицательных предложений такое местоположение вообще невозможно).

¹ Этот тип зависимого восклицательного предложения находит в немецком языке Блюмель, называющий его «abhängige Aufrufsatz» («Die Hauptproblemen der heutigen neuhochdeutschen Vorstellung im Hauptsatz». Strassburg, 1914).

1. Косвенно-вопросительные предложения.

Не знаю, хто убирал (Ряз.).

Он не сказывал, за цѣло наказывали (Ряз.).

Не знаю, на што поставлѣн,— пѹтат только (Арх.).

Уж и не знаѣ, цѣм мама-то накормить (Арх.).

Прасця там насѣяла хунтиков пятак, не знаю, какая будет (Ряз.).

...Энтот Глушков не знал, какая такая поле (Ряз.).

Мы ни пѣнимаим какіѹ месяцы, а мы помним каѣѹ ўрѣмѹ на́ра́дѹтцѹ младе́ниц (Б. — Т.).

Я не знаю, какѹ она должность-то правит (Арх.).

Хто ее знает, как век пражить до смерти (Ряз.).

А ве́дь ме́сная вла́сть ви́дитъ, хто как жи́ветъ (Ряз.).

Того не цюла, ф письма што писано (М. — П.).

Не знала, как рубаха шить (М. — П.).

А я не знаю, сколько она кашников це́дитъ (сколько чашек молока надаивает; Арх.).

Годов ей... не знаю, сколько годов (Арх.).

Я не знаю, сколько тут лет прашло (Ряз.).

Не помню, когда молока бирала (Вол.).

Думаю умом, когда сходить по малину (Арх.).

Я видал, где она упала (т. е. где впадает река Пра в Оку; Ряз.).

Ни знать, где дамо́й прайти́ть (Петр. — Ряз.).

Уж и не знаю, где-ка таких стариков е́сь-ока (Вол.).

Она показала, где ловя́, где не лое́я (Арх.).

А жо́нки испугались да не знают, куда и бежать да (Арх.).

А тут вдруг разбогателя, не знай, отколь е́сь взялось (Арх.).

Не знаю, подружка, пошто он называ́еѹ так — Медвежий (Арх.).

Не знай, пришо́у ли нет ли (М. — Ш.).

Не знаю, кака похожа ли (т. е. похожа ли какая-нибудь из дочерей на мать; Вол.).

Не знай, мало ли — не мало, а худо попадать стала (рыба стала плохо ловиться; Арх.).

2. Косвенно-восклицательные предложения.

Пѣдива́лись, какая ря́кѹ широ́кая (Ряз.).

Гли-ко, како житоросло (Арх.).

Я поди́еуюси сам, што за наро́д стал (Арх.).

Как уже было сказано, одним из основных показателей подчиненности второго предложения первому является отсутствие специфической вопросительной или восклицательной интонации. В громадном большинстве случаев такая интонация действительно полностью отсутствует. Однако иногда мы сталкиваемся со сложными предложениями, у которых второе предложение частично, в более или менее ослабленной степени,

такую интонацию сохраняет. В соответствии с этим между предложениями наблюдается большая или меньшая пауза, назначение которой — предупредить, что дальше последует вторая половина сложного предложения. Все это относится преимущественно к косвенно-вопросительным предложениям. Так как придание второму простому предложению прямо-вопросительного или косвенно-вопросительного характера в ряде случаев не требует никаких изменений ни в лексическом и формально-грамматическом составе, ни в порядке слов и, следовательно, не связано со значительной перестройкой предложения, то говорящий обычно без особого затруднения, уже в процессе речи, выбирает ту или другую форму в зависимости от того, что ему кажется более подходящим для данной речевой обстановки. Ограничения здесь возможны главным образом тогда, когда в вопросительном предложении нет вопросительного местоименного слова и передача вопроса в косвенной форме требует введения частицы *ли*: вопросительное предложение без *ли* всегда будет прямо-вопросительным, а с *ли* всегда (в говорах) — косвенно-вопросительным. Что касается вопросительных предложений с вопросительным местоименным словом, то важным фактором, обуславливающим косвенно-вопросительный характер связи между простыми предложениями, является вещественное значение или форма времени того глагола первого предложения, к которому непосредственно примыкает по смыслу второе предложение. Так, с одной стороны, глаголы, не обозначающие высказывания, т. е. такие, как *знаю*, *понимаю*, *чувствую* и т. п. (в отличие от *спрашиваю*, *слушаю* и т. п.), а с другой стороны — прош. и буд. время любого глагола почти несовместимо со следующим непосредственно за ними прямым вопросом (это можно проверить на приведенных выше примерах).

Все сказанное в еще большей мере относится к таким сложным предложениям, в которых простое с вопросительным местоименным словом стоит на первом месте. Говорящий еще обычно не знает, как он построит все сложное предложение в целом, и когда он имеет дело с предложением, в котором содержится вопрос, то нередко придает ему характер прямого вопроса — посредством интонации и паузы перед вторым предложением, после чего второе предложение является как бы ответом на заданный вопрос.

Сколько у них телят — не знаю (Ряз.).

А у меня швец шил... ой, как ему фамиль — забыла (Арх.).¹

¹ Сложные предложения косвенно-вопросительного и косвенно-восклицательного типа в большом количестве встречаются в памятниках, начиная с наиболее древних, а также в фольклорных произведениях (особенно в сказках, пословицах, поговорках):

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ОБОРОТАМИ *КАКОЙ НИ, КУДА НИ, КАК НИ* И Т. П. В ОДНОМ ИЗ СВЯЗЫВАЕМЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Несколько особняком стоят сложные предложения, в которых одно из предложений (чаще ставящееся на первое место) начинается с местоименного слова *какой, куда, как* и т. п., соединенного с *ни*. Этот оборот имеет утвердительное значение и обозначает примерно «всякий без исключения», «всюду без исключения», «все без исключения» и т. п. В другом предложении сочетанию местоименного слова с *ни* соответствует большей частью обобщительное местоименное слово *все, всё, всюду* и т. п.

Какую яйцё ни раздавишь — все с ужáтками, с ужáтками (Ряз.).

У нас дабрё уж куда ни сунешьси, всё далеко (Ряз.).

Куда ни кинь, хош в Спасское, хош в Рязань — всё верст сорок да пятьдесят (Ряз.).

Ани это, змеи, куда ни пайдём, есюда ани (Ряз.).

Де ни возмися, баран за ним (Петр. — Ряз.).

Куды ни погляди — везде лес кругом да (Арх.).

НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ХАРАКТЕРЕ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ГОВОРАХ

Весь рассмотренный выше материал, относящийся к сложному предложению, дает основание для следующих, кроме выказанных ранее, замечаний о строении этого предложения.

...аже начать не знати, оу когш купил, то їти по немь тѣм сидюком на роту, а истыю своѣ лице взяти... (Пр. рус.).

Не знает, делать что (Ж. А.).

И погоду было нас, и не ведаю, как упал в море (Ж. А.).

...Не вем, как плачу... (Ж. А.).

...Воды, не знаю, где взять (Ж. А.)

...А стрелцом в Кремль сбор был ли, и кто их собирал и для чего, — того он не ведает... (Ф. Шакл.).

...А куда он ездил и что делал, того не знаю (Ф. С.).

Коша говорит волку: «Кум! давай попробуем, кто перепрыгнет через эту яму?» (Аф. Ск., I, 53).

«Кобель, а кобель!» — «Ну, что?» — «Посмотри-ка, красны ли мои глаза?» (Аф. Ск., I, 59).

Была я молода, кормила-поила старика со старухою; стала стара, они меня и прогнали. Не знаю, где век доживать (Аф. Ск., I, 66).

Сама болезнь скажет, чего хочет (Даль — Посл.).

¹ Фольклор дает много примеров таких предложений. Нередко второе предложение начинается союзом *а*:

Куда ни ползет, а что-нибудь разобьет или из кушина прольет (Аф. Ск., I, 59),

Тесть, как ни вертись, а за зятька поплатись (Даль — Посл.).

Где бабка ни бери, а внука корми (Даль — Посл.).

Как щука ни остра, а не возьмет ерша с хвоста (Даль — Посл.).

I. В говорах трудно провести резкое различие между сочинением и подчинением предложений. В тех случаях, когда одно предложение присоединяется к другому посредством союза, далеко не всегда возможно точно установить, какие именно союзы выражают подчинительную, а какие сочинительную связь. Союзы *хотя, чем*, отчасти *где* (в сочетании с частицей *бы*), отчасти *кабы* соединяют предложения равнозначные — такие, из которых ни одно не является дополняющим, поясняющим по отношению к другому¹. То же с достаточным основанием можно сказать и о союзах *как, словно, ровно* и некоторых других, связывающих два предложения, одно из которых заключает в себе сравнение. Кроме того, как мы видели, не редки такие сложные предложения, в которых первое простое предложение начинается союзом, обычно служащим для выражения подчинения (например, *как*), а второе — союзом сочинительным. Здесь, стало быть, при существовании двух видов связи, окончательная «победа» остается за сочинением как более «универсальной» формой связи предложений в говорах.

Не в меньшей мере сказанное относится к предложениям, связанным относительными словами. Так, в тех случаях, когда предложение со словом *который* стоит на первом месте, перед нами структура, в которой связываемые предложения лишь соотносительны, но подчиненность одного предложения другому не выражена с достаточной отчетливостью. Между тем именно такие сложные предложения со словом *который* в северновеликорусских говорах едва ли не преобладают над такими, где предложение с *который* стоит на втором месте. То же следует отнести и к относительному слову *какой* (выполняющему в южновеликорусских говорах ту же функцию, какую

¹ Исходим из понятия подчинения предложений, установленного Ф. Ф. Fortunatovым, который утверждал:

«Отношение одного предложения к другому при сочетании предложений может быть или отношением придаточного предложения к другому, как главному предложению, или отношением предложения непридаточного к другому непридаточному предложению. Придаточным предложением называется такое предложение, в котором обозначено то, что данное предложение образуется не само для себя, но для другого предложения, с которым оно сочетается... Сочетание придаточного предложения с главным образует известное целое, называемое «сложным предложением»; следовательно, частями сложного предложения, как известного целого, являются такие предложения, в которых различаются предложение придаточное и предложение главное. Отношение одного предложения к другому, как придаточного к главному, называется «подчинением» предложения, а такое отношение одного предложения к другому, при котором не обозначается подчинение одного предложения к другому, называется «сочинением» предложений» («Сравнительное языковедение». Лекции, читанные в 1901—1902 гг. Литогр. курс, гл. «Сочетание предложений»).

который выполняет в говорах северновеликорусских), и к относительным словам *кто, что, как* и некоторым им подобным¹. Необходимо обратить внимание на то, что когда предложения с этими относительными словами стоят на первом месте, они нередко произносятся с полувопросительной интонацией, а пауза между первым предложением и вторым несколько больше, нежели между обычными подчиненным и подчиняющим предложениями, что также сближает их с сочиненными предложениями. Так именно были произнесены (в числе других) следующие записанные нами сложные предложения:

Направо которой выше дом, тот мой (Вол.).

Которая померла то, была на цюжбой сторонé (Вол.).

Какой первой двор-то куры все пъяклýсья (Ряз.).

II. Значения союзов, употребляемых для связывания предложений, более дифференцированы в группе сочинительных союзов и менее в группе подчинительных союзов.

Правда, значения таких сочинительных союзов, как *и, а*, шире, чем значения таких, например, союзов, как *да* или *только*, но как у тех, так и у других значение отличается достаточной определенностью. В особенности это относится к довольно многочисленной группе сложных сочинительных союзов (*да и, а то, вот и, так и*).

Из союзов подчинительных резко выделяются широким и довольно расплывчатым своим значением союзы *как* и *когда*. Но, как вытекало из анализа приведенных выше примеров, значения этих союзов в связи с некоторыми особенностями строя предложения (соотношение глагольных видов, времен и наклонений, порядок предложений и нек. др.), а также в различной лексической «обстановке» модифицируются и выступают то как временные, то как условные и др. Не следует ли из этого, что союзы *как* и *когда* многозначны и обнаруживают то одно, то другое (или третье) из своих значений, когда попадают в различные грамматические условия или лексическое окружение? Такой именно взгляд на союзы, пожалуй, преобладает (см., например, статьи, относящиеся к союзу *и* в «Словаре русского

¹ По поводу таких сложных предложений Ф. Е. Корш писал: «...при одном логическом подлежащем то предложение, которое впоследствии сделалось подчиненным, выражало во время своей самостоятельности нечто вроде вызова человека или предмета, удовлетворяющего предлагаемым условиям, а в том, которое соответствует позднему главному, заключалась мысль, относящаяся к такому человеку или предмету, если он оказывался налично; при двух логических подлежащих в первом предложении содержится вопрос о качестве, количестве и т. п. данного предмета, а во втором — то, что из предполагаемого ответа на этот вопрос следует вывести для другого предмета: *Qualis rex? talis grex. Quot capita? tot sententiae*. «Каков поп? таков и приход» (Ф. Е. Корш. Способы относительного подчинения. М., 1877, стр. 24—25).

языка», сост. II отд. Российской Академии наук, т. III, вып. 1. Пг., 1922, и в «Толковом словаре русского языка» под. ред. Д. Н. Ушакова, т. I, М., 1935; то же — применительно к другим союзам).

Однако при внимательном анализе тех толкований, которые приводятся к союзу *и*, нетрудно убедиться, что все они по существу представляют собой не что иное, как одно, довольно широкое по объему значение, обнаруживающее то тот, то иной из частных своих оттенков, когда союз выступает в сочетании с различными другими структурными показателями предложения (простого или сложного) или в различном лексическом контексте. Так, в Словаре Академии наук четыре основных значения союза *и* формулированы так, что в конце концов варьируют единое значение, сводящееся к образованию единства¹. Следует заметить, что *и* во всех своих значениях и их оттенках рассматривается в названном Словаре как союз, хотя в отдельных частных случаях оно гораздо ближе к тому, что принято считать не союзом, а частицей, так как основное его назначение состоит в эмоциональном усилении слова или словесной группы. Таким образом, понятие союза здесь выступает в довольно широком смысле. Несколько иначе обстоит дело в «Толковом словаре». Здесь дается десять значений союза *и*, но три из них (8, 9, 10) следует исключить, так как они формулируются: «употребляется в значении такой-то и такой-то частицы». Что касается остальных семи, то хотя некоторые из определений и не содержат здесь слова «соединительный» или «присоединительный» в основной формулировке, они все же так или иначе включают в толкование понятие образования единства. Там же, где в толковании это понятие совершенно отсутствует, *и* либо (пп. 5, 6) толкуется так же, как и в тех случаях, когда о нем говорится, что оно употребляется в значении частицы, либо (п. 7) должно было бы толковаться как соединительный союз. В самом деле, в предложении «Мужчина, и плачет» (приведенный в этом пункте пример) *и* служит не для противопоставления, а как раз для указания, что в данном случае соединяются понятия, которые, казалось бы, в силу их противоречивости, не должны были бы соединяться (см. в том же Словаре союз *а*, где в ка-

¹ Вот основные части этих формулировок: I. «Образует из двух слов интонационное целое для выражения единого понятия или того, что в данном контексте является таковым». II. «Стоит в начале синтаксической единицы, к которой относится и которую так или иначе относит к предшествующему». III. «Находясь внутри фразы перед сказуемым, подчеркивает внутреннюю связь с предшествующим». IV. «Повторяется перед каждым из соединяемых синтаксических членов» (разрядка везде наша. — А. Ш.).

честве примера, иллюстрирующего значение противопоставления, как раз приводится «Мужчина; а плачет»).

Точно так же следует признать, как уже было указано выше, что союз *как*, считающийся едва ли не самым многозначным, в сущности имеет одно значение — сопоставительное — и что все остальные значения, обычно присваиваемые ему на равных правах с сопоставительным, — не что иное, как оттенки этого «генерального» значения, выступающие на первый план в силу сочетания союза *как* с теми или иными структурными чертами предложения (простого или сложного) или в различном лексическом контексте. У союза *когда* основное значение — временное, условный же оттенок (не исключающий временного значения союза, а лишь дополняющий и, пожалуй, несколько затеняющий его) выступает также при наличии определенных структурных и лексических данных.

Если применительно к литературному языку еще возможно, со значительной долей условности, говорить о нескольких значениях союза, основываясь при этом еще и на том, что одни из этих «значений» отмирают (например, причинное значение у союза *как*), а другие, наоборот, усиленно закрепляются (например, временное у союза *когда*), то в отношении диалектной речи этого утверждать никак нельзя. Здесь, как уже говорилось выше, мы видим, с одной стороны, слабое развитие тех синтаксических форм, которые служат для выражения частных оттенков отношений между предложениями, а с другой стороны — громадную роль обстановки, в которой протекает речевой процесс, а также реального содержания речи, находящего свое выражение в лексике.

Тот факт, что в говорах употребляется довольно большое количество союзов, сам по себе еще не обозначает наличия глубоко развитых видов отношений. Важно не столько самое наличие того или иного союза (который, к тому же, может оказаться сравнительно поздно появившимся в говоре и не проникшим внутрь его синтаксической системы), сколько степень его распространенности. И вот, как показывает рассмотренный выше материал, в то время, как одни союзы распространены очень широко, другие встречаются значительно реже, а некоторые чрезвычайно редко, и притом часто в речи единичных представителей говора, вследствие чего эти союзы можно почти не принимать во внимание. Важно еще отметить, что это в значительно большей мере относится к союзам подчинительным, нежели к сочинительным. Так, из двадцати двух союзов, которые были рассмотрены в разделе подчинительных, подавляющее количество записей приходится на союзы *что, чтобы, как, когда, если, кабы, хоть*, т. е. как раз на те, которые выражают более общие отношения, и довольно неболь-

шое количество — на союзы, выражающие более «тонкие» оттенки отношений, как, например, союзы *с тех пор как, только, потому (что)*.

III. Еще труднее разграничить сочинение и подчинение в бессоюзных сложных предложениях. Прежде всего это объясняется тем, что при бессоюзии значительно труднее, чем при наличии союза или относительного слова, установить, когда мы имеем дело с объединением простых предложений в сложное, а когда — с рядом следующих друг за другом простых предложений, хотя бы и близких по их реальному содержанию, но ничем не связанных грамматически. Союз или относительное слово между предложениями в известной степени (хотя и не безусловно, так как ритмомелодия может этому противоречить) обозначает объединение предложений; при отсутствии же союза или относительного слова показателем этого объединения является преимущественно ритмомелодическая структура группы предложений (двух или нескольких). Но черты этой структуры часто едва уловимы, и там, где один найдет признаки объединения предложений в одно сложное, другой может их не обнаружить.

Однако, как это было показано, существует несколько типов сложных предложений, в которых связь между простыми предложениями выражается особыми формами входящих в состав предложений слов (обычно формами сказуемых) при определенном порядке предложений. Сюда относятся предложения типа: *А жинь на дарбѹ — нагой нялятѣшь и всю рзгнзѣшь; На тебе гледѣть — живот балѣть*. В таких случаях невозможно отрицать не только наличие объединения двух предложений в одно сложное, но и условную связь между предложениями. Хотя предложений этого типа в говорах немало, но значительно больше в них таких, в которых указанных показателей нет, отношение же между простыми предложениями выражается только порядком предложений и ритмомелодией. Здесь и возникает требующий принципиального разрешения вопрос: являются ли ритмомелодия и порядок простых предложений такими же объективными показателями синтаксических отношений, каким являются союзы и относительные слова и специальные формы слов в их взаимоотношении?

Что можно сказать в пользу признания за указанными двумя способами (обычно используемыми вместе, в том или ином сочетании) функции показателей отношений между предложениями? Эти способы представляют собой несомненный факт языковой структуры. Так, если взять предложение *Нароботам зиму едим*, то бесспорным является: 1) возможность и данного порядка его частей, и обратного (*Зиму едим наро-*

ботам); 2) возможность при том и другом порядке такой паузы и такой интонации, при которых сложное предложение будет всяким слушающим его воспринято как содержащее в себе перечисление; 3) возможность при первом порядке частей такой паузы и такой интонации, при которых сложное предложение будет всяким слушающим воспринято как содержащее в первой своей части условие, а во второй — вытекающее из него следствие, т. е. примерно так: «Если наработаем, то зиму едим»; 4) возможность такой же паузы и такой же интонации при втором порядке частей предложения — получится то же условно-следственное отношение («Если зиму едим, то наработаем»), которое, как, например, в данном случае может оказаться неясным, а в других случаях даже нелепым с точки зрения логической, — но это уже выходит за пределы синтаксиса (ведь такие явления могут иметь место и при перечислении, и при противопоставлении, и при любых других структурных типах как бессоюзных, так и союзных предложений). Если взять такое предложение: *У нас лучше работать теплее да*, то здесь при одном и том же порядке частей возможна двоякая ритмомелодия: 1) так наз. перечислительная, которая и будет поддерживать у слушателя представление о перечислении («У нас лучше работать, у нас теплее» — два «равноправных» утверждения); 2) такая, которая будет воспринята как показатель того, что во второй части приводится обоснование к тому, что высказывается в первой части («У нас лучше работать, потому что у нас теплее»).

Если возьмем сложное предложение с так наз. косвенным вопросом, то и здесь мы можем констатировать определенную синтаксическую функцию ритмомелодической стороны предложения: именно отсутствие вопросительной интонации при наличии во втором предложении вопросительного местоимения и есть показатель того, что во втором предложении излагается содержание вопроса, об интересе к которому говорится в первом предложении. Такая «невопросительная» интонация в предложении с вопросительным местоимением невозможна при изолированном его положении, и, следовательно, она указывает и на связь данного предложения с соседним (ср.: *Уж и не знаю, чем мама-то накормить; А ведь мёсная власть видит, что как живёт*).

Указанные ритмомелодические способы оформления сложных предложений получили в говорах (как и в литературной устной речи) определенные, более или менее постоянные внешние очертания, несколько различающиеся, быть может, в северновеликорусских и южновеликорусских говорах (об этом, вследствие полной неизученности ритмомелодии нашего языка, можно говорить только в самой общей форме), но во всяком

случае настолько стабилизировавшиеся, что слушающие обычно без особых усилий правильно воспринимают выражаемые этими способами отношения.

Что нередко говорят против признания за порядком простых предложений и за ритмомелодией функции показателей указанных выше синтаксических отношений между предложениями? Высказывания этого рода, в основных чертах, сводятся к следующему: 1) Ритмомелодические средства языка очень слабо дифференцированы: кроме перечислительной ритмомелодии, существует еще только один тип, состоящий в том, что между частями сложного предложения делается значительная пауза, а во второй части или же в обеих частях один из членов предложения выделяется усиленным фразовым ударением или повышением тона. Этот второй ритмомелодический рисунок выражает только одно: противопоставление второй части сложного предложения первой, но ни условного, ни временного, ни причинного, ни какого-либо другого отношения он сам по себе выражать не может. 2) Ритмомелодия того и другого типа возможна не только в сложном, но и в простом предложении (примеров на перечисление не приводим, даем примеры на противопоставление посредством ритмомелодии одной группы членов предложения другой группе: *К нашему берегу | не при-
валит хорошее дерево; Ты | никогда этого не поймешь* и т. п.). 3) Если еще можно говорить о том, что при помощи порядка предложений и ритмомелодии можно, кроме перечисления, выражать некоторые другие, весьма широкие отношения между предложениями, то нет оснований утверждать, что это отношение подчиняющего и подчиненного предложений. 4) Нельзя класть ритмомелодию в основу типологии бессоюзных предложений потому, что она совсем еще не изучена и не может дать исследователю нужных ему объективных данных (основных понятий, измерителей, терминологии), необходимых для изучения фактов.

Придерживаясь, как это видно из предыдущего изложения, первой из изложенных здесь точек зрения, считаем необходимым остановиться на аргументации, приводимой в пользу противоположного взгляда. Удобнее начать с последнего аргумента. Ритмомелодическая сторона нашей речи действительно почти не изучена. Но из этого следует только то, что ее нужно изучать, а не то, что ее нужно игнорировать при изучении языка. Пока она остается плохо изученной, приходится учитывать в ней лишь то, что не вызывает сомнений, что более доступно для непосредственного наблюдения. Таким материалом, соблюдая необходимую осторожность, мы и оперируем в данной работе. Тут же следует сказать, что аргумент первый — о слабой дифференцированности ритмомелодических средств нашего

языка (и в частности, диалектной речи) — неверен: неизученность этих средств как раз и создает впечатление об их бедности; на самом же деле они чрезвычайно многообразны, что подтверждается, кроме непосредственных наблюдений лиц, обращающих внимание на эту сторону речи, также некоторыми, правда весьма немногочисленными и малосовершенными, специальными исследованиями¹. Как известно, ритмомелодия служит не только для выражения отношений между частями предложения, простого и сложного, но также для выражения различных психологических состояний говорящего, сопровождающих высказывание. Эта вторая функция ритмомелодии, как не имеющая отношения к синтаксису, нами, естественно, не затрагивается.

Далее, утверждение, что ритмомелодия перечисления и противопоставления не составляет специфической особенности сложного предложения, а возможна и в простом предложении, само по себе совершенно правильно, однако из него не следует, что эта ритмомелодия не имеет никакого значения в качестве показателя отношений между простыми предложениями, входящими в состав сложного. И в самом деле, одним из важнейших средств выражения «однородности» как между членами простого предложения, так и между простыми предложениями, даже при наличии специальных союзов, является определенная ритмомелодия. Из того, что ритмомелодия «противопоставления» возможна и в простом предложении, следует не то, что она не имеет этого же значения в сложном предложении, а то, что и в простом предложении возможны примерно те же оттенки отношений между его частями, что и между простыми предложениями в составе сложного. Так, например, есть существенная разница между внутренними взаимоотношениями словесных групп, если сказать: *К нашему берегу не привалит хорошее дерево* без паузы внутри предложения и с одним фразовым ударением и если сказать: *К нашему берегу | не привалит хорошее дерево* с паузой на месте вертикальной черты и с двумя фразовыми ударениями (на словах *нашему* и *привалит*). Во втором случае получается примерно следующее: «Если говорить о нашем берегу (или «что касается нашего берега...»), то к нему не привалит хорошее дерево». В предложении *Ты | никогда этого не поймешь* пауза после *ты* и два фразовых ударения (на словах *ты* и *никогда*) создают примерно такое взаимоотношение: «Если

¹ Назовем хотя бы работы В. Всеволожского-Гернгросса «Теория русской речевой интонации» (П., 1922), Леонида Сабанеева «Музыка речи» (М., 1923), А. В. Бельского «Интонационное выражение логико-грамматических значений номинатива в русском литературном языке» (Неопубликованная диссертация, защищена в 1943 г.).

говорить о тебе (или «Что касается тебя...»), то ты никогда этого не поймешь».

Более сложным является вопрос о том, следует ли рассматривать бессоюзные сложные предложения с указанными выше отношениями между простыми предложениями (условным, причинным и др.) как такие, в которых одно предложение является подчиняющим, а другое подчиненным. Трудность решения этого вопроса усугубляется тем, что самые понятия сочинения и подчинения предложений нельзя считать твердо установленными и общепризнанными (ср. цитированные выше определения подчинения и сочинения предложений Фортунатова, взгляд на подчинение и сочинение Пешковского, сводившего эти понятия к необратимости и обратимости отношений, выражаемых союзами). Фортунатов признавал возможность подчинения без союзов. «При сочетании одного предложения с другим, как придаточного с главным, — говорил он, — может получаться также и предложение „слитно-сложное“; в слитно-сложном предложении придаточные предложения обозначаются при посредстве такой его принадлежности (положительной или отрицательной), которая сама по себе не имеет этого значения и получает его лишь в существующем сочетании данного предложения с другим. Например, в русском языке сочетание предложений: „Увижу я его, я скажу ему“ образует сложно-слитное предложение, в котором придаточное предложение (с известным значением) обозначено в первом из двух этих предложений при посредстве известного порядка расположения главных частей грамматического предложения, хотя сам по себе (например, в отдельном предложении: „Я увижу его“) этот порядок расположения частей предложения не имеет такого значения»¹.

Таким образом, Фортунатов признавал показателем подчиненности одного предложения другому, наряду с союзами, также порядок членов предложения. Не может не вызвать удивления, что Фортунатов ограничился только этим показателем, хотя в им же самим приведенном примере не меньшее значение для выражения подчинения имеет «порядок расположения» самих предложений («Я скажу ему, увижу я его» не имело бы того значения, какое имеет предложение, приведенное Фортунатовым). Непонятно, почему он обошел предложения типа: *Вспомни я об этом раньше, все обошлось бы благополучно; Пришел бы во-время, застал бы*. Неясно, наконец, как он смотрел на роль ритмомелодии в структуре сложного предложения.

¹ Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительное языковедение, гл. «Сочетание предложений».

Пешковский также признавал возможность подчинения предложений без помощи союзов и относительных слов. «Является вопрос, — писал он, — можно ли и при отсутствии союза, когда связь выражена только интонацией, различать подчинение? Здесь все зависит от того, насколько значение той или иной интонации тождественно со значением той или иной группы союзов. В случае тождества мы можем смотреть на такую интонацию как на грамматический показатель отношения между предложениями и различать по значениям интонаций и по их аналогии с союзами те же две рубрики сочинения и подчинения. Фактически в языке имеется ряд интонаций, абсолютно тождественных с отдельными группами союзов»¹. Пешковский устанавливает, что интонация, называемая им объяснительной (*Сержубь-то я на самого себя: сам я кругом виноват*), «совершенно тождественна по значению с причинными союзами (*потому что, так как* и т. д.) и является, в сущности, их заместительницей. При вставке союза она бледнеет и может даже совсем сходить на нет»². Переходя далее к предложениям типа *Назвался груздем — полезай в кузов; Семь раз примерь, один раз отрежь; Собака лает, ветер носит*, он, определяя интонацию, характеризующую все эти предложения, как «интонацию простого повышения голоса», находит, что в одних случаях, при одном варианте распределения ударений на членах соединяемых предложений, получается соответствие подчинительному союзу *если* («Если назвался груздем...»), а при другом варианте — соответствие сочинительному, именно — противительному союзу (два других примера). Впрочем, Пешковский говорит об этих различиях в интонации с неуверенностью (имея в виду неисследованность вопросов ритмомелодии). В конце концов он делает такой вывод: «...во всяком случае разбить эти сочетания при современном состоянии вопроса на сочиненные и подчиненные было бы рискованно, и мы предпочитаем отнести их к не дифференцированным в этом отношении сложным целым»³.

Пешковский, как и Фортунатов, видит различие между сочинением и подчинением в том, что сочетающиеся в одно целое два знаменательных элемента речи (будь то отдельные слова или отдельные предложения) в одном случае (при сочинении) не находятся в отношении определяемого и определяющего, а в другом случае (при подчинении) находятся именно в таком отношении, причем отношение подчинения

¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 3 и сл., гл. XXVI («Сочинение и подчинение предложений»).

² Там же.

³ Там же.

должно быть выражено специальным грамматическим показателем. С этой точки зрения, которую следует признать правильной, к большинству типов бессоюзных сложных предложений, даже тогда, когда в них улавливается отношение временное, условное, причинное и т. п., трудно применить понятие подчинения, так как, во-первых, указанные виды отношений нередко воспринимаются только на основании сопоставления реального содержания предложения и, следовательно, не являются грамматическими; во-вторых — даже тогда, когда они связаны с определенными ритмомелодическими фигурами, мы на основании имеющихся в нашем распоряжении данных о типах ритмомелодии не в состоянии установить отчетливые признаки показателей подчинения в отличие от сочинения. То же следует сказать и о порядке расположения предложений, в отношении которого чрезвычайно трудно различить, в каких случаях он обуславливается реальной последовательностью самих фактов, о которых говорится в предложениях, а в каких он является показателем синтаксического отношения между предложениями. Все это приводит к тому, что в области бессоюзных сложных предложений трудно установить типы синтаксических отношений, совершенно аналогичные тем, какие существуют в сложных предложениях с подчинительными союзами и с относительными словами, где при максимальном ослаблении или даже сведении на нет всех второстепенных показателей подчиненности (ритмомелодии, порядка предложений и др.) подчиненность все же сохраняется.

СТРОЕНИЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ¹

Простое предложение в говорах очень часто является односоставным, что объясняется специфическими особенностями разговорной речи, а именно тем, что в ней большое место занимают номинация, описание, а также тем, что речь большей частью экспрессивна. Вместе с тем наблюдается стремление обойтись без подлежащего — личного местоимения, если возможно формой сказуемого указать, кому может быть приписано действие или признак.

БЕССКАЗУЕМНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

*Каши крупяной накладёшь — вот с мой картуз — десять
цёлабёк не пядять: аднá масло* (Ряз.).

Кружом пасмóтрим — пажáры (Ряз.).

Анá видѣла у хáтя — двáравóй (Б.—Т. О.).

Лёсинку сру́бят — одно смольё (Вол.).

*Цетвёрó детей, — господи, господи, да ведь умом поду-
мать!* (Арх.).

Во всех этих предложениях налицо только один главный член, соответствующий по форме подлежащему двусоставного предложения (им. падеж существительного). Эта конструкция обозначает, что по поводу данного предмета утверждается лишь факт его наличия. Употребляя форму им. падежа существительного, говорящий как бы ставит в поле зрения слушателя предмет (или предметы) как таковой, не приписывая ему при этом никаких действий или признаков, а только констатируя его существование или присутствие. Все

¹ Здесь и дальше используются некоторые термины А. А. Шахматова, употребляемые им в «Синтаксисе русского языка» для обозначения различных типов простого предложения.

это выражается специальной интонацией, с какой произносится существительное — главный член. Характерно, что в данной роли могут выступать только знаменательные существительные, а не местоимения (в том числе и личные, в частности—3-го лица).

БЕСПОДЛЕЖАЩИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сюда относятся две группы предложений: личные, безличные.

ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Главный член предложения выражается личной глагольной формой. Личные глагольные формы следует при этом разделить на две группы: 1) формы изъявительного наклонения, 2) формы повелительного наклонения ¹.

Формы изъявительного наклонения

Формы настоящего и будущего времени

Предмет (лицо), которому приписывается действие, не называется в предложении: а) либо потому, что им является говорящий или слушающий (иногда говорящий и слушающий вместе с другими лицами как единый коллектив производителей действия), и на это указывает личная форма глагола, б) либо потому, что им является неопределенное лицо (или лица), но не говорящий и его собеседник, в) либо потому, что действие может быть отнесено к любому лицу.

а) *Как ляжу, так захоу* (Б.—Т. О.).

Как трускѣм поеду, трясетца: мѣчи нет (Б.—Т. О.).

Цего говоришь? (М.—П.).

Чѣво биз матири будим делать? (Петр.—Ряз.).

Рѣску рѣжим ис салѣми из аржанѣй (Б.—Т. О.).

...хрибѣм сена храблѣми (Б.—Т. О.).

Па хрыбы, пѣряхѣ хуѣдим (Б.—Т. К.).

Зимой-то по сино ѣздѣм (Вол.).

Комары нас всех заели — только цѣпижи (Арх.).

Следует отметить, что чаще всего в предложениях этого типа главный член выражен глагольной формой 1-го лица;

¹ Примеры с главным членом бесподлежащего предложения, выраженным формой сослагательного наклонения, настолько редки, что не позволяют делать какие-либо выводы о таком типе предложения.

2-е лицо — сравнительно редко, чаще мы находим его в во-просительных предложениях; объяснить это следует тем, что 2-е лицо, как увидим далее, используется для другого типа бесподлежащих личных предложений. Формой 1-го лица мн. числа иногда выражается обобщение, выходящее далеко за пределы реальной группы лиц, связанных непосредственно с говорящим, и приближающееся в силу этого к поговорке.

Нарабѣтам — зиму едім (Арх.).

Как потѣпам, так и полѣпам (Вол.).

Ср.: «Что имеем, не храним; потерявши, плачем».

б) *Он где деньги роютъ, был там деісятникам* (Петр.—Ряз.).

Если не вылечють, то памреш (Б.—Т. О.).

Как за столъ у нас ниесту сѣдють, чичяс ихрають... (Б.—Т. О.).

Пѣкрывають гроп крѣшкуй никрѣшнай; белай гроп, кладуть на крѣшку скатирть, длінную ткуть. Крашнай ни закрывають (Б.—Т.).

В магазіне, матрѣ, всѣ на деньѣи дають (Ряз.).

Из калѣба нацисляють им труднѣ, хлебушка дають (Ряз.).

Хяклѣ ее завѣуть, и мене Хяклѣ тоже завѣуть (Ряз.).

Эту красную рыбу в рекѣ осенью ловѣт (Арх.).

Что в газетах пишут нонь про войну-то? (Арх.).

В больнице я был, дак там вересом курѣт, возмут углей в поваренку, да сухой верес и жгут на их (верес — можжевельник; Лук.—Перм.).

Во всех приведенных примерах, как видим, главный член выражен глаголом в форме 3-го лица мн. числа. Здесь невозможно было бы употребить ни какое-либо другое число, ни какое-либо другое лицо без изменения смысла предложения. Смысл же этот заключается в том, что действие, выражаемое глаголом, относится говорящим к неопределенным лицам (множественность здесь связана с неограниченностью количества лиц, совершающих или могущих совершать данное действие).

в) *Большы абѣмшы хѣдиш* (Б.—Т. О.).

Басѣй станиш хадѣть, она и мучить (Б.—Т. О.).

Как стѣниш пѣдѣнимѣть лобѣщѣ, бѣк кѣлить (Б.—Т. О.).

Кос'ѣш, пока росѣ (Гр., II).

Вся макрѣшѣя, вся замѣрзнешъ (Ряз.).

Овод, камѣрь — не продѣхнѣшь (Ряз.).

Выше уже было сказано, что отсутствие в предложении названия лица, которому приписывается действие, может объясняться тем, что, говоря о действии, совершенном им самим, говорящий как бы вовлекает в орбиту своей деятельности также и слушателя. С этой целью глагол, выражающий такое

действие, ставится обычно в форме 2-го лица ед. числа; действие, о котором идет речь, относится очень часто к прошлому, а также к настоящему в расширенном смысле, т. е. ко всем временам в одинаковой степени. Здесь можно наметить несколько оттенков значения указанной глагольной формы:

1) Действие совершается говорящим в прошлом, а также в настоящем и в будущем; большей частью имеется в виду действие, время от времени повторяющееся, нередко с оттенком возможности.

*Клавдия Ивановна харбшала, Клавдия Ивановна сама, при-
деши, накормишь* (Ряз.).

*У няб сейчас на усадьбе пьсмагри, зьлюбуеться, цисто
сад* (Ряз.).

*Там, мы приехали, утят было сколько: канаву каньешь,
ань за табой плысуь* (Ряз.).

Сидиши, сидиши — тошно, господа: мне ли так стра-
дать, мне бы тапёр с рьбятйшками пасйживать (Ряз.).

Уцйёши — на смотре прижилали, да и пойдёши (смо-
тры — смотрины; Вол.).

...Детей всех перемоешь, своих да сношних (из рассказа
о домашней работе; Арх.).

*Туды мы рекой на лодке — дома лодку купишь артелямю
да туда до парохода јидиши* (Арх.).

*После работы как губёнку сваришь да похлебаешь,
дак куды как хорошо!* (губёнка — грибная похлебка; Лук. —
Перм.).

Для этого типа предложений с глаголом во 2-м лице ед. числа
характерно прибавление к глаголу слова *бывало, было*.

*У нас тады был Глушков, — летось яб уволили — так к
тамј бывало не пздайдёши* (Ряз.).

*Там как было придёши к пекарню-ту, так в пекарне
напёчено!* (Арх.).

*Бызаль уйёди ф пол'з чут' с'вет и ф'с'о робётъш. А то
фстанъш — чўд' збр'ка, умбйьсса, подойиш корбев, угбньш йойо,
пъшовыр'айъшса, кувыр'бшса спат'. Оп'ат фстанъш, пёчку
затбниш, човб нибўт' свъръш. Роб'атиъшък подымъш пойёс'.
Хбдъш, тбпчъшса, цып'аткѣ покбръмиш, кўрм помёсьш, зь
водйчкай схбдиш* (Мал. — Куйб.).

2) Действие совершается говорящим, но последний говорит
в нем преимущественно для того, чтобы из единичного факта
сделать какой-то общий вывод.

На машинё едешь, небось в таскў клбниси (на машине — в
поезде; Ряз.).

На зиму насолйишь, дак как надо ешь (Арх.).

Хоть они мне от доцёри, дак не бросишь никуда!
(Арх.).

Оно как привыкнешь, так ничего (М.—Ш.).

*Эта тавар адно слова — маё пачтения!.. ницупееи вы-
висть на базар — бабё нидадуть стать — удрух расхва-
тають* (Курск.—ВГО, XIX — 24).

3) Действие в равной мере относится как к говорящему, так и к слушающему и к любому лицу вообще, — таким образом, имеется в виду обобщенное действующее лицо. Очень часто глагол употребляется с отрицанием, обозначая действие невозможное. Нередко предложение имеет вопросительную форму, причем вопрос является «риторическим». Все это придает предложению характер проверенного жизненным опытом общего положения, житейского правила. От этого типа предложений — прямой путь к народной поговорке, к афоризму.

*Теперь народ-то умный: какой-то маленький, а яво не
праманеишь* (Ряз.).

Без воды рыбы не возьмешь (Арх.).

Разве вылецишь семидесятилетнего? (Ряз.).

...А целёб на пятёрку вазмёшь? (Ряз.).

Его где-ка купишь-то? (Арх.).

*Какой ляд это мельница! добро бы почвенная, а то на
мutowке много ли смелешь?* (Лук.—Перм.).

Ср. поговорки типа: «Натерпишься горя — научишься жить», «Упустишь огонь — не потушишь», «Чему посмеешься, тому и поработаешь», «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь» и мн. др.

Общее значение односоставных предложений с главным членом, выраженным глаголом во 2-м лице ед. числа, и указанные частные оттенки значений таких предложений узнаются в речи главным образом на основании контекста и внешней обстановки, в которой протекает речь. Отсутствие в контексте слова, которое могло бы обозначать лицо, совершающее данное действие, отсутствие в окружающей обстановке предмета, который мог бы рассматриваться как производитель действия, — то и другое заставляет считать предложение односоставным. Отчасти грамматическими показателями односоставности предложений рассматриваемого типа являются некоторые специфические черты ритмомелодии таких предложений, а показателями отдельных оттенков — форма совершенного вида, прибавление к глаголу слов *быало, было*, иногда удвоение глагола (примеры см. выше).

Формы прошедшего времени

Особо следует остановиться на случаях выражения главного члена глагольной формой прош. времени. Здесь нужно различать конструкции с глаголами ед. числа и с глаголами мн. числа. Форма ед. числа обозначает, что глагол относится к невыражен-

ному подлежащему, в роли которого могли бы быть либо личное местоимение, либо существительное. Отсутствие подлежащего при ед. числе глагола может объясняться или наличием подлежащего в контексте, или тем, что оно ясно из реальной обстановки; следовательно, в данном случае мы имеем дело с неполным (т. е. с двусоставным) предложением.

В Нижнем городе бывала, в Архангельском бывала (из рассказа старухи о себе; Арх.).

У меня ледник был, лед возила, яма (Арх.).

Форма мн. числа может иметь двойное значение:

1) Она может обозначать то же, что и форма ед. числа, т. е. отношение к невыраженному подлежащему (которое имело бы форму мн. числа).

С мужем-то їздили в Кубань (из рассказа старухи о своей жизни; Вол.).

2) Она может обозначать, что действие относится ко многим, но неопределенным лицам.

У мене мужа взяли на вайну... (Ряз.).

Яё на пасху хранили (Ряз.).

...Хакёной. Айа, знать, Хёкой звали (Ряз.). *

Замуж выдали на дваццать годах (Вол.).

Николу сбросили при мне, царя-то (Вол.).

У нас же раньше нўка пива варили! (Вол.).

Прежде-то грамоте не учили (Вол.).

А убили ёго на войны (Арх.).

Там суда народом тянули, человек дваццат' — тритцат', всё народом (Карельск. — Д. К., № 102).

Годбф сброк пёрвую телёгу — у пёпа повёилась, дак бёгали смотрѣть (Куштозеро — Д. К., № 381).

В солдаты отдали за заброду (забрѣда — проступок, вина; Лук. — Перм.).

Какое из двух указанных значений имеет глагол в форме мн. числа, слушатель узнает на основании контекста. Реально в числе лиц, совершивших действие, может быть и сам говорящий; точно так же возможно, что действие, хотя и выражено глаголом в форме мн. числа, фактически совершено не несколькими лицами, а одним лицом (и то и другое можно сказать также о форме 3-го лица мн. числа, которая была рассмотрена выше). Так, предложение *Убили ёго на войны* вовсе не обозначает, что убило несколько человек (скорее всего, наоборот, убил один человек); предложение *В магазѣне, матрѣ, всё на деньѣ дают* может обозначать, что действие совершается одним лицом, если в магазине всего один продавец; предложение *Эту красную рыбу в рекѣ осенью ловѣт* может обозначать, что в числе ловцов рыбы находится и сам говорящий. Форма мн. числа (а также 3-го лица) имеет в предложениях

данного типа более общее, чем обычно, значение: она обозначает, что производителем действия не является какое-либо определенное лицо, точнее — что вопрос о точном определении лица — производителя действия — не имеет в данном случае значения. А так как это может быть и одно, и другое, и третье и т. д. лицо, то употребляется форма мн. числа; а так как это может быть и сам говорящий, и слушающий, и кто-нибудь, не участвующий в данном разговоре, то употребляется форма 3-го лица.

Формы повелительного наклонения

Предмет, к которому действие относится как к субъекту, не называется в предложении: 1) либо потому, что им является одно из принимающих участие в данном разговоре лиц, или все лица, участвующие в разговоре, или неопределенное лицо (или лица), 2) либо потому, что имеется в виду не какое-нибудь определенное, а всякое, любое лицо. Самое сказуемое, выраженное повелительным наклонением, в первом случае обозначает просьбу, совет, требование, приказание о совершении какого-либо действия (эти оттенки выражаются посредством интонации); во втором случае сказуемое имеет условное или уступительное значение (последнее — при частице *хоть*, *хоть*).

1) 2-е лицо ед. и мн. числа:

Ставайси под черёд (ставайси — становись; Ряз.).

Устинья, подь сюды (Ряз.).

Маня, итварй, детка, взратá, зъгáнй тьялѹшку маю (Ряз.).

Дай нам тую тарелку, што золата щитать (Раст.— Смол.).

Эй, парень, не гоняй кѹрицю, отвори избу, да выгонь вон (Арх.).

Посиди с дядинькима (Арх.).

Докторá говоря: «Не издымай грузнбго ницѣго» (т. е. не подымай тяжестей; Арх.).

Я, ска, Мишка, ска, берегись винá пить: от вина пропадѣшь (Арх.).

Запрягайте кони (Вол.).

Бабушка, дайте мне приодѣть Иванова полѣтá (Арх.).

Если просьба, совет, приказание и т. п. носит характер предупреждения, то повелительное наклонение усиливается посредством слов *смотри*, *смотри*.

Качай ме́не, гаварить, и смотри ни уходи ать ме́не (Петр.— Ряз.).

1-е лицо мн. числа:

Иа́едем в Рязань со мной, я тебе ипреде́лю адной учѣтельнице (Ряз.).

Пайдем з нами начй коротать, гязи таптать (Раст.—См.).

Појйдимти по ёвб (Вол.).

Пойдём-пойдём на реку, скорей! (Арх.).

Нередко при 1-м лице мн. числа повелительного наклонения для усиления оттенка настоятельности употребляется *давай, давайте*.

Зацнём давай-ко пйсню старйнну (Вол.).

Давайте, зарежым иво, барашка (Каринск.—Бр.).

Давай покупáемси в этой вбдушке (Арх.).

3-е лицо мн. числа (со значением неопределенно-личным):

Ну пусть вёшают, ну пусть пепел жэут (Ряз.).

2) *Золото положь, и никто не задёржит* (т. е. если золото положишь, и то никто не присвоит; Вол.).

Обр'ади п'ен' ф красныј д'ен', так и тот хорбш (Горьк.).

За ево заступись, так собе только остуду наживеши (Подв.—Арх.).

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Эта группа односоставных предложений распадается на ряд разновидностей в зависимости от того, чем выражен в них главный член предложения. Общей чертой безличных предложений является то, что главный член их не вызывает представления об отнесении действия или признака, о которых утверждается в предложении, к предмету как его производителю или носителю.

В говорах встретились следующие разновидности безличных предложений (по способу выражения главного члена):

1. Главный член выражен глаголом в форме 3-го лица ед. числа или в форме прош. времени ср. рода ед. числа. При этом возможны глаголы, вовсе не употребляемые в качестве личных, и глаголы, которые могут быть личными, но в данном употреблении являющиеся безличными.

а) Глаголы в личной форме:

Муза убо́л'ица у квас, мен'а таин'ит (Гр., VII).

— *До́жйт?*— *До́жйт* (Арх.).

С роботы у меня руки ко́лѣ (Арх.).

К нбчи так и быёт, и пад лбжычкяй бадыт (Б.—Т. К.).

У, кака стужа! нали коленки шшиплет (нали — даже; Лук.—Перм.).

б) Глаголы в форме прош. времени:

Мы пашли — рэссыяло хзрашб (Б.—Т.).

Подождёло, да вре́мец'ко опетъ стало хорошо сенокбсит (Арх.).

У ей все здравое, только лице сдралó (Ряз.).

В сон пята́ило (Ряз.).

До сме́ртоу́ки уби́ло (Вол.).

Меня и пота́йло в ре́ку (Арх.).

Погляди, говорит, мо́жет заце́пило где ни (Арх.).

От ро́стройства в горла́х завали́ло (М.—Н.).

Из терпе́ния вы́било ево (М.—Ш.).

*Низ-от бери, свáтушко, забей звёздём, и́тобы не хля́-
бало* (Арх.).

Нóгу же́мю по же́тих м'ест оти́ибло (Горьк.).

Эк ты разматрё́нило на солнышке-то (разматрё́нило — раз-
нежило; Кулик. — Олон).

Сусы́дку пришибло лё́сом-то (Вол.).

Морозом хва́тило (Вол.).

У нас нон'е́че фс'у рош уби́ло гра́дом (Гр., I).

Деревом голову ушибло (М.—Ш.).

В последних четырех примерах при глаголе стоит дополнение — существительное в твор. падеже, обозначающее предмет, который можно считать фактическим производителем действия. Однако грамматического подлежащего в этих предложениях нет, и действия, выражаемые глаголами, мыслятся здесь как не приписываемые никакому действующему предмету.

2. Главный член выражен глаголом на -ся в форме 3-го лица ед. числа или в форме прош. времени ср. рода ед. числа, употребляемым в качестве безличного. Большей частью это глаголы связочного типа, при которых, для полноты выражения мысли, стоит второй глагол в форме инфинитива.

Не дабрé смярка́лось (Ряз.).

Мно́го страсти пришло́сь повида́йи (Ряз.).

Мне не пришло́си посмотре́ть Соловё́цкого монасты́ря (Арх.).

Еще́ осталóсь и́дти семерё́но верст (Мат. 1910 — Вол.).

Приве́дется со́да пить (М.—Ш.).

Захотелóсь пашня́ запа́хать (М.—Ш.).

Не случалóсь вы́смотреть-то их (самолеты; Вол.).

А как, задалóсь ли здесь в нашем мýсти? (Арх.).

3. Главный член выражен инфинитивом. Значения этой конструкции: а) необходимость, часто неизбежность совершения действия; б) желательность действия (если при инфинитиве стоит частица *бы*); в) сознание невозможности совершения действия (если при инфинитиве стоит отрицание); г) желание узнать, возможно ли или при каких обстоятельствах возможно совершение действия (если предложение имеет вопросительную форму).

а) *А уж зима придёт, та́гда уж сеном их карма́ть* (Ряз.).

В акурате мене за три вярсты́ ехать (Ряз.).

В сентябѣ, кажда картошки рыть, тагда уж анá пспявѣетъ, краснеетъ (клюква; Ряз.).

Увидели место красивое, дак на крѣжику тут мана-стырю бытъ (Арх.).

Воронѣ раскричалось — бытъ погоде (См. — Тв.).

б) Не им бы умирать, а мне (Ряз.).

Хоть бы гадбѣ десяток без тебе, сляпнуши, пражить (Ряз.).

Поглядетъ бы паренька (Арх.).

Ему перво пождатъ бы, да поглядеть, а он, вишь, убеж (перво — сперва, сначала; Подв. — Арх.).

в) Ни пспяриуѣи, ровно мене кольями били, ни встатъ, ни лицъ (Ряз.).

Думала — зимы-то сѣгуду не прожить (Арх.).

Мне уж толька гадов не жить, колька прѣжилá (Ряз.).

Не была бы здѣсь школа, ему бы не уциватъся (Вол.).

Все с батожком хожу, так-то не ходить мне, иду-иду да и паду (Арх.).

г) Дали адну усадьбу: ли картбшецъки псадитъ, ли прасый? (Ряз.).

Эх, радиймай, ды гдѣ ўзятъ-то яўб!.. (Б. — Т. О.).

Как вам поинтересовать? (т. е. как бы вам поинтересней рассказать; Вол.).

Гдѣ-ка мне-ка взять-то? (Вол.).

По штѣ иди-то? (Вол.)¹.

Инфинитив *звать* в роли главного члена употребляется часто в специальном обороте, состоящем из данного глагола и присоединяемого к нему личного имени собственного — большей частью в им. падеже, реже — в твор. падеже.

¹ Конструкции с инфинитивом в роли главного члена предложения очень часты в памятниках старого русского языка, начиная с древнейших (преимущественно с оттенком приказания). В юридических документах инфинитив здесь часто употребляется с оттенком предписания, повеления:

А Игорева зграброго пльку не крѣсити (С. о п. И.).

Ужѣ нам своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима сглядати... (С. о п. И.).

А жѣ оубыть моужь моужа, то мѣстити братоу брата (Пр. рус.).

Цим володблá григорей тим володбѣмъ Ивану (Дв. гр.).

Да как пристав тѣго ослушника изымая, к Москвѣ приведет; и тому ослушнику за его ослушание учинити наказание... (Улож.).

Которые денежныя мастера учнут делати медныя, или оловянные, или укладные денги, или в денежное дело, в серебро учнут прибавляти медь, или олово, или свинец, и темъ государеве казнѣ учнут чинити убыль: и техъ денежныхъ мастеровъ за такое дело казнити смертию: залити горло (Улож.).

Мене звать Алдбтя (Б.— Т. О.).

Миня Кулина звать (Б.— Кал.).

Звать хряпина (Б.— Т. О.).

...хатя звать (Б.— Т. О.).

Мужа Хёбдар звать (Б.— Т. О.).

Летошний год здесь был председа́тель, Глушковым звать (Ряз.).

...Микиткой явб звать, у явб мать Верка (Ряз.).

Наконец, встречается инфинитив (повидимому, от весьма ограниченного числа глаголов) в значении «возможно (невозможно) совершить данное действие».

Буря, бывало, найдёт, зги божей не видать (Ряз.).

Дым далече видать (М.— Ш.).

В темноте, а голос цють (цють — слышать, слыхать; Вол.).

Ср.: «Зги не видно», «Голос слышно».

4. Главный член выражен наречием на -о, образованным от основы прилагательного, а также сравнительной степенью таких наречий. Обычно это — наречия, обозначающие состояние, как физическое, так и моральное.

Мне дивно (т. е. удивительно; Ряз.).

Нынче редкое жнивьё, рукам ляхб будеть (Ряз.).

Как пйсни-то запоют, дак слышно уж, где вёцёр про-исходит (Арх.).

Под двума-то одева́лами теплб (Арх.).

А до бере́гу-то далёко (Арх.).

Она жарко в избы́ дак (она — частица; Арх.).

Жылы́ эти от больна (Б.— Т. О.).

Трудно стало копэ́йка добыть (М.— Н.).

Как не одной, дак дорб́дно пить (дорб́дно — хорошо, приятно; пить — петь; Вол.).

У нас купа́йи хорошо на той стороне рекé (Арх.).

От века и доныне тебе все́ло с йма (Арх.).

Ну, а фсётки т́рудна бы́ло йей паха́ть-та, сахб́й-та (Куйб.— Д. К., без №).

Эх няши-то ко́мки насело, то́жно ситей не видно (няша — тина, грязь; то́жно — так что даже; Фил.— Разгов.).

Все будеть ахб́тней нам, все вьсе́лэй (охотней — приятней; Ряз.).

На Ке́нозере повесе́я, что здесь (Арх.).

Здесь па́зарцйстей будё (Арх.).

Дефкам двоима́-то лофце́е (Карельск.— Д. К., № 253).

Как показывают примеры, наречие без связки обозначает, что состояние, о котором идет речь, относится к наст. времени; для обозначения прош. и буд. времени наречие упо-

требуется в сочетании с глаголом-связкой; ср.: *Ляхъ будетъ, трудно стало, будетъ ахѣтней, пожарѣстей будѣ*¹.

5. Главный член выражен различными другими словами, обозначающими внутреннее состояние: *нужда, охота, жаль, жалко* и т. п., большей частью с присоединением к ним инфинитива.

Мне пакá не нуждá — прѣдасáть не буду (Ряз.).

Овѣчек-то так охота бы завестѣй-то (Вол.).

Не охота ему было идти (М.—Ш.).

Куды ты хочешь идти; лѣд на реке худой, разе погн-нуть охота (Лук.—Перм.).

Недосуг ходить-то (Арх.).

6. Главный член предложения выражен отрицанием: для наст. времени — словом *нет* (иногда — *не бывает*), для прош. времени — *не было* (иногда — *не бывало*), для буд. времени — *не будет*. При этом отрицании обычно стоит существительное в род. падеже, обозначающее тот предмет, наличие которого отрицается.

Я тах-то, у мене нет карáхтера какóво-то (Ряз.).

Года три нѣтути грибá: когда он родитца? (Ч. — Б. М.).

Она самá здоровая, а вот нет розвѣтня в голове (Вол.).

Нет никого ѣзна (Вол.).

Нет ни лому, ни дому (Вол.).

Никого нет в избѣ (Вол.).

Ой, ска, дѣвки, дѣвки, умá-то нет (Арх.).

С нап'орсток ѣај н'ѣет крѣви во мн'е во фс'ој (Горьк.).

Дыханья у н'авѣ уж никакого нѣ было (Ряз.).

Такóво перькаслѣвья не было (Ряз.).

Так и пѣливають, ишоб пыли нѣ было (Ряз.).

Дак не бывало есцѣ письмá (Вол.).

Кроме твоей могилы, никуда ухѣжья не бѣдѣ (т. е. никуда, кроме как на твою могилу, уходить из дому не буду; Арх.).

Как в южновеликорусских, так и в северновеликорусских говорах встречаются предложения рассматриваемого типа, в которых существительное при отрицании стоит не в род., а в им. падеже².

У мене кáшель не было (Ряз.).

¹ Рассматриваемая конструкция безличного предложения принадлежит к старейшим и встречается в памятниках, начиная с древнейших: *Любо испити шелоомъ Дону* (Сл. о п. И.).

Как били, так не бо́ло было с молитвою тою (Ж. А.).

² По Шахматову, этот тип предложений, как и некоторые дальнейшие, относится к двусоставным несогласованным. С таким взглядом полностью согласиться нельзя, о чем см. ниже.

В деревне раньше ни у кого не было единой самовар (Арх.).

У кого кони нет. Баба ниту. Перстень нет. Карбас нету и рыба нету (Сел.—Д. о. С.).

7. Главный член предложения выражен словами *надо* (*надоть*), изредка — *нужно*. При этом возможно, что то, о чем идет речь, выражается именем существительным или инфинитивом.

Если при *надо* стоит существительное, оно ставится в южно-великорусских говорах обычно в вин. или в род. падеже, а в северновеликорусских — большей частью в им. падеже. Следует, впрочем, оговориться, что в южновеликорусских говорах конструкция с *надо* и существительным при нем весьма редка; чаще встречается личный оборот «существительное в им. падеже со сказуемым — кратким прилагательным *нужен*». Случаев с *надо* и им. падежом существительного изученный материал южновеликорусских говоров не дает.

Ничаго мне на съёѣи ня нада (Мат. 1910 — Моск.).

...навари, чяно табе нужна (Мат. 1910 — Вор.).

Тужурка надэ — в классе сидить (М. — Н.).

Всё нада бумага (М. — П.).

Боле и некакая рыба не надо (М. — Ш.).

Какая надэ потклатка (М. — Н.).

Надэ скуотница (М. — Н.).

Да ведь на крючкй-то надо мука ржаная (Арх.).

Надо конь хорошей (Гр., I).

Вед' им н'е надо рубаха (Гр., I).

...јему б'еднаіа н'е надо (Гр., II).

Мне надоть тот старик (М. — Ш.).

Нужно вам корзина (М. — Н.).

При отрицании однако и в северновеликорусских говорах встречается род. падеж.

Нонь-то, видишь, утиральников девке не нать коли (нать с долгим а — из надоть; Арх.).

...Так мне вина не надо ни одного зеленника и ни одной сулейки; а дайте полдвенадцата платков да медовоа полтретья ведра, да денег сполсотни, да колацей полтретья ста (Зуб.—Разгов.).

Слово *надо* дополняется инфинитивом в тех случаях, когда требуется указать на необходимость совершения какого-нибудь действия.

Анй вон зглянуты, их бы надо паццастить (о прудах; Ряз.).

Мне б дамно надо икалётъ, а всё еѣб живу (Ряз.).

Надо работника пахатъ ныматъ (Ряз.).

Запою пісню, и надо мне плакать-ка (Вол.).

Умирать-то надо, да всё смерти нету дак (Арх.).

Надо в воскресѣйѣ сходить по ягоду-земляничю (Арх.).

Нать ехать-то в Петрозавбдско (Арх.).

Нать вѣслб-то в руки слабо держать (Арх.).

Не надо ли было выходить из бани безобуви? (Лук.—Перм.).

В тех случаях, когда к инфинитиву присоединяется прямое дополнение, выраженное существительным жен. рода, оно в северновеликорусских говорах обычно ставится в форме им. падежа.

Надо картошка обделать (Арх.).

Надо выкопать яма (М.—Н.).

Скоро надоть каша тебе хлебать (М.—Ш.).

Мерка тут не надо снимать (Арх.).

Надо мнѣ кут'я севарит', надо невѣстка помянут' (Карельск.—Д. К., № 102).

То же — при *нужно*.

Трава косить нужно (М.—Н.).

Нужно ему ешио бутыйка купить (М.—Ш.).

К инфинитиву, примыкающему к *надо*, может примыкать, в свою очередь, другой инфинитив, после которого существительное — прямое дополнение также ставится (в северновеликорусских говорах) в им. падеже.

Еще не ляжено (Ер.—Ул.).

Было побѣжано (М.—Ш.).

Всяко бывано (М.—Ш.).

Нигде не бывано с моима робитишками (М.—П.).

Так вить не быто (М.—П.).

Как не едано, так и не знаю, хорошо ли нет (М.—П.).

Из лодки вода выливать сделано (о ковше; Арх.).

Не уехано еще в Питер, здесь жиёт (Арх.).

На старом мѣсти как обжито, дак хорошо (Арх.).

Выхожэно тридцать лет на охоту (Карельск.—Д. К., № 253).

Бывано, уѣжжано, не один рас уѣжжано (В. Повенец; Карельск.—Д. К., № 256).

Возможны также краткие причастия от глаголов на -ся.

Шэсь годоф не виданось (М.—П.).

Нынѣ жененось (М.—П.).

С мужом разбѣдёнсь было (Арх.).

Повѣженось было с девками (т. е. много хлопот было с дочерьми; Арх.).

8. Главный член выражен кратким страдательным причастием в форме ср. рода ед. числа, к которому примыкает конструкция «предлог *у* с существительным в род. падеже», обозначающая фактического производителя действия, выраженного

кратким причастием. Этот тип безличного предложения широко распространен во многих северновеликорусских говорах (в южно-великорусских он не встречается).

У ёго выбежано на берег, да напился воды, да в лес и ушёл (из рассказа о лесе; Арх.).

Дак у ёго было в суд задано, у старика (т. е. старик подал в суд; Арх.).

У него было жёнёнсь (т. е. он женился; Арх.).

У нас ёздено на мельницу (т. е. мы ездили на мельницу; Арх.).

У волков їдено корову (М.—Ш.).

У батюшка уехано в Петрозаводско (М.—П.).

У меня фсе жэ на слўжбе побывано, в трёх слўжбах быто (Ленингр.—Д. К., № 201).

У его простўжёнсь (Ер.—Ул.).

Близка к описанной конструкция с деепричастием совершенного вида на месте причастия.

У него уехатчи в лес (Мат. 1910—Новг.).

9. Главный член предложения выражен словами *много, мало* (и сравнительной степенью *больше, меньше*) со связкой *было, стало, будет, станет*. Отсутствие связки указывает, что то, что утверждается, относится к наст. времени. Слова *много, мало* вместе с тем связаны с род. падежом существительного, обозначающего тот предмет, о значительном или незначительном количестве которого идет речь.

Их мно́га — пёсян (Б.—Т. О.).

Мало мужиков: все розїхались туды-сюды (Вол.).

Там уж много на́рбду (Арх.).

Рбы́тїшеж мно́го было, до семи дъхадїло (Ряз.).

Сёгодняй год было много снегу, а лонёц'кой год мало (Вол.).

Два раза сена больше, как раньше, было (Вол.).

Дождя́ было немного, а гроза сильная (Арх.).

Ноне стало мало их, того збёря (Арх.).

В роли *много, мало* иногда выступают слова, близкие к ним по значению.

Лїю́но поросёноцков сёго гбду (лїю́но — много; Вол.).

Корова-то хорóша да трав пло́хо (Вол.)

Ско́льки было ё́лка! (М.—Н.).

Близки к описанным по своей структуре предложения, в которых количественное понятие выражается описательно, иногда целым предложением.

Надэ иди постеля приготовить (М.—Н.).

Надо́ть ехать пахать пашня (М.—Ш.).

10. Главный член выражен словом *можно* (изредка *лзья*) *не можно* (*невозможно, реже нельзя*). Обычно при этих словах, тесно примыкая к ним по смыслу, стоит инфинитив.

*Уражай-то ницяб, на наших аґародах можно аправ-
даѣи-то* (Ряз.).

Можно эта деушка взамож взеть (М.—Ш.).

*Это знато, дак десять часов можно было отпра-
вить* (Арх.).

...Штобы к няму подъѣхать лзя было (Ряз.).

Вайтйть не можно? (Ряз.).

Гора болюшяя, не можно смѣзти (Вол.).

Дак заболел бок-от, што не можно терпѣть (Арх.).

Оно было невозможно разобрать (оно — частица; М.—Ш.).

Тут неводѣми ловить нельзя (Арх.).

*Тут нельзя сватать, родня ведь; неистин отец
моему шурина будет братан* (братан — двоюродный брат;
Лук.—Перм.).

11. Главный член выражен местоименным существительным или наречием, образованным из соединения *кто, что* в косвенных падежах, *где, когда, куда, как* и т. п. с отрицанием *не*; к этим местоимениям всегда тесно примыкает инфинитив. Характерной особенностью данной конструкции является то, что местоимение одновременно выполняет в ней двоякую функцию: утверждающего элемента главного члена и второстепенного члена предложения, зависящего от инфинитива.

Дом-от у меня новой, да некому пановѣть (Арх.).

Не ф чеа адетца (Б.—Т. К.).

Пѣтолоку одна половина не с кем напилить (Арх.).

Хороших-то сеток здесь негде найти (Арх.).

Некогда пектй-то (Арх.).

Дак ведь репа выросла — некуда ножкой ступить
(Арх.).

Придѣшь косить, а косою-то ткнуть некуда (Арх.).

Нет, у нас лзя много, да ловить некак (некак — невоз-
можно; Арх.).

12. Главный член выражен кратким страдательным причастием в форме ср. рода ед. числа. Эта конструкция свойственна почти исключительно северновеликорусским говорам. Краткие причастия здесь одинаково употребительны как от переходных, так и от непереходных глаголов. При этом возможны два случая: а) в предложении есть существительное, которое обозначает объект действия, выраженного кратким причастием; существительное обычно ставится в им. падеже; б) в предложении нет такого существительного.

а) *Сазарница куда-то десано* (Мат. 1910 — Перм.).

П'ершѣтки на руках над'ѣто (Гр., III).

Рукаф оторвано (Гр., III).

Потолок крашено, все крашено (Арх.).

Дано паёк с пуд (Арх.).

У нас лошадь куплено (Волог. д. сб., I).

Ему билет белый дато (Мат. 1910 — Перм.).

Сёдни не подмётано пол (Ленингр. — Д. К., № 381)¹.

б) *Гуливано было в молодости* (Мат. 1910 — Вол.).

К ним хаживано (Мат. 1910 — Вол.).

Было сватов-то валбм (Арх.).

Лесу было пулей не прострелмшь

Молодых телят не дай бог как мурашб напұскано (Вол.).

13. Главный член предложения выражен глаголами *хватит*, *хватает*, *достанет* и другими, близкими по значению, к которым примыкает существительное в род. падеже, обозначающее тот предмет, о достаточности или недостаточности которого идет речь.

А моих росказов фатит до митриевых дней (Арх.).

На мой век фатит жорнова, камня (Арх.).

Фатит долинь-ширинй (Арх.).

Анá ныне не хватило корму скатине (она — частица; Ряз.).

Народу сё бблиеть (т. е. становится все больше народу; Б. — Т. О.).

14. Главный член предложения выражен глаголом изъявительного или сослагательного наклонения (в форме 3-го лица ед. числа или прош. времени ср. рода), к которому примыкает существительное в род. падеже, обозначающее фактического производителя действия, выраженного глаголом. Форма род. падежа существительного обозначает здесь, что речь идет об известном количестве предметов, причем посредством интонации можно показать, что имеется в виду большое количество. Эта конструкция распространена только в северновеликорусских говорах.

Утром я встал: «Неужели кунйц' мне попало в колодези?» (т. е. неужели поймалось сколько-нибудь кунйц; Вол.).

После салдатов-то наилб, так есе наповал стали курить (Арх.).

Редко к нам таких людой евлёется (М. — Ш.).

Саўд́ат пришло искать ево (М. — Ш.).

Людей расплодилось (М. — Ш.).

¹ В памятниках древнерусского языка (более поздних — XVI—XVII вв.) эта конструкция встречается часто:

А хмель и мед и масло и соль вешено (Дом.).

Да за образы дано Харе иконнику рубль (Прих.-расх.).

Иоасафу крылошанину молодому дано за два месяца гривна (Прих.-расх.).

З Шлупой горы на Василье на Омельянове ввято полтина заемных денег по заемным книгам (Прих.-расх.).

А в нем писано про великую государыню благоверную царевну и великую князю Софию Алексеевну многие непристойные слова... (Ф. Шакл.).

Бёсной так у нас песен найдётся (Мат. 1923 — Нижегород.).

Заприте ъзбу-то: мух-то налетит! (Арх.).

Девушек-то собираёщи! (Арх.)¹.

Особенно часто употребляется в данной конструкции глагол *быть* в формах *есть, бывает, было, будет*.

Есь у нас рек, озёр, лесу (Мат. 1910 — Арх.).

Есь всякого народа, всяких людей (Мат. 1910 — Арх.).

Уж не знаю, где-ка таких стариков есь-ока (Вол.).

Есь всякой народ: есь и хороших, есь и плохих (Вол.).

— Кустов-то у вас много? — Есь кустов (Вол.).

Робят-то есь у его? (Арх.).

Скотá-то было у всех, у всех было скотá (Вол.).

В артели, зам знаешь, всяких пыхостей быват (пыхость — глупая затея; Кулик. — Олон.).

Следы описываемой конструкции заметны и в таком предложении: *Не знаю, где их живут, ейци-то* (т. е. где они находятся, лежат; Арх.).

ДВУСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ДВУСОСТАВНЫЕ НЕСОГЛАСОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ²

Данную главу необходимо начать с рассмотрения вопроса о том, правильно ли считать предложения типа: «У меня кашель не было», «Тужурка надэ», «Сахарница куда-то дёвано» односоставными (безличными) или их следует считать, как это делает А. А. Шахматов, двусоставными несогласованными.

Что может заставить сомневаться в том, что эти предложения безличные? То, что в них есть форма им. падежа существительного, основная функция которой, как известно, заключается в выражении подлежащего. Да и по существу эта

¹ Возможны и такие предложения этого типа, в которых глагол стоит в форме мн. числа прош. времени:

Были старики. Теперь стариков померли (Ленингр. — Д. К., без №).

² Здесь уместно напомнить, что Шахматов считает двусоставные несогласованные предложения возникшими в индоевропейских языках позже согласованных двусоставных предложений («Синтаксис русского языка», вып. 1). Он полагает, что несогласованные предложения «развились в отдельных языках под влиянием общих причин, а такими причинами было развитие безличных оборотов за счет личных» (там же). Шахматов не называет главные члены двусоставных несогласованных предложений подлежащим и сказуемым на том основании, что отношение между главными членами здесь не выражается в виде грамматической зависимости одного главного члена от другого, а именно в обязательном согласовании.

форма в предложениях рассматриваемого типа может соответствовать субъекту суждения. Но если стать на эту точку зрения, то возникает другая трудность — объяснить, почему слово, являющееся сказуемым, не согласовано с подлежащим. Шахматов признает эту несогласованность как факт неоспоримый и относит все подобные конструкции в разряд несогласованных двусоставных предложений¹. Он исходит при этом из того, что русскому языку, как и другим индоевропейским языкам, свойственны предложения, в которых зависимый главный член не согласован с главным членом господствующего состава. Важнейшие из предложений этого типа — следующие²:

а) глагольные: «*Есть у вас детки*», «*Не лучше ли было бы конец*, совсем конец! — иногда думала княжна Марья» (Л. Толстой), «*На руках-то уж кожа нет*», «*Пустяки осталось*», «*И осталось только отец кресной да куцер*», «*Случилось у этого богача съезжие гости, обед*», «*Прошло год*», «*Посмотрела: стоит из стены в стену чемоданы, сакны, сундуки*, набитые с пысиной»;

б) причастные: «*Дёнёк у него нагружено полны карманы*», «*Ему белый билет дан*»;

в) наречные: «*Ум хорошо*, а два еще лучше», «*Почему думаешь ты, что жило недалеко?*» (Пушкин), «*За озером огонь видно*», «*Онучи не годятся. Тут надо платок*», «*Уж пьяная баба куда гоже — все сотворит*».

К двусоставным несогласованным Шахматов относит также предложения, которые имеют в одном из составов «сочетания в одно нераздельное синтаксическое целое числительного или количественного наречия с сопровождающим его род. падежом ед. или мн. числа имени существительного»: «*Человек пять мужиков сидело по лавкам*», «*Вот два года моей жизни вычеркнуто*», «*Пробило десять часов*». Сюда же примыкают, по Шахматову, и такие предложения: «*В городе пробило полночь*», «*На каждый двор приходилось по три лошади*», «*Прошло с минуту*». Далее, к двусоставным несогласованным Шахматов причисляет и такие предложения, у которых один из составов содержит в качестве главного члена инфинитив: «*Лгать мне не пришлось*», «*Так и подмывает меня его подразнить*», «*Но*

¹ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, вып. 1, стр. 119 и сл. Следует иметь в виду, что Шахматов не относит к несогласованным такие предложения, как «*А невесте скажи, что она подлец*», «*Пропадай они совсем*», «*Огромное число солдат возвращались назад от мостов*», «*Из церкви народ шли*». Эти случаи он рассматривает как отступление от нормы в разделе «Двусоставные согласованные предложения».

² Приводимые дальше примеры принадлежат большей частью Шахматову и взяты им главным образом из диалектов, отчасти же из произведений классиков, а также из живой разговорной речи.

умирать и вам *будет страшно*», «*Боязно*, говорят, в неправде *божиться*», «*Молчать* — твоё *дело*», «*Некому* *похлопотать* за меня».

Наконец, к двусоставным несогласованным предложениям Шахматов относит предложения тождества: «*Язык мой враг мой*», «*Жениться — перемениться*», «*Это задача на неопределённые уравнения*», «*Это был человек лет тридцати пяти*», «*А вы знаете, что за горсть и что за ладонь у русского человека*».

Нельзя не согласиться с общей постановкой вопроса, предложенной Шахматовым. Однако отдельные пункты его схемы вызывают возражения.

1. Говоря о согласованности и несогласованности главного члена зависимого состава с главным членом господствующего состава, необходимо различать случаи, когда главный член зависимого состава выражен словом, которое по своим морфологическим свойствам может согласовываться с главным членом господствующего состава, и случаи, когда он выражен словом, которое к такому согласованию не способно. Слово *есть*, все наречия, все местоимения с *не* (*некому*, *некогда* и т. п.), *что за*, наконец, инфинитив вообще согласовываться не могут. Их несогласованность с главным членом господствующего состава — это не то, что несогласованность глаголов и причастий, и поэтому изучать причину несогласованности по существу следует только в отношении последних двух категорий.

2. Следует различать случаи, когда главный член господствующего состава выражен словом, с которым, в силу его морфологических свойств, возможно согласование глагола и причастия в роли главного члена зависимого состава и когда главный член господствующего состава выражен словом, с которым такое согласование невозможно. Так, если главный член господствующего состава выражен инфинитивом, предложно-падежной конструкцией типа «с минутой», «по три лошади», согласование с ним глагола и причастия невозможно. Ближе к предложениям, в которых главный член господствующего состава выражает количественное понятие, стоят и такие предложения, как «*Пустяки осталось*» (т. е. «*Мало осталось*»), а также некоторые другие из приводимых Шахматовым примеров, как «*Четверть часа прошло*», «*Тысячи три было людей*» и т. д. (ср. «*Первая четверть года прошла спокойно*», «*Все три студента отвечали хорошо*»).

3. Следует различать случаи, когда главный член зависимого состава стоит после главного члена господствующего состава и когда порядок главных членов обратный. Во втором случае говорящий часто, ещё не зная сам, каким словом или какими словами и в какой грамматической форме он выразит главный член господствующего состава, может придать глаголу или причастию,

выражающему главный член зависимого состава, форму ед. числа и ср. рода. Надо при этом считаться с тем фактом, что именно формы единственного числа и среднего рода (а не мн. числа и не муж. и жен. рода) придаются в таком случае глаголу и причастию, т. е. что именно эти формы выполняют функцию «никакого» числа и «никакого» рода¹. Вот почему можно и не ожидать согласования глагола и причастия в таких, например, приводимых Шахматовым предложениях: «И у меня *осталось* от трех копеек *одна копейка*», «*Бывало-живало кот да дрозд*». Еще с большим основанием сказанное можно отнести к таким предложениям, как «*Прошло — месяц, два или три — он опять просится*», «*Дёне́к у него нагружено планы карманы*», где между зависимым составом и господствующим составом естественная пауза (что в первом примере и обозначено знаком тире), свидетельствующая, возможно, о том, что говорящий, произнося глагол или причастие, еще не задумывается над тем, как будет далее выражен главный член господствующего состава, и поэтому «на всякий случай» придает глаголу или причастию форму ср. рода и ед. числа.

4. В тех случаях, когда предложение выражает тождество и главными членами обоих составов являются существительные, согласования при отсутствии связки нет основания ожидать (так как сочетание существительного с другим существительным в форме им. падежа не представляет собой согласованных форм). При наличии связки согласование всегда налицо (при прош. времени — в роде и числе, при буд. времени — в числе), следовательно, предложения, выражающие тождество, относятся к согласованным.

5. В ряде отдельных примеров, приводимых Шахматовым, можно усмотреть вин. падеж там, где он признает им. падеж. Таковы: «Когда пробило *один час* за полночь», «Пробило *десять часов*», «В городе пробило *полночь*» (ср.: «Бить зорю»), «Тут надо *платок*» (ср.: «Тут надо отвертку»), «*Деньги* надо сегодня» (эти конструкции в своей основе являются эллиптическими по отношению к таким, как «Деньги надо принести, или уплатить, или отдать сегодня»), «А то не нужно ли вам *кофейник*?» (ср.: «Не нужно ли вам еще одну подушку?»); на уместность здесь вин. падежа указывает и то, что данная конструкция — отрицательная, где могла бы быть форма род. падежа, но употреблена форма вин. падежа, может быть, для выражения того, что речь идет об определенном кофейнике, а не о кофейнике

¹ Об особом характере значения ед. числа сравнительно с мн. числом см. в книге: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка, ч. I. М., 1945, стр. 89 и сл.

вообще). То же можно сказать и о предложении «Теперь часто *видно было* одно ее *лицо* и *тело*, а *души* вовсе не было *видно*».

Если согласиться с изложенными возражениями, то область, охватываемая явлением несогласованности, значительно сузится. Она окажется еще более ограниченной, если учесть, что часто падежная форма, которую мы категорически рассматриваем как им. падеж, на самом деле, возможно, является для говорящего (в особенности это относится к говорам) формой вин. падежа — в связи с тем, что у существительных некоторых типов им. и вин. падежи не различаются по морфологическому составу, а у других не различались раньше; ср. существительные муж. рода, обозначающие неодушевленные предметы, существительные типа *кость*, *рожь*, а также *мать*, *дочь* и др.; ср. сохраняющиеся до сих пор в говорах формы вин. падежа *кони*, *гости* и т. п.; ср. приводимые А. М. Селищевым примеры: *бейте звери*, *стригу овцы*, *пасу коровы*¹ (подобные факты встречаем и в других говорах). Необходимо учесть еще и то, что в говорах (главным образом в северновеликорусских) часты случаи употребления им. падежа вместо род. (заметнее это в тех говорах, которые могли прежде и могут в настоящее время испытывать влияния языков, не знающих соответствующих конструкций с род. падежом, например, тюркских, монгольских): *много битева*, *рыба много*, *у нас еще сума табак есть* *вовсю небержанной*, *четверть жир*, *два аришина ситец да табак фунт*². Характерно при этом, что вместо род. падежа употребляется не какой-нибудь другой, а именно им. падеж, т. е. тот падеж, который употребляется для названия предмета, взятого вне каких-либо отношений к другим предметам, и который поэтому, в известном смысле, и не является падежом.

Из сказанного можно сделать вывод, что в предложениях следующих типов перед нами скорее не им., а вин. падеж:

Восемьдесят годов прожито (Арх.; ср. «неделю прожито», и ни в коем случае не «неделя прожита»).

Старцом на исток послано с Сивком четыре алтыны (Прих.-расх.).

В 4 день куплено фунт перцу, дано пятнадцать алтын (Прих.-расх.).

Ср.: *Того же дни купил три дести бумаги пицей на расход для монастырских дел, дано за бумагу гривну* (Прих.-расх.).

Весьма возможно, что указанным неразличением форм им. и вин. падежей объясняется и им. падеж жен. рода для выражения объекта при переходных глаголах (примеры приведены выше).

¹ А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, стр. 129.

² Там же, стр. 128 — 129.

Здесь же отметим, что им. падеж вместо вин. встречается в северно-новеликорусских говорах не только при инфинитиве, но и при *verba finita*.

Пара коней другой держит (М.—Ш.).

Приносит бутылка на стол (М.—Ш.).

Писня роскажом (М.—Ш.).

Ср. ... *А вэАл собѣ степан... полянка* (Дв. гр.)¹.

Из всего сказанного по поводу учения Шахматова о двусоставных несогласованных предложениях можно сделать такой вывод.

В русском языке (в особенности в говорах) существуют двусоставные несогласованные предложения. Так как согласованными могут быть только те предложения, в которых главные члены выражены словами таких морфологических классов, из которых одни могут «требовать» согласования, а другие способны согласовываться, то во всех случаях, когда главный член господствующего состава выражен не существительными (или субстантивированными прилагательными) или когда главный член зависимого состава выражен не глаголом, не прилагательным и не причастием, согласования быть не может. Можно, конечно, эту категорию предложений называть несогласованными (а лучше было бы называть их как-нибудь иначе, например, предложениями с несогласуемыми главными членами), но во всяком случае нельзя их смешивать с такими предложениями, где согласование возможно и ожидалось бы, но его по тем или иным причинам нет. К несогласованным предложениям нужно отнести только следующие типы:

1. Предложения, в которых главный член господствующего состава, выраженный существительным, обозначает общее количественное понятие, т. е. близок по значению к словам *много*, *мало*: «*Пустяки осталось*», «*Пропасть народу собралось*».

2. Предложения, в которых главный член господствующего состава выражен сочетанием существительного, обозначающего количественное понятие, с другим существительным в род. падеже или отдельным существительным с таким же значением: «*Четверть часа не прошло...*», «*Год прошло — под венец меня*».

3. Предложения, в которых главный член зависимого состава стоит перед главным членом господствующего состава, в особенности если второй главный член выражает количественное понятие: «*И осталось только отец кресной да куцер*», «*Бялентца*

¹ Подобные же примеры см. у А. А. Потеевни («Из записок по русской грамматике», II, изд. 2. СПб., 1888, стр. 418).

паруса», «У меня осталось *копейка*», «*Прошло год*», «Дёнёк у него нагружено *полны карманы*».

4. Предложения, в которых главный член зависимого состава выражается повелительным наклонением в форме 2-го лица ед. числа при главном члене господствующего состава — местоимении 1-го и 3-го лица не только ед., но и мн. числа: «Теперь я за вас всех и *отвечай*», «*Пропади они* пропадом».

5. Предложения, в которых главный член господствующего состава выражен сочетанием существительного в форме им. падежа ед. числа с другим существительным, присоединяемым посредством предлога с и стоящим в твор. падеже: «К Миките *отец с матерью* пришли», «С *Пиладом* мой *Орест* грызутся», «*Уредник с казначеем* приехали», «Едут *барын с барной*».

6. Предложения, в которых главный член господствующего состава представляет собой сочетание двух или нескольких однородных членов, стоящих в ед. числе: «*Голова и борода* у тебя взлохмачены», «Тут же стояли *свеча* в железном подсвечнике, *чернильница* и *политоф* водки».

7. Предложения, в которых главный член господствующего состава является названием лица, пользующегося уважением говорящего: «Изволили *граф* жить у Калужских ворот, на Шаболовке», «*Павел Николаич* совершенно правы-с», «Были бы *их сиятельство* дома — известно бы, *они* бы точно по-родственному...»

8. Предложения, в которых главным членом господствующего состава являются слова *множество*, *большинство*, *большая часть*, *ряд*, *масса* (последние два слова в значении «множество» и в сочетании с существительным в род. падеже) и т. п.: «*Большая часть* между ними были довольно добрые люди», «*Масса посетителей* обращались с вопросами к администрации».

9. Предложения, в которых главным членом господствующего состава являются существительные, имеющие «собирательное» значение, как, например: *народ*, *стража*, *бригада*, *сельсовет* (в значении «члены сельсовета») и т. п.: «Из церкви *народ* шли, скопились в куцку, стоят», «*Сельсовет* постановили».

10. Предложения, в которых глагол-связка, присоединяющий главный член зависимого состава к главному члену господствующего состава, согласован в роде с присвязочным существительным, а не с существительным главного члена господствующего состава: «Свадьба Наташи, вышедшей в 13-м году за Безухова, *было* последнее радостное *событие* в старой семье Ростовых», «Последние числа октября *было* время самого разгара партизанской войны». Нужно заметить, что это явление имеет место только тогда, когда присвязочное существительное стоит в им. падеже (а не в твор.) и когда вопрос о том, какой состав является господствующим, а какой — зависимым, может

быть в момент речи не вполне ясен для говорящего или пишущего¹.

Все прочие конструкции, которые Шахматов считает двусоставными предложениями, следует рассматривать либо как предложения с несогласуемыми главными членами (см. выше), либо как двусоставные согласованные предложения. В частности, к последним, безусловно, относятся предложения тождества с соответствующей связкой, в которых главные члены выражены существительными, принадлежащими к разным родам: ведь согласования следует требовать не от существительного, входящего в состав главного члена зависимого состава, а от глагольного элемента этого главного члена. Само собой разумеется, что когда глагольного элемента нет, то и согласования нет: *«Мы — краса долины всей»*, *«Чужая душа — потемки»*, *«Она подлец»* и т. п. — такие случаи вовсе не следует рассматривать как нарушение согласования, так как грамматического согласования здесь не должно быть, а такие случаи, как, например, *«Он мастер шутить»*, *«Она мастерица шутить»*, следует рассматривать, как факты лексические, а не грамматические (между *мастер* и *мастерица* грамматические отношения те же, что между *брат* и *сестра*, *бык* и *корова* и т. п.). Другое дело — при наличии глагольного элемента, т. е. связки: *«Мы были краса долины всей»*, *«Чужая душа всегда будет потемки»*, *«Она была подлец»* и т. п. — согласование глагола-связки есть факт грамматический и имеет, как известно, обязательный характер.

Из всего сказанного следует: 1) предложения, приведенные в самом начале настоящего раздела, как это и было предложено в предыдущем разделе, относятся не к двусоставным несогласованным, а к односоставным — безличным; 2) в говорах, как это показывают некоторые из приведенных в настоящем разделе примеров, встречаются различные типы двусоставных несогласованных предложений.

¹ Характерно, что среди примеров на такое нарушение согласования, приводимых Шахматовым («Синтаксис русского языка», вып. 1, изд. 1, стр. 244—245), есть такие, где никакого нарушения на самом деле нет: впечатление о нарушении могло быть вызвано тем, что господствующий состав занимает в этих предложениях не первое, а второе место. Например: «Первое лицо, которое он увидел у Ростовых, была Наташа» («Наташа была первым лицом...», а не наоборот). По поводу другого примера Шахматов сам задает вопрос: «где подлежащее?» Вот этот пример: «Фехтовальщик, требовавший борьбы по правилам искусства, были французы; его противник, бросивший шпагу и поднявший дубину, были русские». Ответим: подлежащее — *французы, русские* (т. е. французы были фехтовальщиком..., русские были противником...), поэтому и связка стоит во мн. числе.

Выражение подлежащего

Под подлежащим здесь, согласно с Шахматовым, разумеется главный член господствующего состава, соответствующий представлению о субстанции как субъекте суждения. Из сказанного следует, что подлежащее может выражаться только такими частями речи, которые способны обозначать субстанцию. В материалах говорюв находим подлежащие, выраженные:

1) Существительным в им. падеже, а также субстантивированным прилагательным.

Свякрѣ хадѣла (свякрѣ — свекровь; Ряз.).

Паѣхала матъ в ѳорат и ѣхним с аѣом (Петр.—Ряз.).

Теперь худо здоровье дѣк (Вол.).

Перьвого маю на лесѹ сплав-от шел (Вол.).

Сляпѣи стихи пають (Б.—Т.).

Богатые женились у богатых (т. е. брали себе жен у богатых родителей; Вол.).

Цѣрт идет горой, а водяной водой (М.—Ш.).

Этѣма жарами фсѣ высохло (М.—Ш.).

В хозѣйсѣе всѣ идет совремѣм (т. е. все может пригодиться в свое время; Арх.).

Все было как у хорошего хресѣянина (Арх.).

2) Личным местоимением-существительным. В тех случаях, когда личное местоимение-существительное является подлежащим при сказуемом, выраженном личной глагольной формой, его назначение — либо противопоставить данное действующее лицо какому-нибудь другому, либо вообще усилить высказывание; в тех случаях, когда употребляется личное местоимение 3-го лица ед. числа, оно своей родовой формой точно указывает, к какому именно существительному (если их перед тем было не одно и они были разного рода) относится сказуемое.

Я позѣди иду (имеется в виду, что другое лицо идет впереди или сбоку; Ряз.).

Цявѣ ты криком вазьмѣшь? (здесь, насколько можно было заметить, был выражен такой оттенок: «Чего ты, такой тихий, скромный человек, добьешься криком?»; Ряз.).

Где ты, Овдотьа, агод-то берѣшь? (частый случай употребления личного местоимения при обращении для выделения последнего; Арх.).

Она ночью вся выходит на гладь (дикая утка; Арх.).

В тех случаях, когда личные местоимения-существительные являются подлежащими при сказуемых, выраженных родовыми глагольными формами, основное их назначение — указать лицо, совершающее действие или обладающее данным признаком

(в то же время возможны и те функции, которые они выполняют при личных глагольных формах).

И дѣнѣк я не полуцил через это (Вол.).

Я того дни ушел домой (Арх.).

Я абуквай пришел, а он разуеквай (Мат. 1903 — Тульск.).

Ты отколь ехал-то? (Арх.).

Он двенадцать часов ночи дамой пришел (Петр. — Ряз.).

Вѣли мы на аренду на девять лет (Вол.).

Оне цѣй пили сидели (М. — Ш.).

Особо нужно остановиться на употреблении в качестве подлежащего местоимений *ты* и *вы* при сказуемом, выраженном повелительным наклонением. Такое подлежащее употребляется для усиления повелительности: в одних случаях — до уровня категорического требования, в других — до подчеркнуто смягченной просьбы или до очень заботливого совета.

Васька, ты не бѣлуйся (Ряз.).

Яеопрасили: «Как ни можно ты пзработайся тут» (Ряз.).

Вы, џварю, мене ныне премирѣйте (Ряз.).

Он и гварит: «Бѣушка, у миня дѣник нету». А другой: «Ты не тужи аб дѣнѣаф» (Кар. — Бр.).

Нет, сугрѣва моя тёплая, ты в уме не держи, что я у детей прожигу (Арх.).

А змиѣ-то и гварит: «Ты не бойся, я тебя не трону...» (Арх.).

Оттенок просьбы особенно ясно ощущается, когда местоимение *ты* или *вы* стоит после повелительного наклонения.

Аннушка, погляди ты моей Лѣзоньки, как она там во саду (Арх.).

Принесу гостинци-то, а Надежда-то Ивановна: «Ой, Овдотья, не носи ты, ведь они не голодны» (Арх.).

Приберѣ постѣль ты, а то я не хочѣ пушѣцца (т. е. пачкаться пухом; Кар. — Греб.).

Ой, говорит, делайте вы гроб, да кладите меня в гроб, не могу (Арх.).

Реже встречаем употребление местоимений *ты* и *вы* при повелительном наклонении для противопоставления лица, которому предлагается совершить данное действие, другому лицу, о котором идет речь в соседнем предложении.

Я умру, а ты по мене слезѣноцки не кѣпни, не плацѣ (Арх.).

Хоть какая я ни есть, а ты мне не абижѣй (Ряз.).

3) Местоимениями-существительными *кто*, *что*, *кто-то*, *что-то*, *никто*, *ничто*. Если эти слова выступают в роли подлежащего подчиненного предложения, то в подчиняющем ему часто соответствует субстантивированное местоимение *тот*.

Хто жалáеть, на сверхуро́к и́дэть (Ряз.).

Хто в кузница́х кую́тъ... (Черныш.—Б. М.).

Кто ё́го зна́! (Арх.).

Хто што́ зна́ить, тот и причита́ить... (Б.—Т. О.).

Кто говоря́тъ «украли», ины́е говоря́тъ, ште́ никуда дева́лися (Вол.).

Там к тябе́ хто́-то при́еха́чи (Коп.—Пск.).

По́бдани ни́хто ни плоти́уть ни́чяе́о (Черныш.—Б. М.).

Нечто́ ему́ де́ется (нечто́ — ничего; Мат. 1910 — Вол.).

Ни́шть-то ё́му не погляну́лось — он и уше́л (Вол.).

4) Сочетанием количественного числительного с существительным в род. падеже. Нередко это числительные собирательные (*двое, трое* и т. п.). В роли числительного могут выступать также существительные *десяток, сотня, пара, множество* и т. п. Иногда числительные употребляются в роли подлежащего и без существительных.

Це́тыре ко́ня́ было́, же́ребца́ (Вол.).

У Мака́рихи выро́ждено двена́дцать дитё́нков, — да́к ве́дь э́ка у́йма, двена́дцать шу́кл! (Арх.).

Ше́сть семе́й жи́зди́ло (М.—П.).

Га́дов, ма́три, ше́сть пра́шлэ́ (Ряз.).

У до́щери дво́и дете́й уж ро́ди́лося (Арх.).

Це́тве́ро дете́й оста́лись, а му́ж по́мёр (Арх.).

Ту́т пра́шли́ дво́я мо́лаца́ (Шахм.—Лек: гов.).

Го́дове́ сотня́ ужо́ е (Арх.).

До́ма-то пё́теро, шо́стбэ́ в слу́жбе (Вол.).

Изо́ сво́ей дере́вни сва́та́лись два́ до́ меня́ (Вол.).

5) Сочетанием существительного в им. падеже с существительным в твор. падеже с предлогом *с*.

Уре́дник с ка́значеем при́ехали (М.—Ш).

Е́дут ба́рын с ба́рной (М.—Ш).

Мы́ с та́ббэ́й дво́я бу́дем жа́ть, ты́ не ду́май (Ряз.).

6) В роли подлежащего нередко (преимущественно в северно-великорусских говорах) выступают целые словесные группы, иногда такие, которые составляют самостоятельное предложение. Чаще всего это бывает при сказуемом *есть*.

Зде́сь е́сь ко́и на иго́бках вя́жут (Вол.).

Ку́да дева́зья́ ко́тора с ро́бе́нком-то́ бы́ла? (Вол.).

Е́сть у́ него́ на ру́ках ка́к он уцё́лся-то́ (т. е. у него есть аттестат; Вол.).

Выражение сказуемого

В зависимости от способа выражения возможны два типа сказуемого: 1) выраженное одной спрягаемой глагольной формой, совмещающей в себе как вещественное, так и формальное

значение сказуемого; 2) выраженное сочетанием спрягаемой глагольной формы с какой-либо другой формой (существительным, прилагательным, наречием, инфинитивом), причем вещественное и формальное значения сказуемого распределяются между этими формами (о характере этого распределения см. ниже).

Сказуемое первого типа будем называть простым (его можно называть также синтетическим). Сказуемое второго типа будем называть непростым (или, в отличие от синтетического, — аналитическим).

Выражение простого сказуемого

Простое сказуемое выражается:

1) Настоящим временем глагола.

Он ницѣвѣ не рабѣтаетъ, он на дарѣжной страйтельности тавѣр атпуѣаетъ (Ряз.).

Дома он бываетъ в неделю иднава (Ряз.).

Здѣсь никто не ловѣт (Арх.).

2) Будущим простым.

Папа придетъ и не угадаетъ такѣво-то (не угадаетъ — не узнает; Ряз.).

Он вам бѣду надѣлаитъ (Петр. — Ряз.).

Дѣти все от ей побѣжѣ (Арх.).

Эсли атѣцѣ намерѣтъ, у нас жалѣются (Б. — Т. К.).

3) Будущим сложным.

Чѣво биз матири будим делатъ? (Петр. — Ряз.).

Как стѣниши пзднимѣтъ либѣцѣ, бѣк колитъ (Б. — Т. О.).

Чужой отец парня жалетъ не станѣ (Арх.).

4) Прошедшим временем.

В акурат сѣмым этим годѣм, в эту зиму, приехали из Пѣтраграда студѣнты (Ряз.).

Партия пошла, и я достиг ее (достиг — догнал; Вол.).

У нас в коѣм году все старики прѣмерли (Арх.).

Один лось вхлѣпалси в озѣро (Арх.).

Нас медвѣди одва не с'ѣли (Арх.).

5) Сослагательным наклоением.

Кубы не дети, я бы астѣлась (Ряз.).

Там у мене знакомые, у кавѣ жила — пустили бы (ночевать; Ряз.).

Она б вас уклѣла сказками (уклѣла — развеселила, развлекала; Вол.).

Да я тебя бы пѣслала домой со всѣй охотой (Арх.).

6) Повелительным наклонением.

А. В форме 2-го лица единственного или множественного числа

Здесь возможны два основных случая: 1) когда подлежащее выражено личным местоимением 2-го лица ед. или мн. числа; 2) когда подлежащее выражено личным местоимением 1-го или 3-го лица или же существительным.

В первом случае сказуемое обычно имеет собственно повелительное значение, т. е. выражает желание говорящего, чтобы слушатель совершил данное действие, причем наличие местоимения 2-го лица может придавать высказыванию несколько различных дополнительных оттенков (см. раздел «Выражение подлежащего», п. 2).

Во втором случае сказуемое может обозначать:

а) Действие, относящееся к прошлому и совершившееся неожиданно.

Надысь я иди — ани с майми дзцерьми брбнюџи (Ряз.).

А корова наша — мы ѳе ни закѳтали — приди ды лишь зли крыльца (Рез. — Курск.).

Для усиления данного оттенка значения к повелительному наклонению нередко прибавляется *возьми да*.

Он это тах-та вазъмѳ да пасмѳѳь над ним (Ряз.).

В значении «неожиданно начался» употребляется повелительное наклонение от глагола *давать*.

Он есѳ нѳбарбѳт делаетъ: есѳ пасбѳхнеть — тут давай дбѳицек (Ряз.).

б) Усиленное желание, чтобы с самим говорящим или с кем-либо, не являющимся участником данного разговора, или с каким-нибудь предметом что-нибудь произошло (эта конструкция привела к образованию некоторого числа фразеологических оборотов).

Да прѳвалѳсь я на этом самом месте! (Ряз.).

Понеси тя лѳший! (Арх.).

Пропади она прбпадом! (Вол.).

в) То же, что сослагательное наклонение.

Приди бедная баба с нуждой — есѳ атдѳсть, а сам в пальтѳ в плахбм хадѳл (Ряз.).

...Десять цѳловек приди, дак хватѳт (Арх.).

Б. В форме 3-го лица единственного или множественного числа

Эта форма — описательная, состоящая из частицы *пусть*, *пускай* (*пуцѳай*) и личной глагольной формы. Значение ее — пожелание, чтобы лицо, не являющееся участником данного

разговора (или какой-нибудь предмет), совершило то или иное действие.

Пусть она, путаная, ездѣ пойдѣ (т. е. с заднего хода; Арх.).

Дайте стулик — пусть она сѣдѣ (Арх.).

7) Инфинитивом.

Инфинитив в двусоставном личном предложении употребляется всегда с особой интонацией, восполняющей тот оттенок значения, который в других случаях выражается спрягаемой глагольной формой; большей частью это оттенок, передаваемый глаголами, обозначающими начало выполнения действия, способность, готовность выполнять действие. В южновеликорусских говорах при инфинитиве часто употребляется еще частица *нука* (нук).

Они — под сѣгорок катѣи (Арх.).

Ён и мастерить, ён и шить (Арх.).

Всѣ бы она в зыбке спать (Арх.).

Нѹка я яйцѣ ки сѣбѣраѣтѣ, да картѣшецѣков на них (Ряз.).

Нѹка я ябѣ искать по лесу (Ряз.).

К сказуемому, выраженному инфинитивом, может прибавляться, в качестве частицы, *было, бывало*, придающее действию оттенок повторяемости в прошлом.

Аны бывало и в карты игратѣ тоже (Ряз.).

8) Словом *есть* и формами прош. и буд. времени глагола *быть*.

В говорах очень распространены такие сказуемые. Слово *есть* выступает как форма наст. времени по отношению к форме прош. времени *был* (-а, -о, -и) и к форме буд. времени *буду, будешь* и т. д. Слово *есть* употребляется со значением всех трех лиц и обоих чисел. Значения этих сказуемых: *есть* — «имеется налицо, существует» и т. п.; *был* — «имелся налицо, находился, присутствовал» и т. п.; *будет* — «будет иметься налицо, будет находиться, присутствовать» и т. п.

Если подлежащее выражено сочетанием количественного числительного с существительным в род. падеже, то форма прош. времени глагола *быть* большей частью употребляется в ср. роде, а форма буд. времени — в ед. числе.

В северновеликорусских говорах в качестве варианта *есть* часто встречается *е*.

На поле есть дарѣѣа (Ряз.).

Клюква кубѣть нонешний годъ есть (кубѣть — как будто; (Ряз.).

У нас барсуки есть, как свинѣи земляныя (Ряз.).

Еззи твоя ахѣта есть, пажалуйста ехай (Ряз.).

Вот за этой за Княжой за рекой есть остров (Вол.).

Мне уж годов то шестьдесят уж есть (Вол.).

Прялка-то е, да ноне не пряду (Арх.).

Тут ниже Пахѣмѣя-то порог е (Арх.).

Дес у меня небольших е поросѣи (Арх.).

От у Хавро́ньи есьть чапо́чки из бй́сяру (Б.—Т. О.).
Робя́тка е? (Арх.).

У нас эта хорбо́ша бережкá: е местами наме́шки, да гла́деньки (Арх.).

Да́жá была́ (Ряз.).

У мене был брат, у няво́ было пять дъце́рей (Ряз.).

У ней пальту́шец'ка была́ (Ряз.).

В военно времё́ был в армии (Вол.).

Прошлого́ лета́ я был в Нико́льском (Вол.).

Ле́д это по озе́ру-то был (Арх.).

Где вот дом-от стои́т, ту́т были анба́ры (Вол.).

Когда́ у́ж тамока́ бу́дет свобо́дно времё́? (Вол.).

Вот да́жы́ бу́дуть — и тры́бы бу́дуть (Ряз.).

Для передачи оттенка повторяемости употребляется многократная форма глагола *быва́ть*.

Осе́нью сва́дьбы быва́ли (т. е. свадьбы бывали осенью; Вол.).

9) Сочетанием спрягаемой глагольной формы со словом *есть*.

Этот тип сказуемого встречается как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах. Сказуемое, выраженное таким способом, имеет особый оттенок значения: оно обозначает не только то, что предмету приписывается какое-либо действие, но также, и то, что предметы, совершающие данные действия, реально существуют. Предложения с такими сказуемыми обозначают: «существуют предметы (лица), которые совершают (способны совершать) такие-то действия».

А некото́рых е́сть и на бело́м свете це́ркви яды́ть (Раз.).

Вну́к это е́сь жи́ве ма́ленькой (Арх.).

Сто́рожбе́ эти́х ско́лько е́сь жи́вет (М.—Ш).

Е́сь стра́жа стои́т (М.—Ш).

Та́м у́ж е́сь си́дят ка́кие-то (М.—П.).

До́ж ве́ть ште́, пока́ е́сь он е́дет ту́ды, та́к перестане́т (Двин.—Разгов.).

Несколько реже встречаем тот же тип сказуемого с глаголом прош. времени. Оттенок значения — тот же.

Да́ е́сь лю́ди кину́лись от хо́зёйсёа (т. е. бросили заниматься сельским хозяйством; Арх.).

Е́сь у́ж ушли́ (М.—П.).

Дере́зня наси́лиласи́ е́сь (М.—П.).

Он а́дён и е́сть сын бы́л (Ряз.).

Возможно, что здесь — остаток старого перфекта. Перенесение перфектной конструкции в область наст. времени может быть объяснено как явление новое, вызванное необходимостью придать наст. времени оттенок перфективного значения (в результате частого или длительно совершающегося действия образуется категория предметов или лиц, характеризуемых данным действием).

10) Сочетанием прош. времени основного глагола с прош. временем глагола *быть*.

При этом в одних случаях форма глагола *быть* полностью совпадает (в роде и числе) с формой основного глагола, в других — употребляется форма ср. рода ед. числа. При полном совпадении форм сказуемое имеет значение, очень близкое к древнему давнопрошедшему, при несовпадении — *было* играет скорее роль частицы, придающей сказуемому следующее значение: «действие начало совершаться, но закончилось раньше или не тем, чем могло бы закончиться».

Да года бы́ла стѣражы́ла (Ряз.).

Два раза бы́ла ездѣла через все поле (Ряз.).

Вѣ́цер былъ за́ка́пня обжѣчек-то, да вот нѣту (Ряз.).

Мужик былъ за дровнями-то вот шѣл (Арх.).

Их три брата-то были в Питер ходили, четвёртой-то дома работал (Арх.).

Так она прѣла да бы́ла сидѣла (Арх.).

Мордва были белое носили (Ав.—Тер.).

Лѣ́тос'-то ка́ко́й у м'ен'а л'он бы́у вы́рос (Горьк.).

Я была на Шатуру уехала, да через нее и остѣлася (Ряз.).

11) Словосочетанием или даже целым предложением — при этом не только простым, но и сложным.

У нас съмава́р — труба худая (Ряз.).

Анѣ — Журавлѣвы хамѣ́ля (Ряз.).

Семейство́ яво — уж давно с жанбо́й расшѣ́лси (Ряз.).

Мальчик — вот сейця́с пя́тнѣ́цатый ча́до́к пашѣ́л (Ряз.).

Сейця́с время — год́́ мя́сяц' корми́ть (Ряз.).

Майо́ д'ѣла л'ажы́ ды пат'а́вай (Вол. д. сб., II).

Наша старая карова — го́лос у ей ли́дачий... (Рез.—Курск.).

Уж этот —деся́тъ це́ловек приди, дак хвата́ит (Арх.).

Выражение непростого сказуемого

Сказуемое составное

Под составным сказуемым здесь имеется в виду только такое сказуемое, которое состоит из двух слов: существительного, прилагательного или наречия в сочетании со связкой, т. е. таким глаголом, который выполняет исключительно грамматическую роль, обозначая вид, наклонение, время, лицо, число, род — словом, все то, что должно заключаться в сказуемом, но не может быть выражено полностью существительным, прилагательным и наречием. Существительное, прилагательное и наречие, входящие в составное сказуемое, будем называть,

вслед за А. М. Пешковским и некоторыми другими авторами, присвязочным словом. Связка в составном сказуемом совершенно лишена вещественного значения. Ею преимущественно бывает глагол *быть*. Для выражения совершенного вида с начинательным оттенком употребляется в качестве связки глагол *стать* (реже *сделаться*). Для выражения оттенка многократности употребляется глагол *бывать*. Так как глагол *быть* не имеет форм наст. времени, то для обозначения наст. времени составного сказуемого присвязочное слово присоединяется к подлежащему непосредственно, без помощи связки.

1. Присвязочное слово—существительное в именительном падеже

а) Без связки

А жать мая доц' будеть, а я дзмасэдница (Ряз.).

Мать—ражака из Кидусова (рожака—уроженка; Ряз.).

Семья у мене—муж да трое дятйшек... (Ряз.).

Мой сын—ямү кресник (Ряз.).

Все малоросье коровы те (Арх.).

Секрѡва-то—мацеха (Арх.).

А жона-то прѣставу доц' (Арх.).

Он мне слуга моя (М.—П.).

Изредка можно встретить в качестве связки для обозначения времени слово *есть*.

Я ведь не вижу, что кто он есь (Арх.).

Гл'ад'ит'е какој ја куп'ец' јес'т' (Гр., IV).

Следует остановиться на приведенном выше примере: *Семья у мене—муж да трое дятйшек* и подобных ему предложениях. Здесь сказуемое, выраженное существительным в им. падеже, не имеет обычного значения сказуемого данного типа, т. е. не обозначает признака, приписываемого предмету как его носителю (ср. остальные примеры), а указывает на состав, содержание, сущность того предмета, о котором идет речь. Ср. такие предложения: «Эта книга—четыре рассказа из жизни детей», «Его обычай—доверие к подчиненным» и т. п.¹

б) Со связкой *был* (-а, -о, -и)

Вары аны были (Ряз.).

Он был в ребятах дабрѣ дурак (т. е. будучи ребенком, он был очень глуп: Ряз.).

¹ Предложения этого типа можно, в согласии с Шахматовым, отнести к двусоставным предложениям тождества (см. его «Синтаксис русского языка», вып. 1, изд. 2. М., 1940, §§ 146—156).

А тады у нас дйеирь был ѓрманюшка (гармонюшка — гармонист; Ряз.).

Я девка ейб была (Вол.).

Он отец был нашой матери (Вол.).

А уж горё житьё-то было, горё (Арх.).

Она была заведуща у скотине, у коров (Арх.).

в) Со связкой буду (-ешь, -ет и т. д.), сделаюсь

Шуроу'ка лётчик будеть, на ераплане лятать (Ряз.).

Кисель за тестом последние ёство будё (Арх.)

А то ты зделаисси лашатка (Петр.— Ряз.).

Нередко связка буду употребляется со значением наст. времени.

Этакой высóкой, здорóвой, рбвнушко Сорокин будет ему фамилия (Вол.).

Следует особо остановиться на широко распространенном типе составного сказуемого, в котором присвязочное слово, выраженное существительным в им. падеже, имеет при себе определение-прилагательное, причем основное значение сказуемого заключено не столько в существительном, сколько в прилагательном (иногда значение это даже целиком в прилагательном). Такое явление встречается и при присвязочном члене, выраженном существительным в твор. падеже, однако очень редко: для него оно, видимо, не характерно.

Она девоу'ка у'гамбная (Ряз.).

Он мастер у'ладь какой! (Ряз.)

Ана́ была харóший ѓрматей (Ряз.).

Кубы мужик он р'старбный, уцёный был! (Ряз.).

И так ани́ сами сабо́й были, сказать, прастые́ люди (Ряз.).

И стал он сын любима́й (Петр.— Ряз.).

Он был против ей-то жёни́х лёгонькой (Арх.).

Дядя Василий у нас был старший дядя (Арх.).

2. Присвязочное слово — существительное в творительном падеже

а) Без связки

Он уж вот какой год, матрй, прядсядателем (Ряз.).

Муж у ней пажарником (Ряз.).

Она бригадёркой (Ряз.).

Сын у нявó докторем (Ряз.).

Явó отец льсникóм (Ряз.).

Он шóхером (Ряз.).

Ему-то батькой мой-от сын (Вол.).

Отец-то кондуктором (Арх.).

Четыре замужом, а две еще девками (Арх.).

б) Со связкой *был* (-а, -о, -и) *сделался* (-ась, -ось, -ись)

Он нѣперѣдъ Сергей Иванычъ былъ учителемъ тут-то (Ряз.).
Сын-то яво пѣстухѣмъ былъ (Ряз.).

Три года былъ кладовщикѣмъ, ницемъ не замарѣлси (Вол.).

Был-отъ сын-отъ ёго председателемъ колхоза (Вол.).

Ну всё-таки я казацкѣйхой въ цюжой рабѣткѣ не бывала (Арх.).

Изделалси онъ хорошимъ челоуекомъ (Петр.—Ряз.).

Если мы сравним примеры с бессвязочным сказуемым, в которых существительное стоит в одних — в им. падеже, в других — в твор. падеже, то приходим к следующему выводу: твор. падеж употребляется почти исключительно для обозначения временного, большей частью внешнего признака, — это почти всегда название должности, рода занятий (из приведенных девяти примеров только один не подтверждает этого вывода: *Ему-то батькой мой сын*); им. падеж употребляется, наоборот, почти исключительно для обозначения постоянного, не поддающегося изменению признака, точнее говоря — свойства предмета. Точно так же при связке *был* твор. падеж присвязочного существительного употребляется, как показывают приведенные примеры, для обозначения временного признака (должности, рода занятий). При связке *буду*, повидимому, преобладает им. падеж присвязочного существительного; такой вывод не должен показаться слишком поспешным, если принять во внимание, что среди сделанных записей (их много больше, чем приведено было выше) при связке *буду* не встретилось ни одного присвязочного существительного в твор. падеже.

3. Присвязочное слово—существительное в родительном падеже с согласованным определением при нем

Цыхъ ты родовъ, цыхъ городовъ? (М.—Ш.).

Былъ баженскѣй купецъ, такъ первой гильдии купецъ
былъ (Арх.).

У меня коровушка малѣнька двухъ годовъ (Арх.).

Моѣхъ годовъ она (Ав.—Тер.).

Этот тип составного сказуемого встречается сравнительно редко.

4. Присвязочное слово—существительное с предлогом

Для данного типа составного сказуемого характерно то, что предложно-падежная конструкция, являющаяся в нем присвязочным элементом, модифицирована в отношении значения как предлога, так и падежа¹.

¹ О сущности этой модификации см.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 3 и сл., гл. XI, п. 8.

Он был не во ндрáву (Ряз.).

Я была в вѣда́х (Ряз.).

Он был во власти (т. е. у власти; Ряз.).

Плахо́й он был, не в ма́терю: у няво́ мать была харо́шая (Ряз.).

...А пята́ пальчикáу а́на (Б.—Т. О.).

В силе покуда́ была я, так питала (Вол.).

Старик худо́й, а сын не в годах е́йю (худой — слабый, больной; Вол.).

Сняли с пѣци, а он весь в пузыря́х (Арх.).

Ишаница в цане (Сол.—Курск.).

Он в полном ро́удке (Ав.—Тер.).

5. Присвязочное слово — полное прилагательное
(иногда в усеченной форме) в именительном
падеже

Этот тип составного сказуемого является одним из наиболее распространенных наряду с присвязочным словом — существительным в им. падеже. Под прилагательным здесь разумеются также причастия, порядковые числительные и местоимения, изменяющиеся по родам.

а) Без связи

Глава́стый он, лён-то (Ряз.).

Сам-то он смале́нский (Ряз.).

Ныне сянá редкие (Ряз.).

Телёночек хоро́шой уж, большо́й (Арх.).

Ой, говорит, бабу́шка, говорит, ноги́-то молодые, так то́пам (Арх.).

Их три избы́ соединѣ́нные (т. е. принадлежащие им три избы соединены между собой; Ряз.).

Н'е баска́ја ја, и глаза́-ти н'е баски́је (Горьк.).

Все твоѐ дзк: и дом, и скот, и живот (Вол.).

Направо кото́рый вы́ше дом, тот мой (Вол.).

Наше место за́глуше́нное, лесное (Арх.).

Пра́вну́ята у меня вот каки́! (Арх.).

Так робятко́-то е́йно (Арх.).

Скоти́нина своя, моло́цйна своя (Арх.).

б) Со связкой *был* (-а, -о, -и), *стал* (-а, -о, -и), *сделался*
(-ась, -ось, -ись)

Стра́ение была хоро́шая (Ряз.).

Амосово ны́не ба́льшáя стала (Ряз.).

Ани рэскула́шны́е были (т. е. раскулаченные; Ряз.).

Мы тро́е все вѣда́вые были (Ряз.).

У этой у бабы, у Химки, отец' глупой был (Ряз.).

Дождьба осень-то была (Вол.).

Тугой был край, худой (о Финляндии; Вол.).

Сноха-то толстая была (Арх.).

У меня золовка эка была здоровая, сёгуду помёрла (Арх.).

Да у меня муж-от досади́лся, нездоровой сделался (досади́лся — надорвался; Арх.).

Тётушка была бойкая, руга́н'кая (Арх.).

6. Присвязочное слово — краткое прилагательное

Это также очень распространенный тип составного сказуемого. Под кратким прилагательным и здесь разумеется также краткое причастие. Одинаково часто употребление такого сказуемого без связки, т. е. в значении наст. времени, и со связкой *был*. Не встречается связка *буду*, как не встрети́лась она и при полных прилагательных. Это еще не дает основания утверждать, что связка *буду* при прилагательных неупотребительна, но несомненно, что она здесь необычна. (Выше мы могли убедиться, что и при существительных она довольно редка, причем может иметь значение наст. времени. Объяснение этого явления будет дано ниже.)

Различие между значениями составного сказуемого с присвязочным кратким прилагательным без связки и со связкой *был* (*стал, сделался*) — то же, что и при существительных: наличие признака в настоящем и в прошлом. Не то у составного сказуемого с присвязочным кратким причастием. Надо прежде всего отметить, что фактически в таких случаях употребляется страдательное причастие от глагола совершенного вида, т. е. такое, которое имеет отчетливое перфективное значение. Если связка отсутствует, сказуемое обозначает признак предмета, принадлежащий ему в момент речи и являющийся результатом действия, которому предмет подвергся в прошлом. При связке *был* (с краткими причастиями употребляется только эта связка) сказуемое обозначает приписываемый предмету признак, принадлежавший ему ранее, до момента речи, и явившийся результатом действия, которому предмет подвергся в прошлом.

а) Без связки

Он дабрё сердцем крепок (Ряз.).

Сыта ли я, гладный ли я — никто не знает (Ряз.).

Ноги у тебе не здоровы, сам не здоров (Ряз.).

Она дабрё шумавата (Ряз.).

У нябѣ ухѣ вся итарѣта (Ряз.).

Около этой саснѣ дед мой зарыт (Ряз.).

Дравѣ нѣгрузѣны (Ряз.).

Старик записѣт, а старуха нет, и доц' не записѣта (Ряз.).

Двое у нее это только радѣны: дѣвка и парень (Ряз.).

Я тут замушѣ идавѣта, тут и разжѣна (Б.—Т. О.).

Теперь худо здоровье дѣж (Вол.).

Все довольны ему (Вол.).

Урожай-то не шибко дорѣбен: засухой взяло (Вол.).

Кто виноват этому делу? (Арх.).

Ены есе оба от души рады (Арх.).

Одѣлѣло своимѣ руками сделѣно (Арх.).

Детей у него много было, сыновѣѣ, все выросцены, все жѣнены (Арх.).

Матушка, затоплена байна-то? (Арх.).

Бахѣлки сѣшиты да, ботѣноц'ки куплены да (Арх.).

б) Со связкой был (-а, -о, -и), стал (-а, -о, -и), сдѣлался
(-ась, -ось, -ись)

Едрѣна была я прежде, молодая-то (Вол.).

Адѣн год у нас дабрѣ хзрачѣя была брусника, а ныне нѣзарѣла (Ряз.).

Анѣ ох и красивѣа была! (Ряз.).

Он болѣн сдѣлалси (Ряз.).

Анѣ, старухи, уж глупы стали, из ума выходятъ (Ряз.).

Связѣты руки были (Ряз.).

На усадѣбу набѣх—анѣ была взгзрадѣна (Ряз.).

Наш деревенский был сдат в салдаты (Ряз.).

Осьмнѣцѣть годов у сохи была прикована (Арх.).

Менѣ учѣть не надо было: я с малых лет наѣцена бѣла (Арх.).

Такѣ стулѣе было поставлено (М.—Ш.).

7. Присвязочное слово—сравнительная степень

Связки те же, что и при прилагательных положительной степени.

а) Без связки

Стѣре ана мене (Ряз.).

Он гѣдом старше (Ряз.).

Ана пѣмалѣжей ей на гѣдѣк (Ряз.).

...Всѣ свой угалѣк лѣѣе (Ряз.).

Вроде малѣны, да покрупнѣе да покраснѣе она (Вол.).

Это-то место богáтее нового дому (Арх.).
Нога много корбце, да лапа меньше (лапа — ступня; Арх.).
Эти рыжики-то есцѣ скуснѣе тех, волнух-то, белянок (Арх.).
Середняя горница суше из есех горниц (Сол. — Курск.).
Ты на вершоцек против его меньше (М. — Ш.).
Я поседѣ вас (т. е. поседее; Ав. — Тер.).

б) Со связкой *был, стал* и т. п.

Этим хвощам трѹть палы, шоб билѣй анѣ бѣли (Б. — Т. О.).
Полѹце стала я дома-то (Вол.).

8. Присвязочное слово — наречие

Связки те же, что и при прилагательных.

а) Без связки

На а҃гарбдах уражаѣи ницѣвѣ всѣ-таки (Ряз.).
Сын всѣмере (т. е. у сына семья состоит из семи человек; Вол.).
Да она ницѣго, есть другая будто хорошая (о ржи; Арх.).
Одна нога в бахилы, а другá боскѣм (Арх.).
Старицѣк богу душу отдал, а цетыре доцери — доцери зámужом (Арх.).

б) Со связкой *был (-а, -о, -и)*

Ницѣвѣ была лошáдка-то (Ряз.).
Анѣ дня три даже неѣвшкой были (неѣвшкой были — ничего не ели; Ряз.).
Восим кароф даила, как зámужем была я (Кар. — Бр.).
Сперва-то он ницѣго был (Арх.).

9. Присвязочное слово — деепричастие

Большей частью это деепричастия от глаголов совершенного вида. В тех случаях когда деепричастие соответствует по значению глаголу на -ся, последнее обычно опускается. Значение сказуемого рассматриваемого типа: «находится в состоянии совершающего или совершившего данное действие или подвергавшегося данному действию». Связки — те же, что и при прилагательных.

а) Без связки

Там такие нброц'ки правѣдиш, и анá в ямоц'ку стякаѣть (вода в прачечной; Ряз.).
У этих завѣмши у бабах, у женшнзнах кѣсыти, у дѣвѣк тák на спине апушибмши касá (Б. — Т. О.).

Он дамио рязнувшись (См. — Тв.).

Разве ты ещё не етчи? (См. — Тв.).

Там к тябё что-то приёхаччи... (Мат. 1923 — Пск.).

Поглядела ему в поход и подумавши (т. е. посмотрела ему
вслед и подумала; Вол.).

Куда ушбѣи? (Арх.).

Я уставши, проснувши. Ось сломавши. Ты чисто одевши
(Ер. — Ул.).

Он памяшбмши (т. е. он помешался; Кар. — Мозд.).

Давно ли вы разделѣмши? (т. е. давно ли вы разделились?;
Кар. — Мозд.).

*С двадцать пятого года пчеловодством занимаюсь, с тех
пор руки опужили, пчѣлы жалют* (Калин. — Д. К., без №).

Дочка у мяня на фабрике устроивши на городе (Калин. —
Д. К., без №).

*А подѣи знай, как она потерѣвши, мбжэт пропѣвши. А
поди знай, кто с'јул* (о пропавшей овце; Ленингр. — Д. К.,
№ 211).

б) Со связкой был (-а, -о, -и)

Ой, мама, мама, мы тут не евши были (Ряз.).

Там монастыр' был провал'иши (Гр., I).

Они давно были ушовши (См. — Тв.).

Ворота были оскаливши (т. е. приоткрыты; Коп. — Пск.).

*Комары ей искутали, все ноги пузырями были нача-
савши* (Калин. — Д. К., без №).

Я была едавѣй астафши (Ленингр. — Д. К., без №).

У јѣй от сѣнца рука згорѣвши была (Ленингр. — Д. К.,
№ 208).

Сказуемое сложное

Под сложным сказуемым разумеется такое непростое ска-
зуемое, в котором вещественное значение не сосредоточено
в одном слове, а распределено по меньшей мере между двумя
словами, из которых одно является по преимуществу носите-
лем грамматического значения, а другое — по преимуществу
носителем вещественного значения. Так, в предложении *За
волосы нацѣя таскать* сказуемым является сочетание *нацѣя
таскать*, составляющее единое смысловое целое. Здесь грам-
матическое значение сказуемого (наклонение, время, род,
число) выражено в первом слове (*нацѣя*), лексическое — пре-
имущественно во втором слове (*таскать*), но отчасти и в пер-
вом. В предложении *Дамѣ стѣять пустые* сказуемым яв-
ляется сочетание *стѣять пустые*, составляющее единое
смысловое целое. Здесь грамматическое значение сказуе-

мого (наклонение, время, лицо, число) выражено в первом слове (*стоять*), но отчасти и во втором (*пустые* — число), лексическое значение — преимущественно во втором слове, но отчасти и в первом. Какого бы состава ни было сложное сказуемое (а оно по составу, как будет показано дальше, очень разнообразно), в нем всегда содержатся определенные, обязательные для любого типа сказуемого грамматические значения, а именно: значения наклонения, времени, числа, а в зависимости от формы времени — также рода или лица. Если в состав сложного сказуемого входит спрягаемая глагольная форма, являющаяся, как сказано выше, носителем части вещественного значения, то эти грамматические значения ею и выражаются; если в составе сложного сказуемого такой глагольной формы нет, то отсутствие этого составного элемента является показателем наст. времени, а для выражения прош. и буд. времени употребляются в качестве связки *был* — *буду*, которые вместе с тем выражают и наклонение, и число, и род, и лицо. Это обозначает, что сложное сказуемое может быть в то же время и составным, точнее — сложно-составным. Таким является, например, сказуемое в предложении: *А твоё иму́йсьево не должно горѣть*; отсутствие спрягаемой глагольной формы обозначает, что то, что утверждается о подлежащем, совпадает во времени с моментом речи. Чтобы придать этому утверждению значение прош. или буд. времени, скажут: *А твоё иму́йсьево не должно было горѣть* или *А твоё иму́йсьево не должно будет горѣть*.

В зависимости от состава форм, образующих сложное сказуемое, последнее может быть разбито на два основных типа. Первый тип — сказуемое, содержащее в своем составе инфинитив, являющийся носителем основного лексического значения сказуемого; второй тип — сказуемое, в котором носителем основного лексического значения является имя, причастие или дееспричастие¹.

Подтипы первого типа сложного сказуемого

1) Глагол со значением «начать», «приступить к действию» и т. п. в сочетании с инфинитивом.

Тольки с постѣли вставаю, свѣкор зацнѣть гварѣть (Ряз.).

¹ Ввиду того, что структурные явления, относящиеся к сложному сказуемому, в значительной степени характерны и для главного члена бесподлежащих односоставных предложений, в данном разделе будут приводиться в качестве примеров не только двусоставные, но и односоставные предложения.

Стали за этими деітями ухажывать деушки дѣревенскіи (Петр. — Ряз.).

Нынче дороги стали поцѣпывать (Вол.).

Стали делѣйці с деверем, а ему, старому, идти не хѣцѣй (идти жить в другую избу; Арх.).

Стали самовары грить, стали цѣй пить (Арх.).

Остатню поляну жать заводѣли (Арх.).

Они пришли с пожни, обѣдать завѣдя (Арх.).

В роли спрягаемой глагольной формы с указанным выше значением употребляется слово *давай*; такое сложное сказуемое обозначает либо действие, совершившееся в прошлом, либо действие, которое говорящий предлагает совершить совместно со слушающим (точное значение выясняется из контекста, а также на основании интонации).

... *И давай цѣстѣйки писать, гдѣ анѣ хадѣли* (Ряз.).

... *Давай вилами жеілезными еіе голаву раскалывать* (голову змеи, укусившей девочку; Петр. — Ряз.).

А я давай — репу-то жалко — ноцью ехать да репу перенимать (Арх.).

2) Глагол со значением «хотеть», «намереваться» и т. п. в сочетании с инфинитивом.

Он хатѣл уйтить, итсланѣйи (Ряз.).

Она хатѣла по зимѣ по дарѣе приехать (Ряз.).

В работѣици нанимѣйи не захотѣла (Арх.).

Я хотѣла в Зезново сходить, для рыбы-то (Арх.).

Патѣм он вздумал гдѣ-то уехать (Ряз.).

А сейцѣс сношка задумала отдѣлѣйи (Арх.).

Он сѣгѣду не ладил пустить уцѣлисцѣ (не ладил — не предполагал, не намерен был; Арх.).

Только полторы недѣльки пробѣлел, а ещѣ ладил поехать жонѣйи (Арх.).

Собрѣлись поужинать ли обѣдать — не помню... (Арх.).

3) Глагол со значением «мочь», «уметь» и т. п. в сочетании с инфинитивом.

Я не маѣу на них глѣкнуть (Ряз.).

Настѣйю не могу сказать (Вол.).

Не могла лошадка головуики-то сдѣнуть (сдѣнуть — поднять; Арх.).

Старик-то дрожит и держѣйи не мѣжо (Арх.).

Не могу на рыбы глядеть и (Арх.).

Ли ухаживать не умѣѣм, ли не знаю (ответ на вопрос: «Почему нет огородов?»; Арх.).

Тут вот не огурци — капуста, да вот не умѣю рѣстить дажѣ (Арх.).

А мы не умѣѣм рыбу делить (Арх.).

4) Глагол со значением «велеть», «позволить», «дать возможность», «запретить» и т. п. в сочетании с инфинитивом. *Сноха-то побряжала-побряжала: «Тебе кто велел тронуть-то их?»* (Арх.).

Заказал лошадь запрегти дома-то, да приехать, да меня увезти (Арх.).

Мне тётушка покойна не дала уцѣйи (Арх.).

Суседи-то не дали ницѣго отобратъ дак вот (Арх.).

Сель-то совет цѣго-то ёму запретил и оштрафовал, не дават продаватъ (Арх.).

Никак, бат, не выпускают приѣхатъ (Вол.).

5) Безличные глаголы, обозначающие внутренние переживания, душевное состояние и т. п., в сочетании с инфинитивом.

Покупаться-то хѣщеи в такой воды-то светлой (Арх.).

Без мѣци не веселѣть и песни-то иґрать (т. е. когда нет сил, то не весело и песни петь; Ряз.).

Самой принадлеѣло роботать (Арх.).

Захотелосе пашня запахатъ (М. — Н.).

Пришлось в акурате наступатъ итѣть (Ряз.).

Мноґо страсти пришлось повидѣи (повидѣи — повидать; Ряз.).

Мне не пришлѣси поглядеть Соловецкого монастыря! (Арх.).

Не слыцѣлось высмотрити-то из (самолеты; Вол.).

6) Некоторые другие глаголы, образующие вместе с призывающим к ним инфинитивом единое смысловое целое (хотя бы лишь в данном тексте).

Сулѣлась приехать (Ряз.).

Я лѣб любила абѣдритъ (Ряз.).

Какой мене цѣрт дѣґадѣл сґуды идѣти! (Ряз.).

Дак обесцѣеи привезти (Арх.).

Своей натурой вышла, да не смела показѣи (вышла замуж без согласия родителей; Арх.).

Жалел меня пустить-то с возом-то (Арх.).

Мы в эту пору уж ужинам, да цѣй пѣм, да спатъ ложѣмси (Арх.).

Гли-ко, она нынѣ-то помнит розказѣть (Арх.).

Вещественное значение спрягаемой глагольной формы в сложном сказуемом значительно ослаблено, в чем нетрудно убедиться на следующем примере: *Сидеть лех на пѣчѣ, на печѣку* (Б. — Т. О.). В сочетании *сидеть лех* слово *лех* (лѣг) обозначает, повидимому, только «забрался» и является глаголом с «начинательным» значением.

7) Краткое причастие в сочетании с инфинитивом.

На яросев нѣнята пахатъ, Окулина-то (Арх.).

Сени зацѣты мыть (М. — П.).

8) Полное или краткое прилагательное (а также сравнительная степень) в сочетании с инфинитивом.

Мы с жары непривычны пить (Ряз.).

Работать-то она бойкая, ну и спорить бойкая (Арх.).

Ты врать ббёк (Арх.).

У нас один мужик был, так он ббёк был спать (Арх.).

Я пресь была досужая, напяду дак уж! (Арх.).

Кто пхватуцей вязать, и палсоти нвезеть (Ряз.).

Иногда в таких сочетаниях на месте инфинитива встречаем форму прош. времени.

И бы рада купила, да не успеть съездить (Ряз.)¹.

9) Слово *надо* (*надоть, нать, наа*) в сочетании с инфинитивом.

Летом-то и надо смотре́ть-то ве́д (Вол.).

Запою пйсно, и надо мне плакать-ка (Вол.).

Умирать-то надо, да всё смерти нету дак (Арх.).

Надо в воскресёе сходить по ягodu-земя́нцю (Арх.).

Мерка тут не надо снимать (Арх.).

Надо выкопать яма (М. — Н.).

Надо ехать в Петрозаводско (Арх.).

Осенесь ёму было бы наа выйти (т. е. окончить военную службу; Арх.).

10) Слова *можно* (*возможно*), *льзя*, *нельзя* и т. п. в сочетании с инфинитивом.

А можно окна́-то открыть? (Арх.).

Вода можно сменить? (Арх.).

...Штобы к няму́ пады́ехать лзя было (Ряз.).

Тут нево́дми ловить нельзя, нет (Арх.).

На коня сить нельзя (Арх.).

Гора большущая — не можно слизти (Вол.).

Ньвазмбжно вздумать, как скушно (Ряз.).

11) Местоименные существительные и местоименные наречия, образованные из соединения *кто, что, где, когда, куда, как* и т. п. с отрицанием *не*, в сочетании с инфинитивом.

По́толоку одна половина не с кем напилить (Арх.).

Хороших-то сеток здесь негде найти (Арх.).

Некогда по ягодки ходить (Арх.).

Некуда приси́сть, а не то легт́и (Арх.).

Да там-то не́как жить (не́как — невозможно; Арх.).

А зимой-то, стужой этой, согрева́ци было не́как (Арх.).

12) Наречие, обозначающее состояние, физическое или моральное, в сочетании с инфинитивом.

Кому это досуг было работать етакие-то строения? (Вол.).

¹ Ср.: Пеки блины! «Рада б пекла, да нет муки» (Даль — Посл.).

Тяжело поднимать-то: лю́но больно (лю́но — очень; Вол.).

Спать-то хорошо-то, да и мухи не кусали (Арх.).

С ниткой-то как не легче найти (упавшую иголку легче найти, когда она с ниткой; Арх.).

Подтипы второго типа сложного сказуемого

1) Глаголы *называться*, *делаться* и т. п. в сочетании с существительным в им. падеже.

Коч'к'и и топко́ю м'есто нивы называ́ецца (Гр., II).

Выбрана будто делегатка (т. е. выбрана делегаткой; Вол.).

Она делалась девица красива (М. — Ш.).

2) Глагол со значением «работать», «служить», «ходить» и т. п. в сочетании с существительным в твор. падеже, обозначающим род занятий, должность и т. п.

...бригаде́ром работае́ть (Ряз.).

...ценом съ'саве́та кольки ча́дбе чади́л (Ряз.).

Не знаю, каким он служи́т (каким — кем; Арх.).

С Коровиной к нам приходили обряди́хами, наряже́нма (Арх.).

У нас де́душка Самсон служи́л — отцю́ моему́ брат, — дак двай́ять петь лет, прише́л уж стари́ком (Арх.).

3) Глагол в сочетании с полным или кратким прилагательным (в том числе с причастием, местоимением или числительным).

Прилагательное, образующее в этих случаях с глаголом единое смысловое целое, обычно связано здесь также и с существительным: дополняя глагол указанием на известный признак, характеризующий действие, оно вместе с тем относит этот признак и к существительному — субъекту или объекту действия. В ряде случаев значение прилагательного по отношению к глаголу приближается к значению наречия. Однако как слово, обладающее формами согласования, оно обнаруживает свою связь с существительным тем, что согласуется с ним (полное — в роде, числе и падеже, краткое — в роде и числе).

У ней связкы́ бальна́я ляжи́ть (Ряз.).

Осталась я шастигдава́лая (Ряз.).

Смянйа́ть лет жи́еу двайа́ (Ряз.).

Пришли все не сабра́тые (т. е. не совсем одетые, не вполне готовые; Ряз.).

Он ле'титъ ба́льшой, большы́ трех аршин, — ча́лава оу́няная (Петр. — Ряз.).

Сейчас умру́ — астава́йси адна́ тады́ (Ряз.).

Дйти́ вышли́ у мене́ хорбу́и, не греховодны́ (здесь прилагательные — усеченные; Арх.).

Внўка-то эта вышла заму́ж-то молодая (Арх.).

Большой вырос он (М.—Ш.).

Пр'итвар'ялас' л'ўса дохлаја (Гр., V).

Доцель ходила, в эфтут дом, што крайной-то стоит в деревни (Гр., I).

Вывадила их маленьких, как свайх детей (Ряз.).

Ён обсиротал, да его сюды вэ́ли, восьмигодового вэ́ли (Арх.).

Пришла — ён худой лежить, худой... (Арх.).

В уценье харби шел (Ряз.).

Думаешь — умрёшь, уж жива́ осталась (Ряз.).

А уж на конях вряд јиздили — все пеши ходили (Арх.).

Только поу́же он сига прихбди́и (о язе; Арх.).

Здесь необходимо обратить внимание на широко распространенную конструкцию двойного вин. падежа; ср. из приведенных примеров такие, как: *выводила их маленьких...*, *...его сюды вэ́ли, восьмигодового вэ́ли*, и т. п.

Иногда встречаем прилагательное, относящееся к подлежащему, не в им., а в твор. падеже. Надо полагать, что это в большинстве случаев является результатом влияния литературного языка.

Ана́ притвори́и џлупо́й (Ряз.).

Ты мене, мама, сделала несца́йной (Ряз.).

Мы вас пе́рвыма пошлем (в баню; Арх.).

Но твор. падеж, пожалуй, более уместен здесь потому, что при им. падеже возможно отнесение прилагательного к другому существительному (во втором и третьем примерах — к подлежащему, а не к дополнению).

К рассматриваемому подтипу сложных сказуемых относятся также сочетания глагола с местоименными прилагательными *весь* и *сам*. Несмотря на полное согласование их с существительным, они более тесно, чем рассмотренные выше прилагательные, примыкают к глаголу, приближаясь по значению к наречиям *полностью*, *целиком* (*весь*) и *самостоятельно* (*сам*; часто *сам* обозначает противопоставление данного лица всем другим лицам).

Исца́хла вся на сухарь (т. е. как сухарь; Ряз.).

А мы все мокрые: да́жда лила (Ряз.).

Надысь вот бу́ря-то пѣдня́лась, да всю и раскрыла ее (крышу; Ряз.).

Дак уж долонь вся выболела (Арх.).

Деревня́ вся обня́лась, а машина как приехала, так стали заливать (Арх.).

Ана́ сама и камандовала-то, а он — што, всё цѣрез баб (Ряз.).

4) Глагол в сочетании с деепричастием.

Он уехал не евши (Ряз.).

5) Глагол в сочетании со словосочетанием, обозначающим возраст (это словосочетание — из числительного с существительным — обычно стоит в род. падеже).

Я тогда осталась от матери шести годов, а еще сестра трех годов (Ряз.).

Он остался двух годов (М.—Ш.).

НЕКОТОРЫЕ ЯВЛЕНИЯ ИЗ ОБЛАСТИ СОГЛАСОВАНИЯ СКАЗУЕМОГО С ПОДЛЕЖАЩИМ

Выше, в разделе, посвященном несогласованным двусоставным предложениям, были отмечены отдельные случаи отсутствия согласования между главными членами. Здесь необходимо остановиться более подробно на тех явлениях из области согласования сказуемого с подлежащим, в которых наблюдаются своеобразные черты русских говоров.

Форма числа и рода сказуемого при подлежащем, обозначающем количественное понятие

1. Когда подлежащее выражено словосочетанием из количественного числительного и существительного (стоящего обычно в род. падеже), сказуемое ставится в одних случаях в ед. числе, в других — во мн. числе. Если, имея форму ед. числа, сказуемое выражено словом, изменяющимся по родам (прош. временем глагола, кратким причастием и т. п.), то оно принимает форму ср. рода.

Следует различать, какой предмет обозначается существительным, входящим в состав подлежащего, — одушевленный или неодушевленный. Если существительным обозначается одушевленный предмет, то сказуемое, имеющее значение «существовать», «являться», «отсутствовать» и т. п., обычно ставится в ед. числе.

Два сына было (Ряз.).

Было две лошади, по́том каня́шка, каро́вка... (Ряз.).

Три каро́вы было, да па́дтёлки были... (Ряз.).

Цетыре коня было, жеребца́ (Вол.)

Братёв было всех-то семь братьёв (Арх.).

А восемь дитёнков было у меня на руках-то (Арх.).

Сыновья-то — три сына было, да все по́мёрли (Арх.).

У Макарихи вырождено двена́дцать дитёнков... (Арх.).

Наче́сь у нас двое наслёшников было прохо́жих (наслёшник — ночлежник; Лук.—Перм.).

Было-жило петь дочерей (М.—Ш.).

Два сторожа живет (М.—Ш.).

При других значениях сказуемое имеет форму мн. числа.
Видите, у нас этим ходом два херишала померли (Ряз.).

За ямийну копеечки не дал — мои кони три бегали (Арх.).

Ехали от Петрова дни семь мужиков в лодке (Арх.).

Одного дни десять язёв фатили (фатили — попались; Арх.).

Их три брата-то были в Питер ходили, четвёртой-то дома роботал (Арх.).

Такое же употребление ед. и мн. числа сказуемого наблюдаем и в том случае, когда вместо числительного употребляется слово с неопределённым количественным значением.

Много народа была, да аны уехали (Ряз.)¹.

Лонй даж было много товарисцев, а сёгду нет (Арх.).

А што жёниши, што вдовыц'-то пооставалось! (после первой мировой войны; Арх.).

Но:

Породу сколько уже убяли на работу (Ряз.).

Идут народу много (Черныш.—Б. М.).

Указанный принцип, повидимому, не проводится последовательно, о чем говорят следующие случаи:

Два дитёнка остались (Вол.).

Потом приходят два мужика чёрных (Вол.).

Восемь человек тут жили свои-ти (Вол.).

Бежыт два парня (М.—П.).

Две кухарки спит на печи (М.—Ш.).

Шесть семей јиздило (М.—П.).

Если существительное, входящее в состав подлежащего, обозначает неодушевленный предмет, то сказуемое ставится в форме ед. числа (и, в соответствующих случаях, в форме ср. рода).

Гадба, сматри, шесть прашло (Ряз.).

Да хунта три, матри, пайдёт (Ряз.).

Тады была всяко там семь дварба, в Амосове-то (Ряз.).

Взять у маю — летось шестсот трудён ей было (Ряз.).

Три яйця лежит (Вол.).

Три пива было сварено (Вол.).

Два яйця розбито... (Арх.).

¹ Форму жен. рода сказуемого здесь, как и в некоторых других примерах из южновеликорусских говоров, следует объяснить разрушением в этих говорах категории ср. рода. Согласуемые слова при соответствующих существительных ставятся в форме жен. рода. Такие слова, как *много*, *мало* и т. п., не относящиеся ни к какому роду и потому «стребующие» от подчиненных слов формы ср. рода, в южновеликорусских говорах очень часто встречаются с глаголами в форме жен. рода.

О бережок — три избы́ стоит там (Арх.).

Тогда деревня у нас сгорела, хоть не вся, а шесна́цять домов сгорело (Арх.).

Оно раньше-то было у нас три жерди (Арх.).

Домов шесъ прибыло (М.—Ш.).

Ту же зависимость формы сказуемого от характера значения подлежащего и сказуемого находим и тогда, когда подлежащее выражено словосочетанием из собирательного числительного и существительного в род. падеже.

Их было три — дятлы́шков (Ряз.).

У дб́цери двоё детей уж роды́лоси (Арх.).

А овёцек по одно лето семеро было (Арх.).

Привезено двои ботинки (Арх.).

Дак их трое́-то прибежали (Арх.).

Нас пришло четвера... (Мат. 1923 — Пск.).

Тут праили дво́ја молаца (Шахм.—Лек. гов.).

Вместе с тем встречаем в одном и том же говоре:

Осталось трое́ детей-то (Арх.).

Цетверо детей оста́лоси, а муж по́мёр (Арх.).

Итак, достаточно устойчивым является употребление формы ед. числа сказуемого при подлежащем, заключающем в себе понятие неодушевленного предмета. Это следует объяснить тем, что группа таких предметов мыслится по отношению к «совершенному» ими действию как нечто единое, нерасчлененное (несмотря на физическую множественность), между тем как группа предметов одушевленных в тех случаях, когда им приписывается какое-либо активное действие, вызывает представление о множестве отдельных производителей действия, хотя бы и объединенных в одно целое. Если же группе одушевленных предметов приписывается пассивное состояние (бытия, присутствия, появления, исчезновения и т. п.), то и она представляется как нечто целое, нерасчлененное. Впрочем, как было отмечено, устойчивость этого принципа частично уже поколеблена.

2. Если подлежащее выражено одним числительным, количественным или собирательным, то сказуемое обычно ставится в ед. числе (и, следовательно, в соответствующих случаях, в ср. роде). Это в первую очередь относится к сказуемым, имеющим значение «существовать», «присутствовать» и т. п.

Две была́ (Ряз.).

Трое́ была́ (Ряз.).

Одного медвѣ́дя-то убили, а три-то ушло (Арх.).

На моём веку дале́ два тут только было (Арх.).

У нас было у родите́лѣв семеро (Арх.).

Любопытен следующий случай, свидетельствующий о том,

что полной устойчивости в рассматриваемой области все же нет:

Два потонуло, два вовсе потонули (Арх.).

Колебания видим при подлежащем, выраженном словом *много* (*немного*). Когда имеются в виду живые существа, преобладает мн. число сказуемого, когда неживые — сказуемое ставится в форме ед. числа.

Сейчас-то нямно́го остались (о людях; Ряз.).

Но:

Много ли ходит? (о людях; Арх.).

Прибито много (солдат; Арх.).

У нас и пригорело много тóтотки (о домах; Арх.).

Различий по говорам в области явлений, рассмотренных в п. 1, повидимому, не наблюдается.

Форма числа сказуемого при подлежащем, выраженном собирательным существительным

Под собирательными здесь имеются в виду такие существительные, которые обозначают совокупность единичных однородных предметов. Кроме существительных знаменательных, в этой роли могут выступать также местоименные существительные (обычно *кто*), поскольку они способны указывать не на один, а на множество однородных предметов.

Как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах в подавляющем большинстве случаев сказуемое при таких подлежащих ставится во мн. числе, если подлежащее обозначает совокупность предметов одушевленных. Если же оно обозначает совокупность предметов неодушевленных, то сказуемое большей частью ставится в ед. числе.

1) Подлежащее обозначает совокупность предметов одушевленных.

Бригада придуть (Ряз.).

Плывина разбѣлѣсь (Ряз.).

Народ с трибáми шли (Ряз.).

Народ-то под барами жили (Ряз.).

У нас бальшáя цѣсть ўголь жѣли там бывало (Ряз.).

Вся Масква хранили (Ряз.).

Младѣжь собралися (Ряз.).

Неделя прашилá, яво собрáние смястѣли, прѣсядáтеля-то (Ряз.).

Каждая девка сот по пять денѣх привязлѣи (Ряз.).

Хто дадутъ, хто не дадутъ (Ряз.).

Какой мужик пáшот, кто борóнят (Вол.).

Лесная-то стража были слабые... (Вол.).

Сидять фся се⁴мья (Петр.—Ряз.).

З'б'ёулиси фся се^ало (Петр.—Ряз.).

Целый карагод идутъ (Петр.—Ряз.).

А нивестина робня гулять приходють (Кар.—Греб.).

Ходятъ веть скотина-та (М.—П.).

Половина деревни ходили в этой одеже (Ав.—Тер.).

Вся деревня ходили поправили (М.—Ш.).

Молодеж все ходили ко мне (М.—Ш.).

Тут фся изб^а над ней заплачють (Гв.—Пенз.).

Кто говорятъ — украли, инё говорятъ, штё никуда дев^а-лиси (Вол.).

Я как сюды пришла, не т^анивали никто (Арх.).

У нас кто стар^аеи — зимой ловят... (Арх.).

Хто какую работу робятъ (М.—Н.).

Хто в кузницах куютъ (Черныш.—Б.—М.).

Но:

Наша скатина п^агибаетъ от н^уде (н^уда — насекомые: комары, оводы и т. п.; Ряз.).

Плывётъ стадо л^абяди^нское (из песни; Ряз.).

Табун-то идётъ — видаетъ? (Ряз.).

По поводу приведенных примеров следует сделать несколько замечаний:

а) Подлежащее со значением собирательности может выражаться сочетанием существительного с прилагательным: *больша^я ц^асть, вся Москва, кажная девка*.

б) Прилагательное, являющееся определением при подлежащем с собирательным значением, всегда полностью согласуется с существительным, т. е. всегда ставится в ед. числе, между тем как прилагательное, входящее в состав сказуемого, ставится во мн. числе (*Лесная-то стража были слабые*). Что касается предложения *Молодеж все ходили ко мне*, в котором *все* стоит во мн. числе, то это не противоречит сказанному, потому что здесь *все* в равной мере тяготеет к сказуемому, как и к подлежащему. Очень возможно также, что говорящий между словами *молодеж* и *все* сделал паузу¹, — тогда предложение приобретает совсем иной структурный характер и имеет примерно следующий смысл: «Что касается молодежи, то все ходили ко мне» (в этом случае *все* является субстантивированным прилагательным, ни с каким существительным не согласованным).

в) При всей устойчивости описанного здесь явления встречаются колебания, причем, оказывается, они возможны в пределах даже одного предложения; ср.: *Кто хб^ая* (мн. число),

¹ Пример этот взят из записей Мансики, который не указывает, как было произнесено предложение с точки зрения ритмомелодической.

Кто в лодке идѣ (ед. число; Арх.), *У нас кто старѣѣи* (ед. число) — *зимой ловят* (мн. число; Арх.).

2) Подлежащее обозначает совокупность предметов неодушевленных.

Мать моя видела в сонном видении, что деревня горит (Вол.)¹.

Нуко в саму пасху деревня сгорела (Вол.).

И пашанѣ былѣ и мукѣ (Ряз.).

Но:

Сей год как было, и как будут лес, все побегут (здесь лес — лесные материалы для сплава; смысл предложения: «Если в нынешнем году будет так, как было в прошлом, то все побегут на лесные разработки»; Вол.).

...Когда идут лес (т. е. когда по реке сплавляются деревья; Вол.).

Выплывали стружка (Раст. — См.).

Форма числа сказуемого при подлежащем, обозначающем лицо, которое заслуживает особого уважения

Изредка (примеры имеются из южновеликорусских говоров) при таких подлежащих сказуемое имеет форму мн. числа.

Вот он призывают маму (Петр. — Ряз.).

Форма числа и рода сказуемого при слитном подлежащем

При слитном подлежащем, представляющем собой сочетание однородных существительных в ед. числе, сказуемое, как правило, имеет форму мн. числа. Однако не редки случаи, когда сказуемое согласовано с ближайшим подлежащим и стоит в форме ед. числа и в форме рода ближайшего подлежащего.

Приехал старшина и писарь (Арх.).

Гнуса и мошка одолела (Арх.).

От мужа наоставалась скотина да и, денег да и (Арх.).

Дак не убрано окошко и стена дак (Арх.).

Мельница и съмапѣлка былѣ (Ряз.).

Тавар и всё былѣ (Ряз.).

РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

НЕПОЛНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Термин «неполные предложения» употребляется здесь в общепринятом значении². Отнесение того или иного предложения

¹ Примеры эти приводятся в предположении, что подлежащие в них могут быть сознаваемы как совокупность однородных предметов.

² Наиболее приемлемое истолкование понятия неполного предложе-

к неполным не должно быть истолковано как признание того, что такие предложения в каком-либо отношении неполновесны или даже дефектны. Предложения, которые далее будут рассматриваться как неполные, в тех речевых условиях, в которых они употребляются, полностью выражают то, что хочет сказать говорящий. Но в данных условиях эти предложения должны и могут быть только неполными и, наоборот, «восполнение» сделало бы их лексически перегруженными, громоздкими и оттого, несомненно, более трудными для восприятия. Основным фактором, делающим не только возможным, но и нужным неполные предложения, является то, что отдельные части суждения (субъект, предикат и их составные элементы), находящие свое выражение в членах предложения, будучи один раз выражены, задерживаются в сознании говорящего и слушающего вместе со словом — их выразителем. Говорящий поэтому часто обходится без тех или иных из этих слов, произнося лишь те слова, которые выражают новые, ранее не выраженные члены суждения. Представления слов произносимых передаются сознанию слушающего несмотря на то, что самые слова отсутствуют в предложении. Способность слов русского языка формами согласования подчиненного слова указывать на грамматические черты подчиняющего слова, а падежными и предложно-надежными формами подчиненного слова указывать на характер вещественного значения подчиняющего слова значительно облегчает общение при помощи предложений, в которых нет налицо того или иного его члена, потому что он может мыслиться на основании контекста или каких-либо внеречевых условий, в которых протекает речевой процесс.

В обстановке живой диалогической речи, когда то, о чем говорится, обычно хорошо знакомо участникам речевого обмена, еще легче обходиться в предложении без некоторых, и даже и без многих слов, которые фигурировали в предыдущем предложении, а иногда и в более отдаленных предшествующих предложениях. Диалектная же речь, участники которой чаще всего принадлежат к одному и тому же социальному слою, более или менее равны по своему умственному развитию и ограничены определенным кругом представлений и интересов, в еще большей мере допускает такие предложения, в которых налицо только самые «необходимые» слова; всё же, что может быть понято на основании контекста и окружающей обстановки, не облекается в словесную форму.

ния содержится в главе XX («Неполное предложение») «Русского синтаксиса в научном освещении» А. М. Пешковского, изд. 3 и сл.

Под контекстом здесь понимаются не только составляющие текст лексические единицы, но также и формы наличных слов, указывающие на связь данных слов с другими словами, и ритмомелодическая сторона речи, могущая в известных случаях «подсказывать» слова, не употребленные в предложении.

Для установления типов неполных предложений правильнее всего исходить из того, какой из членов отсутствует в предложении. В говорах встречаются следующие типы:

С отсутствующим подлежащим

а) При сказуемом, выраженном 3-м лицом глагола.

*А внука там я оставила, **кричит*** (Ряз.).

*Паренёк е, в уцѣлисеѣ **ходит**, конь второго год* (Арх.).

б) При сказуемом, выраженном прош. временем глагола. Несмотря на то, что форма прош. времени может относиться ко всем трем лицам, отсутствие при ней подлежащего наблюдается чаще, чем при форме 3-го лица. Объясняется это, вероятно, тем, что самая форма прош. времени встречается чаще, нежели форма 3-го лица (именно потому, что она относится ко всем трем лицам).

*Там-то у мене знакомые, у **кавѣ** жила* (Ряз.).

Потусьмели — желтые (о грибах; Ряз.).

*Она **взе**ла **притащи**ла... **Прибаўт**ки **вѣ**ле^{ла} **петь*** (Петр.—Ряз.).

*Он **сѣ**л **еѣ** **рып**'ки **кў**минай... а^{на} **е**'му **пандра**вила^{сь}.*

***И** **пашо**л, **пашо**л, **паша**пил^{си}* (Петр.—Ряз.).

*Топерь их нет: **уш**ли, **на**до, в **больш**иѣ **остров**а* (Вол.).

*Так **третьей**-то **нету**: **пѣ**мѣ^рла* (о дочери; Арх.).

в) При составном сказуемом (с различными типами присвязочного слова).

*Вышла за мужика-то за хорошего: **на** все **ру**ки **бы**л **ма**стер* (Арх.).

*Ямў **дѣ**лякѣ **хад**ить **н**ельз^я: **х**ра^бѣй* (Ряз.).

*Явѣ **з**ватъ **Сан**ькой — **ба**льш^ѣй, **ха**рб^ѣш^ѣй* (Ряз.).

*А он не идѣ: **та**кой **озор**ник **да**к* (Арх.).

*Я с **Берез**ова — **от**суда **дру**г^ѣ **дер**ев^ѣя* (Вол.).

Как можно заключить из приведенных примеров, основным фактором, обуславливающим неполноту предложения (отсутствие подлежащего), является наличие существительного, обозначающего предмет, который играет роль субъекта, в окружающем контексте, или же наличие такой реальной обстановки, при которой как говорящий, так и слушающий могут мыслить в качестве субъекта только один определен-

ный предмет. Формы рода и числа (а в известных случаях и форма лица) сказуемого способствуют укреплению в сознании говорящего возникающего представления субъекта.

С отсутствующим сказуемым

а) Сказуемым должно быть наст. время глагола, обозначающего существование, пребывание. Таким глаголом в говорах является только *быть*. Однако неупотребительность наст. времени от этого глагола приводит к отсутствию сказуемого в соответствующих предложениях. Факт отсутствия сказуемого (при наличии *был — буду* для выражения прош. или буд. времени) воспринимается как показатель наст. времени.

Какое вам дело обо мне? (Раст.—См.).

Тамока́ вся родня́ (Вол.).

Сено-то далеко́, там и мецем стога́-те (Вол.).

Два дитёнка остались: одному сёмой год, а Маринке той третий (Вол.).

Дома-то пётеро, шестой в службе (Вол.).

В ба́тька парнишко (Вол.).

У мамы ноге лих (т. е. повредила ногу; Вол.).

Брат у меня на Украины один (Арх.).

У реки кладбище, за леском (Арх.).

Цетверо детей, семейство большое у учителя-то (Арх.).

Где утиральники-то у нас? (Арх.).

У нас повсёгодно морозы (Арх.).

б) Сказуемым мог бы быть глагол, смысл которого улавливается на основании смысла всего контекста, а также на основании лексического и грамматического значений слов, непосредственно «окружающих» то место, где мог бы стоять глагол.

Бывало из избы он, сын-то мой, а она́ ко мне (в первом предложении сказуемый мог бы быть глагол со значением «выйдет»; во втором предложении — глагол со значением «подождет»; Ряз.).

Но́ги у няво́ стала пѣднимать — не пѣдниму́, я за наро-дом (Ряз.).

Ницотъ дома не живетъ: все́ на́ реку да на́ реку (Ряз.).

Народ лму́ пац'тенъе: все шапки снимали, г'лавно́й прибор (Ряз.).

Ну вот сейчас мать уходит, я яво́ таплёным жла-кбм (Ряз.).

У тебе п'яснийца, у мене г'рудь, г'лава́ (Ряз.).

Я испуцалась и скарей г'двери, девочку бабой за руку, штоб убичь (Петр.—Ряз.).

Я ему и вина и закуски (Петр.— Ряз.).

Невѣстину жониху, а жонихѣ невѣсти (Вол.).

Серпы хватили, да на полюсу (Арх.).

Мильку-то пасады в кровать, а сами пісни (Арх.).

Топор за пояс, да ушла (Арх.).

Коней угонят иножды всех в вывозку, дак пешком (Арх.).

Туда-то по воде, а взадь-то пішо (Арх.).

в) Сказуемым мог бы быть глагол или сочетание слов, являющееся сказуемым в одном из ближайших предшествующих предложений.

Я ераз пъялѣ это касить, а снахѣ никак (Ряз.).

С батогом-то ведь выйду, а без батого-то никуда (Арх.).

Меня не буде, дак станут меня вспомянуть: мать — де-тѣньшиа, а жона—мужа (так говорил сын, уходя на войну; Арх.).

Туды мы рѣкѣй на лодке — дома лодку купишь ар-телью да туда до парохода їдишь (в данном случае неполнота первого предложения поддерживается двумя факторами: содержанием того, о чем говорилось в предыдущем предложении или в предыдущих предложениях, и опорой на сказуемое последнего предложения — їдишь; Арх.).

Добры люди до меня были, и я до людей была (здесь «опущено» только присвязочное слово — оно есть в первом предложении; Арх.).

С отсутствующими двумя или несколькими членами предложения, в том числе и второстепенными

Факторы, вызывающие неполноту, — те же.

... Ли их парень, ли сусѣдов (Ряз.).

А то енти тады гада памнѣу (было снегу; Ряз.).

Бабы абыурывають: каждому чилавеку разным песни (Петр.— Ряз.).

Замѣшнїи на бѣдням мы нѣсим, по дѣму; миткаль-выи — на прѣзньникам (Б.— Т. О.).

Шуба да кафтан зимой не скинались, и вѣсной тѣжѣ (Арх.).

На дороге-то на самой, кресцѣным пройти-то никак (на полу были разбросаны мешки; Арх.).

«Неполнота» предложения может носить и такой характер, что, будучи взято вне контекста и без учета ситуации, высказывание либо может быть понято превратно, либо вовсе не может быть понято. И таких неполных предложений в диалектной речи много.

Мойу поў там, ил'и картошку (Ленингр.—Д. К., № 132).

Привезли сёвбды облка-то, бабу-то ничово, только она кинулась, палиц ёму уткусыйя (Б.—Ряз.).

У Бимёрских так—прудок: одна грёсь: только свинныйм (Б.—Ряз.).

Туды пайдёти: учётель-ть тут, и ж жанбй, и с матирью (Д.—Кал.).

Ванюхи из бэранки дал, танёръ Хвидюхи (Д.—Кал.).

Ат абжб'и картошку трём сыр'я: жёр вынимать (Б.—Т. О.).

«Минимально краткие» неполные предложения особенно часто находим в ответах на вопросы. Нередко ответ на вопрос состоит всего-навсего из одного слова — того, которым заменяется вопросительное местоимение или знаменательное слово вопросительного предложения, составляющее центр вопроса.

Пилить, а где абызы вазить (ответ на вопрос: «Чем можно заниматься в деревне зимой?»; Ряз.).

Олександром да, да Григорём, да Миколаём да... (ответ на вопрос: «Как зовут сыновей?»; Вол.).

Топерь у вас корова, лошадь. А кто составил? — Петрушко (составил — нажил; Арх.).

— Сын-то куда уехал? К теом детям? — Да, ска, к моим (Арх.).

— Три года, зимой была именинница (ответ на вопрос: «Сколько лет девочке?»; Арх.).

На день — много ли еды мне надо? Немножко (Арх.).

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Под вопросительными понимаются здесь такие предложения, в которых говорящий задает прямой вопрос слушающему. На всякое такое предложение-вопрос ожидается предложение с ответом, что, однако, не значит, что ответ действительно всегда следует за вопросом. Мало того, существует особый вид вопросительных предложений, ответ на которые предполагается известным как говорящему, так и слушающему и самая вопросительная форма которых (о некоторых особых чертах таких предложений см. ниже) используется для категорического утверждения какой-либо мысли, сопровождаемого сильной эмоцией. (Этот вид вопросительных предложений, как известно, носит название риторического вопроса.)

Общим характерным признаком вопросительных предложений всех видов является специальная, так наз. вопроси-

тельная интонация (всем хорошо знакомая и потому здесь не описываемая). Посредством значительного повышения тона в вопросительном предложении обычно выделяется то слово, к которому, собственно, и относится самый вопрос, т. е. то слово, которое может составить содержание положительного ответа в форме неполного предложения. Во всех говорах наблюдается употребление предложений самого различного типа, сопровождаемых вопросительной интонацией и в силу этой последней воспринимаемых в качестве вопроса.

Куры есть? (Ряз.).

Не купили платёнки-то у ней? (Ряз.).

Выйти не можно? (Ряз.).

Вы грамотная? (Вол.).

Не видали? Сватко не пришёл домой? (Арх.).

Замравила варька-та? (т. е. понравилось ли сваренное?; Арх.).

Ты со Стёпой вмястях живёшь хлебом-то? (Арх.).

Иногда в начале предложений, которые произносятся с вопросительной интонацией, употребляется слово *что* (*что же*), отделяемое от основной части предложения небольшой паузой и произносимое с несколько ослабленной самостоятельной вопросительной интонацией. Таким образом, это *что (что же)* является в известной мере отдельным предложением, роль которого — предупредить слушателя о следующем непосредственно за ним вопросе.

Што, брат, мам, не узнала, бат, меня? (Вол.).

Штё же, ровно одна девоц'ка у ёво-то? (Вол.).

Што тьяльна ваша карова или займвила? (Хал. — Курск.).

В тех случаях, когда одними интонационными средствами говорящий не может удовлетвориться при задавании вопроса, так как ему, кроме самого вопроса, нужно еще выразить свое собственное отношение к тому, о чем идет речь, а именно — показать, что он ожидает скорее отрицательного ответа на свой вопрос, в предложение вставляется одна из следующих вопросительных частиц: *разве (разе)*, *неужели неужто*. Частица обычно примыкает по смыслу к сказуемому, хотя ставится большей частью в начале предложения. Нередко повышение голоса делается на вопросительной частице.

Разве так-то можно? (Ряз.).

Разве вылезешь семьдесятлетнего? (Ряз.).

Айди работник работает, ну вот разве это хватёк? (хватёк — достаток; Ряз.).

Да с нашим обизвём разве што подеілаеш? (Вин. — Костр.).

Дак учителю сын, дак разве худой будё? (Арх.).

Утром я встал. *«Неужели куниц»* мне попало в колбдези?» (Арх.).

Муж умер, *бака неужто* не умию? (причитать; Арх.).

Когда необходимо особо выделить какое-нибудь слово (или группу слов) в вопросительном предложении, при этом слове ставится частица *ли*; в таких случаях выделяемое слово чаще всего не имеет на себе повышения тона, а лишь произносится с некоторым напряжением и, иногда, замедлением. Вопросительные предложения с частицей *ли* чаще встречаются в северновеликорусских говорах.

Каб мать-то была, дала ли она тебе так валяйи? (Ряз.).

А ведь овёчке много ли надо? (Вол.).

На день много ли еды мне надо? (Арх.).

Тут-то не наша ли тётка идё? Ей бы сюды созвать (созвать — позвать; Арх.).

Мама, полуцяшь ли пензию за Олёшу-то? (Арх.).

Брат-от дом не продавал ли? (Арх.).

Близки к таким предложениям встречающиеся в некоторых северновеликорусских и южновеликорусских говорах вопросительные предложения с частицами *ай*, *аль*, *или*, а в говорах, пограничных с украинскими и белорусскими, предложения с частицей *чи* (*ти*).

Ай ану́чку жавёя, чинуху зародиш (Хал. — Курск.).

Да што такб́о ты, али разны́е мы свем́и? (Горьк.).

Аль цялавать, думьитя, ён ваз буди? (Д. — Кал.).

Или я вам не бо́льная? (бо́льная — дорогая, близкая сердцу; Кар. — Мозд.).

Ван'к'а, чй́ эта ты зд'елал? (Гр., VII).

Чи у вас там ду́же сыра? (Гр., VII).

Совершенно иной тип представляют собой вопросительные предложения, в которых один из членов выражен вопросительным местоимением (существительным, прилагательным, наречием: *кто*, *что*, *сколько*, *какой*, *почему*, *где*, *когда* и т. п.). Обычно эти местоимения являются теми словами, которые несут на себе основной «груз» вопросительности; поэтому характерное вопросительное повышение тона, большей или меньшей степени, обычно и приходится на них.

1) Предложения с местоимениями *кто*, *что* в разных падежах.

За кого ты пойдёшь? Сказывай (Вол.).

Пётра, ну што ж ты хочешь делать-то? (Ряз.).

Што в газетах пишут нын про войну-то? (Арх.).

Я пришла, ска: Што тебе нужно? (Арх.).

Цяб ты криком вазьмёшь? (Ряз.).

А цяб на петёрку вазьмёшь? (Ряз.).

— Тётушка, пойдём к нам. — А *цёго у вас сделалось-то?* (Арх.).

По штё ити-то? (по штё — зачем; Вол.).

2) Предложения с местоимениями *что, чего, пошто* (преимущественно в северновеликорусских говорах), иногда *чем* — в значении наречий причины, цели.

Ты мне што не сказал? (т. е. почему не сказал?; М.—Ш.).

Што не шевелитсе? (т. е. почему не шевелится?; М.—Ш.).

Баб што рано сегодня опустили? Не метали? (опустили — отпустили; Арх.).

Марьюшка, ты што не заперла избу-то? Мушито летя? (Арх.).

Вы што як торопитесь? (Арх.).

Во всех приведенных примерах *что* имеет причинное значение. Иногда оно близко по значению к *зачем*.

Ты што под ногами роешь? Надо опазать (опазать — вымести пыль, мусор; Арх.).

Ты што в дверь бѣтаешь? (т. е. стучишь; Д.—Без.).

Местоимение *чего* не имеет такого отчетливого значения.

Да цѣво тут сижу? Дати плятѣ вот (ответ на вопрос: «Что ты тут делаешь?»; Ряз.).

Подружка, ты цёго рыцѣиш-то? (Арх.).

Чевѣ сѣсси не ф сваю дѣла? (Кар.—Мозд.).

Чевѣ ты целай день вѣду-то гложчишь? (т. е. пьешь большими глотками; Кар.—Мозд.).

Чисо ты забрѣда слоняишся? (забрѣда — бродяга; Кар.—Мозд.).

Ну чевѣ закосогорилси? (т. е. разозлился; Кар.—Мозд.).

Во всех приведенных примерах и вообще в подобных случаях *чего* объединяет в себе оба значения: и причины, и цели: *чего рыцѣишь?* может обозначать «почему ты это делаешь и какую этим своим действием преследуешь цель?» Сочетание двух значений — предметно-объектного и причинного — находим в следующем предложении:

Цёго бойѣи-то? Вот так дѣска! (т. е. какой предмет или какое явление внушает тебе страх, и почему ты испытываешь страх?; Арх.).

Чисто причинное значение имеет *пошто* в следующем предложении:

Пошто плачѣ? (Арх.).

Оттенки двух значений — причины и цели — совмещают в себе *пошто* в следующих предложениях:

Я ска, пошто ты берѣишь? Шѣсь рублей как в воду выбросила (Арх.).

Козыри буѣи, а ты крестовую краю пошто кроѣиш вниями? али бубей-то нѣту-ка? (Лук.—Перм.).

Причинное значение находим в местоимении *чем* в следующем предложении:

Цем плохо растёт? Потому што назём много требует (т. е. почему плохо растет; Вол.).

3) Предложения с местоимениями *где, куда, отколь, когда, почему, как, сколько, какой, кой, колькой, чей*.

Ну где же в эту избушку прайтить? (Петр.—Ряз.).

Где ей дом-от построили? (Арх.).

Ты где, Овдотья, ягод-то берёшь? (Арх.).

А Иван-от где? (Арх.).

Сын-от куда уехал? (Арх.).

Ты отколь ехал-то? (Арх.).

Он спрашисаить у мамы: «Кады ве́нча́а будим ф какое число?» (Петр.—Ряз.).

Олександра, вы ко́гда по́йде́тё? (Арх.).

По́чему так де́шево-то жало́ванье было? (т. е. почему платили такое небольшое жалованье? Арх.).

Как в садик-от пойдешь? (садик — детский сад; Арх.).

Ой, Пётрушко, как я де́лѣа стану? (Арх.).

Тебе ко́лько надо рыбы-то? (Арх.).

Какой мы го́д са́шли в калѣ́з-то? (Ряз.).

Какая эта ма́лаб? (Ряз.).

А у тебя кака бе́да-то, бра́телко? (Арх.).

На кой оны ну́жны, пи́сни-ты? (Арх.).

Ко́лькой год у нас Ка́теринушке? (Арх.).

Ця́ это ло́вья? (ловья — женщина ловец рыбы; Арх.).

В качестве специальной вопросительной частицы встречается слово *нук* (*нука*), значение которого близко к *что если*.

А нук на лето уради́ѣи рыба? (Ряз.).

Аны́ байѣи: мужуки приду́ть, заку́рять — нука суи́шь? (т. е. если из-за суши делается пожар?; Ряз.).

Особый тип вопросительных предложений представляют собой встречающиеся в южновеликорусских говорах трафаретные по лексическому составу предложения — ответы на вопросы. Эти предложения характеризуются весьма слабой вопросительной интонацией и обозначают отрицательный ответ, если в их состав входит сказуемое без отрицания, и положительный ответ, если в их состав входит сказуемое с отрицанием или если в них сказуемое отсутствует вовсе.

А то нешто напи́шут? (т. е. не напишут; Ряз.).

А то нешто сты́дно? (т. е. не стыдно; Ряз.).

А нешто бы́ла? (т. е. не была; Ряз.).

— *Ты помни́шь ее?* — *А то не?* (т. е. конечно помню; Ряз.).

— *Учи́тся он в шко́ле?* — *А то нешто?* (т. е. конечно учится; Ряз.).

Иногда такой ответ может быть дан в добавление к полному ответу.

Бувала, а то рази? (Ряз.).

— *Есть у тя другая лошадь? — Очём нет, есть (Подв.—Арх.).*

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Под восклицательными здесь разумеются такие предложения, которые произносятся со специфическим повышением тона на одном из слов, резко отличающимся от повышения в вопросительном предложении. Повышение тона в восклицательном предложении имеет относительный характер, т. е. оно устанавливается из соотношения с высотой тона в других слогах того же слова и в слогах соседних слов. Наряду с повышением тона известную окраску, входящую в состав понятия восклицательности, создают также и несколько усиливаемое напряжение голоса и изменение тембра его. Ни в коем случае в понятие восклицательности не входит усиление голоса, т. е. громкость произношения: слово может быть произнесено без всякой восклицательной интонации и в то же время очень громко, и, наоборот, оно может быть произнесено очень тихо и в то же время с восклицательной интонацией.

Восклицательность предложения имеет одну основную функцию — выражение чувства, сопровождающего данное высказывание. Выражаемое посредством восклицательной интонации чувство может обуславливаться различными переживаниями — недовольством, удивлением, радостью, нетерпением и т. п., — которые находят выражение главным образом в лексике предложения и лишь частично — в различных деталях восклицательной интонации (здесь степень напряжения и тембр голоса играют весьма важную роль).

Восклицательные предложения, как и вопросительные, могут характеризоваться либо одной только восклицательной интонацией, либо восклицательной интонацией и специальными словами, вносящими в предложение оттенок восклицательности.

В первом случае возможны два основных варианта:

1. Состав предложения со стороны порядка слов и форм слов не содержит ничего специфического, имеющего отношение к восклицательному характеру его.

Галдо: «Жанись! Жанись!» (Ряз.).

А ведь мужик-от у миня ничево: рббитъ ишшб дюжой, натужной! (Мат. 1910 — Перм.).

А зови-ка ей сюда! (Арх.).

Делайте, говорит, вы гроб да кладите меня в гроб — не могу больше! (Арх.).

У нас — колько? — шесть музиков умёрло одного года, и музики все здоровые! (умерли во время эпидемии; Арх.).

2. Измененный, так наз. обратный порядок слов¹, приводит к постановке какого-либо члена или группы членов предложения на «необычное» место, чем создается предпосылка для интонационного выделения такого члена или группы членов; такая же предпосылка, но уже почти с неотвратимой обязательностью, возникает в безличных предложениях, в которых при главном члене предложения стоит существительное в род. падеже, обозначающее, что данный предмет находится в большом количестве.

Был базеньской купец', так первой гильдии купец' был! (инверсия выдвигает на первое место слова *первой гильдии*, что наряду с повышением тона служит для выражения «восклицательного» значения предложения; Арх.).

Смяху было! (т. е. сколько смеху было!; Ряз.).

На тебе было сватов! На тебе было женихов! (Арх.).

А денёк-то было халхито дак! (Арх.).

У старух-то рёву-то, у баб-то! (Арх.).

Специальные слова, вносящие в предложение оттенок восклицательности, бывают нескольких типов.

1) Междометия: *ах, ох, ой, о, ой-ой-ой, у.*

Ах ты глупой такай! (Ряз.).

Ах ты бесталбиная талкучика! (Ряз.).

Ох цай харбиш! (Ряз.).

Ана ох и красива была! (Ряз.).

А в дееках я жила — ой и много я ёбры видела! (Ряз.).

Около реке летось ой и рыбы тут было! (Ряз.).

У какая дранина у тебя сбруя-то! (Лук. — Перм.).

Как показывают примеры, речь идет о таких междометиях *ах, ох, ой*, которые входят в состав предложения наравне с частицами, придавая всему предложению в целом или какой-нибудь его части известный оттенок значения (в данном случае восклицательный). Эти *ах, ох* и *ой* следует отличать от таких, которые отделяются паузой и имеют собственную законченную восклицательную интонацию, являясь по существу самостоятельными восклицательными предложениями.

Междометие *ой* первого типа очень часто употребляется перед обращением.

Ой, ска, девки, девки, ума-то нет! (Арх.).

¹ Термин «обратный порядок слов» употреблен здесь в условном значении. О порядке слов см. ниже специальную главу, посвященную этому вопросу.

Как тут идут в деревню, барабан забарабанит: «Ой девки, медведя ведут!» (Арх.).

Ой Дунюшка, проклятой кусочек ем! (Арх.).

Ой, говорит, Марфа Петровна, я к тебе пришла, к старушке-то! (Арх.).

В сущности говоря, междометие *ой* (как и другие), стоящее при обращении, образует вместе с последним отдельное восклицательное вокативное предложение, однако восклицательность захватывает обычно и следующее за обращением предложение, как тесно связанное с ним по общему смыслу.

Междометие *ой* может, подобно междометиям *о*, *ой-ой-ой*, составлять отдельное восклицательное предложение, захватывающее своей восклицательностью следующее за ним предложение.

Как я иду, ой, большой озар! .. (Ряз.)¹.

Ой, я, батюшка, остарела с детьми! (Арх.).

Ой, говорит, дураки вы, дураки! .. (Арх.).

Трицать три года дома не бывал... а тут приехал. — «Ой, Иван Тимофеевич» приехал, Иван Тимофеевич приехал!» — все бежа смотреть (Арх.).

А учительница была, дак еще первой год учила, так приде: «Ой, я не могу с этими детьми!» (Арх.).

А каб ягоды, о, я б вас зкармила! (Ряз.).

Вечеринка соберёци, дак ой-ой-ой, господи! (Арх.).

Междометие *ой* может заканчивать собой предложение, и в этом случае оно также обладает значительной долей самостоятельности.

Ведь там у них кмарá — ой! (Ряз.).

Навезё рыбы-то, дак ой! (Арх.).

2) Местоимения — большей частью те же, какие употребляются в вопросительных предложениях.

а) При существительных *какой*, *экой* (второе — в северновеликорусских говорах), *такой*, *сколько*, *что* (в значении «сколько»):

Там Уральскими гáрами ездили — какие гóры-то! (Ряз.).

Какая пашлá смятенье! (Ряз.).

Муж-от был какой! (Арх.).

Како времецко пришло! (Арх.).

Погляну, погляну — эо диво у меня было! (Арх.).

Эка жара-то берё! (Арх.).

Мы были у смерти, дак ведь эо цудо пришло! (были у смерти — были на краю гибели; Арх.).

¹ В этом и дальнейших примерах междометие отделяется от следующего за ним предложения запятой в соответствии с пунктуационной традицией; по существу дела здесь уместнее был бы знак восклицательный.

Около себя-то был такой здоровяка! (Арх.).

Шесть лет на адной херме выжила — колькя премий полуцила! (Ряз.).

... Уж сто коров, одного крупного рогатого скота сто коров, а што нетелёй, што телят! (Арх.).

... А тут што было эжеребят да розъездных кбней! (Арх.).

Для усиления восклицательности к местоимению прибавляется частица *вот*, *вон* или *ишь*; из них первые две иногда имеют дополнительный оттенок указательности (указание на то, о чем говорилось ранее):

Вот какая эжисть анá была! (Ряз.).

Анб́ вон каки, пяскí! (Ряз.).

У них земли вон кольки было! (Ряз.).

Теперь-то вот сколько эжителёв! (Арх.).

Вот кака была уценья! (Арх.).

Вот какой был Миколай-от Ивановиц! (Арх.).

Дак вот какой орлопáн-то попал! (Арх.).

Вот кака время пришла лихая! (Сол.—Д. к.).

Нет, ты пади пажнйся — табё дадут, ишь лодырь какая! (Ряз.).

В́итер-то ишь какой холодной в́ё! (Арх.).

Примерно то же значение имеют при существительном слова *вот это*.

Приносила мне летось де́йка с Шатуровки — вот это табак! (Ряз.).

б) При прилагательных *такой*, *этакий*, *коль* (в значении «насколько», «какой»):

А с той поры и незамог, и незамог, и вёсной ўмёр, — такой был матери́стый мужик! (Арх.).

А у него висит фост-от, дак этаккой висит дблогй (у змея; Арх.).

У меня золовка эка была здоровая! (Арх.).

Ой, как у них фосты-то, коль долги! (у лисиц; Арх.).

в) При наречиях — *как* (в южновеликорусских говорах), *коль* (в северновеликорусских):

Как было мне об́идно хад́ить на суд-то! (Ряз.).

Подружки-то знакомые придут, дак коль вёсело! (Арх.).

Коль вы далёко выбрались! (Арх.).

Усиление посредством частицы *вот* и т. п. возможно и при прилагательных и при наречиях.

Пожáр летось вон какой зд́гравя́щий! (Ряз.).

Вот как было досáдно мне! (Ряз.).

г) При глаголах *как*, *эк*, *доколь*, *столь* и т. п.

Местоименное наречие может иметь здесь два оттенка: оно может выражать изумление говорящего, вызванное действием, о котором идет речь, но может, когда сочетается с личной

формой глагола совершенного вида или с глаголом однократным, выражать, вместе с глаголом, реакцию говорящего на неожиданно для него совершившееся действие.

Как он в лисях на медведицу-то попал! (Арх.).

Снег растаял, а трава эж шатáеи от ветру! (Арх.).

Как яб за шарт тáгнула! (тáгнула — схватила; Ряз.)¹.

Морозы-то стояли доколе! (Ряз.).

Даколь сошла жила! (т. е. как долго жила и сошла; Ряз.).

В некоторых северновеликорусских говорах в значении «вот как», «вот какой» при глаголах в восклицательных предложениях употребляется *нуко*.

Выходные дни дают — нуко весéльствуют! (весéльствуют — веселятся; Ряз.).

Нуко мой-от мужицёк пойдёт маленькой! (Вол.).

Раньше-то у нас нуко был председатель! (Вол.).

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Под отрицательными понимаются такие предложения, в которых утверждается отсутствие чего-либо: действия, состояния, признака, которые могли бы быть приписаны субъекту; лица или предмета, которому могло бы быть приписано действие или признак, и т. п. Типы отрицательных предложений, встречающиеся в говорах, разнообразны. В тех случаях, когда отрицательное предложение является ответом на вопрос или возражением, оно может либо представлять собою обычное предложение с отрицанием при сказуемом, либо выражаться словом *нет*, либо представлять собою сочетание предложения, состоящего из одного только слова *нет*, с предложением, следующим непосредственно за ним и представляющим собой конкретный ответ на вопрос.

— *Дети были у вас?* — *Нетъ годов дети не были* (Арх.).

— *Сеют у вас ячмень?* — *Нонце ровно как нет* (Вол.).

— *Нет, анá ныне небáльшóй снег был* (Ряз.)².

А я: «Нет, ни нужна» (Петр.—Ряз.).

Нет, без раны убило (Арх.).

¹ В народных сказках восклицательные предложения с *как* при глаголах совершенного вида очень часты:

Собаки как выскочат из мешка-то да за нею (Аф. Ск., I, 24).

Вот он крепился-крепился, да как хватит на каждую лапу по волку... (Аф. Ск., I, 45).

Кот услышал эти речи, как бросится с печки да бегом к барану в хлев... (Аф. Ск., I, 44).

² В этом и следующих примерах с предложениями данного типа вопрос не приводится.

— Ты худая, говорит, помрёшь. — Нет, не худая, не помру (Арх.).

Нет, Матрёнушка, тут никто не лосит век свой (Арх.).

Слово-предложение *нет* иногда ставится на втором месте, — в таких случаях оно служит для подтверждения, подкрепления отрицательного ответа, содержащегося в предшествующем предложении, всегда отрицательного и по форме.

Расштой не было у нее, нет (речь идет о расшитой рубахе; Ряз.).

В тех случаях, когда отрицательное предложение не имеет специфических черт ответа на вопрос, оно характеризуется обычно отрицательным сказуемым, причем здесь имеет место ряд своеобразных структурных особенностей.

Обычным являются отрицательные предложения такого рода:

Вы нужду не видали (Петр.—Ряз.).

Лампы ни брала (Петр.—Ряз.).

Ни найдем никакую деревню (Петр.—Ряз.).

Вады ни есть канцу (Петр.—Ряз.).

Я табё врядь не делал (Ряз.).

Ой, братушко, на ногу-то не урони (обращение к мальчику, несущему топор; Арх.).

В северновеликорусских говорах широко распространено употребление в отрицательных предложениях многократного глагола-сказуемого. Эта глагольная форма придает отрицанию усиленный характер, посредством ее говорящий утверждает, что данное действие ни разу не было совершено.

Дамно́ уж не бывало письма (Вол.).

Тот ноне дамно́ не псывай (Вол.).

Плати́лка на голову не даывала мне (Вол.).

Сын не ёживал на худых ко́нях (Арх.).

А не бывала я никуды, дале своих деревён никуды не бывала (Арх.).

А ницем, сохрани господи, не ба́ливала есцё (Арх.).

Век не бивал, не пожа́лиси, что у мужа бива́та была (Арх.).

А как сюды пришла, не та́нивали никто (Арх.).

Е́то сига не ќшивал, тот рыбы вкусу не знаё (Арх.).

Я хоть небольшо́я́ была, а крепка́я, в век свой не ле́живала (Арх.).

Да́ю браких трай не б́вало (Вин.—Костр.)¹.

¹ Как известно, эта конструкция очень часто встречается в памятниках XVI—XVIII вв. с той же функцией категорического отрицания: ...У посмыльных людей, которые посланы были по него Алешку, он Куска не отбивывал (Ф. Шакл).

А аз сирота твоёй государев Ивашко и батюшко мой у того Луки и у иных целовальников в долг государев питья не имели. . . (Акты, 62).

Если при отрицательном сказуемом есть два или несколько однородных членов, синтаксически с ним связанных, то при этих членах обычно повторяется союз *ни*.

Не могу ни пить, ни јисъ, ни спать (Арх.).

Нет ни лому, ни дому (Вол.).

Сказуемое *нет* в таких случаях может опускаться.

У нас ни столов, ни зеркалов (Вол.).

Иногда предложения рассматриваемого типа употребляются в расчлененном виде, что придает высказыванию эмоциональную окраску.

Эти шивески ни скраить ни умеють, ни шить ни умеють (Петр.— Ряз.).

В северновеликорусских говорах при отрицательных сказуемых, обозначающих существование, наличие, почти не встречается безличных оборотов, широко распространенных в таких случаях в южновеликорусских говорах.

Дамбѣ уж не бывало письма (редкая конструкция; Вол.).

Но:

Не была бы здесь школа, ему бы не ўчиваѣи (Вол.).

У меня вот сроду ни бывала папироска в роте (Вол. д. сб., I).

Там-то была больница, а тут-то не была (Арх.).

Не было ни от какого дети (т. е. ни от одного мужа не было детей; Арх.).

Соха нѣ была (Арх.).

Дѣдюшка дѣдѣть петь лет служил в салдатах — нѣ была война (Арх.).

Ежели, мамка, война не будет, дак ему год ставлѣн (т. е. осталось служить год; Арх.).

В девицях, большая уж была, ходила на вецѣрки, дак не была табачная душинка (т. е. никто не курил; Арх.).

Мы век свой выжили, у нас грех не был в доме (Арх.).

Ни зимой, ни летом не был отбыл ей (Арх.).

Уж не был муж-от, он приеѣжал в гось-то (т. е. он приезжал в гости, когда мужа уже не было в живых; Арх.).

Там по домам есѣ лавки были, по домам, а базар-то не был (Арх.).

Я как жить стала, не бывал такой мороз-от (Арх.).

Ср. в южновеликорусских говорах:

Такбѣ перькаслѣвѣя не было (перькаслѣвѣя — прекословие; Ряз.).

Так и пѣливають, ишоб пыли не было (Ряз.).

...И многих людей яз Микитка на поварне никого вином не пивал и по дворам вина никуде не разваживал... (Акты, 90).

...А яз Пронка у того Третьяка государева питья не пивал и напойных на себе не даывал росписей, и на батюшка своего напойных не ведаю и напойных не даывал (Акты, 127).

Не будет да́жѧ — скатѣну не видать ѹбнѹть (т. е. если не будет дождя, то из-за пыли не видно будет скотину, когда ее будут пригонять; Ряз.).

Дыханья у нябѹ уж никакого не было (Ряз.).

Никакого стра́енія не было (Ряз.).

Другой особенностью структуры отрицательных предложений в северновеликорусских говорах является отсутствие отрицания при сказуемом, если последнее связано с каким-нибудь членом предложения, выраженным местоимением, начинающимся с *ни*. Однако эта черта, довольно широко распространенная во многих говорах, не является всеобщей: рядом с ней встречаем в одних и тех же говорах и даже у одних и тех же лиц не меньше случаев употребления сказуемого с отрицанием при указанном выше условии.

Нигде возьмѣшь (т. е. нигде не возьмешь; Вол.).

Никого и разбудил (т. е. никого и не разбудил; Вол.).

Опѣть никого позовѣшь (т. е. никого не позовешь; Вол.).

Некудѧ и ходил (т. е. никуда и не ходил; Мат. 1910 — Вол.).

Никто и пришол (Мат. 1910 — Вол.).

Некто́ и велел (Мат. 1910 — Вол.).

Ништѣ ему и сказано (Мат. 1910 — Вол.).

Никто ему велел (Мат. 1910 — Влад.).

Никто его тронет (Мат. 1910 — Костр.).

Ништо ему и свѣется (Мат. 1910 — Арх.).

Низто его пихал (М.—Ш.)¹.

Никто ей и ловит (М.—П.).

Дома-то никто есь (Карельск.—Д. К., № 252).

Мне ништо зделаеѣца (Карельск.—Д. К., № 253)².

Наряду с этим находим:

Ко мне никто не бываѹ (Вол.).

Иные говорят, иштѣ никуды не девались (о пропавших деньгах; Вол.).

Ен есѣ никуда не бывал (Арх.).

По руцѣям пожни нигде не косяѣи (Арх.).

Больше ни в цѣм не болела (Арх.).

Коего дни два язѣнка попали на продѹльнику-то, а то никто не попал (продѹльник — сеть; Арх.).

Низто и не видали (М.—П.).

Низто не продаѹт (Ср., 1).

¹ Приводя эти примеры, записанные в Шенкурском у. Архангельской губ., Мавсикка отмечает, что данное явление встречается там спорадически.

² Довольно много примеров на отрицательные предложения такого типа находим у Лудольфа в его «Русской грамматике». Оксфорд, 1696. См. переиздание в переводе со вступ. статьей и примеч. Б. А. Ларина. Л., 1937, раздел «Phrases et modi loquendi communiores».

Т'оплый двор гл'а з'имы. Придворок — холбдный двор; тут л'йтот скот'йна стаит; потолока не было (Ленингр.—Д. К., № 133).

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНО-МЕСТОИМЕННОЙ КОНСТРУКЦИЕЙ

В говорах, как северновеликорусских, так и южновеликорусских (по преимуществу во вторых), очень часты предложения, которые отчетливо разделены в ритмомелодическом отношении на две части и содержат в первой части существительное в им. или в косвенном падеже, а во второй — личное (3-го лица) или указательное местоимение, заменяющее по смыслу существительное первой части. На первую часть таких предложений обычно приходится повышение тона, а перед второй частью делается пауза, подобная той, которую мы наблюдаем при противопоставлении бессоюзных предложений. Такое строение предложения представляет собой усложненный способ выражения мысли сравнительно с простым предложением: говорящий сначала называет предмет, которому намерен приписать то или иное действие или признак или который он считает объектом действия, как бы только показывает предмет слушателю, а уже затем высказывает полностью свою мысль, заменяя название предмета местоимением. Если принять во внимание описанное строение предложения, то правильнее будет считать, что в этих случаях перед нами не простое предложение, а сложное особого типа: первое простое близко к так наз. назывным предложениям, второе связывается с первым без союза и может представлять собой любой из существующих видов простого предложения¹.

Такова общая структура предложений рассматриваемого типа. Более подробное их рассмотрение требует разбивки их на несколько групп и подгрупп в зависимости от соотношения надежных форм существительного первой части и местоимения второй части.

¹ Говоря о близости первой части предложений рассматриваемого типа к назывным, следует иметь в виду, что назывные предложения относятся обычно к разряду номинативных, так как имеют в виду только такие предложения, в которых главный член выражается им. падежом. В описываемых же здесь предложениях существительное первой части, как сказано выше, может стоять и в косвенном падеже. А. М. Пешковский, касаясь предложений данной конструкции (в «Русском синтаксисе в научном освещении», изд. 3 и сл., гл. XXI), также рассматривает только случаи, когда существительное стоит в им. падеже. О логической функции такого выделения существительного из предложения и замены его местоимением см. у Sech.—Str. log., 135.

1. Существительное в первой части стоит в им. падеже.

1) Местоимение, стоящее во второй части и заменяющее существительное первой части, также стоит в им. падеже.

а) Существительное первой части не имеет при себе ни выделяющих частиц, ни определяющих его слов¹:

Мужик | он у мене работал на машине (Ряз.).

Атёц | он хоть русый, а мать была чёрная (Ряз.).

Клавдия Ивановна | анá харóшая... (Ряз.).

Рожь | анá ныне редкая (Ряз.).

Наши | анй все павáжнены к этому (Ряз.).

А третья | эта тапёръ в четвёртый клас пярзилá (Ряз.).

Молотило | из двух палок он д'элаѣа (Горьк.).

Григорий Симёныц | дыть он у нас здесь жынылси (Б.—Ист.).

Ластоцк'а | она безрешина (Карельск.—Д. К., № 250).

б) При существительном первой части стоит выделяющая частица, большей частью *то* (*от, та, ти*), реже *это*. Наличие частицы усиливает противопоставление первой части предложения второй.

Мужики-то | они смирные (Вол.).

Бабы-та | они скупы́ји (Б.—Т. О.).

Деўки-та | анй баятцá — стýднá (Б.—Т. О.).

Вот и девки-то | анй стали-та бадры́ци (Ряз.).

Елёц-то | тот скусной (елёц — рыба; Арх.).

Язык-от | тот-от у тебя на воле дак (Арх.).

Брусны́ця-та | та в зиму не идё (Арх.).

в) При существительном первой части есть одно или несколько определяющих слов. Наличие таких слов также усиливает противопоставление первой части предложения второй.

Эта дарбá | анá пайдётъ на Дялúнино и на Рязань (Ряз.).

Эта старуха | ана была гýрадскáя (Ряз.).

Мъладые люди | енти скажутъ правильно (Ряз.).

Вси быари | лны пьют и ядуть (Раст.—См.).

Поп у нас энтот старый | он помер (Ряз.).

А у нас свёкор | такой он был стрбáй (Ряз.).

Встречаются случаи, когда местоимение второй части предложения, имея форму им. падежа, стоит не в начале этой части, а после сказуемого (или после связки, если сказуемое составное). В таких случаях пауза делается иногда перед сказуемым, иногда после него. Если пауза — после сказуемого, то получается новый структурный вариант. Сказуемое, очевидно, в связи с ритмомелодическим строем и стилистическим характером предложения, может стоять и в начале предложения.

¹ В приводимых далее примерах место паузы между первой и второй частью в предложениях отмечено вертикальной чертой, причем в примерах, взятых нами из записей других лиц, место паузы определяется предположительно.

Снаха | рѣдилá тут анá ма́ленькова (Ряз.).

Казачи́нка | проси́тся ён на ныч (Раст.—См.).

Жалова́нье бы́ла | анá нява́жная (Ряз.).

Выходи́ть багаты́й | он засвае ва́роты (Раст.—См.).

Иногда в первую часть предложения отходит какой-либо из второстепенных членов, относящихся к сказуемому, которое само находится во второй части предложения.

Сястри́ца брату | ина́ речъ гавори́ть (Раст.—См.).

2) Местоимение, стоящее во второй части и заменяющее существительное первой части, стоит в косвенном падеже, зависящем от того слова, которому оно подчинено.

Три буха́нки | их мало́ это́ (Ряз.).

А Сны́ткин | яво́ кари́ть нельзя́ (Ряз.).

Так де́вка | ꙗ́дво цеты́рнаѣтъ ужъ ей́ (Ряз.).

Сын-то́ | в немъ ѿбави́тки (Ряз.).

А ве́дь наш наро́д | и пажа́луй бу́дешь с нимъ вспы́льци-вый (Ряз.).

Дуна́шин ате́ц | очинъ а́бидна е́му па́казаласи́ (Петр.—Ряз.).

2. Существительное первой части стоит в косвенном падеже. Местоимение второй части в таких случаях всегда стоит в том же падеже, что и существительное первой части. При этом возможны те же частные структурные варианты, которые были описаны выше.

А́йá | яво́ желѣ́ли в крѣ́пасто́й правѣ́ (Ряз.).

Тому́ Коноплѣ́ву-то́ | не ходи́ть бы́ ёму́ на собра́ние (Вол.).

У Насти́-то у́ этой́ | у́ нейъ хтой́-то но́чью разби́л а́кно́ (Ряз.).

Нюшу́-то | пажа́луй тут аста́ю еѣ́ (Ряз.).

Ба́бку | зъѣди́ в кра́пиво́у еѣ́ (Ряз.).

А тѣ́ла́, што́б не ре́велъ | уби́ли яво́ (Ряз.).

Да́же́жа | ужъ бо́льна яво́ ми́бога та́кда́ бы́ла... (Куйб.—Д. К., без №).

Возможны случаи перехода от существительного в им. падеже к местоимению в том же падеже и, далее, к местоимению в косвенном падеже, что дает предложение, состоящее из трех частей.

А ма́ть-то́ | анá | ей́ нету́ тут (Ряз.).

Встречаются случаи перехода от существительного в косвенном падеже к местоименному наречию, выполняющему в предложении функцию обстоятельства, соответствующую функции косвенного падежа существительного.

В дру́ѣхъ калѣ́бахъ | тамъ зямля́ наболь́ше хлеба́ ра́ди́то (Ряз.)¹.

¹ Все описанные здесь разновидности существительно-местоименного предложения засвидетельствованы в древнерусских памятниках:

Если вслушаться в ритмомелодию предложения рассмотренного типа, то можно заметить, что повышение тона на первой его части по своему характеру напоминает повышение, делаемое на вопросительном предложении, отличаясь от него лишь в количественном отношении. Это заставляет предполагать, что в основе данной структуры предложения лежит вопросо-ответная форма: в первой части говорящий как бы задает вопрос относительно данного предмета, а во второй сам же на него отвечает. Ср.: *Ета дарбѹа?— Ана пайдетъ на Далѹинино и на Рязань; Айѹа?— Явѹ желѹли в крѹпаснѹ правѹ.* Высказанное предположение имеет в виду не реальную историю развития данной конструкции, а языковую подоснову самого процесса ее образования. Если это так, то перед нами довольно убедительный аргумент в пользу высказанного в начале данной работы положения о преимущественно диалогической природе диалектной речи.

О ПОРЯДКЕ СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Вопрос о порядке слов в русском языке очень мало исследован. Если не считать кратких и довольно общих высказываний в грамматиках Ломоносова, Востокова, Давыдова, а также в «Синтаксисе русского языка» Шахматова, то можно сказать, что, кроме Пешковского, в русской грамматической литературе никто не уделил этому вопросу серьезного внимания¹. Но и Пешковский не выделил порядка слов в самостоятельную проблему, а высказался о нем попутно, в главе об обособленных второстепенных членах предложения. Вот что он писал: «Хотя русский язык и принадлежит к языкам с так наз. „свободным“ порядком слов, однако для каждого члена предложения можно указать одно обычное, излюбленное место в предложении, и другое, менее обычное, при котором расстановка слов кажется как бы намеренно измененной. На этом основании различают так наз. „прямой“ порядок слов и „обратный“. При обратном порядке член, который кажется переставленным, больше выделяется в мысли и больше привлекает к себе внимание, чем при прямом»².

Поляков же и Литву, которые были при том лжесом царе и в городе | начали их побивати... (Котош.).

Савле Збою да Клявцу | дано им четыре алтыны, ездил на Кострому (Прих.-расх.).

¹ Известный интерес представляют замечания относительно порядка слов, высказанные М. Н. Петерсоном в его «Синтаксисе русского языка», изд. Бюро заочного обучения при Педфаке 2-го МГУ, и в «Этюдах по синтаксису Лермонтова», Slavia, VI, 2 и 3, 1927 и Сб. ОРЯС АН, т. CI, № 3.

² А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 3 и сл., гл. XXII.

Из приведенной цитаты довольно ясно, что Пешковский относится к учению о прямом и обратном порядке слов скептически или, в лучшем случае, настороженно («на этом основании различают», «член, который кажется переставленным», и т. п.), но в равной мере не разделяет он и мнения о том, что русскому языку свойственен свободный порядок слов.

Можно выразить удивление, что Пешковский, высказываясь относительно порядка слов, игнорирует интонацию, вне связи с которой разрешение данного вопроса совершенно немыслимо. Впрочем, несколько дальше Пешковский затрагивает интонационную сторону. Касаясь сочетания глагола с косвенным падежом, он пишет: «Сочетания я беру книгу, он говорит о пожаре, он заболел лихорадкой кажутся нам при равных условиях интонации более обычными, чем сочетания я книгу беру, он о пожаре говорит, он лихорадкой заболел, и управляемые падежи во вторых сочетаниях больше выделяются в мысли, чем первые. То же можно сказать и о наречиях»¹. Почему интонация затронута только в связи с сочетанием глагола с косвенным падежом? Разве сказанное не относится в той же мере к сочетанию подлежащего со сказуемым или к сочетанию существительного с существительным и т. п.? Таким образом, Пешковский не только не разрешил вопроса о порядке слов, но и не указал пути к его разрешению².

Несколько появившихся в последние годы небольших статей о порядке слов в русском языке (М. Воскресенского, М. М. Никитиной, В. Г. Орловой) ничего нового и существенного в изучение вопроса не внесли.

Наиболее обстоятельно вопрос о порядке слов в русском языке (наряду с другими славянскими) разработан в конце прошлого столетия Бернекером³. Но как метод исследования, так и выводы этого ученого вызывают серьезные возражения и сомнения. В предложении Бернекер исследует положение глагола, энклитических частиц, дат. и род. падежей, определений и инфинитива. Таким образом, он не охватывает всех элементов предложения (нет им. падежа, а также вин., твор. и предл.,

¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 3 и сл., гл. XXII.

² Также рассматривается изолированно друг от друга порядок слов в предложении и интонация (типы которой намечены очень тонко) в «Синтаксисе чеченского литературного языка» Н. Ф. Яковлева. М.—Л., Изд. АН СССР, 1940).

³ Dr. Erich Berner. Die Wortfolge in den slavischen Sprachen. Berlin, 1900.

нет наречий). Бернекер производит свои наблюдения преимущественно над языком памятных книжно-письменной речи (из фольклора взяты только сказки из сборника Афанасьева, а материал говоров совершенно не привлечен). Интонационная сторона речи изредка учитывается (обращается внимание на логическое ударение), но совершенно абстрактно, что и понятно, так как автор имел дело только с напечатанным текстом и совсем не слышал живого его произношения. Что касается постановки самого вопроса о месте того или иного слова в предложении, то автор подходит по-разному к глаголу и к другим словам. Для глагола он признает три положения в предложении: 1) глагол в начале предложения (*Anfangstellung*), 2) глагол после подлежащего, но не в конце предложения (*Mittelstellung*), 3) глагол в самом конце предложения (*Endstellung*). Другие слова рассматриваются лишь с точки зрения их расположения относительно того слова, с которым они образуют словосочетание. Это значит, что место глагола рассматривается под углом зрения структуры предложения, а место других слов — под углом зрения структуры словосочетания.

Бернекер не приводит данных, на основании которых он строит свою схему. Можно, с некоторыми оговорками, согласиться с тем, что местоположение глагола (сказуемого) следует изучать в ином аспекте, нежели местоположение других членов предложения, но остается неясным, почему для сказуемого принимается именно три позиции (а не больше или меньше). Совершенно непонятно также, почему Бернекер, уделяя — и вполне заслуженно — много внимания сказуемому, совсем игнорирует подлежащее. Разве подлежащее не может быть объектом перестановки подобно сказуемому? И почему, находя сказуемое, например, на первом месте, следует, по Бернекеру, считать, что это предложение с *Anfangstellung* для сказуемого, а не с *Mittelstellung* для подлежащего, и т. п.? Уже сказанного достаточно, чтобы признать схему исследования Бернекера неубедительной, а из этого следует, что и выводы, к которым он приходит, не могут считаться достоверными¹.

Неразработанность вопроса о порядке слов в русском языке, само собой разумеется, чрезвычайно затрудняет освещение этого вопроса для русских говоров.

Чтобы подвергнуть исследованию порядок слов по материалу,

¹ Схемы Бернекера, подкупающей внешней стройностью, придерживаются и некоторые другие ученые. См., например, работу: Schwenker. Die Wortfolge im Litauischen. Heidelberg, 1922.

даваемому говорящими, следует прежде всего отказаться от существующих взглядов на характер русского словорасположения: одинаково недоказанными являются мнения как о том, что русский язык характеризуется свободным порядком слов, так и о том, что в русском языке существует твердый порядок слов, откуда и вытекает учение о прямом и обратном порядке. Литературный язык, отражающий в очень значительной мере черты письменной речи, которую мы прежде всего и в основном воспринимаем зрительно, еще в некоторой степени связан с определенными нормами словорасположения, которые, однако, за очень немногими исключениями, имеют не грамматическое, а лишь стилистическое значение. Что же касается речи диалектной, в которой ритмомелодия играет, наоборот, огромную роль, то в ней порядок слов самостоятельного значения не имеет, а является, наряду с ритмомелодической стороной, фактором дополнительным, используемым для усиления и углубления тех оттенков значения, которые выражаются посредством пауз, ускорений и замедлений, повышений и понижений тона, изменений тембра голоса и т. п.

В предложении двусоставном имеет значение не порядок слов во всех возможных в нем словосочетаниях, а только взаимные позиции подлежащего и сказуемого как слов, объединение которых является одним из факторов образования предложения. Порядок же расположения глагола и наречия при нем, глагола и существительного в косвенном падеже, существительного и определяющего его прилагательного или существительного в косвенном падеже и т. п. относится к области строения словосочетания (а не предложения).

В предложениях односоставных имеет значение местоположение главного члена как слова, являющегося грамматическим центром предложения. Взаиморасположение слов внутри словосочетаний и в таких предложениях также относится не к строению предложения, а к строению словосочетания.

ПОРЯДОК СЛОВ В ДВУСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

В двусоставных предложениях посредством интонации может выделяться как подлежащее, так и сказуемое. Обозначим условно подлежащее буквой *А*, а сказуемое буквой *В*. Порядок расположения главных членов двусоставного предложения возможен двоякий: *А + В* и *В + А*. Рассмотрим предложения с тем и другим порядком главных членов в его взаимоотношении с выделением того или иного главного члена посредством интонации.

1) $A + B$

а) При интонационном выделении подлежащего¹:

Кто виноват этому делу? (Арх.).

Рубаха мокра (Арх.).

Личика полуцилась дак (Вол.).

Два дитёнка остались... (Вол.).

Сродственник живёт у них на заводе... (Ряз.).

б) При интонационном выделении сказуемого:

Мнуцек поужинат да спать идет ко мне (Вол.).

Дуня, ты пошла куды баяла-то? (Арх.).

Одѣжа хорóша (Арх.).

Война-то кóнциласи (Арх.).

2) $B + A$

а) При интонационном выделении сказуемого:

Умер муж-от, хорóшой был муж-от... (Арх.).

Из лет выжила бабка (Арх.).

Хорóшой был жеребёнок-от (Арх.).

Тугой был край... (Арх.).

Ницявó была лошáдка-то (Ряз.).

Жать не могутъ рбятйшки-то (Ряз.).

б) При интонационном выделении подлежащего:

Бежат народ-от (Вол.).

Привѣзено двóи ботинки (Арх.).

Нбзягáй народ, пажáрники... (Ряз.).

Выделение посредством интонации того или иного главного члена определяется необходимостью, с точки зрения говорящего, указать, что именно этот, а не другой член является более важным в данном высказывании. Часто, наряду с интонационным выделением, этой же цели служат специальные частицы, присоединяемые к соответствующему слову. При этом возможен двойкий порядок главных членов: $A + B$ и $B + A$.

Я-то стал худ, дак и сад-от стал вали́ци (худ — болел; Вол.).

Я уж забыла: лонí аль в третьем годе (Арх.).

Он и погна́л их: «Убирайтесь долой!» (Вол.).

Вот ка́к было уце́нье (Арх.).

Хлеб белый то́же нзда́сть, по цёрному скúцились (Ряз.).

Очень часто интонационно выделяются сказуемые, при которых стоит отрицание. При этом возможен двойкий порядок: $A + B$ и $B + A$.

¹ Все примеры, приводимые в данном разделе, взяты из наших собственных записей. Указания на выделение посредством интонации того или иного слова (подчеркивания) основаны на личных наблюдениях при записи живой речи.

Я дѣк не бывала (Вол.).

Он был не во идраву (Ряз.).

Не паѣду я на суд (Ряз.).

Не греховѣдна баба-то (Арх.).

В тех случаях, когда простые предложения, объединенные в одно сложное сочинительной связью, содержат сопоставление, обычно интонационно выделяется сказуемое, причем в предложениях преобладает порядок $A + B$.

Какой мужик паишот, кто боронят (Вол.).

Одна бѣдана, другá роботат, выехавши (Вол.).

Сын кѹритъ, а тестъ не кѹритъ (Ряз.).

Ета уснѣтъ, а ета вакрѹх еѣ сидѣтъ (Ряз.).

В рассмотренных примерах подлежащие и сказуемые непосредственно следовали одно за другим. Но не менее (а может быть, даже более) часты случаи, когда при подлежащем и сказуемом стоят относящиеся к ним второстепенные члены¹. При таком строении предложения интонационно могут выделяться: сказуемое либо одно из слов, входящих в группу сказуемого; подлежащее либо одно из слов, входящих в группу подлежащего. Если, в дополнение к принятому обозначению подлежащего через A , а сказуемого через B , условно обозначить второстепенные члены, входящие в группу подлежащего, через a_1, a_2, a_3 и т. д., а второстепенные члены, входящие в группу сказуемого, через b_1, b_2, b_3 и т. д., то возможный при этом порядок расположения членов предложения даст очень большое число вариантов. Рассмотрим лишь некоторые из них².

$$1) A + b_1 \dots + B$$

Дело через это пошло (Вол.).

А Широкин-то ишалбѣй занимался (Вол.).

Народ-от под барами жили (Вол.).

Она век свой не пахивала (Арх.).

Он Польшу всю проиѣл (Арх.).

Я пазадн иду (Ряз.).

¹ Непосредственное следование одного члена словосочетания за другим М. Н. Петерсон называет контактным отношением, отделение одного члена словосочетания от другого вставленными между ними словами — дистантным отношением (см. упомянутые выше его работы).

² В примерах, приводимых для иллюстрации рассматриваемых далее вариантов, учитываются и обозначаются условными буквами не все без исключения слова в предложениях: совершенно не принимаются во внимание частицы, а второстепенные члены предложения вместе с их пояснительными словами считаются за одно слово. Составное и сложное сказуемое, если оно разделено каким-нибудь словом на две части, обозначается буквами B и B_1 . Во всех приводимых в данном разделе примерах слова, выделяемые посредством интонации, подчеркнуты.

А я скрозь сну слышу (Ряз.).
Ана четыре раза крикнула (Ряз.).
Она зеркало-то совсем-то испортит (Арх.).
Я из своей головы всё делал (т. е. по собственному сообщению; Арх.).
Аны уж из пйши хэрашб ядять (Ряз.).
Он ноне зиму не уцйл (Ряз.).

2) $A + B + b_1 \dots$

Охотники, примерно, спят в салаше (Вол.).
Я стала ходить уцйцй по старинным книгам (Арх.).
И собака гожа в хозейсье (Арх.).
Мать-то помёрла бсeness (Арх.).
Брат жыл с ней душа в душа (Арх.).
Вада прибыла на целую мэтру (Ряз.).
 Сложное сказуемое часто разбивается в подобных случаях на две части: инфинитив, входящий в его состав, ставится после второстепенного члена.
А мы не умйём рыбу делить (Арх.).
Ён пошёл дверей-то ей ладить (Арх.).
А сякры ушла на сторону жить (Ряз.).

3) $A + b_1 \dots + B + b_2$

Народ-то бегбм бежат на работу-ту (Вол.).
Он там проводыл денги-ти... (Вол.).
Я того дни ушел домой (Арх.).
Да я тебя бы пбслала домой со всей охотой (Арх.).
Я три года емистях жила с деверем (Арх.).
 Как видно из примеров в пп. 1, 2, 3, структура, при которой на первом месте стоит подлежащее, не имеющее при себе определений, сочетается с выделением посредством интонации одного из второстепенных членов, входящих в группу сказуемого, реже — с выделением самого сказуемого. Само подлежащее выделяется лишь тогда, когда при нем стоит специальное выделяющее его слово, например союз и (см. третий пример п. 2).

4) $a_1 + A + B$

Никотбро, бат, место не болит (Вол.).
Вся работа останавлиеи (Вол.).
Лесная-то стража были слабые (Вол.).
Мой зять работает (Ряз.).
Тадь какой-то странный прижёл судь (странный — чукак; Ряз.).

$$5) a_1 + A + B + b_1$$

Это-то место богáтее нового дому (Арх.).

Наш деревенский был сдат в салдáты (Ряз.).

Адѣн мушйна шел дарбóю и слыжал стрел (Ряз.).

$$6) A + a_1 + B$$

Дѣти все от ей побержá (Арх.).

Вѣтер-то ниш какой холодный вѣѣ (Арх.).

И дѣти-то твои не наскуцáющи (Арх.).

Нѣтлянки маѣ сгарѣли (Ряз.).

Сын-то лѣв пѣстужбѣм был (Ряз.).

Как видно из приведенных в п. п. 4, 5, 6 примеров, структура, при которой подлежащее, стоящее перед сказуемым, имеет при себе определение, сочетается с выделением посредством интонации либо этого определения, либо самого подлежащего, либо сказуемого.

$$7) b_1 \dots + B + A$$

По лесу служил муж (Вол.).

По каждому воскресѣню бывает базар (Вол.).

Теперь худо здоровье дѣх (Вол.).

Всю вѣсну пахала доц'-то (Арх.).

Казакá взяв хозѣин-то (казак — батрак; Арх.).

Досель попада́ла рыба (Арх.).

У нас там о большúю доро́гу есь мѣльница (Арх.).

Дру́гой год только стал хадѣть азтѣмабѣль-то (Ряз.).

Адѣн год у нас дабрѣ хѣрашá была брусника (Ряз.).

Враз мене за виски схватил а́бнь (Ряз.).

$$8) B + b \dots + A$$

Не бывали ни от какого дѣти (Арх.).

Жѣла да бѣла в продовольсьвѣни матушка-то... (Арх.).

Пашлѣ ныне жать рожѣ бабы-ти (Ряз.).

$$9) b_1 + B + A + b_2$$

Меня-то знал Назарьев леснѣйцѣй оцѣнь хорошо (Вол.).

Всѣ дб смерти ходил покойни́чек туды (Арх.).

Тадѣ былá семь дамбѣв в Амосове етом (Ряз.).

$$10) b_1 + B + a_1 + A$$

Ему-то батѣкой мой-от сын (Вол.).

Где-то убѣгáла твая мать, Шуроц'ка (Ряз.).

$$11) B + A + b_1 \dots$$

Ходила я бѣто в лес за ягодам (Вол.).

Пошла я в лес по корку (корка — кора, лыко; Вол.).

Взѣли мы на аренду на девять лет (Вол.).

Из примеров, приведенных в п. п. 7—11, можно сделать вывод, что структура, при которой на первом месте стоит сказуемое с относящимися к нему дополнениями или обстоятельствами, сочетается большей частью с выделением посредством интонации какого-либо из этих второстепенных членов, реже — самого сказуемого.

Далее будет рассмотрено несколько структурных вариантов, характеризующихся тем, что второстепенные члены, относящиеся к сказуемому, стоят не рядом со сказуемым, а перед подлежащим, между тем как само сказуемое стоит после подлежащего. Иногда один второстепенный член, относящийся к сказуемому, стоит перед подлежащим, а другой или другие — рядом со сказуемым.

У ней пальтѹшецѹка была (Ряз.).

Первого маю на лесѹ сплав-от шѣл (Вол.).

На восьмом-то году мальчик помѣр... (Вол.).

От дедушка я слыжал (Арх.).

Сперва-то он ницѣго был (Арх.).

О Колотѣхину-то избу изба стоит (Арх.).

В этой рекѹ осенью все-то ловят (Арх.).

Мне тетѹшка покойна нѣ дала уцѣйцѹ (Арх.).

У меня печь-то вся выломилась (Арх.).

Мне новой дом досталси (Арх.).

По руцѹям пожни нигде не косяѣи (Арх.).

Тут внѹка гостит с дитѣм (Арх.).

Дома он бываетъ в неделю иднавѹ (иднавѹ — один раз; Ряз.).

Домой он побежал по руѣбѹ (Вол.).

У меня робята обѣи в Красну Армию ушли со сплавѹ (Арх.).

Во многих из приведенных примѣров интонационно выделяется не один, а два члена предложения, причем одним из них обычно является стоящий в начале предложения второстепенный член, относящийся к сказуемому, но отделенный от последнего подлежащим. Надо полагать, что этот отрыв второстепенного члена от поясняемого им сказуемого является приемом, усиливающим его выделенность, обозначенную в основном посредством интонации.

ПОРЯДОК СЛОВ В ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

В односоставных предложениях, как сказано выше, имеет значение для структуры предложения местоположение главного члена относительно тех второстепенных членов, которые группируются вокруг него.

Сделанные записи из городов дают ничтожное количество односоставных предложений с главным членом, который может быть приравнен к подлежащему двусоставного предложения и, наоборот, очень много предложений с главным членом, который может быть приравнен к сказуемому двусоставного предложения. Случаи второго рода здесь и описываются. Чтобы ограничить наблюдаемый материал, взяты только предложения простые, не входящие в состав сложных.

Из односоставных предложений рассматриваются предложения неопределенно- и обобщенно-личные, предложения побудительные и предложения безличные.

Предложения неопределенно- и обобщенно-личные

$$1) B + b_1 + \dots \text{ и } B + b_1 + \dots B_1$$

Замуж выдали на два́дцати́ годах (Вол.).

За́брали в чре́мхвон, за́брали в чармб́ния (Ряз.).

Стали нас на машины сажать (Ряз.).

Выя́жают за ними л́шадя́х на пяти́ (Ряз.).

Пѓстгна́вили явб завед́уи́м (Ряз.).

Постановка главного члена на первом месте в предложении, как показывают примеры, сочетается с выделением посредством интонации одного из второстепенных членов, следующих за главным членом.

$$2) b_1 + \dots + B$$

Всё обыскали — нету́ (Вол.).

Си́лой-нево́лей пойдёшь (Вол.).

Пи́шкани хад́ли (Ряз.).

Аи́а, пажалуй, с них не ва́зьме́шь (Ряз.).

Дарбо́же все́х их у нас купля́ють (о грибах; Ряз.).

С вя́нцями́ иных ба́гатых вя́дутъ (Ряз.).

Ны́не на ка́лбдезя́х бя́лье-то мо́ють (Ряз.).

И при этом положении главного члена интонационное выделение приходится на второстепенных членах. Предложение, в котором интонационно выделен главный член (четвертый пример), имеет при последнем отрицание, а члены предложения с отрицанием, как уже было отмечено ранее, обычно выделяются.

$$3) b_1 + \dots + B + b_2$$

Пива́ вари́ли на ця́на́х (Вол.).

Зима́м сидят на по́ла́тях (Вол.).

Говды́ скотá рѣздали шибко (шибко — много; Вол.).

Меня звали вѣсну в колхоз (Вол.).

Ябѣ итмѣнѣли от работѣ (Ряз.).

Всю лахмѣтку не унесѣшь туды (Ряз.).

В праздни́ки годовые пѣсни поѣшь по гормони (Вол.).

К абѣду варѣть им лапшу (Ряз.).

И здесь в большинстве случаев интонационно выделен не главный член, а какой-либо из второстепенных членов. Главный член оказался выделенным посредством интонации один раз при наличии отрицания, два раза — при отсутствии отрицания. Встречаются предложения, в которых интонационно выделяются два второстепенных члена: стоящий в начале предложения и стоящий после главного члена (два последних примера).

Предложения побудительные

$$1) B + b_1 + \dots$$

Защѣм стари́ну пѣсю (Вол.).

Паѣдем в Рязань со мной (Ряз.).

Уважай мужу (Ряз.).

Пойдѣм, пойдѣм на́ рѣку (Арх.).

Бежи скорей, бежи! (Арх.).

Посиди с дѣденьки́ма (Арх.).

Не ходи ножками (Арх.).

Запрягайте кони (Вол.).

Ехала бы, мама, к нам (Вол.).

Во всех случаях, когда форма, выражающая просьбу, совет, приказ, предложение, стоит на первом месте, она выделяется интонационно.

$$2) b_1 + B$$

Голубое платьѣе принеси (Арх.).

Ключѣ не потеряйте (Арх.).

При постановке главного члена предложения не на первом месте интонационно оказывается выделенным какой-либо из второстепенных членов предложения.

Предложения безличные

$$1) b_1 + \dots + B$$

а) При интонационном выделении второстепенного члена:
До смѣртоц'ки уби́ло (убило молнией; Вол.).

В моих пámятах прошло (Вол.).

По коров идти (т. е. надо идти за коровами; Вол.).

Восемьдесят годов прóжито (Арх.).

Морозом хватило (Арх.).

Много страсти пришлось пýвдáщи (Ряз.).

Не дабрé смяркалось (Ряз.).

Где-ка мне-ка взять-то? (Вол.).

б) При интонационном выделении главного члена:

Овёцек-то так охота бы завести (Вол.).

У реки было покáпало (Вол.).

У них ведь делов ёсь-о-ка (Вол.).

Ячодов ныне нет, ячодов (Ряз.).

Сау́дсья не взяло́ (т. е. согласья не было; Ряз.).

Непосредственное наблюдение показывает, что случаев, когда данный порядок членов предложения сочетается с интонационным выделением второстепенного члена, значительно больше, нежели с выделением главного члена. Насколько можно судить по приведенным примерам, интонационное выделение главного члена имеет место преимущественно в тех случаях, когда главный член выражает «чистое» утверждение или отрицание (сюда же относится и первый пример: *охота бы завести* обозначает «есть желание завести»).

2) $b_1 + B + \dots + b_2$

а) При интонационном выделении второстепенного члена:

Дамно́ уж не бывало письма (Вол.),

Скота́-то было у всех, у всех было скота (Вол.).

Недалёко ехать нам домой-то (Арх.).

б) При интонационном выделении главного члена:

Кому это досуг было работать такие строения? (Вол.).

Райи́той не было у мене (т. е. расшитой рубахи; Ряз.).

При данном расположении членов предложения главный член, как показывают примеры, большей частью выделяется интонационно тогда, когда он выражает «чистое» утверждение или отрицание. В других случаях выделяется обычно какой-либо из второстепенных членов.

3) $B + b_1 + \dots$

а) При интонационном выделении второстепенного члена:

Не бува́ли е́йбó никуды (Вол.).

А можно окна́-то открыть (Арх.).

Вя́зýть состав наро́ду (Ряз.).

б) При интонационном выделении главного члена:

Дэ́к не бува́ло е́йбó письма (Вол.).

Есть нашего брата дураков (Вол.).

Вётрено было на май месяц (Ряз.).

Снова — та же картина: главный член выделяется интонационно преимущественно тогда, когда он выражает «чистое» утверждение или отрицание; в других случаях обычно выделяется какой-либо из второстепенных членов.

И среди безличных встречаются такие предложения, в которых интонационно выделяются два второстепенных члена: один из них в таком случае обычно стоит в самом начале предложения, а другой — после главного члена. Возможно также выделение второстепенного члена и главного члена, особенно если последний выражает отрицание.

Хлебом хорошо здесь стало с января місяця (Арх.).

Медведёв у нас не бывает (Вол.).

Рассмотренный нами материал явно недостаточен не только для того, чтобы сделать исчерпывающие выводы о роли порядка слов в диалектной речи, но даже для изображения более или менее полной картины, содержащей все типы словорасположения. Такая задача потребовала бы специального изучения данного вопроса с предварительной разработкой методов этого изучения и могла бы составить тему отдельного обширного исследования.

Изученный нами материал дает лишь некоторые типы словорасположения, притом только те, которые относятся к строению предложения, а не к строению словосочетания. Выводы из сделанных наблюдений могут быть формулированы пока только в самых общих чертах. Они сводятся к следующему:

1. Порядок расположения главных членов предложения (а в распространенном предложении — главных членов вместе с относящимися к ним словами) не имеет грамматического значения. В качестве дополнительного языкового приема по отношению к ритмомелодии предложения порядок главных членов служит средством выделения из числа других слов или словесных групп того или другого главного члена. Никакого «нормального» — «прямого» и «ненормального» — «обратного» порядка главных членов в говорах не существует.

2. В отдельных случаях выделение посредством интонации того или иного главного члена предложения сопровождается постановкой этого члена на определенном месте по отношению к другому главному члену или — в односоставном предложении — по отношению к связанным с ним второстепенным членам предложения. Например: постановка сказуемого после подлежащего в простых предложениях, объединенных в одно сложное сочинительной связью и содержащих сопоставление

(*Сын кúрить, а тeсть не кúрит*); постановка на первом месте в односоставном предложении повелительного наклонения в тех случаях, когда оно интонационно выделяется.

3. В тех случаях, когда интонационно выделяется в предложении не один, а два члена, относящиеся к одному и тому же слову, один из этих членов большей частью ставится в самом начале предложения. Такое расположение членов предложения сопровождается обычно ритмомелодическим членением предложения на две части, возглавляемые выделенными интонационно членами предложения и представляющие в известном смысле (о чем уже говорилось не один раз выше) два предложения, или, как это иногда называют, две фразы (*Домой он побегал по ружб; Медведёв у нас не быват*).

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ

Под однородными разумеются такие члены одного и того же предложения, которые подчинены одному и тому же слову или подчиняют себе одно и то же слово в предложении и находятся в совершенно одинаковом смысловом отношении к этому подчиняющему или подчиненному слову. Однородные члены предложения могут выражаться как одинаковыми, так и различными формами слов. В устной речи однородность членов предложения выражается определенными ритмомелодическими признаками, из которых наиболее распространены — интонационный «параллелизм», состоящий в повторности мелодического рисунка каждого однородного члена (при так наз. перечислении), и ритмико-интонационная симметричность однородных членов (например, при противопоставлении).

Однородные члены предложения могут соединяться посредством союзов, — в таких случаях отношения между однородными членами выражаются полнее: кроме общего значения однородности, передаются также некоторые частные ее оттенки. Большинство этих оттенков может быть выражено и посредством одной лишь интонации, которая в таких случаях использует весьма разнообразные ритмомелодические приемы. При наличии союзов на долю интонации приходится меньшая «нагрузка», так как союзы сами по себе настолько выразительны, что способны передавать нужные оттенки значений почти без помощи интонации.

Что касается взаимоотношения однородных членов предложения по их вещественному значению, то они всегда в данном их сочетании выражают видовые понятия,

объединяемые одним общим родовым понятием, которое может быть либо выражено, либо не выражено в предложении¹.

В говорах мы находим очень большое количество предложений с однородными членами. Однородные члены в одних предложениях соединены между собой без союзов, в других — соединены посредством различных союзов. Встречаются и такие предложения, в которых одни однородные члены не соединены друг с другом союзами, а другие соединены.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ, В КОТОРЫХ ОДНОРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ СОЕДИНЕНЫ БЕЗ ПОМОЩИ СОЮЗОВ

*Предложения с однородными сказуемыми*²

Однородные сказуемые, входящие в состав предложения, могут быть как простыми, так и непростыми (составными, сложными).

1. Однородные простые сказуемые.

Я дома страдала, музилась три сутки... (Вол.).

Я ещё всё помню, цуюствую (Арх.).

Усодбмилась: с обеда ходила, пограбила (грабить — грести сено; Арх.).

Дравá рúbю тут им, пíлю (Ряз.).

Пы́рэлси, пэ́плэбэлси я (Ряз.).

¹ А. М. Пешковский полагает, что однородные члены предложения «должны объединяться мыслью как однородные в каком-либо отношении, как сходные в чем-либо между собой. Сходство это может быть грамматическое (*Игорь и Ольга, в базрец и в золото, умный и серьезный, красиво и чисто, идти и смотреть, идти и смотреть*) и неграмматическое, вещественное (*запачкан и в пыли, быстро и в разных направлениях*)» («Русский синтаксис в научном освещении», изд. 3 и сл., гл. XXIV). Первая часть этого положения совершенно правильна, но с пониманием Пешковского «сходства» согласиться нельзя. Что значит сходство грамматическое (противопоставляемое Пешковским сходству вещественному)? Под этим он имеет в виду одноформенность однородных членов. Но одноформенные слова в то же время могут быть сходны по вещественному значению, и во всяком случае не в меньшей степени, чем неоднородные; ср., с одной стороны, *красиво и чисто, идти и смотреть*, и с другой — *быстро и в разных направлениях*. На самом деле важна не абсолютная однородность или сходство слов, сочетаемых в качестве однородных, а то, что в данном случае они употреблены для выражения видовых понятий, составляющих части одного родового понятия. При этом такие слова могут быть как одинаковыми по своей форме, так и неодинаковыми, что не имеет в данном случае никакого значения. Разноформенные слова могут быть однородными, подобно тому, как одноформенные могут не быть однородными.

² Предложения с однородными подлежащими, соединенные без помощи союзов, встречаются в говорах крайне редко и потому здесь не рассматриваются.

Идять тут, шгулжають (Ряз.).

Нъпрѣѣмши снують, ткутъ, бѣлють, режутъ...
(Б.—Т. О.)

Идутъ в изѣбу, разд'евá/уѣа, сад'аѣа (Горьк.).

2. Однородные составные сказуемые.

Парень-от хороший, тихой... (Вол.).

Я-то старая, давнѣшная (Арх.).

Он жидок, пльхавѣт (Ряз.).

А связкрѣ такая лиха, нъхарѣшая (Ряз.).

Старый он, пъжилѣй, уж сядѣй (Ряз.).

Обычно составные сказуемые, имеющие значение прош. времени, объединяются общей связкой.

Он такой был худенькой, вѣлой (Арх.).

Тетушка была бойкѣя, ругац'кая (Арх.).

Из себя-то был хорошой, окурѣтной (Арх.).

Он бальшѣй был какой, тонкий, нъхарѣший (Ряз.).

3. Однородные сложные сказуемые.

У однородных сложных сказуемых спрягаемая глагольная часть обычно является общей, объединяющей приглагольные элементы.

Стала худо слышать, худо видеть (Арх.).

Он хатѣлуйтитъ, итсланийѣи (Ряз.).

Встречаются сочетания разнотипных однородных сказуемых.

— *Ты худая, говорит, помрѣшь.* — *Нет, не худая, не помру* (Арх.).

В окошко-то стала ложки доставать, переворотилась, да прямо на гвоздь (Арх.).

Они приили с пожни, обедать завѣдя (Арх.).

Да у меня муж-от досадѣлси, нездоровой сдѣлалси (Арх.).

В приведенных примерах сказуемые объединены общим подлежащим, которого в отдельных случаях нет налицо, потому что оно либо было в предыдущем предложении, либо восполняется на основании окружающей обстановки. В некоторых предложениях сказуемые, кроме того, объединены общим подчиненным им второстепенным членом. Такие сказуемые, несомненно, являются членами одного предложения. Можно ли утверждать то же о двух или нескольких сказуемых, хотя и обозначающих действия, приписываемые одному и тому же производителю, но имеющих каждое свои зависящие от него второстепенные члены? Не правильнее ли рассматривать такие сказуемые вместе со всей группой относящихся к ним второстепенных членов предложения как отдельные неполные предложения? Рассмотрим предложения с такими сказуемыми.

В одних случаях при первом сказуемом здесь налицо подлежащее, обозначающее производителя действия.

Мама, я живу хорошо, конфеты ем, обо мне не тоскуй, говорит (Арх.).

Учитель лето не прожил, ушел на другой дом (Арх.).

Ен сидит на стулу, в большой углу сидит, денежки считат (Арх.).

Я со скотом хожу, коров дою (Арх.).

Я вайдѣ в кутню, мѣлаб працѣдѣю... (Ряз.).

В других случаях подлежащего нет ни при одном из сказуемых, так как подлежащее было в предыдущем предложении либо восполняется на основании окружающей обстановки.

Дал ей коросу, дал ей бею... (Арх.).

Зайдѣ в ласку, наберѣ што ему надо (Арх.).

На Кѣнозеро јиздили, ловили вецѣр (Арх.).

Тринаѣть-то тысяц' полуцила, кошѣлк набила (Арх.).

Сберѣмси в кравѣд, сѣпимси рука с рукой (Ряз.).

С рбятѣшками пѣсидѣю, дамѣк пѣкрајѣю (Ряз.).

Тюрю натѣрю, с сатаром хлѣбѣю (Ряз.).

Решение поставленного выше вопроса всецело зависит от того, что понимать под отдельным предложением. Если считать предложением слово или группу слов, содержащую в себе более или менее законченное высказывание, то нужно признать, что группы слов, возглавляемые сказуемыми и связанные между собой сочинительной связью, представляют собой отдельные предложения. Это подтверждается и ритмо-мелодическими признаками таких групп: обычно между ними делается довольно значительная пауза, в каждой из групп есть слово, на котором делается характерное для предложения повышение тона. Сказанное относится в полной мере ко второй из приведенных выше разновидностей словесных групп, возглавляемых каждая особым сказуемым; в тех же случаях, когда такие группы объединяются общим подлежащим, второе сказуемое с относящимися к нему второстепенными членами может тесно примыкать к первому, что выражается обычно сокращением, почти до минимума, паузы между группами и относительно меньшим повышением тона на одном из слов второй группы. Таким может быть из приведенных выше примеров следующий: *Я со скотом хожу, коров дою*. Возможность тесного сближения сказуемых в таких предложениях зависит в значительной мере от реального значения как самих сказуемых, так и тех словесных групп, которые возглавляются сказуемыми.

На том же основании, почему признаются не однородными членами одного предложения, а отдельными предложениями сказуемые с относящимися к ним словами, употребленные без подлежащих, следует считать отдельными предложениями также повелительные наклонения, образующие в своей сово-

купности сложное предложение: повелительное наклонение «нормально» употребляется без подлежащего, обычно в нем не нуждается и представляет собой односоставное предложение.

А ты поезжай, с'їзди, проведай, как люди-то живут (Арх.).

Низ-от бери, сватушко, забей гебзде, штобы не хля-бало (Арх.).

Эй, парень, не гоняй курицу, отвори избу, выгонь еон (Арх.).

То же следует сказать и об обобщенно-личных предложениях.

Придѣшь нуко, поткошь нуко (Вол.).

Предложения с однородными второстепенными членами

1. Однородные члены предложения, выраженные прилагательными и наречиями.

Руцѣтелей давайце хороших, стбѣящих (Арх.).

У ней пѣсапѣжки старинные, харбѣше есь (Ряз.).

Сейчас еон в бальнице двѣцѣть сем цѣлавѣк бальных, слабых (Ряз.).

Убралась хзрашб, любанѣтно (Ряз.).

2. Однородные члены предложения, выраженные существительными в косвенных падежах без предлогов и с предлогами.

Осенѣм, вѣснѣм роботат (Вол.).

У нас вот енти-то гадѣ не знаю, а енти-то мно҃го радѣлось цѣрники, брусники (Ряз.).

По-за глазам ругал, говорит, цярѣй, князѣй (Арх.).

Суп с вермишелью, с макаронам (Арх.).

А я, бывало, вѣрс за семерину, за восьмерину сходиль (Арх.).

Мы в лѣсах кру҃гом, в балѣтах (Ряз.).

Ходим на ҃рыбы, на малѣну, пѣ рѣхи (Б.—Т.).

Следует остановиться особо на однородных членах предложения, не соединенных союзами и представляющих собой чарные сочетания обычно одноформенных слов, выражающих в одних случаях аналогичные, в других — противоположные понятия. Сочетания этого типа характеризуются некоторыми ритмомелодическими особенностями, о которых будет сказано дальше. Рассмотрим предложения с такими однородными членами.

1. Однородные члены произносятся без паузы между ними и большей частью объединяются одним повышением голоса

(на втором слове), иногда же имеют каждый свое повышение: первый — слабое, а второй — значительное. Такая ритмомелодия приближает однородные члены к одному сложному слову, что соответствует значению объединяемой в подобных случаях словесной пары.

...Потому шѣ всех сыновей дочерей распустила (Вол.).

Фатит долины ширины (Арх.).

...Не шлѣть, и служу духу нет (Ряз.).

У нас уж стариков старух мало стало (Ряз.).

Руц'ки ножки не владѣли у нее (Ряз.).

Из этих из восемьдесят рублей восемь на то другое (Ряз.).

У батюшки у матушки жила я, горя не ведала (Лук.—Перм.).

Лели померем, все движима и недвижима тебе астанѣа (Петр.—Ряз.).

У меня было поил кормил восемь детей (Вол.).

За день взад вперед прибежѣ (Вол.).

Как видно из приведенных примеров, к этому типу принадлежат такие слова, которые образуют парные сочетания в силу их особой лексической близости: сын — дочь, старик — старуха, ручки — ножки, длина — ширина, то — другое, поил — кормил и т. п. Такое сочетание словесной пары представляет собою шаг в сторону образования единого сложного слова; ср.: хлеб-соль, любо-дорого, туда-сюда и т. п.

Ослабление самостоятельности соединяемых в пары слов иногда достигает такой степени, что отражается на форме числа согласованного с ними слова.

Бабушка дедушка жиѣ (Вол.).

Особый тип бессоюзного соединения представляет собой сочетание двух глагольных сказуемых, из которых одно является носителем более важного, основного значения, а другое настолько ослаблено в своем лексическом значении, что, если его опустить, выражаемая мысль мало потеряет в отношении своего реального содержания.

Ана навивѣит — ходит (Черныш.—М.).

Все мы мрем хохочем, а он говорит: меня не за што не розсмешишь, и сидит губы закусил, а смеж и ево долит. Не утерпел жо, прыснул (Лук.—Перм.).

Хѣдит почѣсываѣца (Карельск.—Д. К., № 254).

2. Однородные члены произносятся со значительной паузой между ними, один из однородных членов (чаще первый) имеет при себе отрицание *не*, на каждом однородном члене делается сильное повышение голоса. Эта ритмомелодия выражает противопоставление: одно отрицается, другое утверждается.

А ведь у нас не лошадым — рукѣм сгрѣбают (Вол.).

Тут вот не огурицѣ — капуста (Арх.).

А сама была эка небольшой — маленька (Арх.).

Он не старик — младой ейо, на тарху работает (Ряз.).

Не скорá — золото (скорá — кора, лыко; Ряз.).

3. Однородные члены предложения произносятся с небольшой паузой между ними, повышение голоса делается на обоих однородных членах, притом на втором более значительное, чем на первом. Такая ритмомелодия служит для выражения так наз. разделительной связи между однородными членами.

Заболит, так соды цёго попьё (т. е. соды или чего-нибудь другого; Вол.).

На вторителю можно нет, тятя, оста́йи? (на вторителю — на сверхсрочную военную службу; Вол.).

Сотня боле будё (ответ на вопрос: «Сколько верст до Пудожя?»; Арх.).

Гадёе сорок боле, матрй уж (ответ на вопрос: «Сколько лет?»; Ряз.).

ПРЕДЛОЖЕНИЯ, В КОТОРЫХ ОДНОРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ СОЕДИНЕНЫ ПОСРЕДСТВОМ СОЮЗОВ

Союзы, посредством которых соединяются однородные члены предложения, делятся на одиночные и повторяющиеся. К одиночным относятся союзы *и, да и, а, али (аль), ли (или), а то*. К повторяющимся относятся союзы *и—и..., ни—ни..., ли—ли..., либо—либо..., то—то..., буде—буде...*

Союзы одиночные

Союзы одиночные служат для соединения в одно целое двух однородных членов предложения. В зависимости от того, какой союз употреблен, между соединенными членами предложения устанавливаются различные взаимоотношения.

Союз и

Этот союз употребляется во всех говорах. Чаще всего его употребляют между сказуемыми, но он встречается и между другими членами предложения. Соединяя два сказуемых, союз *и* обозначает соподчиненность их одному и тому же подлежащему. Оттенки же одновременности или последовательности действий, а также причинно-следственный оттенок и некоторые другие, заключающиеся нередко в таких словосочетаниях, выражаются не союзом, а ритмомелодией или же вытекают из лексических значений соединяемых сказуемых.

Прели и ткали сами, а конце нет (Вол.).

Обйна́ять суток ходил и не по́мёр... (Вол.).

По́мёрла с простуды: ноги застудила и по́мёрла (Вол.).

Старик-от дрожит и держа́ци не мо́жо (Арх.).

Сель-то совет цёго-то ёму запрети́л и оштрафовал...
(Арх.)

Приде́ иножды и пова́лици (Арх.).

Ну там на ху́мне таце́к сделаютъ и ма́лбятъ (Ряз.).

Я уж старая — я уж не хо́дю и не гля́дю на них (Ряз.).

Старая я и ба́юся (Ряз.).

Када́ рош тья́тётъ, ува́ржи у́ хле́би бе́хаить и сиди́ть
(Б. — Т. О.).

В России ра́досней и лу́же (Вол.).

Это наша лошадь наша жизнь была и наше бога́сьво
(Вол.).

Очень часто соединяются посредством союза и сказуемые, имеющие при себе второстепенные члены предложения. Смысловые отношения между сказуемыми — те же, что и при отсутствии второстепенных членов. В таких предложениях перед союзом делается значительная пауза.

Я в сала́ш-от влез и лег к стене (Вол.).

Ади́н му́йина шел да́рбо́ю и слы́хал стрел (стрел — выстрел; Ряз.).

Полу́чила письмо и поехала в Пу́тер (Арх.).

А мама огонь доста́ла и ворота отвори́ла (Арх.).

Да́й зъявление и тады и иди (второе и — частица; Ряз.).

Между второстепенными членами предложения, соединяемыми союзом *и*, никаких дополнительных оттенков взаимоотношений, кроме объединения в одно целое, обычно не бывает.

Одна у́чи́тельница бы́ла, так занимала сре́дних и ма́лых
(т. е. занималась с детьми среднего возраста и с малышами; Вол.).

От о́йи́ и от ма́тки ушо́у (Вол.).

Весно́й и осе́нью грёзи — так ой! (Арх.).

Зиму́ и лето́м стэ́ражу́ (Ряз.).

Одиночный союз и часто используется для последовательного присоединения нескольких однородных членов предложения. В таких случаях между однородными членами, перед союзом, обычно делается пауза, длительность которой может прогрессивно увеличиваться, так как говорящий, присоединяя очередной член предложения, большей частью при этом задумывается, припоминает и т. п.

Есь и ноне, то́ко то́гда, гляди, больше было бело́к, и зайце́й, и рябе́й (Вол.).

Елку вы́рубаютъ в ле́су де́фьки и уби́раютъ лентами

шелковыми и *сажаютъ* на макушку куклу каминную (Петр. — Ряз.).

У ѡѣтих баб была хлеб и аѣурицы в узле и каши ѣаршок (Петр. — Ряз.).

Союз *да*

Этот союз также употребляется во всех говорах. В северновеликорусских говорах он употребляется значительно чаще, чем в южновеликорусских. Основные отношения между однородными членами, соединяемыми посредством союза *да*, следующие:

1) Объединение в одно целое двух понятий, выражаемых однородными членами.

Лежанку да пец'ку наѣркала (т. е. жарко натопила; Вол.).

Приѣхал старшина да писарь (Арх.).

Шуба да кафтан зимой не скинались и вёсной тожо (Арх.).

Побна пазуха набита житников да пирогов (Арх.).

На крыльце вышла в одной становнице да бёз плату (Арх.).

Дак вышла, дак век свой жила с хлебом да с вологой (Арх.).

Семья у мене — муж да троя дятишек (Ряз.).

Святко был сильный да здоровой, хорошей (Арх.).

Эта роста побольше да умнее все (Арх.).

А доц'ка-то была, дёк она коровку-то кормила да поила (Вол.).

А ёна идё да кланяёци, невеста-то (Арх.).

Писала, што, мама, мои платья перебери да высуши (Арх.).

В приведенных примерах при однородных членах, соединенных посредством союза *да*, не было пояснительных слов. Часто соединяются посредством *да* однородные члены, возглавляющие целую группу относящихся к ним слов. Обычно такими однородными членами являются сказуемые. В одних случаях пояснительными словами сопровождается только один из однородных членов, в других случаях — оба однородных члена.

Мнуцек поужинат да спать идет ко мне (Вол.).

Перемыла да пошла из байны (Арх.).

Мы маленьки-то были, дак нарвем да поделаем цепёчек (Арх.).

Сходила на могилу на вечерней зари да стала поправляёци (Арх.).

*Иван Пентюхин придѣ, покойниѣк, да как возмѣѣи нас-
цѣт апеки (апека — опека; Арх.).*

*Я уйду, и вам меня не найти, перемывку платѣя
возьму да уйду (Арх.).*

*Где бы ночью спать, я не могу спать: выстану да на
лавке посижу (Арх.).*

Соскопѣла грошѣв да сѣздила (Арх.).

Боле себя бурак взяла да волокѣт (Арх.).

*Той весны сходил да купил корову на Глуцѣе
(Арх.).*

Сюды бегала да опять пошла (Вол.).

*Скатѣртки внука забрала себе да уехала в Шитер-
от (Арх.).*

Старик-от пошел в бурлакѣ да там-от ѣмѣр (Арх.).

*На дровни наклали досѣк да положили на доски-
то (Арх.).*

Он под лѣсницю-то полетел да руку сломил (Арх.).

*Она на ногу-то скѣцит да ёго кусѣт (она — змея;
Арх.).*

Принесут ягоды да так сырѣом и ѣдят (Арх.).

Надо хлеб убирать да нас кормить... (Ряз.).

Часто, когда однородные сказуемые имеют при себе поясни-
тельные снова, между группами сказуемых делается значитель-
ная пауза, обозначающая, что говорящий придает каждой из
этих групп самостоятельное значение. В таких случаях, как
и при бессоюзном соединении групп однородных главных чле-
нов, мы имеем дело с перерастанием этих групп в отдельные
сочиненные предложения. Это наблюдается главным образом
в тех случаях, когда при сказуемых отсутствует подлежащее,
так как оно ясно из предыдущего текста или из окружающей
говорящих обстановки. Такое произношение предложения
(со значительной паузой) возможно в следующих из приведен-
ных выше примеров (место паузы обозначено вертикальной
чертой):

Старик-от пошел в бурлакѣ | да там-от ѣмѣр.

На дровни наклали досѣк | да положили на доски-то.

2) Присоединение последующего однородного члена к пре-
дыдущему (чаще всего в таких случаях однородных членов
три и более). Это отношение выражается обычно нарастающим
повышением и усилением голоса на каждом последующем
однородном членѣ или слове, с ним связанным, нередко также —
паузами между однородными членами.

*... Назѣм навозѣть, да спажѣть, да сѣять (назѣм —
удобрение, навоз; Вол.).*

*Мы в эту пору уж ужинам, да цѣй пѣем, да спать
ложѣмси (Арх.).*

*Каб овсяно́й блинок, да тоненькой, да со сметан-
кой, так я бы поела* (Арх.).

Достать тёсу, да тёсу напилить, да перекрыть
(Арх.).

*Поехал, поглядишь приехал, да бурак рыбы привёз, да
да уток привёз* (Арх.).

Петь, да шесь лодок, да боле сошьё (Арх.).

Испекёшь, да выхолодишь, да јисй — хорбошой (Арх.).

... Приехал к нам дак босбй, да нагбй, да бёз поясу
(Арх.).

И в таких предложениях, когда однородными членами являются сказуемые, в особенности если налицо нет объединяющего их подлежащего, группы сказуемых могут перерастать в самостоятельные предложения. Из приведенных примеров это возможно в следующих:

*Поехал, поглядишь приехал | да бурак рыбы привёз | да
уток привёз.*

Испекёшь | да выхолодишь | да јисй | хорбошой.

Союз *да* может употребляться для соединения групп главных членов и в таких случаях, когда один из главных членов или даже все они отсутствуют, т. е. когда предложения неполные.

Серпы схватили да на́ полюсу (глагол, от которого зависит второстепенный член *на полюсу*, отсутствует; Арх.).

Топор за пояс да ушла (то же; Арх.).

Нонь доц'-то гостит да с детьми (глагол, от которого зависит второстепенный член *с детьми*, отсутствует; Арх.).

Особо следует отметить прием присоединения посредством союза *да* только последнего из нескольких однородных членов. Это обычно обозначает, что перечень исчерпан, — таким образом, союз имеет здесь присоединительно-заключительный характер.

... Ширбкой, большой да высбкой (Арх.).

Така́ была хорбша, красивая да здоровая — красивой той
(Арх.).

Этот прием однако мало распространен в говорах.

3) Противопоставление однородных членов.

Силен, да не розвит (Вол.).

*Хозяйка, говорит, нонь јиздила, да ницёго не привёзла,
говорит* (Арх.).

Дом-от он и не казист, да крјжист (Подв. — Арх.).

Кафтанишко-то сшил проворно, да не само дородно
(Подв. — Арх.).

Союз *да и*

Этот союз употребляется как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах. Союз *да и* служит преимущественно

щественно для связывания сказуемых. По своему значению он примыкает к группе соединительно-присоединительных союзов. При нем между соединяемыми однородными членами предложения возможны следующие отношения:

1) Усиленное, сравнительно с союзами *и* и *да*, соединение.

Того-то вѣчера пришел да и свѣтаеѣи (Арх.).

На колени свернулась да и стала перед ним (Арх.).

Все повѣляй лежим да и спим (Арх.).

Иду это я лесом-то да и стрѣла медведя... (Подв.—Арх.).

Спи: достань, не то озьми череп да и тащи жару (спичка — спичка; череп — черепок; Подв.—Арх.).

Не поглядел в печь-то да и скутал, а там уголья шѣют (шѣять — тлеть; Подв.—Арх.).

Живой рукой сбегал да и принес (живой рукой — быстро; Подв.—Арх.).

Ртину-то отворил да и глядит на нас (ртина — увелич. к рот; Подв.—Арх.).

2) Дополнительное присоединение, близкое по своему значению к такому, которое выражают *и кроме того*, *и сверх того*, *а также*.

Дѣти сыты да и обрѣжены (Арх.).

Пара лошадей да и санки избу наехали: два мужика обрядились кѣнями (Арх.).

Я тебе нонь рубаху вымою да и сошью... (Арх.).

3) Вторым из однородных членов может быть выражен результат или исход того, что сказано перед тем.

Дѣби сутоц'ки пожил да и ѹмѣр (Вол.).

Зарѣблю да и куплю хлеба-то (Вол.).

Полежит-полежит да и вѣстанѣ (Арх.).

А муж-от в цяхѣтку-то попал да и ѹмѣр (Арх.).

На боцѣк завалился да и как зауснул (Арх.).

На дровни положили да и повезли стѹпу на мельницу (Арх.).

Озеро росполѣлось, дак свалили в воду да и пригнали (его время половодья разобранный дом перевезли вплавь; Арх.).

Всѣ с батожком хожу, так-то не ходить мне, иду-иду да и падѹ (Арх.).

Занаряди оружье да и стреляй! (занарядить — зарядить; Кулик.—Олон.).

Рубил дѣве в лесу, да и усек топором руку (Подв.—Арх.).

Союз *да* и может, подобно союзам *и* и *да*, употребляться также в качестве заключительного союза.

Одал племѣйницу замуж, да там свѣдебница, да гуляя, да и загостилси (Арх.).

Часто элементы союза *да* и оказываются разделенными каким-нибудь словом.

Ен шѣл, шѣл, да кругом наволобка и ушел (Арх.).

Одна убежала бѣгом да в пѣтлю-ту и попала (Арх.).

Он все пѣвцом был, служил да ей и напра́вился (Ряз.).

Надысь вот буря-то пѣднѣлась да всю и раскрыла ее (крышу; Ряз.).

У ёго выбежано на берег, да напѣлси воды, да в лес и уиѣл (Арх.).

Союзы *и* и *да* употребляются нередко для связывания в одно целое двух или нескольких одинаковых глаголов или существительных. Такое сочетание обычно обозначает усиление: длительность или нарастание интенсивности действия, значительное количество предметов или частое воздействие на предмет.

Воѣ да воѣ как сѣрой волк (Арх.).

Глико, Насташка-то пляшот да пляшот (Арх.).

Прицита́ли да прицита́ли все (Арх.).

Дак ведь репа, выросла — некуда ножкой ступить: всё репа, и репа, и репа (Арх.).

Дождѣва осень-то была: дождѣи да дождѣи (Вол.).

Ницѣть дома не живѣть: все на рѣку да на рѣку (Вол.).

Союз *а*

Этот союз употребляется во всех говорах. Отношение между однородными членами, соединенными этим союзом, — противопоставление или сопоставление. От союзов, рассмотренных ранее, союз *а* отличается тем, что может соединять только два однородных члена, образующих, таким образом, как бы симметрическое, закрытое словосочетание. Посредством союза *а* могут соединяться одноименные члены предложения, выраженные как одинаковыми, так и различными формами.

1) Союз *а* между сказуемыми.

Ножками махал, руц'ками махал, а не плакал (Арх.).

Нате-ка ребята: я ведь наварѣла, а не выхлѣбала одна (Арх.).

А лисица есѣ пропала нонь: не сбежала, а как-то досади́лась (досадиться — разбиться, расшибиться; Арх.).

Только полторы недѣльки проболе́л, а есѣ лади́л поехать жонѣи (Арх.).

У меня сын-то девять раз ранен, а выжил (Арх.).

У нас некоторые мяшкѣ по пять высаживали, а по мяшкѣ нарыли (Ряз.).

Не велик-от зверь, а ла́пист (лапистый — хищный, лютый; Подв. — Арх.).

С утра-то еще в гости поезжала, а в полдень и помер (Подв. — Арх.).

Как видно из приведенных примеров, союз *а* служит для выражения противопоставления или сопоставления того, что выражено сказуемыми вместе с относящимися к ним пояснительными словами. Такое отношение находим в предложениях, в которых при сказуемых нет отрицания *не*; ср.: *У нас некоторые мяшков по пять высаживали, а по мяшку нарыли.*

2) Союз *а* между второстепенными членами предложения.

Тут сказало нацѣльсьво, што матери будѣ, а ей не будѣ (сестре убитого сына не полагается пособия; Арх.).

Пуля-то пролетела, о платье шарконула, а самого-то не задела (Арх.).

Черныцю-то продавали, а малину-то про себя сушили (Арх.).

Не им бы умирать, а мне (Ряз.).

Нет, не зимусь, а прошлым годом (Вол.).

Сперва вымещешь, а потом застилашь (Арх.).

Туды везѣ наѣм, а взадь рожь (Арх.).

Трицять три года дома не бывал, а тут приехал (Арх.).

Перед он бригадиром был, а тут напал сюды (Ряз.).

Раньше он платил пятнадцать рублей дьяньями, а потом падал на пьрасуд (Ряз.).

В тех случаях, когда однородные члены, соединенные союзом *а*, имеют при себе пояснительные слова, в особенности, если нет налицо объединяющего подчиняющего или подчиненного слова, они могут перерасти в отдельные сочиненные предложения (односоставные или неполные). Из приведенных примеров это возможно по отношению к следующим:

Только полторы недѣлки проболея, а ещѣ ладила поехать жонѣи.

Черныцю-то продавали, а малину-то про себя сушили.

Сперва вымещешь, а потом застилашь.

Союзы *али* (аль), *ли*, *или*

Эти союзы употребляются во всех говорах. Они обозначают, что говорящий, зная о нескольких возможных в данном случае предметах, или качествах, или действиях, сомневается в том, что из возможного является реальным.

1) *Али* (аль):

Она, не знаю, Захарку тетка будѣ али сѣстра (Вол.).

Я уж забыла: лонѣ аль в третьем годе (Арх.).

Дак вот деньгами не знаю как — будѣ пособие али нет (Арх.).

Она пахла али дома была? (Арх.).

Сѣдни вѣдро али серой день? (Вол. д. сб., I).

Што, тьяльнá вáша карóва али зая́вила? (Хал.— Курск.).

Итить далёко: с вярсту́ аль набóле (Ряз.).

Дён по десяти али боле жнуть бабы-то (Ряз.).

Дай минé вядрó воды ал' квасу (Кам.— Тульск.).

В южновеликорусских говорах союз *али* употребляется иногда вместе с частицей *бы* (*б*), вносящей в высказывание оттенок предположительности, возможности.

В год раз али бы в три года (Ряз.).

В озкресёнье али б завтра (Ряз.).

С тем же значением, что и союз *али*, употребляется союз *ли*. Он чаще, чем *али*, встречается между однородными членами — числительными.

Десяток ли бóле — не знаю (Арх.).

Ме́цют сёгодня ли не ме́цют? (Арх.).

... *А не знай, мало ли не мало, а худо попадать стала* (рыба стала плохо ловиться; Арх.).

Собрались пáужинать ли обедать — не помню, а у обéх я́год-то полно (Арх.).

В суббо́ту семь ли восемь будет (Ав.— Тер.).

... *Дру́гой год ли третий* (Ряз.).

Да аднаму́, да́лжнó, шашна́цятый год ли сямна́цятый (Ряз.).

Он в Масквё помер ли в Рязани (Ряз.).

Союз *ли* иногда ставится не между однородными членами, а после второго однородного члена.

Сына-то два́цять два года уцѣ́й, три ли (Вол.).

Два́цять шостбѣй, сёмой ли год (Вол.).

Союз *или*, имеющий то же значение, что и *али*, *ли*, встречается сравнительно редко.

На два́цятм или на первом году... (т. е. или на двадцать первом; Вол.).

Пашла́ рыть или б жать (Ряз.).

Примечание. С тем же значением, что и союзы *али*, *ли*, *или*, встречаются изредка союзы *либо* (*лебо*), а *то*.

... *Гадю́к шестѣ́сят либо первый́ год* (т. е. либо шестьдесят первый год; Ряз.).

Цыла́век де́сять нзберѣ́мси, а то три, а то цетверо... (Ряз.).

У дву́б барзсы́ две лебо три́ ка́ждой мѣ́сяц ходят (Вин.— Костр.).

Союзы повторяющиеся

Союзы повторяющиеся ставятся при каждом однородном члене, начиная с первого. Их назначение — объединение однородных членов предложения в одно целое и вместе с тем усиленное указание на однородность объединяемых слов, на

одинаковое отношение их к тому слову, которому они подчинены или которое им подчинено.

Повторяющиеся союзы, употребляемые при однородных членах предложения, — те же, что и при сочиненных предложениях. И значения этих союзов — такие же, как и в сложных предложениях. Повторяющиеся союзы — одни и те же в северновеликорусских и в южновеликорусских говорах.

Союз *и—и...*

Её замуж и звали, и брали (Арх.).

Так он и жил, и старел, всё так (Ряз.).

Бывало, и праси́я нѣмало́тишь, и тры́цѣхи, и всяко́ (Ряз.).

И рыбу дзра́жую, и мясо, и крупу, и муку — всё ямѹ
возять (Ряз.).

И Бельское, и Дзрахёево — все сюды бывали (Ряз.).

Примечание. Изредка в северновеликорусских говорах можно встретить повторяющийся союз *да—да...* с тем же значением, что *и—и...*

Да два рубля, да три берут дак (Арх.).

Впрочем, возможно, что в приведенном примере (к сожалению, других, аналогичных ему, не встретилось) первое *да* является не частью повторяющегося союза, а частицей.

Союз *ни—ни...*

Особенностью предложений, в которых однородные члены соединены посредством союза *ни—ни...*, является то, что сказуемое, если оно налицо, в них отрицательное. Таким образом, предложение с союзом *ни—ни...* по своему содержанию противоположно предложению с тем же составом знаменательных слов, но с утвердительным сказуемым и с союзом *и—и...* при однородных членах.

Хорóшой был муж-от: ни табаку, ни вина не потребляя, только деньги доставал (Арх.).

Ни зимой, ни летом не был бѣых ей (Арх.).

Не было ни дохтура, ни фериала — никто не были (Арх.).

Эти нивески ни скрайть ни умеють, ни шить ни умеють (Петр.—Ряз.).

Ни снѹ, ни яды ямѹ нѣту... (Б.—Т. К.).

... Той жа минутай ни афцы, ни дефѣжинет (Черныш.—М.).

Союзы *ли—ли...*, *либо—либо...*, *али—али...* (*але—але...*)

И горéця ли, холодна ли — всё равно (Вол.).

Ли ужаживать не умйём, ли не знай (не знай — здесь обозначает «что-нибудь другое»; Арх.).

Соха ли, борона ли поладить (Арх.).

Не знаю — на сушиё ли, солить ли (о рыбе; Арх.).

Дали аднѹ усадьбу: ли картёшец'ки пѣсадить, ли прасця (Ряз.).

Ли из парень, ли сасéдов (Ряз.).

Ли глупые были, ли дабрé житрые (Ряз.).

Бёрсты чотыре ли, пять ли д'Осинѣвки (Б.—Д. з.).

Продам ли, как ли, все одно надо подать находить (Б.—Кол.).

Каждой год мы дѣржим фатерников, либо вязких плотников, либо каменщиков (Лук.—Перм.).

А волки, вестимо дело, попадутъ але в тенёта, але в капкан... (Вят.—ВГО, X—51).

Из примеров видно, что *ли* может стоять как перед однородными членами, так и после них. Существенных различий в содержании предложения тот или иной способ употребления этого союза не вносит. Постпозитивное положение союза *ли* несколько теснее связывает однородные члены, почему такой порядок чаще имеет место тогда, когда однородным членам предшествуют или за ними следуют обобщающие или объединяющие слова (см. примеры первый и четвертый).

Союзы *то—то...*, *буде — буде...*

Эти союзы, близкие между собой по значению, встречаются сравнительно редко, причем второй из них характерен только для северновеликорусских говоров.

... Д'елоф-т'е коло Покрова побол'ше, то круп'ки попар'ит, то ц'ево (Гр., I).

Зимой баба будё помолотит, будё дрова повбóзит (Вол.).

ОБОБЩАЮЩИЕ СЛОВА ПРИ ОДНОРОДНЫХ ЧЛЕНАХ

В предложении с однородными членами последние нередко бывают объединены обобщающим словом, обозначающим родовое понятие, по отношению к которому однородные члены обозначают понятия видовые.

Обобщающие слова могут стоять как перед однородными членами, так и после них.

тельных союзов *да*, *да и* и, реже, союза *и*. Союзы эти, главным образом когда они являются составными элементами повторяющихся союзов (*да—да...*, *да и—да и...*, *и—и...*), ставятся не между соединяемыми однородными членами, не перед ними, а после них — непосредственно или же, если за однородным членом следуют поясняющие его слова, — в конце словесной группы, возглавляемой однородным членом.

Рассмотрим различные типы такого употребления соединительных союзов.

Союз *да*

1) Союз *да*, употребленный один раз, при двух однородных членах предложения ставится после первого или после второго однородного члена.

Зарёжешь да, мяскó с'исц́ (Арх.).

А мы тоже это напекём да, стрáнам (Арх.).

При́йхал домой, заболел да (Арх.).

И я думала сходить, поглядеть да (Арх.).

Что в первых двух примерах союз *да* стоит не между однородными членами, а после первого, ясно из того, что после *да* делается значительная пауза, а само *да* примыкает энклитически к предшествующему ему слову. Так же примыкает *да* к предшествующему слову и тогда, когда оно стоит после второго однородного члена (ср. остальные примеры).

2) Союз *да*, как составной элемент повторяющегося союза *да—да...*, ставится после каждого из однородных членов (или после возглавляемой им словесной группы).

Много доцёк: в Онеге да, в Ленинграде да (Арх.).

Много видела грибов да, волнух да (гриб — преимущественно белый гриб; Арх.).

А эта внука Марьюшка да, Аннушка да, Катериனுшка да (Арх.).

Тут рíц'ки да, руи́я да — не видно, как скотина ходит (Арх.).¹

Нету лесу — на острову́ кругом вода да, луга да (Арх.).

Сноха да, брат да семейсво-то было (Арх.).

Конь-то был у нас хорóшой да, молодой да (Арх.).

Ну, а этот был немой да, глухой да (Арх.).

Сходи в ла́соц'ку, мяко́нького купи да, покушай да (Арх.).

Я пе́ць протопила да, рыбу есыпала да (Арх.).

К ро́саднику-то сбросжу да, погляжу тутовки овош́ей да (рассадник — огород; Арх.).

Ты бы, говорит, села да, поела да (Арх.).

Ходила, ходила да, подводой ј́здила бывала да (Арх.).

Такое же употребление *да* наблюдаем и при повторении слова с целью усиления его значения.

Рубах нашила да, рубах да (Арх.).

Берегись да, берегись да — вот и всё (Арх.).

А ён пошел да, пошел да, пошел да (Арх.).

Впрочем, есть случаи, когда один из однородных членов (первый или последний) не имеет при себе союза *да*. Это объясняется, повидимому, тем, что данный член занимает в общем ряду однородных членов несколько особое положение: либо (когда он стоит на первом месте) говорящий не предполагал дать за этим членом предложения другие, однородные с ним члены; либо (когда он стоит на последнем месте) говорящий считал ряд из однородных членов предложения законченным и уже после этого добавил еще один однородный член.

На озёро сѣздя, рыбы наваря да, ухи нахлебáюѝ да... (Арх.).

Наварю да, настряпаю да, детей накормлю (Арх.).

Обычно в таких случаях пауза перед однородным членом или после однородного члена, не имеющего союза *да*, несколько длительнее, чем между однородными членами, при которых союз имеется.

3) Союз *да* ставится при одном из однородных членов, входящих в состав предложения, дважды: и перед ним и после него.

Олександром да, да Григорѣм, да Миколаѣм да (ответ на вопрос: «Как звать сыновей?»; Вол.).

Все тутовки приставают, да приставают да (Арх.).

Иван, сыми телѣнка, говорит, да сварим, говорит, да (Арх.).

Да ржаной хлеб надо покатаь, да покатаь да, да не одійнова перекулацить (перекулацить — вымесить кулаками; Арх.).

Да уж я-то восемна́цять годиков бы́ла прикована у сохи, да пахала, да пахала да (Арх.).

Бабушка, ницѣго я не могу, головушка у меня болит, да болит да (Арх.).

Штук семь приведут да, да медведей да (Арх.).

Да тут попахали да, да тут манастѣрь стали строить о бережкѣ да (Арх.).

Встречаются случаи смешанного употребления союза *да* в одном и том же предложении: при наличии двух рядов однородных членов союз *да* ставится в одном ряду после однородных членов, в другом ряду — перед ними, при наличии одного ряда союз *да* ставится после однородных членов, последний же однородный член имеет союз *да* впереди себя.

Уеззли на погѣс да, в монастырь да, да похоронили (Арх.).

...Накладём *кѣроб да, бурак да, да поедем гостей кормить* (Арх.).

Ноць пашот, да повѣзѣи с парнѣм, опѣть идѣт да (Арх.).

Ну инструмент тут: два шила да, молоток да, да клѣиш (Арх.).

Союз *да и*

1) Союз *да и*, как составной элемент повторяющегося союза *да и — да и...*, ставится после каждого из однородных членов предложения.

...*Со снойой да и, с сыном да и* (Арх.).

Не знаю, куда ушел да и, кружок потайл да и (потайл — спрятал; Арх.).

От мужа наоставалась скотина да и, денег да и (Арх.).

Да в холодном помесѣнии в тифу залежал да и, замерз да и (Арх.).

2) Союз *да и* при последнем из однородных членов ставится и перед ним и после него.

Состряпают наливеушки да и, молоком намажут да и, да и дают да и (Арх.).

Им-то полно блюдо наклали малины, да и высушили да и (Арх.).

Союз *и*

Союз *и* при однородных членах также может ставиться после них. В сделанных записях оказался, впрочем, только один пример, в котором союз *и* при двух повторяющихся словах поставлен перед каждым из них и после второго.

Соху вынѣс и ладит, и ладит и (Арх.).

Как показывают непосредственные наблюдения, постановка соединительных союзов не перед однородными членами, а после них — явление, аналогичное тому, которое выше было показано применительно к сочиненным предложениям. Значение такого употребления союзов при однородных членах — в общем то же, что и при сочиненных предложениях. В чем же это значение? И являются ли эти *да, да и, и* в рассматриваемых случаях союзами в обычном и полном смысле этого слова?

Выше, при рассмотрении вопроса о способах связи между предложениями, мы видели, что, кроме союзов и относительных слов, предложения могут связываться друг с другом еще посредством частиц. Отличия частиц от союзов были указаны в своем месте. Но, понятно, глубокого качественного различия между частицами и союзами, как средством связывания простых предложений в сложные, указать нельзя. И относительно соединительных союзов, рассмотренных в данной главе, можно сказать, что они обладают свойствами,

отличающими их от союзов и приближающими их к частицам. Главные свойства эти — следующие: 1) их постпозитивность по отношению к соединяемым однородным членам, 2) возможность употребления их при таких однородных членах, перед которыми есть союз (см. примеры выше). Можно повторить здесь сказанное ранее относительно сочиненных предложений: не так важно, как назвать эти *да*, *да и*, *и* в каждом отдельном случае, а гораздо важнее определить, хотя бы в самых общих чертах, в чем их функция в тех случаях, когда они стоят после однородных членов. Небезразлично то обстоятельство, что постпозитивное положение возможно только у соединительных союзов, а не у других, т. е. не у противительных и разделительных¹. Это, повидимому, самым тесным образом связано с различием в самой природе соединительных союзов, с одной стороны, и союзов противительных и разделительных — с другой. Если учесть, что союзы в устной речи являются в той или иной мере лишь вспомогательными средствами выражения отношений между объединяемыми единицами речи (предложениями, словами), а основным средством является ритмомелодия, то надо признать, что соединительные союзы в гораздо меньшей степени являются союзами, нежели противительные и разделительные, так как первые указывают только на факт объединения, между тем как остальные указывают, кроме того, еще на противопоставление, «разделительность» и различные частные оттенки этих отношений. Этим объясняется то, что в живой речи гораздо чаще и с большей легкостью обходятся без соединительных союзов (восполняя их отсутствие ритмомелодическими средствами), нежели без союзов других категорий. Таким образом, *да*, *да и*, *и*, стоящие после однородных членов, служат главным образом для выделения и психологического «подчеркивания» этих однородных членов. Эта функция и приближает их к частицам. А то, что они чаще всего употребляются, повторяясь при каждом однородном члене, сопровождая его и вылетаясь в общую ритмомелодическую ткань всего комплекса однородных членов, придает им характер союзов. В качестве таких служебных слов с двоякой функцией и живут они в некоторых северновеликорусских говорах².

¹ Единственный случай с союзом *а*, встретившийся в северновеликорусских говорах: *Да ты Марью на руку возьмешь а, а сам уйдешь а* (Арх.), в целом не меняет картины.

² Мы не решаемся более уверенно утверждать что-либо о рассмотренном здесь явлении, так как не имели возможности достаточно полно его изучать. Ни в печатных диалектологических материалах, ни в фольклорных записях мы аналогичных фактов не встречали, равно как неизвестны они нам также из памятников древнерусского языка.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЧАСТИЦ

При наблюдении над составом и строением предложения в говорах обращает на себя внимание значительное количество частиц — слов, большей частью односложных или малосложных, вносящих в речь самые разнообразные добавочные оттенки смысла. Эти оттенки весьма различны по своему смысловому удельному весу: в то время как одни из частиц приближаются по своему значению к наречиям или к союзам — значение других улавливается с большим трудом. Но у всех частиц есть одна объединяющая их функция — придание речи большей полноты, ясности, выразительности, экспрессивности, нередко — указание на отношение говорящего к высказанному (таким образом, некоторые частицы приближаются по своему значению к вводным словам). Без частиц, как известно, не обходится и письменная речь, и притом ни один из жанров ее. Однако устная разговорная речь, повидимому, особенно в них нуждается¹.

¹ Употребление частиц — явление, как известно, очень древнее. Во всяком случае, в древних классических языках они были широко распространены и также были характерны главным образом для устной, живой речи. Об этом можно судить отчасти по следующему замечанию Мейе: «Dans le grec littéraire, le rapport de chaque phrase avec la précédente, est indiqué par une particule δε, γαρ etc. Cet usage a son fondement dans la langue courante; mais la constance de l'emploi de particules chez les écrivains est due sans doute à ce que les textes grecs conservés ont été composés les uns pour être déclamés ou prononcés oralement devant des assemblées, les autres pour être lus et lus par des lecteurs que ne guidait aucune ponctuation. Dans l'un et l'autre cas, il fallait, pour être compris, insister sur la façon dont s'articulaient les phrases du discours. A en juger par Ménandre et par quelques autres écrivains, la langue parlée ne faisait pas de particules en emploi aussi constant. Mais de ces particules nécessaires pour la clarté, la langue littéraire a su tirer un ornement» («Aperçu d'une histoire de la langue grecque», 2 ed. Paris, 1920, стр. 91).

Частица *и*

Частица *и* принадлежит к числу тех частиц, которые довольно близки по своей функции к союзу: она служит не только, а часто не столько для внесения дополнительного оттенка значения в данное предложение или в данное слово, сколько для направления внимания слушающего к сказанному ранее. Выше мы видели, что частица *и* употребляется во втором из двух сочиненных друг с другом предложений, когда требуется показать, что во втором предложении излагается результат, неизбежное следствие того, о чем говорится в первом предложении. И здесь, в сущности, *и* являлось лишь наполовину частицей, а наполовину союзом. Особенностью этого *и* (в таких случаях) является то, что оно ставится всегда не в начале второго предложения, а в середине его, чем оно и противопоставляется «чистому» союзу (передвижка *и* от середины к началу предложения сразу лишает его указанного выше специфического оттенка значения и превратит в обычный союз). Мы встречаем в говорах многочисленные примеры употребления такого же полусоюза-получастицы *и* в предложении, не имеющем впереди сочиненного с ним другого предложения. Однако из контекста ясно, что данное предложение на самом деле представляет собой дальнейшее развитие предшествующего предложения или предшествующей группы предложений, хотя бы и отделенных длительной паузой, иногда даже другим или несколькими другими самостоятельными предложениями¹.

Она, к которой приходила помогать, и говорит... (Вол.).

Он и погнал их: «Убирайтесь долой!» (Вол.).

Меня и потайило в рёкú (Арх.).

А он скрý, зная, и пабéх в друúю сторону (Ряз.).

Некоторая доля значения союза, несомненно, есть в *и*, употребляющемся в главном предложении, которое следует за придаточным, подчиненным посредством союза или относительного слова *как, когда, где, кто, что* и т. п. Обычно это *и* следует за частицей или за указательным местоимением, корреспондирующим с союзом или относительным словом придаточного предложения.

Как уж сон'це станё позно, так они и пойдут, мы уж их и не загáнивам... (они — коровы; Вол.).

¹ Далее, во избежание нагромождения текстов, не приводятся предшествующие предложения. Но нетрудно представить себе и без них, что приведенные примеры являются не началом, а средней частью рассказа или разговора.

А как его в Красну-то Армию взели, я и отправиласи (Арх.).
А как поутру кресёны выстанут да на ход пойдут, тут я и приусну (Арх.).

Как одна лошадь, так и все (Арх.).

Иде лясёв нет, туда и атправляют (Ряз.).

Ныне, каждо задумаеш, и приговаривают воспу (Ряз.).

Хто где набёх, там и скъвырну́лси (Ряз.).

Кто пыхваецей вязать, и палсётни навезёт (Ряз.).

Цябё хош, то и делай (Ряз.).

Чёво улёпаеш, то и наденеш (улёпать — починить; Д. К. — Куйб.).

Функция *и*, стоящего во втором предложении, главным образом усиительная: это *и* близко по значению к частицам *как раз, именно*. С другой стороны, оно соединяет то, о чем говорится во втором предложении с тем, о чем говорится в первом: например, предложения *Как одна лошадь, так и все* может иметь и такой смысл: «Эта лошадь и все другие лошади одинаковы» (или совершают одинаковые действия); *Хто где набёх, там и скъвырну́лси* — «Споткнулся там же, где бежал». Не во всех подобных случаях это так же ясно, как в этих двух предложениях, но оттенок соединительного значения содержится в большей или меньшей степени во всех *и*.

Иногда *и* совсем не имеет оттенка союзного значения, а выделяет и усиливает какое-нибудь слово в предложении. В таких случаях *и* еще ближе по значению к частицам *как раз, именно*.

Я-то одна и была девка-то (Арх.).

А липовы-то лапти б́уто и не нося (Арх.).

За учителя-то и пошла (Арх.).

У меня приб́ано принёсено, да всё тут-то и положено (Арх.).

Ён, проклятой, тут и сидел, медведь-от (Арх.).

Дак уехал, из Астрахани-то уехал да, в Питере и доживал (Арх.).

А мать-то и говорит: «Миколушка, сугрева моя теплая...» (Арх.).

А я у избы-то и стою, где она заперта (Арх.).

Другой пръядли́вый цлавёк и кажет, а другой и нет (Ряз.).

Как видно из приведенных примеров, частица *и* с указанным значением обычно стоит при глаголе ¹.

¹Д. Н. Овсяннико-Куликовский полагал, что частица *и* этого типа также происходит от союза. Рассматривая значение второго *и* в предложении «И славно: втроем и покатым!» (Гоголь. Мертвые души, гл. IV), он пишет: «Здесь второе *и*... вовсе не соединяет „втроем“ с „покатым“ и вообще не является союзом; оно — усиительная частица, образовавшаяся так: сперва говорили: сидём (в экипаж) и покатым, потом — ради краткости, в скороговорке, пропускали „сидём“, наконец, забыли об

Реже встречаем *и*, близкое по значению к *даже*: оно употребляется для указания, что данное утверждение верно, несмотря на то, что в нем содержится что-нибудь необычное, сомнительное.

Бываё—и вдовици выходя (т. е. бывает, что даже вдовы замуж выходят,— что, повидимому, говорящему представляется необычным; Арх.).

Пайду, пꙋлядꙋ маркови—может анá там и выросла (говорящий сам сомневается в том, что морковь уже выросла; Ряз.).

В северновеликорусских говорах частица *и* с таким значением встречается в постпозитивном положении по отношению к тому слову, к которому она относится.

Не могу на рыбы глядеть и (Арх.)¹.

В качестве усилительной частицы, с оттенком значения, близким к *очень*, *и* встречается при словах, обозначающих понятия, которые могут измеряться в отношении интенсивности.

У нас и пригорело много тꙋтовки (о пожаре; Арх.).

Анá ох и красива была! (Ряз.).

А уж мы это и рады! (Ряз.).

Слово, следующее за таким *и*, обычно произносится со значительным повышением голоса.

этом „сядем“; пока его не забывали, *и* оставалось союзом; когда забыли— оно превратилось в усилительную частицу *и*, следовательно, перестало быть союзом; оно уже ничего не соединяет, а только усиливает смысл того слова, к которому оно приставлено,— придает больше энергии выражению. Такие явления (пропуск слова, сперва с подразумеванием его, с памятью о нем, потом забвение его) называются эллипсом. . . По образцу подобных фраз с эллипсом стали возникать и другие выражения с частицей *и*, т. е. эта усилительная частица стала появляться и в других фразах, где первоначально эллипса могло и не быть. Напр. „Вот тебе постель. Не хочу и доброй ночи желать тебе!“ — говорит в сердцах Ноздрев, рассердившись на Чичикова («Мертвые души», гл. IV), „Уездный чиновник, пройдет мимо — я уже и задумался“ («Мертвые души», гл. VI)» («Синтаксис русского языка», изд. 2. СПб., 1912, стр. 273—274).

Трудно согласиться с Овсяннико-Куликовским относительно того конкретного пути, по которому, по его мнению, *и* передвинулось из разряда союзов в разряд частиц (в особенности неверным представляется его предположение, что вместо нынешнего «втроем и покатым» сначала говорили: «сядем (в экипаж) и покатым», потом, ради краткости, в скороговорке, пропускали «сядем», наконец, забыли об этом «сядем» и т. д.). Несомненно однако, что частица *и* генетически связана с союзом *и*; это подтверждается приведенным выше анализом предложений, в которых *и* выполняет одновременно функции как союза, так и частицы. Этого же взгляда, как видим, придерживается и Овсяннико-Куликовский.

¹ Д. Н. Овсяннико-Куликовский, также приравнивая значение такого *и* к *даже*, считает, однако, последнее наречием («Синтаксис русского языка» изд. 2, 1912, стр. 274), почему *и* также оказывается у него по значению наречием. Не видя никаких оснований для отнесения *даже* к наречиям, оставляем рассмотренное здесь *и* в разряде частиц.

Частица *а* также принадлежит к числу таких, которые обладают в известных случаях некоторыми чертами союза. Очень часто *а* стоит в начале предложения, которое никак нельзя рассматривать как связанное сочинительной связью с предыдущим предложением хотя бы уже потому, что данное предложение начинается собою какой-либо рассказ или новую самостоятельную часть его. Тем не менее наличие *а* указывает на то, что данное высказывание сопоставляется в каком-то отношении со сказанным ранее (говорящим или же слушающим, а может быть, и каким-нибудь третьим лицом). Иногда такое *а* может обозначать, что говорящий ставит свое высказывание в ту или иную связь со своими мыслями или чувствами, в речи не выраженными¹.

А доу'ка-то была, дѣж она коровку-то кормила да поила (Вол.).

А мамка-то на городах живѣ, в Ленинграде (Вол.).

А ты-то пошла в богáто житьѣ, так уж не жáльси (Арх.).

А фосты-то у них дак, а фосты-то тѣнуѣ! (Арх.).

А у них был прут, на краям кусты (Петр.—Ряз.).

А ны был при́атовели́най, бачонок ероди чана (Петр.—Ряз.)².

Несколько иное значение *а* находим в других случаях, а именно: оттенок союза почти отсутствует — говорящий выражает посредством *а* какую-то степень важности, неожиданности, необычайности того, что он сообщает. Здесь *а* уже, следовательно, является частицей в полном смысле слова. Налет союзного значения поддерживается, как, впрочем, и во всех остальных случаях употребления *а*, тем, что оно стоит в начале предложения.

А ишь мы топерь с роботы пришли (Вол.).

¹ Так же смотрит на такое употребление в песнях *а* и других аналогичных слов Ф. И. Буслаев: он полагает, что они употребляются там «частью для музыкального размера, частью же и для того, чтобы указать этими союзами на отношение к предыдущему, впрочем не высказанному, словами, — войти в самую средину предмета, о котором идет речь» («Историческая грамматика русского языка», изд. 5. Синтаксис. М., 1881, стр. 367).

² Такое употребление *а* часто находим в памятниках древнерусского языка. Ср., например, известное начало абзаца в «Слове о полку Игореве»: «А Святослав мутен сон виде в Кieve на горах», где излагаемое приводится посредством *а* в связь со всем сказанным о князьях русских в предыдущей части текста. То же — в начале абзаца: «А не сороки втроскоташа, на следу Игореве ездит Гзак с Кончаком» и в некоторых других местах того же произведения. Ср. также в сочинении Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», где абзацы часто начинаются с *а*, обозначающего переход от одной группы предложений к другой и, тем самым, противопоставление содержания, заключенного в этих группах. То же — и в других произведениях.

Прошло вре́мѣ немножко. — «А я за учителя пойду!» (Арх.).

А парень-то взял ложки-то (Арх.).

А я к тебе приду, — говорит (Арх.).

А моих рассказов хватит до Митриевых дней (Арх.).

А уж горѣ житьѣ-то было, горѣ! (Арх.).

А ситцу мно́го накупилна (Петр.—Ряз.).

Приблизительно такой же характер имеет *а* в начале вопросительных предложений (имеются в виду случаи, когда оттенка противопоставления или сопоставления со сказанным в предыдущем предложении нет).

А где ты на них напала, на рыжики? (вопрос был задан, как только грибы были поставлены на стол; Арх.).

А нук на лето уради́щи рыба? (Ряз.).

Значение выделительно-усилительное *а* имеет в ответах на вопросы. При этом ответ может содержать в себе оттенок объяснения того, о чем спрашивается (хотя бы задающий вопрос и не обнаружил намерения узнать причину), либо оттенок категоричности, иногда оттенок неудовольствия¹.

А я в лисѣх бѣру ягоды-то (Арх.).

А там девушка, звоно! (ответ на вопрос: «Есть ли еще дети?»; Арх.).

А не бувала я никуды, дале своих деревён никуды не бувала (Арх.).

А ницем, сохрани господи, не ба́ливала есѣ (Арх.).

А я не знаю, подружка, отцѣго сеорел (Арх.).

А мы торопимси домой нать уйти (ответ на вопрос: «Вы что э́к торопитесь?»; Арх.).

В повелительные предложения частица *а* вносит оттенок настоятельности.

А зови-ка ей сюды! (Арх.).

А ты посмотри, как ребёнок, году нет, есть хлеб (Ряз.)².

¹ В приводимых примерах все предложения — ответы на вопросы.

² Употребление *а* со значением, в котором почти отсутствует связанный оттенок, то и дело находим в диалогах народных сказок:

Солдат сел с чортом в повозку; как подхватили их лошади, как понесли — только версты в глазах мелькают! Духом довели. «А что, унаеши эту деревню?» — спрашивает нечистой (Аф. Ск., I, 154).

Пошли вдвоем; повстречался им Горыня-богатырь: «Куда идете?» — «А куда глаза глядят!» (Аф. Ск., I, 142).

Шел-шел, смотрит — за решеткой портные сидят. «Что вы делаете?» — «А вот что, Иван-царевич: сидим да войско шьем для бабы-яги, золотой ноги» (Аф. Ск., I, 161).

... Идет и видит — на площади человека кнутом наказывают. «За что, — спрашивает, — вы его кнутом бьете?» — «А за то, — говорят, — что задолжал он одному именитому купцу десять тысяч, да в срок не выплатил...» (Аф. Ск., I, 154).

Подходит, а вокруг огня греются двенадцать волков. «Бог помочь вам, волкам!» — «Добро посаловать, кот да баран!» — «Братец, — спраши-

Частица *да* может находиться в различных местах предложения: она может стоять в самом начале его, может стоять в середине, а в некоторых северновеликорусских говорах ставится и в самом конце предложения. В зависимости от места в предложении функции *да* различны.

1) В начале предложения *да* может частично выполнять роль союза. Подобно *и* и *а* оно может направлять внимание слушателя к сказанному ранее (все равно кем — говорящим, слушающим или кем-нибудь третьим). Перед предложением, начинающимся таким *да*, обычно бывает полная пауза; то высказывание, по отношению к которому данное предложение является как бы продолжением, может быть отделено какими-нибудь другими высказываниями (иначе *да* было бы обычным союзом). В таких случаях *да* служит средством для усиления внимания к данному предложению и вместе с тем — для возобновления психологической связи со сказанным ранее.

...*Да конь-то уж худо, не стала уж пособлеть* (Арх.).

...*Да уж я-то восемнадцать годич'ков была прикована у сохи* (Арх.).

...*Да я и так умру, мене итáйшать* (Ряз.).

Иногда *да* употребляется для обозначения того, что после отклонения в сторону разговор возвращается к первоначальной теме. Иллюстрировать это примерами очень трудно, так как для этого понадобилось бы записать без пропусков значительные по размеру высказывания. Известный оттенок союзного значения находим в *да*, когда оно близко по значению к *впрочем*; говорящий в таких случаях привлекает внимание к такому явлению, которого до этого он сам или другие не знали или не замечали, или сообщает о чем-нибудь таком, что очень желательно для слушателя, проявляющего признаки нетерпения.

Да есь люди кинулись от хозейсьва (т. е. перестали заниматься сельским хозяйством; Арх.).

Да я тебя бы послала домой со есёй охотой! (Арх.).

Да пзбязали за хёршалом, не рявй! (Ряз.).

Довольно часто *да* ставится в начале ответа на вопрос. В таких случаях оно служит только для привлечения внимания слушающего к содержанию ответа.

...*ает баран у кота, — что нам вечерять будет?* — «А двенадцать-то волчьих голов! поди выбери, которая пожирнее» (Аф. Ск., I, 44).

«Королевское дитя! выпусти меня; я тебе сам пригожусь». — «Да как эво я тебя выпущу?» — «А поиди к своей матери и скажи ей...» (Аф. Ск., I, 123).

— *Каково пороботала?* — *Да малёнько, сватьюшка, пороботала* (Арх.).

— *Откуда зеркало?* — *Да из Архангельского у дощери привезено* (Арх.).

— *Маленький ребенок?* — *Да не маленький штоб маленький* (т. е. не такой уж маленький; Ряз.).

Да хунта три, матрй пайдётъ (Ряз.).

Да надьсь три денёч'ка в ясли насйли (Ряз.).

— *Есть ли волки?* — *Да видять тах-то нбцей* (Ряз.).

Да аднамў-то должно быть шаинайятый год ли сямнайятый (Ряз.).

Да хто явб знаетъ — можетъ он умом трбнуласи (Ряз.).

— *Где была?* — *Да ербде палбла мяжў* (Ряз.).

Частица *да*, стоящая в начале предложения, может служить для усиления эмоционального оттенка, содержащегося в предложении, в частности — в повелительном предложении.

Да она, батюшко, так укусит, дак цёловек умрѣ (о змее; Арх.).

Да дощ'-то два раза лўѣ ей (Арх.).

Да ты подумай умом: с палыцѣв заболело (Арх.).

Да на уж, укатйсь от мене, от гуряха-то (Ряз.)¹.

Эх, рабймай, ды хде ўзять-та йўб!.. (Б.—Т. О.).

2) В середине предложения частица *да* употребляется обычно для указания места расчленения предложения на две словесные группы, когда это расчленение делается с целью усиления внимания слушающего ко второй группе, обычно содержащей в себе утверждающее слово.

Из себя да у-у-у то большай! (Вол.).

Вецеринка да соберѣи, дак ой-ой-ой, господи! (Арх.).

Нук да за мной пятёркой бец'! (Арх.).

Нук да с нами плясать! (Ряз.).

Аткѣля-нибудь да йвици (Ряз.).

3) Особый характер имеет способ употребления частицы *да*, наблюдаемый, как уже сказано, в некоторых северновелико-

¹ Сказки дают многочисленные образцы употребления *да* в начале предложения — в вопросах и в ответах:

Тут девица обрадовалась и говорит этим молодцам: «Возьмите меня, голубчики, с собою». — «Да ты чья?» — спросили они (Аф. Ск., I, 131).

Царевич спрашивает: «Куда, музичок, идешь?» — «Да несу черевки продавать; я башмачник». — «Возьми меня к себе в подмастерья». — «Равно ты умеешь черевки шить?» — «Да все, что угодно, умею; не то черевки, и платье сошью», (Аф. Ск., I, 129).

Старик спрашивает дурня: «Куда идешь?» — «Да царь обещал отдать свою дочку за того, кто сделает лучший корабль» (Аф. Ск., I, 144).

«Здоров, дядьку! Зачем в лес дрова несешь?» — «Да это не простые дрова». — «А какие же?» — «Да такие: коли разбросать их, так вдруг целое войско ливится» (Аф. Ск., I, 144).

русских и сибирских говорах. Выше мы уже встретились с употреблением этой частицы в конце предложения или после однородного члена, когда она присоединяется, соответственно, к предыдущему предложению или к однородному члену посредством союза *да*. Частица *да* в таких случаях как бы закрепляет и усиливает соединение. В тех же случаях, когда частица *да* стоит на конце самостоятельного простого предложения, она, повидимому, служит для обозначения законченности высказывания и для закрепления содержания сказанного.

Свѣтъюшка, снеси да (Ахр.).

Я жил далеко, в большой деревне да (Арх.).

Ещё девушка ходит в уѣлисеѣ да (Арх.).

Жил все на казѣном-то мѣсти да (Арх.).

У нас всё веретѣщец'ками да (прядут; Арх.).

Она порядоц'ная из себя да (Арх.).

Сорока годов осталася да (вдовой; Арх.).

Дѣти-то маленькіе были да (Арх.).

Рыбу ловил да, а пашии уж не пахал (Арх.).

Куды ни поглядѣ, сезде лес кругом да (Арх.).

Кѣц'у накошу да (Гарельск.—Д. К., № 252).

Фтриѣат' шэтом году я обяѣлсы выв'ис'т' из лѣсу снопы да (Ленингр.—Д. К., № 131).

Досуль заработки были дешовыи да: руп' дваѣат' была сажэн' дроф... (Ленингр.—Д. К., № 131).

Да ты брат што-то надо мной, я гляжу да, баклушишь (Пук.—Перм).

Малако пирикипятила-да (Ч.—Ил.).

Анисья Чюриляфска приѣзжала-да (Ч.—Ил.).

Пашидим, пашидим — аддахнѣм-да (Ч.—Мам.).

Дедушка приѣжид-да, чай ничь буджем (Ч.—Мам.).

Пришел к има, а они то делают, ужинают да (Б.—Кол.).

Возможное предположение, что *да* в предложениях приведенного типа представляет собой обычное утверждение (иногда предшествующее утвердительному предложению, а иногда употребляющееся после него), не находит себе подтверждения, так как *да* обычно сливается здесь с последним словом предложения в одно ритмомелодическое целое, между тем как, будучи утвердительным словом, оно всегда отделено паузой и характеризуется самостоятельным мелодическим рисунком.

Частица *ведь*

Эта частица также может занимать различные места в предложении: она может стоять в самом начале, в конце, а также и в середине предложения. В последнем случае частица *ведь* обычно ставится рядом с тем словом, к которому она ближе

примыкает по смыслу, занимая по отношению к этому слову либо препозитивное, либо постпозитивное положение.

Частица *ведь* употребляется как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах.

Рассмотрим значение частицы *ведь* в связи с местом, занимаемым ею в предложении.

1) В начале предложения *ведь* довольно близко по своей роли к союзу. Обычно *ведь* начинает собой предложение, в котором приводится мотивировка того, что содержится в предыдущем предложении. Чаше всего предложение, которое начинается с *ведь*, отвечает на вопрос «почему?», возникающий на основании сказанного в первом предложении или в предыдущей группе предложений; иногда оно отвечает на вопрос: «В чем именно дело?», т. е. разъясняет то, что остается неясным после сказанного ранее. Таким образом, предложение, начинающееся с *ведь*, всегда является вторым предложением, второй половиной высказывания, состоящего не меньше, чем из двух предложений. Почему же не считать такое *ведь* союзом, подобно союзам *так как*, *потому что* и т. п.? Если бы дело сводилось только к тому, что то или иное служебное слово выражает известную логическую связь между двумя отрезками речи, то *ведь*, которое в рассматриваемом положении этому условию отвечает, можно было бы считать союзом. Но под союзом принято понимать нечто иное (говорим «принято понимать», потому что по отношению к терминам первым и важнейшим условием возможности пользования ими является добровольно признанное всеми одинаковое понимание их), а именно — служебное слово, употребляемое для объединения в одно целое двух однородных членов или двух предложений, причем это объединение выражается всегда также и ритмомелодическими средствами. Ритмомелодические средства, употребляемые при объединении однородных членов предложения или двух предложений, всегда распределяются между объединяемыми единицами речи так, что по произнесении первой из этих единиц слушающий знает, что за ней последует вторая. С этой точки зрения *ведь* как раз и не является союзом, хотя у него и есть общая черта с союзами (так наз. подчинительными) — выражение логического отношения того предложения, в котором оно стоит, к сказанному ранее. Но даже и в отношении этой своей функции *ведь* отличается от союзов: союз связывает одно предложение с другим или группу связанных между собой в одно синтаксическое целое предложений с другим предложением или с другой такой же группой, образуя в результате этой связи одно ритмомелодическое целое, а *ведь* может выражать логическое отношение между данным предложением и целой группой самостоятельных предложений, не

образующих единого синтаксического целого, причем предложения, между которыми таким способом устанавливается логическая связь, остаются в ритмомелодическом отношении совершенно разделенными¹. В тех случаях, когда *ведь* указывает на логическое отношение данного предложения к предыдущему, эти два предложения обычно составляют одно сложное предложение, в котором простые связаны без помощи союзов. Взаимоотношение между простыми предложениями здесь выражается теми грамматическими средствами, о которых говорилось в своем месте, а *ведь* ничего к этим средствам не прибавляет, в чем легко можно убедиться, опустив его. Его роль сводится лишь к усилению значения, которое и без того уже выражено другими средствами. Но такие два предложения могут и не образовывать единого сложного предложения, а оставаться совершенно самостоятельными. К сожалению, не удалось сделать записей (вследствие технических трудностей), в которых предложение, начинающееся с *ведь*, служило бы пояснением к целой группе предшествующих предложений. Нет надобности пояснять и доказывать, что в таких случаях предложение, начинающееся с *ведь*, в ритмомелодическом отношении всегда самостоятельно.

Из всего сказанного ясно, что *ведь*, стоящее в начале предложения, хотя и близко в какой-то мере к союзу, все же должно рассматриваться не как союз, а как частица.

Дак худо окўтка-то, а мне надо тёпло: ведь старá уж (Арх.).

Принёсу гостѣй-то, а Надежда-то Ивановна: «Ой, Овдотья, не носи ты: ведь они не голодны» (Арх.).

Анѣ байѣи — мужуки придуть и закурать: ведь суи-то какая! (Ряз.).

Мы там нѣзявѣли: ведь на ноц' уйдѣм (Ряз.).

И сама итабѣшь все ноцѣ-то: ведь там камни всё (Ряз.).

Как нѣпьякѣюѣи-то, ѣвварю: ведь Бельское ѣликиб, Наѣорная бальшѣя (удивляется, как могут напечь так много хлеба для двух сел; Ряз.).

2) Частица *ведь*, стоящая в середине предложения, также может усиливать логическую связь данного предложения с предшествующим (выражаемую в основном другими средствами), а чаще указывает, что данное предложение служит для обоснования того, что выражено в целой группе предшествующих предложений.

¹ Добавим, в связи со сказанным, что с точки зрения изложенного понимания союзы *и*, *но*, *а* и т. п., стоящие часто в начале абзаца (типично преимущественно для книжной речи, не только письменной, но и устной), являются не союзами, а частицами; как и частицы *а*, *да*, о которых говорилось выше, они имеют некоторые общие черты с союзами.

...У них ведь делов ёсь-ока (Вол.).

...Я ведь из не бросила маленьких (Арх.).

...Таґда́ ведь жалованье была а́на няё́зжная, тоґда́ ведь мноґо не платили (Ряз.).

...За собакой ведь палка не прыпа́дэть (Ряз.).

Часто предложение с таким *ведь* является ответом на вопрос о причине или основании того, что было сказано ранее.

— Его отправили на флот на три года. — (Вопрос). — Я ведь не понимаю — на сухой берег (Арх.).

— (Вопрос). — Да́к я ведь была в семейсье жила (Арх.).

Иногда предложение с *ведь* стоит на первом месте, а за ним следует другое предложение, в котором содержится вывод, следствие и которое начинается частицей *дак*.

Ведь бывало ловили по-хорошому, да́к пере́цстишь всю (Арх.).

У нас ведь, видишь, сѣверной край, да́к у нас все стыне́ (Арх.).

В других случаях частица *ведь*, стоящая в середине предложения, служит для придания высказываемой мысли большей убедительности; говорящий посредством этой частицы выражает свою уверенность в правильности высказываемого, не допускающей никаких сомнений.

Надо ить и́ти (ить — ведь; Вол.).

А ухodu ведь надо, ухodu (Арх.).

Хбдя́ по лесу ведь с ъма, с собаками-то (Арх.).

Цетыре года ведь страдал на войны́-то (о первой мировой войне; Арх.).

Ты ведь рада, как она убрáлась-то (Арх.).

Мишка-то ведь сам ходит как пустой волдырь (Арх.).

Туды, за Лѣкашѣ-ты, там ведь канѣц' нашей реке, а́на там в большѹ́ю рякѹ упа́дэть (Ряз.).

3) Частица *ведь*, стоящая в конце предложения, обычно служит для усиления того, что утверждается в предложении. Поскольку предложения с *ведь* не могут быть абсолютно начальными в речи, всякое *ведь* содержит в себе оттенок указания на связь с ранее высказанным. Однако степень интенсивности этого оттенка уменьшается по мере передвижения *ведь* от начала предложения к его концу. Вот почему можно утверждать, что «союзное» значение *ведь*, помещенного в конце предложения, если не вполне сходит на нет, то, во всяком случае, минимально и что значение его как частицы выступает в таком случае почти как единственное.

Летом-то и надо смотре́ть-то ведь (Вол.).

Там большѹ́ха-то дома ведь (Арх.).

Частица *дак* (иногда *дэк*) употребляется только в северновеликорусских и в некоторых сибирских говорах. Она может стоять в начале, в середине и в конце предложения. Общее значение этой частицы — выделительно-усилительное, некоторые дополнительные оттенки она придает предложению в зависимости от занимаемого ею места.

1) В начале предложения *дак* может придавать оттенок вывода, заключения по отношению к сказанному ранее.

...*Дак поглядели мы тожо того лбся* (Арх.).

...*Дак вот какой орлопáн-то попал!* (Арх.).

...*Дак вот так мы жили с Надеждой с Ивановной* (Арх.).

...*Дак вот как смёртенька-то приходила, сохрани господи ведь!* (Арх.).

Наличие частицы *вот* (часто при местоимениях *как*, *какой* и т. п.) после такого *дак* — весьма характерное явление в предложениях рассматриваемого типа. Часто предложения, начинающиеся с *дак вот*, — восклицательные.

Частица *дак*, стоящая в начале предложения, может придавать ему оттенок особой убедительности — указывать, что содержание предложения является очень важным доводом в пользу ранее высказанного говорящим мнения.

...*Дак их троё-то прибежали!* (Арх.).

...*Дак уж долонь вся выболела* (Арх.).

...*Дак адрес-то нет* (Арх.).

Как видно из примеров, и в этом случае предложения часто бывают восклицательными.

Иногда частица *дак* ставится в начале ответа на вопрос, если содержанию ответа придается серьезное значение.

Дэк не бывало ёёю письма (ответ на вопрос: «Было ли письмо?»; Арх.).

Дэк вот одна-то это, а большие нет (ответ на вопрос: «Сколько детей?»; Арх.).

В других случаях частица *дак*, не внося ни одного из указанных выше оттенков, употребляется при возвращении к прежнему предмету высказывания или, после небольшой паузы, для обозначения продолжения высказывания.

...*Дак правнуcek летáт уж на еропланах* (Арх.).

...*Дак у меня хорошей был хозéин-от: на што ни взглянё, все сдéлаё* (Арх.).

...*Дак баба-то пришла, мне горсь прéников из кармана пóняла* (Арх.).

...*Дак я-то уж не помню монастырý, уж я не помню* (Арх.).

...*Дак пойду рыбу-то ловить* (Арх.).

2) Выше был рассмотрен один из случаев употребления частицы *дак* в середине предложения. Здесь ритмомелодическими средствами предложение членится надвое, причем отношение между первой и второй частью может быть сформулировано примерно так: «что касается того-то, то...»

Таким образом, предложения этого типа стоят на границе между простыми и сложными. Другие случаи употребления частицы *дак* в середине предложения редки; *дак* при этом служит для выделения какого-нибудь слова или группы слов.

Ой, да што ты, девка, на ноги дак на мои! (девочка наступила на ноги старухе; Арх.).

О риц'ку на крёжику дак стали строить (Арх.).

3) Употребление *дак* (*дэк*) в конце предложения широко распространено в некоторых северновеликорусских говорах, а также, как видно из имеющихся печатных материалов, в некоторых сибирских говорах. Основное значение этой частицы в таких случаях улавливается как усиительно-заключительное. Высказывание благодаря этой частице приобретает категорический характер.

Подём попить дэк (Вол.).

Батько-то у меня помёр дэк (Вол.).

Топерь худо здоровье дэк (Вол.).

Лышка полуцилась дэк (Вол.).

По обём сторонам риц'ки сенокос дэк (Вол.).

— *За кого ты пойдёшь, сказывай?* — *Уж за тебя пойду дэк* (Вол.).

Сына хоронил дак (Арх.).

Никого дома нет дак (Арх.).

Мне девяносто годов дак (Арх.).

Гвоздь отодрали, унесли лавоц'ку дак (Арх.).

Видал всёго дак (Арх.).

Живо эта баба с прибулью, я гляжсу дак (живо — кажется; Б.—Кол.).

А хозяин оннако знат, я смотру дак (Б.—Кол.)¹.

В редких, сравнительно, случаях частица *дак*, стоящая в конце предложения, вносит оттенок, близкий к *ведь*, а именно — подчеркивает, что данное высказывание поясняет причину или приводит основание сказанному ранее.

¹ Такое употребление частицы *дак* находим в «Истории моего современника» В. Г. Короленко;

А воры-те, — сказала Апрося, взяв ложку, — сейчас только затопили... произжали мы, видели-дак... (т. II, ч. 5, гл. VI).

— *А как крест-то вовсе свалится, тогда как?* — *Ну-к што свалится дак? Опять поставим* (там же).

— *Ослаб ты, видно, Яшка. Одолеет она тебя, не справишься дак...* (т. III, ч. 1, гл. XI).

У иных все сгорело: на работе вот были дак (Арх.).

Все твоё дѣк: и дом, и скот, и живот (Вол.).

Частица *дак* с различными указанными выше оттенками значения может ставиться также в конце сложного предложения, относясь либо ко всему предложению в целом, либо ко второй его части.

Ковды не охота, ковды не можешь дѣк (Вол.).

Сам виноват: досадили в порогах дак (Арх.).

Умирать-то надо, да все смерти нет дак (Арх.).

Там уж много народу: там мужиков нашло дак (Арх.).¹

Чисто усилительно-заключительное значение частицы *дак* ясно в тех случаях, когда связь данного предложения со сказанным ранее выражается стоящим в начале предложения противительным союзом.

...А без денег не дают дѣк (Вол.).

...А денег-то было хѣпнуто дак! (Арх.).

Тут вот не огурец — капуста, да вот не умю рѣстить дак (Арх.).

Издредка встречаются случаи употребления частицы *дак* и в начале и в конце одного и того же предложения.

...Дак уехал туды дак (Арх.).

В северновеликорусских говорах в начале предложения с теми же оттенками значения, что и частица *дак* (*дѣк*), употребляется изредка частица *так*.

...Так робятко-то ёйно (Арх.).

...Так я со своимъ родными жила (Арх.).

¹ В. К. Богораз в своем «Областном словаре колымского русского наречия» высказывается так о значении *дак* и *да*, стоящих в конце предложения: «Союз *дак* или *да* ставится для обозначения условности придаточного предложения. *Дак* ставится в конце придаточного предложения, которое следует за главным. *Дай мне карбас, сулил дак! Поневолю последнего отдам, станешь приставать да*. Союз *да* употребляется также в смысле частицы *же*: «как да!» вместо «как же!» «чево да!» вместо «что же!»» (стр. 14). Если второе утверждение (о близости *да* к *же*) может не вызывать возражений, то первое следует признать мало убедительным. В примерах, приводимых далее самим автором и содержащих в себе *дак* и *да*, последние указанного выше условного значения не имеют (ср.: *А хозяин оннако знает, я смотрю дак. Живо эта баба с прибулюю, я гляжу дак. Пришел к има, а они то делают, ужинают да*). Нам кажется, что нет основания во что бы то ни стало усматривать условную связь и в следующих предложениях (хотя заменить в них *дак* союзом *если* здесь и возможно): *Почеву-то на ярмонку плетется, безживотной дак* (безживотной — не имеющий пушнина на продажу). *Мы и портяно-то жилиными ниточками шьем, русских нет дак. Иди сюда, говору дак!*

Вполне возможно рассматривать эти сложные предложения как бессоюзные, приписывая частице *дак* оттенок значения, близкий к *ведь*. Впрочем, для того чтобы с уверенностью решить этот вопрос, необходимо учитывать ритмомелодию рассматриваемых предложений.

Частица *тоже*

Эта частица употребляется как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах. Ее значение — приравнивание, уподобление в каком-нибудь отношении того, о чем говорится в данном предложении, к сказанному ранее. Частица *тоже* ставится всегда при том слове или словосочетании (перед ним или после него), которое обозначает то, что приравнивается, уподобляется. Между *тоже* и словом, при котором оно стоит, обычно не делается паузы, что и является показателем связи данной частицы с этим словом.

У сынка тожѣ пѣтеро (Арх.).

Бабушка сладенького-то тожѣ едала, любила (Арх.).

Дак поглядели мы тожѣ того лбся (Арх.).

Нать тожѣ все узнать (Арх.).

У меня уж одна вышла, а друга тожѣ на той порѣ (Арх.).

Там в Архангельском тожѣ бумаги дано хлеб давать (Арх.).

У нас недалеко, да только тожѣ за озером (Арх.).

У меня тожѣ парень-от хорошей, нечего сказать (Арх.).

А нонь стали попадать у нас тожѣ лози (название рыбы; Арх.).

На пѣрашѣте лятѣл он тоже (Ряз.).

Хяклѣ ее завѣтъ, и мене Хяклѣ тоже завѣтъ (Ряз.).

Может возникнуть вопрос, не является ли *тоже* союзом, притом из числа тех, которые употребляются только для связывания предложений (так как между однородными членами *тоже* никогда не употребляется). Здесь следует обратить внимание на то, что *тоже* никогда не ставится, как это свойственно всем союзам, в начале второго предложения, а всегда только внутри его; *тоже* никогда не служит для соединения всего предложения в целом к предшествующему предложению, а всегда примыкает к одному только слову или группе слов, указывая на их уподобление какому-нибудь другому слову или группе слов в предшествующем тексте. Наконец, *тоже* возможно и в тех случаях, когда предложение, в котором оно стоит, или слово, при котором оно стоит, соединено с предыдущим посредством союза (ср. из приведенных выше примеров пятый, седьмой и последний). Все это служит достаточным основанием, чтобы считать *тоже* не союзом, а частицей.

Частица *все-таки*

Эта частица встречается (относительно редко) как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах. Ставится она и в начале, и в середине, и в конце предложения, большей частью рядом с тем словом, на которое падает в пред-

ложении логическое ударение. Частица *все-таки* вводится для указания, что то, о чем говорится в предложении, имеет место невзирая на какие-нибудь препятствия или вопреки чьим-нибудь сомнениям.

А я нуко знаю все-таки (Вол.).

Ну все-таки я казацкой в цюжой роботке не бывала (Арх.).

На аґарбдах уражай ницявб все-таки (Ряз.).

Ентот все-таки хобить по полю, а ентот Глушков не знал, какая такая поле (Ряз.).

Частица *и то*

С этой частицей уже пришлось встретиться при рассмотрении сложных предложений, в которых на первом месте стоит простое предложение с союзом *хоть* (*хотя*). Там частица *и то* обычно ставится в начале второго предложения. В простых предложениях частица *и то* ставится обычно при том слове, которое выделяется как более важное по смыслу. Значение частицы *и то* близко к значению *даже*, иногда — *и так уж*. В наших записях частица *и то* в простом предложении зарегистрирована только в южновеликорусских говорах. Но на основании некоторых печатных материалов можно утверждать, что она встречается и в северновеликорусских говорах.

Я и то ей байлси, бабке Акулине (Ряз.).

И то долго мы им тянулись (т. е. долго пытались; Ряз.).

А я и то пѣтеро суток итсидѣла, мене судили-то (Ряз.).

Покинѣ, не клеви малово-то, ан и то завсѣ крѣтатся (клевать — дразнить; крѣтаться — капризничать; Подв. — Арх.).

Частица *вот* (изредка *во, эво, от*)

Частица *вот* широко распространена как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах. Основное ее значение — выделительно-усилительное по отношению к тому слову, при котором она стоит. Частица *вот* может стоять как перед тем словом, к которому она относится по смыслу, так и после него. В большинстве случаев она безударна, но в некоторых положениях, как увидим далее, несет на себе ударение. Рассмотрим наиболее важные оттенки значения частицы *вот*.

1) В начале повествовательного предложения частица *вот* может употребляться для указания на активный характер действия, о котором говорится в предложении, а также для оживления рассказа с целью повысить интерес слушателей.

Вот Якунька узнал и пошел (Вол.).

Вот и заревела легла, занемогла (Вол.).

От би пѣдайде́ть — се́екӑр к нам, наклѣ́ньцӑ (Б.—Т. О.)¹.
В таких случаях *вот* обычно ударяемо².

Частица *вот*, стоящая в начале предложения, может вносить оттенок предупреждения о возможном или ожидаемом факте и его последствиях.

Вот да́жй̆ бу́дутъ — и тры́бы̆ бу́дутъ (Ряз.).

2) Частица *вот* довольно часто употребляется при местоимениях *какой, как, сколько* и т. п. Обычно она стоит перед местоимением, несет на себе сильное ударение и придает местоимению иногда указательный, иногда же только усиительный характер. Предложение с таким сочетанием частицы *вот* и местоимения может как бы подводить итог сказанному ранее. Частица *вот* нередко настолько тесно связана в ритмо-мелодическом отношении с местоимением, что последнее без этой частицы в данном предложении невозможно.

Сапоги́ дѣк̆ вот̆ каки́ ему́ нужны́ были (Вол.).

Правну́цѣ̆ у меня́ вот̆ каки́! (Вол.).

Вот̆ ка́ко́ было́ уце́нье! (Арх.).

Цѣ́го бой̆си-то? Вот̆ ка́ка́ де́вка! (Арх.).

Вот̆ ка́кая́ жи́сть а́нѣ́ была́ (Ряз.).

Я бред̆ во ка́кой̆ ви́дала про́ няво́ (бред — сон; Ряз.).

Топе́рь-то̆ вот̆ ско́лько̆ жи́телѣв̆! (Арх.).

С тем же оттенком усиления восклицательного характера предложения частица *вот* может употребляться и при отсутствии местоимения.

А́дѣн̆ раз̆ зме́я пайма́ли — вот̆ испу́гались-то! (Ряз.).

...Вот̆ сме́х-то̆ был! (Ряз.).

3) Частица *вот* употребляется также при указательных местоимениях *этот, такой, тут, тогда* и т. п., усиливая или несколько уточняя их указательное значение. Ставится в таких случаях частица *вот* как перед местоимением, так и после него; и в том и в другом случае безударна.

¹ Третий из приведенных здесь примеров (запись Е. Ф. Бупде), в котором частица показана, повидимому, как безударная, кажется нам в этом отношении сомнительным.

² Частица *вот* с указанным здесь значением постоянно встречается в сказках:

Летала сова — веселая голова; вот̆ онӑ летала, летала и села... (Аф. Ск., I, 72).

Жил был кот да баран, у них был петушок. Вот̆ онй пошлй лыкй дра́ть... (Аф. Ск., I, 38).

Дрозд̆ горевать̆, дрозд̆ тосковать̆, как̆ лиси́цў вы́нимать. Вот̆ нача́л он̆ палкй в̆ яму́ метать... (Аф. Ск., I, 30).

Вот̆ во́лк̆ уше́л в̆ лес̆ вӑ дрова́ми, что́бы̆ печкў вато́пить. В ту́ пору́ Лиса́ Па́трикеевнӑ приста́вилӑ лесенку́ нӑ потоло́к... (Аф. Ск., I, 12).

Эта вот снасть да якорья... шоб дѣти не спихнули в воду (т. е. приходится следить за тем, чтоб дети не спихнули в воду; Арх.).

Я вот в эту избушку ейб схожу (Арх.).

Жылы эти от бѣлына (Б.—Т. О.).

Я таких вот много видаю (Вол.).

Такими вот дровами напиля (Арх.).

Тут вот не огурцѣй — капуста... (Арх.).

Тадѣ вот ездили такие-то трѣпники (Ряз.).

4) Частица *вот* употребляется при различных частях речи для указания, что говорится именно о данном лице или предмете, данном качестве, данном действии и т. п. в отличие, а иногда в противовес другому или другим лицам, предметам, качествам, действиям и т. п. Частица *вот* в таких случаях всегда безударна.

У меня вот тоже нет дѣж (Вол.).

Вчера-то постряпала, теперь вот не одни сутки проживу (Вол.).

Сей год вот травы хороши (Вол.).

У меня вот сын нонь как жонѣлси, так я и не была на свѣдьбы-то (Арх.).

Заболела рука вот левая, доболела до этих пор (т. е. до этого места; Арх.).

Иной цѣлавѣк скажетъ «не дам» — уйдѣтъ, а иной вот нет (Ряз.).

Сямѣять лет вот ляжѣтъ, не вставѣтъ (Ряз.).

Сейчас вот нямнѣжко итлягнѣло (Ряз.).

Он хадѣтъ павѣдилси, хадѣй вот с ним (с ребенком на руках; Ряз.).

Истарѣли вот таперь (Ряз.).

5) Частица *вот* употребляется при различных частях речи для усиления их значения сравнительно с остальными словами в том же предложении.

У иных все сгорело: на работе вот были даж (Арх.).

Мужик был за двоенями-то вот шѣл (Арх.).

А смер'ти-то бы я радѣ, а нету сот ей (Арх.).

Эво к Ульяны сходила, да эво к Устины сходила (Арх.).

Вот у меня двенадцать недѣль не было молока (Ав.—Тер.).

Идутъ народ и за ним следом вот находятъ (грибы; Ряз.).

На пакѣс и жать вот пайдѣшь (Ряз.).

Рибѣты вот ѣдутъ в начѣю, вот и съчиняютъ их... (Д.—Тамб.).

Встречаются случаи, когда частица *вот* служит для усиления не отдельного слова, а всего предложения в целом. Тогда она ставится чаще всего в конце предложения, реже — в начале его.

По ту сторону есь деревня Коровино, и она нашего колхозу вот (Арх.).

Как из одной из этой испекти́, так така же мякúшка, как продают-то вот (Арх.).

Я уж живу четыре года другá ста вот (Арх.).

Дамóй надо во-днях вот (Ряз.).

Сидю лапти плятú вот (Ряз.).

...Несцясáвы — вот каб я́годы были! (Ряз.).

Частицы *вон* (он), *эвон* (эвоно)

Эти частицы употребляются значительно реже, чем частица *вот*, но с теми же оттенками значения. В тех случаях, когда частицы эти имеют указательный оттенок, они, в отличие от *вот*, обозначают указание на что-либо, находящееся или происходящее не в непосредственной близости к говорящему и слушающему.

Нынче за трои сутки дак можно вон куды уезать (Арх.).

На те вон дороги вы́рвеши, дак только давай дело! (Арх.).

Эвон, против-то вон (ответ на вопрос: «Где живет?»; Арх.).

Эвон наволо́ки пóлны цяк (Арх.).

А он, говорит, вторá змея в деревню идё (Арх.).

Аны́ вон каки, пясكى́ (Ряз.).

У них землй вон кольки было! (Ряз.).

Пажáр летось был — вон какой здэразыйый (Ряз.).

Вечером, знамо, мзладые-то и́грають вон в карты-то (Ряз.).

А тапéрь вон знай машины: и прядúть машиной, и шьют (Ряз.).

Частица *это*

Частица *это* встречается одинаково часто как в северно-великорусских, так и в южновеликорусских говорах. Общее значение данной частицы — выделение слова, а иногда и целого предложения из окружающего текста.

В тех случаях, когда частица *это* служит для выделения предложений, она сохраняет еще в некоторой степени значение субстантивированного местоимения. Предложение вместе с частицей *это* (стоящей обычно в таком случае в начале) является как бы ответом на вопрос «Что это такое?»

А это Иван спал, ко мне-то ближе по лавке спал (Арх.).

Ето Талстóв тут был ба́йц'... (Ряз.).

— Куда дедушка Янйáха пашёл? — Он это пэрасёнка и́шет (Ряз.).

Он уехал на Рязань за дня́ми, это на калхóв деньи забира́ты (Ряз.).

Близко к рассмотренному стоит частица *это*, когда она ставится между группой подлежащего и группой составного сказуемого.

Каменный дом — это наше поместье (Ряз.).

Думають, што плохия пира҃чи эта наших жён (Петр.— Ряз.).

В большинстве же случаев частица *это* служит для выделения и тем самым для усиления значения того или иного слова в предложении. Обычно *это* ставится после слова, с которым оно связано по смыслу, и представляет собою по отношению к нему энклитику; после слова с частицей *это* нередко делается небольшая пауза, благодаря чему слово с *это* (а иногда и вся первая часть предложения) оказывается в известной мере противопоставленным тому, что следует далее (в соответствующих примерах из приводимых ниже такая пауза отмечена вертикальной чертой).

А мы тоже это | напекём да, стря́пам (Арх.).

А тут это | дёверь спал в избы́-то, Костя́-то (Арх.).

Оны это | прие́жали, на первого-то ма́ю прие́жали, у нас гости́ли (Арх.).

Я враз пня́ла это | каси́ть, а сна́ха никак (Ряз.).

По неде́ле там это живём, по палти́йнику на де́нь нам кла́ли (Ряз.).

Ведь это каро́в че́рез мужа рэ́зая́й (т. е. благодаря мужу; Ряз.).

... А так он хате́л уйти́ть это, итсла́нйци (Ряз.).

... В этом бару́ называ́е҃щи Жу́лёво, где́ это на маши́ну са́дя҃чи (Ряз.).

А уж мы это и ра́ди (Ряз.).

Пока́ эта́ не́ было́ жево́ дома, фсе по́прімерли (Кар.— Вят.).

Отку́дова ты, мужичок? А вот эта́ из дере́вни (Лук.— Перм.).

Прише́л де́нь йэ́та за́фтруши́й (Петр.— Ряз.).

При́йдем это́ из ле́су, так он пер́вей че́м за хле́б, за со́ль, за са́мый э́тот стру́мент, за тру́бку берётся (Подв.—Арх.)¹.

Частица *так-то*

Эта частица употребляется только в южновеликорусских говорах. Значение ее довольно трудно поддается определению.

¹ На усилительную роль частицы *это* указывает довольно частое употребление ее при вопросительных местоимениях, на которые приходится повышение тона.

Кому́ это́ досуѓ было́ робота́ть е́такіе стро́ения? (Вол.).

Што́ эта́ мой ба́чка ва́умира́л? (Добр.— Слова).

Повидимому, единственная ее роль — это выделение и некоторое усиление значения того слова, при котором она стоит.

... *Тах-то* слушаем, какие заму́ж п̄выхадѣли (Ряз.).

... *А тах-то* стая́ли испадба́лки (Ряз.).

... *Верст шесть тах-то*, боле нет (Ряз.).

Я зѣб дѣжидала тах-то, глѣдь вышѣл... (Ряз.).

Заулоецк наш иплашѣл тах-то (Ряз.).

Картбѣсецѣ ки надысь купила тах-то (Ряз.).

И малина насбжѣна тах-то, да вот насбжѣла (Ряз.).

Он это тах-то вазмѣй да насмѣйсь над ним (Ряз.).

Шла, шла тах-то по гурдѣй (в воде; Ряз.).

... *Да видють тах-то нбѣй* (ответ на вопрос: «Есть ли волки?»; Ряз.).

Пирѣянцѣ амшѣ, тах-то дробно ихрают... (Б. — Т. О.).

Частица *оно (она)*

Эта частица употребляется как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах, причем в последних она всегда (а в первых изредка) выступает в виде *она*, что, повидимому, отражает факт разрушения категории среднего рода. В большинстве случаев частица *оно (она)* употребляется в безличных предложениях, реже — в предложениях неопределенно-личных и обобщенно-личных¹.

Значение частицы *оно (она)* довольно трудно определить. Из того, что она почти всегда стоит в начале предложения, можно сделать вывод, что назначение ее — придавать высказыванию оттенок неполной уверенности. Предложение начинается словом, вначале воспринимаемым как местоимение среднего рода, но в дальнейшем это слово остается вне связи с каким-либо сказуемым; тем самым создается впечатление незаконченности и неопределенности².

¹ В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (т. 2) указывается, что частица *оно* возможна только в безличных предложениях. Это верно применительно к литературному языку, но в говорах, как видно из приводимых далее примеров, частица эта встречается и в личных предложениях.

² В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова говорится, что частица *оно* употребляется «в качестве неопределенного намека на подлежащее». Это утверждение верно передает то впечатление, которое оставляет *оно* в качестве частицы. А. А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка» (вып. 1, § 79) лишь констатирует факт употребления *оно* в безличных предложениях, но не комментирует его. В примечании редактора к этому параграфу (стр. 425) сказано, что в рукописи Шахматова «внизу страницы приписка: Надо обратить внимание на то, что расчленение (с *оно. это*) м. б. вызвано желанием локализации явления; ср. во фр. *il y a*» у Naase».

1) В безличных предложениях¹.

Хуотъ оно снѣгу и нѣтъ (М.—Н.).

Оно тёпло в избѣ (М.—Ш.).

Оно хорошо в рукавицах-ту (М.—Ш.).

Оно как можно отстать-ту (М.—Ш.).

А она хотелось матери поглядѣть (Арх.).

Вот анá дѣвѣжка нѣтъ явѣ (Ряз.).

Да анá нѣчево братъ,—я ѣварю (Ряз.).

Анá явѣ нѣтъ (дождя нѣтъ; Ряз.).

Сейчас анá мне кабытъ лѣще, как в калѣзъ вашлá (Ряз.).

*Если анá нѣдахѣток там, я днѣѣми сколько надо уплѣ-
тѣю* (Ряз.).

Анá уж нѣдѣло сидѣть (Ряз.).

Да анá ѣварѣтъ нѣлѣзѣ (т. е. нельзя разговаривать; Ряз.).

Анá бы и можна, да нѣ хочѣтъ (Черныш.—Б. М.).

Анá как вам сказать? (Черныш.—Б. М.).

Анá — нѣту ей, лѣкарѣства-то, какѣя давѣл, фѣя дашлá
(Б.—Т.).

2) В неопределенно-личных и обобщенно-личных предложениях.

Оно как привыкнешь, так нѣчево (М.—Ш.).

Анá, пожáлуй, с них нѣ вѣзмѣшь (Ряз.).

Анá тут приѣнáли карѣв, и авѣѣ приѣнáли... (Ряз.).

Важно отметить, что в безличных предложениях оно (она) не встретилось при главном члене, выраженном глагольной формой, совпадающей с формой 3-го лица ед. числа. В предложениях неопределенно-личных и обобщенно-личных, насколько можно судить по единичным записанным примерам, частица оно (она) не ставится непосредственно перед глаголом, а отделено от него каким-нибудь словом (наречием, вводным словом).

3) В личных предложениях.

Оно раньше то было у нас три жерди (М.—П.).

Можит анá жар-та немнѣшка вѣдит (Черныш.—Б. М.).

Нѣтъ, анá нынѣ небáльшѣй снѣг был (Ряз.).

Куб анá мужик нѣлажѣл воз, а то бабы... (Ряз.).

*Хошь анá нѣдвѣѣли тѣѣѣки, аблѣѣкá, вѣѣ равно доѣѣ нѣ
будѣтъ* (Ряз.).

Хотя примеров на употребление частицы оно (она) в личных предложениях встретилось немного, но обращает на себя внимание, что ни в одном из них подлежащим не является

¹ Вондрак называет этого типа слова при глаголах в безличных предложениях «Schablonenwörter, Schablonensubjekte nach Art der Sätze mit echten Subjekt». Vondr. — V. S. G., II, 262.

существительное ср. и жен. рода ед. числа: будь это так, *оно (она)* могло бы быть воспринято как местоимение, относящееся к этому существительному.

Частица *всё*

Частица *всё* употребляется во всех говорах и принадлежит к числу широко распространенных. Она имеет значение в одних случаях близкое к наречию, в других — более редких — близкое к частице *всё-таки*. Начнем со второго значения.

А кабы в новом, дак всё походила бы (об обуви; Вол.).

... Всё будет ахóтней нам... всё вьсялэй (охóтней — приятней; Ряз.).

Хто ее знает, как век пражить до смерти — всё свой уталóк лу́фе (Ряз.).

От частицы *всё-таки* частица *всё* отличается тем, что обычно ставится в начале предложения, между тем как первая может занимать место и в середине и в конце предложения.

Частица *всё*, близкая по значению к наречию, может выражать следующие оттенки:

1) «Все время», «постоянно», «в течение долгого времени», «время от времени, и притом долго», «в течение всего периода времени, выраженного в данном предложении другим словом», «издавна и до сих пор», «беспрестанно долго».

Язык-то у меня как колоко́ло — всё и колоко́лю (Вол.).

За им всё и бежа́т, народ-от бежа́т (Вол.).

У нас такая-то пб́чва — всё просит назём (Вол.).

Семь годов, а грудь всё болит (Арх.).

Прицита́м да прицита́м всё (Арх.).

Со снохой-то до сме́ртоньки всё вздо́рили (Арх.).

А он тутова у дёди всё лодку брал (Арх.).

Цяса́ два просидишь ли́шку — ёго всё нету (Арх.).

Бывало в воскресе́ннэ собра́емси на бесе́ду да всё шьем, шьем (Арх.).

Всё у́ дому ходил (Арх.).

Жил всё на казенном-то мисти́ да (Арх.).

А у ей всё красны глаза были, да всё те́ло (Арх.).

Тако́ у ей волосы — всё завива́ющи (Арх.).

По третий год от одной всё и выводим, цыплё́тка-то (Арх.).

Я не без платка хожу, всё в платку́ (Арх.).

Всё бы она в зыбке спать (Арх.).

А ты всё лихасты́си (Ряз.).

Глава́ балить усе́ с тых пбр как на́ну слама́л (Б.—Т. О.).

Толце́я јес' у нас, та фс'о муку толцо́т (Гр., I).

Ты всё не напоролси? (т. е. не наелся; Д.—Без.).

2) «Подряд», «сплюшь», «повсеместно».

Лестинфёрск город, по-за зброду-то казармы всё (Лестинфёрск — Гельсингфорс; Вол.).

До Дьякова всё рякбю (Ряз.).

И сама итабьёшь все нбѹи-то: ведь там камни всё (в городе; Ряз.).

Куды ни кинь — тош в Спасское, тош в Рязань — всё верст сорок да пятьдесят (Ряз.).

3) «Все всегда», «у всех всегда» и т. п., «все без исключения».

А эту большую рыбу-то всё солили (Арх.).

У нас всё веретёшецками да... (прядут веретенами; Арх.).

У меня у девок у скольких — у петя всё такй волбски (Арх.).

Одна только Кузнецёва уцила три зимы, а то всё смённые (Арх.).

Табѹшнее время всё в лаптях хадѹли (Ряз.).

Какую яйцё ни раздѹвишь — с ужѹткими, с ужѹткими всё (Ряз.).

Довольно часто частица *всё* встречается в сочетании со словом *больше*. Это сочетание по характеру своему — наречное и обозначает «обычно», «чаще всего». Частица *всё* имеет здесь усилительное значение.

Хлеб всё больше овсянбѹ (Арх.).

Всё больше одна ем-то, одна, не пихѹюси к ним порато (Арх.).

Она около камёня всё больше тѹтовки (Арх.).

Может возникнуть вопрос, почему *всё* в тех случаях, когда его значение охарактеризовано как близкое к наречному, не считать наречием (как это находим в словарях, например, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, в «Русско-французском словаре» Л. В. Щербы). Надо признать, что некоторые частицы действительно приближаются по своему значению к наречиям, именно к наречиям, характеризующим действие, состояние или качество со стороны интенсивности, масштаба. Эта черта как раз оказывается налицо у частицы *всё*. Однако частицу всегда отличает от наречия то, что она обычно, как слово, имеющее значение оттеночное, в ритмомелодическом отношении тесно примыкает к соседнему полному слову (предшествующему или последующему): между частицей и этим словом невозможно сделать паузу, нередко частица не имеет собственного ударения и гласные звуки в ней подвергаются редукции (ср. частицы *да, так, так, так* и др.), а если и имеют ударение, то несколько ослабленное. Частица *всё* как раз и отличается всеми этими свойствами от тех наречий, с которыми она может

быть обличена по значению, например: *всегда, постоянно, сплошь* и т. п. Наречия могут быть однородными членами предложения, частица *всё* (как и другие частицы) в такой роли выступать не может. Наречия могут быть уточняемы другими словами или сами служить для уточнения других слов (например: «Он это делает постоянно, изо дня в день», «Он кашляет и днем, и ночью, и в комнате, и на воздухе—словом, всегда и везде»); частица *всё* (как и другие частицы) и в этой роли выступать не может. Это дает основание считать *всё* в приведенных выше случаях не наречием, а частицей.

Частица *только*

Частица *только* употребляется во всех говорах. Она может относиться по смыслу либо к одному из слов в предложении, либо к целому предложению. Значение частицы *только* — ограничительное: она указывает, что утверждаемое в предложении относится исключительно к данному предмету, качеству, действию или же (когда *только* относится к целому предложению) — что утверждаемое выключается из высказанного ранее более общего утверждения.

Место частицы *только* определяется преимущественно ритмической структурой предложения. Слово, к которому непосредственно относится частица *только*, всегда выделяется повышением голоса, и это выделение воспринимается независимо от места постановки частицы.

☞ *Только праздника не было такого, а конёц'но веселье* (Вол.).
В Вологду только бывала, а больше никуда не бывала (Арх.).

Там завода никакова нет, только бараки аднй, народ живут (Ряз.).

Другой год только стал хадить ахтмабиль-то (Ряз.).

Только трёх телёнков волк сшиб... (Арх.).

Разик только был-то там, а то нет (Ряз.).

Пять клáссов, што ли, только прашёл (Ряз.).

...Тольки поуже он сига прихóдици (о язе; Арх.).

Придутъ, ляжутъ, спать только (Ряз.).

Ходил полёсовал с братом,— брат-от есцё мальцýшко, только кошёл носил (Арх.).

У ей всё здравое, только лица содралó (Ряз.).

Кавёр выткат, тóлькя кóнцы астáлись (Хал.— Курск.).

Частица *только* может удваиваться — тогда по значению она приближается к наречиям *чуть-чуть, едва*.

Только-только шевелили весёлками-то (Арх.).

Эта частица, несомненно, самая распространенная в русских говорах. Основное и по существу единственное значение частицы *то* — выделение того слова, при котором она стоит, и тем самым усиление его роли сравнительно с остальными словами в предложении. Частица *то* всегда постпозитивна и энклитична.

Собранный материал позволяет установить следующие наиболее типичные случаи употребления частицы *то*:

1) Если предложение, простое или сложное, содержит в себе противопоставление или сопоставление, то в одной из частей такого предложения, при том слове, которое является наиболее важным с точки зрения противопоставления или сопоставления, ставится частица *то*.

Вчера-то пострепала, теперь вот не одни сутки проживу (Вол.).

Цетыре сына, а пята-то девушка (Арх.).

Прялка-то е, да ноне не пряду (Арх.).

Одного медведя убили, а три-то ушло (Арх.).

Нас-то двое, да товарищев двое (Арх.).

Пйсен-то я была мастерйца, да только забыла всё (Арх.).

Без тѣбакѹ плохо, с тѣбакѹм-то ницѣбѹ (Ряз.).

Один из членов противопоставления или сопоставления может остаться невыраженным, так как он ясен из сказанного ранее или из окружающей обстановки.

Зимой-то по сено їздим (Вол.).

Я-то взята с бору (Арх.).

Спер'ва-то он ницѣго был (Арх.).

Частица *то* иногда ставится при соответствующих словах в обеих частях предложения, содержащего в себе противопоставление или сопоставление.

С батогѹм-то ведѣ выѣду, а без батогѹ-то никуда (Арх.).

Драть-то бы нѣбралѹ уж как-нибудь пѣлѣбѹнку, таскать-то уж дабрѣ тѣжалѹ (Ряз.).

2) Существительное, следующее за личным местоимением и поясняющее, кто или что разумеется под местоимением, часто имеет при себе частицу *то*.

А ѳна идѣ да кланяѣци, невеста-то (Арх.).

...Дак ей дали тысяцѹ рублей, той женѹ-то (Арх.).

Ѵна замуж пошла, большѹ-то, большѹ-то (Арх.).

Гѣлавѣстѹй он, лѣн-то (Ряз.).

Частица *то* может стоять не при самом существительном, а при определяющем его прилагательном или местоимении.

Так она там помогѹт, та-то девка (Вол.).

Частица *то* ставится также при существительном, служащем для пояснения предшествующего ему существительного или субстантивированного прилагательного и согласованном с поясняемым словом в падеже.

Жона-то сѣздила туда на положение — место, Танюшка-то... (Арх.).

Она на пер'ву и кладѣт, на лавоц'ку-то (Вол.).

3) Частица *то* нередко употребляется в вопросительных предложениях, причем ставится обычно при сказуемом, но иногда и при других членах предложения, если необходимо их выделить.

Тамока́ куды ходила-то? (Вол.).

Его́ где-ка купишь-то? (Арх.).

Ты отколь ехал-то? (Арх.).

Табуи-то идё — видаете? (Арх.).

4) Частица *то* ставится при словах, обозначающих то, о чем уже ранее упоминалось кем-нибудь из говорящих.

А доц'ка-то была, дѣк она коровку-то кормила да поила (и о дочке и о корове уже шел разговор перед этим; Вол.).

Не много не мало всё-то сенушко накосила, ёго-то и увезли (Вол.).

А мы с вецеринки-то вышли, а у них сани-то заготовлены (Арх.).

Анѣ сама и камѣдовала-то, а он што — всё цѣрез баб (Ряз.).

5) Очень часто частица *то* ставится при подлежащем, стоящем как перед сказуемым, так и после него, причем это сопровождается обычно значительной паузой между группой подлежащего и группой сказуемого и двумя фразовыми ударениями — на том и другом главном члене. Частица *то* и указанная ритмомелодия придают значительность как подлежащему, так и сказуемому в данном их сочетании. (В приведенных ниже примерах место паузы обозначено вертикальной чертой.)

Притця-то | попалась правильно (Вол.).

Отец'-то | кондуктором (Арх.).

Так робятко-то | ейно (Арх.).

Дѣти-то | маленькие были да (Арх.).

Јидѣ, а ноги-то | велихѣюѣи, велихѣюѣи (Арх.).

Катерина-то эта | в Конёво ѳции... (Арх.).

Бол'-то | обсила ей несѣясную (Арх.).

Дак адрес-то | нет (Арх.).

А дѣти-то | уж убежали, убежали дѣти-то (Арх.).

Дождова | осень-то была (Вол.).

Сыновий | мальчик-то (Вол.).

Крупные есь | харыосѣ-то другие (харыос — название рыбы; Арх.).

Там цыяые | люди-то, всё там более при городе (Ряз.).

Сматри́ — как трасник згради́лась | рожь-то (Ряз.).

Предложения этого типа можно отнести к категории тех своеобразных сложных предложений, которые образуются в два приема, двумя волнами.

6) Также часты случаи постановки частицы *то* не при одном из слов, а при двух (иногда и при трех) словах в одном и том же предложении. И в этом случае между словесными группами, внутри которых есть слово с частицей *то*, делается пауза.

А парень-то | взял ложки-то (Арх.).

Я-то одна | и была девка-то (Арх.).

Морозы-то | большие-то, дак тулуп одевали (Арх.).

Девка-то | никак не шла в уценье-то (Ряз.).

Овёцек-то | так охота бы завести-то (Вол.).

Из окóшёк-то | пламя-то выкидывает (Вол.).

Покупáщи-то | хóщеи в такой воды-то светлой (Арх.).

У старух-то | рёсу-то | у баб-то (Арх.).

Парней-то | робят-то | робят-то много (Арх.).

Костя мою-то заработку взял | да его-то заработку взял (Арх.).

Жалел меня пустить-то | с возом-то (Арх.).

Спать-то | хорошо-то, да и мухи не кусают (Арх.).

Детей-то у меня | немножко нонь в жизни-то (в жизни — в живых; Арх.).

И здесь перед нами по существу сложные предложения, образуемые двумя и тремя волнами.

7) Частица *то* употребляется при том слове в предложении, которое говорящий по тем или иным соображениям выделяет, придавая ему оттенок большей значительности сравнительно с другими словами.

Летом-то и надо смотре́ть-то ведь (Вол.).

Ништь-то ему не поглянулось, он и ушел (Вол.).

Не принадлежали к кулацестеу-то (Вол.).

На сарай пошел спать-то (Арх.).

Не знаю — она в деревню-то боле вряд по́йдё (Арх.).

Лед ещё по озёру-то был (Арх.).

В острову-то дак не забнут (Арх.).

Сына-то — нонь-то оstarела, а жалею сына-то (Арх.).

Скоро нашли-то ей (ей — ее; Арх.).

Марьюшка, потри́ столá-то (Арх.).

... Потом перешел на пожáрну, обуча́л молодых-то робят (Арх.).

Девки ведь уж дра́зня пса-то (Арх.).

... Не приняли их в калхóз-то (Ряз.).

Раньше-то все божью закону учили, пь-цáркóвеному (Ряз.).

Наши-то ані, куры, пралік их расшиб, ни адна не несёйи (Ряз.).

Цяб хощ наболтаёт, сын-то ее: с глупіной (Ряз.).

Анадьсь буря-то яб весь раскрыла (сарай; Ряз.).

Сын-то яво пѣстухом был (Ряз.).

И здесь ряд предложений представляет собой тип сложного предложения, образуемого в два приема.

Частица *ну*

Частица *ну* (которую не следует смешивать с междометием *ну*) употребляется как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах. Она может относиться по значению либо к одному из слов в предложении, либо — что является более частым — к предложению в целом.

В первом случае частица *ну* употребляется со значением побудительным и ставится при повелительном наклонении или при вопросительных местоимениях (*как, что, какой* и т. п.).

Ну иди, собирай кусоц'ки (Арх.).

Взял его да «уж ну, мальчик, пореви» (Вол.).

— Ну как? — Эдак (Вол.).

Частица *ну*, относящаяся к предложению в целом, чаще всего употребляется при возвращении в прерванной нити рассказа (перерыв может получиться не только вследствие вмешательства кого-нибудь со стороны, но и из-за отклонения от темы самого рассказчика), а также для привлечения внимания к какому-нибудь важному моменту рассказа.

...Ну, а там жилѧ-то много, все кругом жилѧ (жилѧ — жилые строения; Арх.).

...Ну я опѣть тяну — а лѣска крепкѧ бѣла, на лѣску можно понадѣйи — тяну... (Арх.).

...Ну после стал баловѧть, так я его выгонила (Арх.).

...Ну слушат она разговор-от, слушат дак (Арх.).

...Ну паѣхали, года два тады там жили хѣрашѧ (Ряз.).

Ну дѣла падалжали да ўтрива, — хрѣсты смывать. Ну стали на утру, пашили смывать хрѣсты, а эта дефка нийдѣт, баитца. Ну все сняли хрѣсты... (Черныш. — М.).

Реже частица *ну* употребляется для выражения готовности, примирения, уступки, иногда, наоборот, несогласия, противоречия.

Ну инструмен тут: два шила да, молоток да, да клѣсци (Арх.).

Работать-то она бойкѧя, ну и спорить бойкѧя (Арх.).

Ну все-таки я казацѣйхой в цюжой робѣтке не бывала (Арх.).

В некоторых случаях бывает трудно различить, имеем ли мы дело с частицей *ну* или с междометием *ну*: и частица может передавать эмоциональный оттенок, которым сопровождается высказывание. Главным признаком различия является то, что междометие не связано с предложением, оно совершенно самостоятельно передает ту или иную эмоцию; частица же всегда связана с предложением и вне его не имеет смысла. Трудность различения возникает тогда, когда при *ну* нет лица предложения, но оно угадывается из контекста или окружающей обстановки, например, вопросительное «ну?», побудительное «ну!»

Частица *нуко* (*нука*)

Эта частица, встречающаяся очень часто в северновеликорусских говорах и значительно реже в южновеликорусских, очень близка по значению к частице *ну*. Частица *нуко* употребляется:

1) С побудительным значением, часто при повелительном наклонении.

Нука да за мной петёркой бечь! (Ряз.).

Нуко, Серёжка! Как? (Ряз.).

Нуко, полйзь, полйзь (Арх.).

2) Со значением положительной оценки, удовлетворения, восторга.

Выходные дни дают — нуко весельствуют! (Вол.).

Нуко мой-то мужицёк пойдет маленькой! (пойдет плясать; Вол.).

У нас же раньше нуко пиво варили! (Вол.).

3) Для обозначения энергичного начала какого-нибудь действия.

...Да нуко рыжики ломать да ломать, полон бурак наломала (Арх.).

Нуко ей имать да бить, бегать, убили да на пень положили (убили змею; Арх.).

Нука я явб искать по лесу (Ряз.).

Нук да с ними плясать! (Ряз.).

Нука я яйц'ли събирать да картёшек на них (Ряз.).

4) В повествовательных предложениях для придания высказыванию большей убедительности или выразительности; частица *нуко* может при этом ставиться либо в начале предложения, либо в середине, либо в конце его.

Нуко надо старику туда уйти (Вол.).

Нуко-сь мы все пьёвскакивали (Ряз.).

Я, старуха, нуко јъздила туда (Вол.),

А я нуко знаю все-таки! (Вол.).
Там у меня нуко родных нѣтока (Вол.).
И тот-то подшѣл нуко... (Вол.).

Частица *уж*

Частица *уж* (которую не следует смешивать с наречием *уж*, *уже*) употребляется во всех говорах. Значение ее — выделительно-усилительное. Она ставится как перед словом, с которым связана по смыслу, так и после него и всегда безударна. Важнейшие оттенки значения частицы *уж* следующие:

1) Уступка, изменение прежнего мнения или решения.

Цем так, уж лѹѣ на одном месте жить (Ряз.).

Да на уж, укатись от меня от гряхѣ-то (Ряз.).

2) Усиление — при местоименных прилагательных и наречиях.

Он уж был такой — с людьми-то хорбшой, хорбшой, хорбшой! (Арх.).

Карба-та у нас уш какая брузачая (т. е. бодливая; Кар. — Мозд.).

Драть-то бы надрала уж как-нибудь пъягѹньку, таскать-то уж дабрѣ тѣжалѹ (Ряз.).

Не знаю, куда уж их тута свѣживають (своят; Ряз.).

3) Выражение чувства восхищения или возмущения, удивления или досады — при различных частях речи.

Уж этот — десять цѣловѣк придѹ. дѣк хватит (о большом самоваре; Арх.).

А уж гѹрѣ житьѣ-то было, гѹрѣ (Арх.).

А ты-то пошла в богѹто житьѣ, так уж не жѣльси (Арх.).

Дак уж этой ухѹ немного појисѹ (Арх.).

Дабрѣ уж он цюдѣсно и҃раетъ (Ряз.).

Уж мы не знаем, как тебе расцѹтывать, уж больно х҃рашѹ было (Ряз.).

Мене уж на блинах пѣминѹли, думали — не жив (Ряз.).

Ну-нѹ, не охмыляйся уш, нечѣва там (охмыляться — увертываться, отказываться; Кар. — Мозд.).

Частица *хоть* (*хощ*, *хуч*)

Эта частица употребляется как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах. Она может относиться к одному слову в предложении, но может относиться и к предложению в целом. Частица *хоть* может занимать по отношению к слову, к которому относится по смыслу, как предпо-

зитивное, так и постпозитивное положение и всегда безударна. Частица *хоть* в разных положениях имеет различные оттенки значения. Укажем важнейшие из них.

1) Частица *хоть* обозначает готовность говорящего примириться с чем-нибудь меньшим или худшим по сравнению с желательным или возможным. Она близка в этих случаях по значению к «по крайней мере».

Поглядишь хоть моего жисть-я-то (Арх.),

На, обуйси, да радуйси хоть над тем (Арх.).

Дед, хоть ты цѣвб пѣмагнй, хоть скатйну выхони (Ряз.).

Уж рада-то хоть хадйть стала (Ряз.).

Пайдю пажайи, хош так пѣпытать (Ряз.).

Лѣтам-та хуч каминь вѣзил ны машину, а тепѣрь сидй дома... (Черныш. — Мещ.).

Нѣту мѣтлы, вазьмй хучь акамѣлак, да акамѣлкам падь-мѣтй хѣту (Хал. — Курск.).

2) В сочетании с местоимениями *какой*, *когда*, *как* и т. п. частица *хоть* обозначает «любой», «всякий», «всегда», «всюду», «всяко» и т. п., а при отрицательном сказуемом — «никакой» и т. п.

А мы хоть какую пѣбирѣшку — тады с мамой жили — всё пускали (ночевать; Ряз.).

А он апыть всё прыгаеть, хоть с какѡва крутайра прыга-еть (Ряз.).

Как сѣзѣвб ума нет, так хош какая уцѣтельница ницѣвб не науцить (Ряз.).

3) Частица *хоть* может указывать, что данное положение представляется говорящему как крайняя степень чего-нибудь, и может быть приравнена по значению к «даже».

А ты хоть тѣляшбм хадй (телешбм — нагишом; Ряз.).

А я: «На, на, бярй хоть двести» — тады у нас деньгй были, избушку мы прадѣли (Ряз.).

4) Частица *хоть* употребляется для выражения усилительного оттенка в начале так наз. изъяснительных предложений, не имеющих в начале обычного в таких случаях союза *что* (нередко при этом первое предложение, как легко подразумевающееся, отсутствует).

Такѡ стѣкло было — хоть все на лѣпац'кй дери (Арх.).

Никуда ни гаднѣ, хуть чякѣхай убей ийе (чекѣха — долбня; Хал. — Курск.).

Лѣн плахой воѣси, хоть ни сей... (Б. — Ист.).

5) В сочетании с *бы* частица *хоть* указывает на желательность того, о чем говорится в предложении, причем от предложений с сослагательным наклонением данная конструкция отличается наличием оттенка эмоциональности, иногда очень сильного.

— Тебе колько нать рыбы-то, с пуд? — Ой, какой пуд!
Хоть бы фунтов семерину! (Арх.).

Хоть бы капелька там была какая! (Ряз.).

Хоть бы я радков дсяток пажыл без тебе (Ряз.).

Ох, госпыди, госпыди! Хуч ба на лёта был хлеп харош
(Черныш. — Мещ.).

б) Частицы *хоть* и *хоть* (*хотя*) бы могут употребляться для указания, что данный предмет, признак или действие приводится в качестве примера.

Куда ни кинь — в Рязань, *хоть* в Спасское, — *езде дгляко* — *вёрст сорок да пятьдесят* (Ряз.).

Папá — до *вянцё*; *хатя* бы вот *завтре* мне *вянцяци*, а на *этот* день он *припьёт* (Ряз.).

Частица *будто*

Эта частица встрети́лась нам в северновеликорусских говорах (отмечается также в сибирских говорах). Она может относиться либо к одному какому-нибудь слову, либо к группе слов и даже к целому предложению. Ставится она как перед тем словом, так и после того слова, к которому относится по смыслу. Значение частицы *будто* — двойное. В одних случаях она указывает на то, что говорящий не вполне убежден в достоверности высказываемого; в других случаях она играет роль выделительно-усилительной частицы.

1) Значение частицы — неполная уверенность (установлено при слушании).

Да она *ницёго*, *есть другая будто хорожая* (про рожь; Арх.).

По *глазам-то будто сетка обтянута* (Арх.).

Там *будто жильё затрепало*, в *рукы-то* (жильё — жилы; Арх.).

Иван *будто* наш *идё*, мой сын (Арх.).

А *липовы-то лапти будто* и не носят (Арх.).

У вас *будто* был *котёл-то?* (Арх.).

2) Значение частицы — выделительно-усилительное (также установлено при слушании).

Васильём будто мужа-то зовут (женщина говорит о своем муже; Вол.).

У нас *полати будто есь* (Вол.).

Выбрана будто делегатка (т. е. в делегатки; Вол.).

Не у меня в *дому будто ноцёвали* — у *сестры будто ноцёвали* (Вол.).

Живых двоё, пётеро будто померло (о своих детях; Вол.).

Я *будто* от *второй матери* (Вол.).

...*Ту — бурёнка*, а *эту будто цёрнушка* (так зовут коров; Вол.).

Это для дочери пасу, на *гостинцы будто* (Б. — Кол.).

Примечание. В южновеликорусских говорах встречаются частицы *кубыть*, *кабыть*, совершенно аналогичные по значению частице *будто* первого типа.

Кляквя кубыть нонешний год есть (Ряз.).

Сейчас анá мне кабыть лу́же, как в калтѡв ваши́лэ (Ряз.).

Частица *ровно*

Эта частица также встрети́лась только в некоторых северновеликорусских говорах. Она обычно относится к предложению в целом и придает высказываемой мысли оттенок неполной уверенности (это сближает частицу *ровно* с частицей *будто* в первом из указанных выше ее значений).

Штѣ же, ровно одна девоц'ка у ебѡ-то? (Вол.).

Как уже сонце станет позно, так они и пойдут, мы уж и не загáнивам, они сами ровно идут (о скотине; Вол.).

— *Сеют ли у вас ячмень?* — *Нонце ровно как нет* (Вол.).

Москва ровно обшѣрные показыват, реже ровно (сравнительно с Ленинградом; Вол.).

Иногда эмоциональный оттенок высказывания выражается образованием «уменьшительно-ласкательной» формы от данной частицы.

...Такой высокой, здорѡвой, рѡвнушко Сорокин будѣ ему фамилия (Вол.).

Частица *еще* (*ошѡ*)

Слово *еще* в словарях и в грамматиках большей частью относят к наречиям, исходя, повидимому, из того, что оно, во-первых, неизменяемо, во-вторых, чаще всего относится по смыслу к глаголу, в-третьих, близко по значению к таким наречиям, как *снова*, *уже*, *до сих пор* и т. п. Однако более пристальное наблюдение над этим словом убеждает, что *еще* отличается от наречия довольно существенными чертами и, наоборот, по многим своим признакам примыкает к разряду частиц. В отличие от наречий, *еще* очень часто употребляется энклитически; оно в одинаковой мере может быть связано по смыслу со всеми частями речи; оно далеко не всегда сходно по значению с наречиями. Слово *еще* невозможно представить себе в качестве одного из ряда однородных членов, оно не может, как это свойственно наречиям, иметь при себе другого наречия или усиливающей частицы; значение слова *еще* в очень многих случаях может быть характеризовано только как выделительно-усилительное. Во всем сказанном можно убедиться из приводимых далее примеров. Частица *еще* употребляется во всех говорах.

Важнейшие оттенки значения этой частицы следующие:

1) Частица *еще* близка к выражению *кроме того, далее*; она указывает на то, что перечень предметов, качеств или действий будет продолжен или что действие продолжается, повторяется.

Мёжа есть рёка, за ней ух острова, за ней ойю Кня́жса рёка (Вол.).

Есцё есь Катери́нушка вну́ка (Арх.).

Нынче ейю пашли́ — аны́ дялѣть хатѣли (т. е. еще раз пошли; Ряз.).

2) Частица *еще* может обозначать, что действие распространяется также на другие объекты, кроме названных или предполагаемых.

Я вот в эту избушку есцё схожу (Арх.).

Пшанá клал в башма́к, пёрушки клал, иши́б пятацѣ́к де́ник (Б. — Ист.).

3) Частица *еще* может обозначать, что действие, происшедшее ранее, продолжается и происходит и в момент речи (то же может относиться и к качеству, приписываемому предмету).

Я есцё все помню, цю́ствую (Арх.).

Ен есцё никуды не бывал (Арх.).

Цетыре замужем, а две есцё девками (Арх.).

Нет, ска, Иван Микифорови́ц', я есцё молодá, не иду замуж (Арх.).

Он не старик — мýлой ейю́, на тарху́ работает (Ряз.).

4) Частица *еще* перед сравнительной степенью служит для усиления значения последней.

Я сама-то худо цю́ю, а она есцё хуже́ меня (Арх.).

5) В предложениях или в оборотах речи, характеризующих какое-либо действие со стороны времени, частица *еще* указывает, что это действие в указанное время уже совершилось или совершится.

Недалеко ехать́ нам домой-то, есцё свѣтом сѣ́йдим (свѣтом — засветло; Арх.).

Есцё я не родилась, а дом-от поставлѣн (Арх.).

Аны́ ибмáряли, ейю́ мы не сеяли (Ряз.).

Глядь сюды он уезал, ейю́ мы в Масквѣ́ жили (Ряз.).

6) Частица *еще* употребляется также при напоминании о каком-нибудь факте, имеющем второстепенное значение по отношению к основному содержанию того, о чем идет речь.

У ней дом ейю́ на той улице́ (Ряз.).

...А его́ тады́ бабка ейю́ рассказывала (Ряз.).

Энтáт иши́о, поп-та миня́ винця́л: Хили́л што́ ля (Б. — Ист.).

Как увидим далее, *еще* может входить в состав сложных частиц, служа для усиления их значения и являясь при этом энклитикой.

Частица *тамока́*

Эта частица встречается только в некоторых северновеликорусских говорах. Ее не следует смешивать с наречием *тамока́* (*там*). Частица *тамока́* ставится в предложении в любом месте, но по смыслу тяготеет к сказуемому. Значение этой частицы улавливается с трудом; чаще всего она указывает на эмоциональный характер высказывания, объясняемый неуверенностью, недоумением говорящего, и близко к *что ли, приблизительно*¹.

То запутае́щи, то тамока́ на него насчитают, то цево... (Вол.).

Тамока́ куды ходила-то? (Вол.).

Она на фабрике там сколько тамока́ живет! (т. е. она давно уже на фабрике работает; Вол.).

Как обожнёси, так и идём тамока́ (Вол.).

— *Как зовут сыновей?* — *Олёксандром да, да Григорьём, да Миколаём да, зовём-то Са́ном, тамока́ Шуркой, мы-то звали по-деревенски Гришкой, Колькой всё зовём* (Вол.).

Когда уже тамока́ будет свободно времё! (Вол.).

Частица *в акурате* (*в акурат, акурат*)

Эта частица и ее варианты встретились только в южно-великорусских говорах. Несмотря на ее несомненно заимствованный из литературного языка характер, она довольно широко распространена в некоторых говорах. Частица эта большей частью связана по смыслу со сказуемым и обозначает примерно «как раз в это время». «тут-то», «как раз».

Пришлось в акурате нэступать итить (Ряз.).

Он тут был в акурате в цяс но́ци (Ряз.).

Год в акурате ей (Ряз.).

В акурате рэзяжа́л земский по ржам (Ряз.).

Ля́ли иднава́ — в акурат и присни́лси (Ряз.).

В акурат самым этим го́дом, в эту зы́му, приехали и Пытра́града студёнты (Ряз.).

Акурат как а́на пэступила́, и Ду́нька тоже пэступила́ (Ряз.).

Акурат к нам наехали го́сти-ты (Ряз.).

В акурате мне за́ три вярсты́ ехать (Ряз.).

¹ Отсутствие у слова *тамока́* в приводимых примерах наречного значения установлено при слушании.

Частица *разве*

Эта частица употребляется как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах. Она относится к предложению в целом и служит для усиления его вопросительного характера. Вопросительная форма предложения с частицей *разве* служит способом выражения уверенности, отсутствия у говорящего сомнений в правильности того взгляда, которого он придерживается.

Разве ёбб, беспітова, дошлѣсса! (См. — Каш.).

Кабы ані нам сказали, что нас аштрэхава́ли, разве б мы не запла́тили? (Ряз.).

Разве так мы́сено? (мы́сено — мыслимо; Ряз.).

Разве это возмо́жно — такому выража́й такими словами? (Ряз.).

Частица *ка (ко)*

Эта частица встречается преимущественно в северновеликорусских говорах, а с некоторыми своими значениями — только в этих говорах. Она всегда энклитична; наблюдаются случаи, как увидим далее, когда частица *ка* приобретает добавочный гласный *о* в начале. Значение частицы *ка (ко)* всегда побудительное; степень выразительности данного значения не одинакова в различных случаях употребления этой частицы. Обратимся к обзору этих случаев.

1) Частица *ка* (в северновеликорусских говорах *ко*) при повелительном наклонении или при словах *на, нате* и т. п. усиливает побудительное значение этих форм и слов.

Люсенька, бежи-ко ко мне (Арх.).

А зови-ко ей сюды (Арх.).

Нате-ко, робята, я ве́дь навари́ла, а не выхлеба́ла одна (Арх.).

Кум Сидо́р, кажи-ка ми́не: ты вот у съезжай-то стоя́л бли́жа ма́во... (Мат. 1923 — Орл.).

Пусти-ко мене-та (Д. — Кал.).

2) При различных частях речи частица *ка* указывает на желание говорящего, чтобы слушающий активно реагировал на данное высказывание: иногда говорящий ждет прямого ответа на задаваемый вопрос, в других случаях желает знать мнение слушающего или его отношение к высказываемому, в-третьих — как бы предлагает удостовериться в правильности высказываемого.

Уж не знаю, где-ка та́ких стари́ков есть-о́ка (желание говорящего получить ответ выражен в этом предложении частицей *ка* дважды; Вол.).

Забыла о́пять уж где-ка (Вол.).

Если где-ка родные, и поеду туда (Вол.).

Запою пѣсню, и надо мне плакать-ка (здесь побуждение направлено говорящим к самому себе; Вол.).

Я живу не худо-ка (Вол.).

Ёго где-ка купишь-то? (Арх.).

Видишь тамо-ка люди идут (Мат. 1910 — Вол.).

Здесь-ка нету (Мат. 1910 — Вят.).

«И лето, говорит его, не сменяйте». Он и сидит это-ка (Вол.).

В Академическом словаре (т. IV, выш. 1) приводятся также встречающиеся в северновеликорусских говорах *зде-ка, куды-ка, нонче-ка, боле-ка, туто-ка*.

Довольно часто частица *ка* встречается при местоимении *мне* и других личных местоимениях. В этих случаях говорящий как бы предлагает слушающему обратить внимание на излагаемый факт, поверить в его реальность.

Убедиться в наличии здесь у *ка* особого оттенка значения можно, сравнив формы с *ка* с аналогичными формами без *ка*, очень часто встречающимися в тех же говорах.

Писала мне-ка зѣмуса (Вол.).

Да годов было мне-ка — как сказать — сорок было (Арх.).

Гостинец'-то мне-ка послан, гостинец'-то, прѣник (Арх.).

Где-ка мне-ка взять-то? (Вол.).

Мне-ка племянник помер (М. — П.).

Буде тебе-ка лепетать (Б. — Кол.).

С тем же оттенком значения частица *ка* встречается в некоторых говорах при *есть* (*есть*) и *нет*, причем частица эта получает начальный гласный *о*¹, в результате чего получаются *есть-ока, нет-ока*. Встречается также *нетука*, образовавшееся из *нету* с прибавлением частицы *ка*.

Автомашины есть-ока в Скоп'кѣво ходят (Вол.).

У нас есть-ока жонѣ такая — двух ребѣнков нажила (Вол.).

У меня денѣг нет-ока (Вол.).

Там у меня нуко родных нет-ока (Вол.).

За навакѣ есть застѣйка, а за нас нѣтука (застѣйка — зашита; Кар. — Греб.).

¹ Появление в этих случаях гласного *о* объясняется, надо полагать, аналогией с *тамока*, получившимся из *тамо* + *ка*. Поскольку наряду с *тамо* есть и *там*, *о* может восприниматься как принадлежащее частице, которая в целом воспринимается в виде *ока* («переразложение»); это *ока* затем и прибавляется к *есть* (*есть*) и *нет*.

ЧАСТИЦЫ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ БОЛЕЕ РЕДКО

В говорах встречается еще много других частиц, употребляющихся значительно реже по сравнению с приведенными выше. Рассмотрим их, по возможности объединив в группы на основании общности или близости значений.

Частицы *ай, нешто, неужто, неужели, чи (ти)*

Эти частицы употребляются в вопросительных предложениях, усиливая их вопросительный характер.

Ай табе руки-ты атбалели? (Сол. — Курск.).

Нешто без молодбѣ, што ли, будешь? (Арх.).

Муж ѹмѣр, так неужто не умйю? (причитать; Арх.).

Утром я встал. «Неужели кунйц' мне попало в колодези?» (Вол.).

Ч'и ко́хта, ч'и жал'ётка? (Гр., VII).

Ван'к'а, чи эта ты зде́лал? (Гр., VII).

Ч'и у вас там ду́же сыра? (Гр., VII).

Частицы *как, ишь (вишь), коль*

Эти частицы употребляются в восклицательных предложениях. Частица *как* в сочетании с глаголом совершенного вида обычно служит для указания на неожиданность совершившегося действия. Частица *коль* с прилагательным служит для передачи чувства удовлетворения, иногда изумления перед данным качеством. Частица *ишь (вишь)* близка по значению к частице *вот*.

А на, кѣк патхвѣтица ды на крышу... (а на — а она; Черныш. — Кал.).

Кѣк ён зыри́тъ-та, зыри́тъ! (Черныш. — Мещ.).

Я как бѣтну́сь на пол! (бѣтнуться — броситься, упасть; Д. — Без.).

Он как греба́нѣтъ! (гребануть — побежать скорее; Кар. — Мозд.).

Нет, ты поди пажни́ся — тебе дадутъ, — ишь лодырь какая! (Ряз.).

Ветер-то ишь какой холодной вѣѣ! (Арх.).

Ишь ты како́й жала́нник выиска́си! (жала́нник — жалеющий кого-нибудь; Кар. — Мозд.).

Потрясе́ головой: «Не буду ишь плакать» (Арх.).

Вишь-от костѣ́р-от накла́ден! (костѣ́р — куча, поленица; Арх.).

Ишь байрица да каких пор (бодриться — нежиться; Кар.— Мозд.).

Подружки-то знакомые придут, дак коль весело! (Арх.).
Ой, как у них фосты-то коль долги! (Арх.)

Частицы совсем, вовсе, одва, чуть (чуть ли не), почти, всего

Эта группа частиц служит для обозначения меры, степени. Они, как и некоторые рассмотренные ранее, в известных отношениях близки к наречию. Однако по тем же соображениям, которые были изложены выше относительно частиц *все*, *еще*, правильное отнести их к разряду частиц.

Риденько говорили совсем, а теперь попривыкли (о речи переселенцев-эстонцев; Вол.).

Она зер'кало-то совсем-то испортит (Арх.).

В Сибирь мы ездили — вон какая дарбѣа была, не савсѣм исправленная, и то ездили (Ряз.).

Ана́, тямѹшкѹ-то аташѣала саўсем (Кам. — Тульск.).

Два потонуло, два вовсе потонуло (о колоколах; Арх.).

Ношу-то одва съедѣ — таку принѣсу ношу-то (Арх.).

Сегоду одва не замѣрзли, зима холбѣна была, одва не замѣрзли (Арх.).

На возу-то конь-то одва увѣз (Арх.).

Мужицѣна цють ли не до потолка (Арх.).

Всю бытность там пацтѣй нацѹють (Ряз.).

А монастырь всѣго два корпуса было (Арх.).

Наряд пришѣл на сбѣрок тонн всѣго дак (Арх.).

Частицы все равно, все одно

Эти частицы употребляются для указания, что высказываемое осуществляется или могло бы осуществиться, невзирая ни на какие помехи или возражения.

Не рычите — все равно моя будѣ (Арх.).

Большая баба — хотѣ ламай, все равно в дверь не проташѣть (Ряз.).

Хотѣ ана́ нѣдвиѣали тѹцѣки, аблацѣка, все равно доѣи не будетъ (Ряз.).

... Мы б все аднѣ пранѣли (Ряз.).

Частица лишь

Эта частица близка по значению к рассмотренной ранее частице *только*. Встретилась она в южновеликорусских говорах.

Я умаляла — лишь бы жив был какой-никакой (Ряз.).

Играй песни, хоть лоб тресни, лишь есть не праси́ (Ряз.).
Ни слуху, ни духу, лишь кацётся аднй кукарекають
(Ряз.).

Частицы даже, прямо, просто, ажно, тожно, нали

Эти частицы имеют выделительно-усилительное значение. Частица *даже* указывает при этом, что в предложении высказывается то, чего можно было и не предполагать. Частицы *прямо, просто* указывают, что в предложении содержится нечто, представляющее собой крайность или могущее вызвать сомнение и тем не менее реальное. Частицы *ажно, тожно, нали* близки по значению к *даже*.

С плотам ходил даже до Устюга не по одному разу (Вол.).

А я кричу́ прямо без памяти, думаю — уж прапа́ла я на свете (Ряз.).

Бёдно-пребёдно жили: прямо пмира́ли (Ряз.).

Прапа́ла — а́на́ на нем прямо ду́рно ей сде́лалось (Ряз.).

Подруги, те прямо диву́ющи (Арх.).

А́нй просто кто не крё́сть зёмлю, крё́ли ее, хлеба́ мно́го имели (о кулаках; крыть землю — засе́вать; Ряз.).

Во́т я ви́дяла стра́шной со́н-та, испужа́лась ажно́ (Черныш. — Мещ.).

Ишь, как упё́тался, тожно́ ноги не служат! (упё́тался — ума́лся; Кулик. — Олон.).

Так у ей ноженьки и подкосились, присела нали (Подв. — Арх.).

Табак какой славной, забористой! нали слезы из глаз (Лук. — Перм.).

Частица *эк*

Эта частица встречается только в северновеликорусских говорах. Она имеет указательное значение, иногда близка к *вон как*, иногда к *это*. Частица *эк* может также употребляться при существительном в значении «вон какой».

Снег раста́ял, а трава эк шата́е́щи от ветру (Арх.).

— Вы что эк торо́питесь? — А мы торо́пимси́ домой нать уйти (Арх.).

Бродила до эк мест (Арх.).

Сложные частицы

В говорах встречается много сложных, обычно двойных частиц. Значение таких частиц большей частью представляет собой либо сочетание значений той и другой частицы, либо усиление второй частицей значения первой (если вторая час-

тица имеет выделительно-усилительное значение). Некоторые сложные частицы употребляются как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах, другие, как видно из приводимых примеров, — в говорах только одной из этих групп.

Сложные с *вот* (эво)

Так вот уж ему с пер'вого мая надо бы выйти — четвёртой год служит (Арх.).

С десяти лет пошел на роботу-ту, дэж вот всё и работаю (Вол.).

Дак вот одна-то это, а больше нет (ответ на вопрос: «Сколько детей?»; Арх.).

Хозёйка меня в пёстуньи наняла дак вот (Арх.).

Суседи-то не дали ницёго отобразь дак вот (Арх.).

Дак эво вышла за суседа (Арх.).

Тах вот тах-то живём, трудимси (Ряз.).

Аны некоторые так-то вот шатаюци (Ряз.).

Да вот сидишь с рабёнком... (Ряз.).

Ну вот за этим я была, ну вот за катёрого выхадила-то (Ряз.).

Вышла — ну вот бог житья не дал, помер он (Ряз.).

Это вот к ним народ ездили (Ряз.).

Сложные с *ведь*

Да ведь недолго, опáшут картофь-ту (Арх.).

Да ведь на крюккй-то надо мука ржания (наживка; Арх.).

Да ведь где-нибудь опустилси, не всё летáт (Арх.).

Да ведь будут уцйтъ — уцёным будетъ (Ряз.).

Да ведь жен-то дабрё баяци аны (Ряз.).

Дак ведь три сйти е, у меня доц'ка ловит (Арх.).

Дак ведь репа выросла — некуда ножкой ступить, всё репа, и репа, и репа (Арх.).

Мы были ў смерти, дак ведь эко цюдо пришло (Арх.).

Тот уж слўживал дак ведь (Арх.).

А ведь куды ты с ей пойдёшь? (Арх.).

А ведь, можё, ещю заловлена днём (о рыбе; Арх.).

А ведь не пивала молодухой была (про чай; Арх.).

А ведь мы ткали и прядáli сами-то (Ряз.).

Сложные с *как*

Всё стал будто как эдак для себя (Арх.).

Эпо ведь будто как обширные место (Арх.).

Дак у нас эти цастые-то сйти эк как... (Арх.).

— Сеют ли у вас ямень? — Нонце ровно как нет (Вол.).

Сложные с *это*

И тах-то это тебе марáйицѣ пустьяковина-то (марá-
щиться — мерещиться; Ряз.).

Я вот это на колодезе вбду церéпала (Ряз.).

Сложные с *уж*

Я пресь бѣла досѹжая, напряду дак уж... (Арх.)

*Как уж нам хграшб по этим вѣтлам, как уж мы по ним
тужим!* (Ряз.).

Другие сложные частицы

Мне б дамно надо икалѣть, а всё еѣю живу (Ряз.).

Атѣля да нука в рыски чанáть (Ряз.).

ВВОДНЫЕ СЛОВА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Под вводными понимаются такие слова и предложения, которыми говорящий сопровождает свою речь и которые, не являясь членами предложения или придаточными предложениями в составе сложного, служат для выражения отношения говорящего к своему высказыванию. Вводные слова и предложения хотя и относятся к одному из членов предложения либо к предложению в целом, однако не связаны с ними ни сочинительной, ни подчинительной связью.

Что касается отношения говорящего к своему высказыванию, выражаемого посредством вводных слов и предложений, то здесь наблюдается значительное разнообразие оттенков, что будет видно из дальнейшего. Это разнообразие приводит к тому, что в то время как одни вводные слова и предложения близки по своему значению к самостоятельным (хотя и менее важным по своему содержанию) словам и предложениям, другие, наоборот, приближаются к частицам и выражают едва уловимые оттенки, дополнительно вводимые говорящим в свое высказывание.

Резко отграничить вводные слова и предложения как от самостоятельных слов и предложений, так и от частиц не представляется возможным. Точно так же трудно провести различие вводных слов от вводных предложений, так как в ряде случаев отдельное слово или группа слов могут быть рассматриваемы и как предложение — односоставное или двусоставное, полное или неполное. Встречаются нередко и такие вводные слова и предложения, значения которых почти неуловимы; они употребляются с целью заполнить какие-то интервалы в ходе высказывания, иногда в силу установившейся в говоре своеобразной традиции сопровождать речь вставкой особых «словечек». Эти последние в равной мере можно рассматривать и как частицы.

Перейдем к обзору вводных слов и предложений, встречающихся в говорах. Необходимо лишь добавить, что в отношении вводных слов и предложений наблюдается гораздо ббльшая дифференциация по группам говоров и даже по отдельным говорам, нежели в отношении других синтаксических сторон языка. Встречаются, кроме того, и такие вводные слова и предложения, которые употребляются только данным лицом, составляя индивидуальную особенность его речи. Все это очень характерно именно для рассматриваемой синтаксической категории, функции которой, как это вытекает уже из самого предложенного выше ее определения, весьма своеобразны.

ВВОДНЫЕ СЛОВА

Вводные слова характеризуются одной общей чертой: их значение представляет собой более или менее значительную модификацию значения того слова, форму или видоизменение которого они собой представляют. Иногда между значениями вводного и исходного слова совершенно нет ничего общего, хотя, несомненно, они генетически связаны между собою. Таким образом, вводные слова являются своего рода идиомами, почему очень многие из них не могут быть не только переведены точно на другой язык, но и переданы соответствующим близким по значению вводным словом другого языка, так как такого слова может в другом языке вовсе не быть.

Большинство вводных слов может ставиться в любом месте в предложении, если они относятся по смыслу ко всему предложению в целом; если же посредством вводного слова оттеняется так или иначе отдельное слово или группа слов, то оно ставится непосредственно перед этим словом или группой слов либо после них. Вводные слова обычно примыкают в ритмомелодическом отношении к предшествующему или последующему слову в зависимости от смысловой связи с тем или другим.

Обзор вводных слов ведем в соответствии со степенью их распространенности в говорах, начиная с наиболее распространенных (поскольку об этом можно судить по собранному материалу).

Ска (ску)

Это вводное слово встречается в некоторых северновеликорусских говорах и характерно для повествовательного жанра. Большей частью оно употребляется в прямой речи, но может стоять и впереди ее — в предложении, принадлежащем рассказчику, нередко прибавляясь к глаголу *говорить*, *думать* и т. п.¹

¹ В приведенных в этой главе примерах, записанных нами, вводные

Племёйнице отдала рыбник-от. «На ска, поедят робята» (рыбник — рыба, запеченная в тесте; Арх.).

Я пришла ска, што тебе нужно? (Арх.).

Нет ска, Иван Микифоровиц, я есцё молодá, не иду замуж (Арх.).

В работници нанимáщи не захотела, ска тяжело будё жить (Арх.).

Ой ска, девки, девки, ума-то мало! (Арх.).

Ты поштó взял, батюшко ска? (Арх.).

Малé обделали ўзбу-то ска (Арх.).

— Сын-от куда уехал? К твоим детям? — Да ска, к моим (Арх.).

Была тут заднёха хорóша, дак в заднёхе ска зимой-то (заднёха — небольшая утепленная пристройка к задней части дома; Арх.).

Я и говорю ска: «Глупáя ты, глупáя!» (Арх.).

А иной раз пришёл, я и говорю ска: «Вот што, паренёк...» (Арх.).

Он ерал то сильнё, да я и не кýрнул, пускай, ску, врет (ску — думаю, говорю; Кулик. — Олон.).

Иногда ска употребляется при местоимении 1-го лица перед прямой речью при отсутствии глагола говорить.

Я ска: «Поштó ты берёшь? Шесъ рублей как в воду бросила» (Арх.).

Я ска: «Ишь ты не знаячи взял: не зна, кака есь, да и взял» (Арх.).

Это ска произносится слитно с местоимением я и всегда безударно. Приписать ему значение глагола говорю, сказал нет оснований (ср.: Я и говорю ска...).

Вводное слово ска нередко употребляется в предложении по два и даже по три раза.

На-ко ска, брáтелко ска, поешь моей двинянки (двинянка — род хлеба; Арх.).

Дак, я ска, вы, матушка ска, ей не ругайте (Арх.).

А достань ска, я ска пресь ска досёжа (т. е. достань прилку, я прясть мастерица; Арх.).

Мотри (реже смотри)

Это вводное слово встречается почти исключительно в южно-великорусских говорах. Значение его — уверенное предположение говорящего о правильности высказываемого.

Пбмер даено, ѓадбв матрй семь будеть (Ряз.).

слова не выделяются знаками препинания, если последние не требуются другими структурными особенностями предложения.

Два́цять сямб́й матр́й год поше́л (ответ на вопрос: «Сколько лет?»; Ряз.).

В ма́гази́не матр́й все́ на деньги́ даю́ть (Ряз.).

Гадбе́ пять матр́й не работаю́ (Ряз.).

Он уж́ вот ка́кой год матр́й прѣсѣ́дате́лем (Ряз.).

Ме́сяц матр́й пра́ше́л (Ряз.).

Ма́я матр́й спит́ (Ряз.).

Он ня́давно́ то́лько пѣ́ступил́, матр́й то́лько прише́л (Ряз.).

Гадбе́ с ма́трй ше́сть пра́ше́л, вот ка́к я пѣ́нимаю́ (Ряз.).

Ана́ с ма́трй го́да три́ али́ бо́льше уцѣ́ласи́ (Ряз.).

Вводное слово *матри* может употребляться с оттенком предупреждения, угрозы.

Ви́дь-ко, а то́ дам, ма́три, гу́зном! (гузно — нижняя часть у прялки; Фил. — Разгов.).

Иногда вводное слово *матри* употребляется в предложении дважды.

А ле́су ма́трй ле́т пять́десят ма́трй (Ряз.).

Зна́ть

Это вводное слово встречается как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах. Преобладающее его значение близко к «повидимому», «должно быть», «кажется», но иногда оно обозначает «стало быть», т. е. указывает, что говорящий рассматривает высказываемую им мысль как вывод или следствие из сказанного ранее.

Он зна́ть не приде́т (Ак. сл. — Костр.).

Зна́ть я́го ни́ма́ дба́ (Ак. сл. — Орл.).

Ты зна́ть ро́дны́ ему́ (Ак. сл. — Перм.).

Харби́ мужи́к, ни́цаво́, да вот до́лго́ жи́ть не ста́л, зна́ть изла́ма́лси́ (Ряз.).

Е́шо́ нѣ́зыва́еѣи́ зна́ть ва́кба́л (Ряз.).

А он скрѣ́ву зна́ть и пабе́х в дру́гую́ сто́рону́ (о старике, слепом на один глаз; Ряз.).

На тре́тий де́нь зна́ть прише́л (Ряз.).

Тре́х ава́ецъ́ зна́ть прѣ́ба́ла (Ряз.).

Та́кая вре́мя зна́ть при́шла (Ряз.).

...Ха́кѣвной, аѣ́я зна́ть Хо́кой́ зва́ли (ответ на вопрос: «Как звать?»; Ряз.).

...Зна́ть я та́е́ не до́цъ́ (Ряз.).

Мо́жет бы́ть, мо́жет (мо́же, мо́жо)

Это вводное слово встречается как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах. Можно рассматривать *может* как вариант к *может быть*, но можно считать его и

самостоятельным вводным словом, как это предлагает Шахматов¹, тем более, что *может* (*может, можно*) встречается в говорах значительно чаще, чем *может быть*. Значение — предположение о правильности того, что высказывается в предложении.

Они можот быть не знают (Вол.).

Ситцю принясуть, денег принясуть может быть сотни по цятёре (Ряз.).

Он можа дома сидить (Иер. — Пск.).

А ведь можа вчера есцё заловлена днем (о рыбе; Арх.).

А может мы скажем нъхърашб, а всё пишуть (Ряз.).

Пайдѹ пѣлядѹ маркѹви, может анѹ там и выросла (Ряз.).

Ширнѹ рогачом под печь: можить веник там (Кар. — Мозд.).

Што ли (што ль)

Это вводное слово встречается как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах. Оно ставится в середине или в конце предложения, но не встречается в начале его. Значение его — неуверенность в точности того, что высказывается в предложении. Поэтому данное вводное слово часто встречается в предложениях, в которых идет речь о количестве чего-нибудь. Нередко оно употребляется также в вопросительных предложениях и обозначает, что говорящий желает услышать от собеседника подтверждение или, наоборот, отрицание сказанного.

Нешто без молодой што ли будѣ? (Арх.).

Гадбѣ ей трыцѣть что ли пять (Ряз.).

Скольки им гадбѣ-то было? Пятдесят по пяти што ль? (Ряз.).

Пять классов што ли только прашѣл (Ряз.).

Девцѣнка у мене приехала, в Воскресенском ѹцѣи, канѣ-кол што ли назывѣѣи (Ряз.).

Адѣи через год што ль помер у ней (через год — год тому назад; Ряз.).

Гляди, глядь

Это вводное слово встречается в виде двух вариантов: *гляди* — в северновеликорусских говорах, *глядь* — в южновеликорусских (с произношением *глать*); оно может стоять в любом месте в предложении. Значение этого вводного слова не вполне отчетливо: посредством его говорящий как бы предлагает слушающему уделить внимание тому, о чем идет речь.

¹ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, вып. 1, § 356.

...Есь и ноне, токо тогда гляди больше было бѣлок, и зайцѣй, и рябѣй (Ряз.).

Прошли гляди и не приворотѣли, прошли в ход (о кунницах; Вол.).

Я глѣдь не нашла (Ряз.).

Я ябѣ дѣждаю тах-то, глѣдь вышел, я хатѣла ябѣ адѣть, он гварить: «Я сам адѣнусь» (Ряз.).

Глѣдь их по двѣцѣть по пяти рублей штрѣхавѣть (Ряз.).

Глѣдь атѣцъ был в свиняршкѣ, краулил там (Ряз.).

Как сказать, сказать, сказать тебе

Эти вводные слова, имеющие в своей основе инфинитивную форму *сказать*, встречаются как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах. Значение их — некоторое сомнение говорящего в том, что он верно выражает свою мысль при уверенности в правильности ее по существу.

Да годов было мне-ка как сказать сорок было (Арх.).

И так анѣ сами сабѣй были сказать простѣе люди (Ряз.).

Некоторые тут жили сказать хърашѣ (Ряз.).

И денежек сказать тебе мно҃го, да анѣ абуваѣли нас (Ряз.).

Деньжонок сказать тебе деньжонок мно҃го (Ряз.).

Считай, почитай (почитай что), почесть (почесть что)

Эти вводные слова встречаются и в северновеликорусских и в южновеликорусских говорах. Большой частью они близки по значению к «почти», т. е. указывают на уверенность говорящего в том, что высказываемое им во всех отношениях очень близко к истине; иногда эти вводные слова обозначают лишь предположение.

Все умерли, да все сцитаѣй за один год (Арх.).

Очюнь кричитьъ хрѣди ни сасѣть, пѣчитай с Трѣйцы... (Б. — Т. О.).

А я тутѣ пѣчитай (Ряз.).

По нѣволоку одѣн пѣрѣй пачѣтаѣй што (Гр., II).

Да у него и окруты-то почесть никакой нѣту (окрута — одежда; Сол. — Новг.).

Рыбу-то почесть всю продали (Сол. — Новг.).

Мотри-ко, девахѣ, сарафаны у нас почитай што из одного ситцу; шибко похож ситецъ; почесть што некакой отлички ету (Лук. — Перм.).

Должно быть, должно

Эти вводные слова встретились только в южновеликорусских говорах. Они обозначают, что говорящий высказывает свое предположение.

Да аднамў-то даджно́ быць шагна́ўятый год ли сямна́ўятый (Ряз.).

Харбш мужик, да долго́ жить не стал, даджно́ искалё-цилси (Ряз.).

Небошь (небося)

Это вводное слово встречается и в северновеликорусских и в южновеликорусских говорах. Оно обозначает предположение, иногда неуверенность с различными оттенками этих значений.

Анй яёб нябошь спалили: ныне брёвнушко, застре брёвнушко (Ряз.).

На машине едешь, нябошь в таскѹ клѡниши (Ряз.).

— *А что, парень-то приехал? — Да я не видела его; а небошь-то приехал, вон и телега стоит* (Ак. сл.).

А ты небошь был там? (т. е. скажешь, что был там?; Ак. сл.).

Одёжа на ем, небошь не улежит, разботатца и всё спинат в ноги (ботаться — метаться во время сна в постели; Лук. — Перм.).

Реже встречается вариант этого вводного слова *небося*.

Небося обрадовался ей (Ак. сл. — Влад.).

Пожалуй

Это вводное слово встречается почти во всех говорах. Оно обозначает обычно предположение, иногда готовность говорящего примириться с предполагаемым или возможным фактом.

От берегу-то вёрста будё пожалуй (Арх.).

Нажился, дѣк пожалуй и бог с ним (Вол.).

Этому пожалуй двѣцѣть семь ли, двѣцѣть восемь ли (Ряз.).

Нет, Нюшу-ту пажáлуй тут аста́влю ее (Ряз.).

Ана́ пажáлуй с них не вазьме́шь (Ряз.).

Ешио затемнѣм пожалуй (т. е. будем застигнуты темной; Зел. — Вят.).

Конечно

Это вводное слово встречается как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах. Употребляется, судя по материалам записей, редко, хотя, впрочем, отдельные лица вставляют его в свою речь как любимое слово довольно часто и даже не вкладывая в него никакого значения. Вводное слово *конечно* обозначает в одних случаях предположение,

близкое к уверенности, в других случаях — уверенность, не допускающую никаких сомнений.

Конешно у вас эдаких нет (оттенок предположения; Вол.).

А конешно одним словом коровке пошло надо (оттенок уверенности; Вол.).

Анй канешно там жили как стѣражѣ (слово конечно никакого значения здесь не имело; Ряз.).

Значит

Это вводное слово встречается как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах. Нельзя сказать, чтобы оно принадлежало к числу широко распространенных вводных слов. Употребляется для указания, что данная мысль является выводом, заключением из сказанного ранее. Слово *значит* в устах некоторых лиц — излюбленная вставка в речь, повторяемая чуть ли не в каждом предложении. В таких случаях оно обычно не имеет никакого значения.

Каждѣ у мене муж был значит на службе... (Ряз.).

Картошку сеем тамока значит (Вол.).

Вперѣд анѣ значит вот как: не приняли нас в калѣзѣ-то (Ряз.).

Прѣговор написѣли шѣбѣ значит в воскрѣсной день отнюдь некому не работать (Вин. — Костр.).

Либо

Это вводное слово встретилось только в одной из групп южновеликорусских говоров. Оно употребляется там при указании каких-нибудь количественных данных, чаще всего возраста, и обозначает, что говорящий не уверен в точности указываемого количества.

Гадѣв мене деянѣять либо было (Ряз.).

Гадѣв деянѣять либо было (Ряз.).

Вишь

Это вводное слово встречается как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах. Оно обозначает, что говорящий хочет обратить внимание слушающего на высказываемую мысль.

Там степи вишь подошли, сужмѣнны места (Арх.).

Всѣ вишь он силодѣром норѣйт, ну мы и пожалились на еѣ (Подв. — Арх.).

Знай

Это вводное слово встретилось в записях из южновеликорусских говоров. Значение его не всегда поддается точному определению. Пожалуй, вернее всего истолкование, даваемое слову «знай» Аксаковым¹: «Это выражение значит, что ни до чего другого дела нет, что о чем другом не беспокоятся».

Баб до пятидесяти габёв, мужиков знай до шестьдесят (берут на работы; Ряз.).

А тепёрь вон знай машины: и прядуть машиной, и шьютъ (Ряз.).

Возможен оттенок «то и дело», «беспрестанно».

Я сижу, а он знай меня за рукав тербит (Ак. сл.—Кал.).

Блаа

Это вводное слово встретилось в записях из южновеликорусских говоров. Значение его, ввиду незначительного количества примеров, трудно установить. Оно, повидимому, вносит оттенок уступительности, т. е. обозначает, что говорящий признает факт, о котором говорит, существующим вопреки некоторым обстоятельствам, ему противоречащим или противодействующим. Но иногда значение этого вводного слова остается неопределенным: возможно, что оно употребляется без ясно сознаваемого значения.

Я блаа привыкла, мне там хърашб (Ряз.).

Гълава вон блаа балить — ну нет и нет (нет дождей; Ряз.).

Редкие и индивидуально употребляющиеся вводные слова

Кроме рассмотренных, следует отметить еще несколько вводных слов, встреченных всего по одному разу и выражающих оттенки предположения, а именно: *наверно, поди, поди-ко, никак*.

С того острова перевезли наверно, дак сюды пришёл сухим путем (о постороннем, шедшем с лугов в деревню; Арх.).

Двенадцать поди мало (Арх.).

Шушунчик у энтих пади цэл (Гв.—Пенз.).

Лыки мы там драли; многа дирáли, сицýс пади́ дяруть (Б.—Ист.).

...В избушке петушок да курочка домовничают, поди-ко ужо стосковались обо мне (Зык.—Разгов.).

Мы жили-то никак навёрзь (Ряз.).

¹ К. С. Аксаков. Грамматике русского языка Буслаева, ч. II, § 70.

В заключение этой главы приведем несколько примеров вводных слов из числа тех, которые составляют особенность речи отдельных лиц или отдельных населенных пунктов.

Мовб пол'у н'е жнит'б мо (Горьк.).

Плох'а мо ја ст'ала, ем'есто пугала в дгорбд хожу, пуг'ају мо к'уриц' (Горьк.).

Твоја дбци Нина мо дорбдно рост'бт (Горьк.).

С твојбј женбј мы хорошб, сов'бно мо жив'бм (Горьк.).

Ах ты мо н'ей'стој дух, ал' прид'би ейб, так ја т'е дам (Горьк.).

Жуеи-жуеи, хлббот, семь-вбсемь, захои и пирошк'а, семь-вбсемь! (См.—Тв.).

Был молодбёт я, семь-вбсемь, сначала х Катюхе ходиу; потом, семь-вбсемь, Фенюху полюбиу (См.—Тв.).

ВВОДНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Вводные предложения по своей форме бывают обычно односоставными простыми, притом различных типов: личные, обобщенно- и неопределенно-личные, безличные (последние преобладают). Все такие предложения бывают как распространенными, так и нераспространенными (вторые преобладают). Если о вводных словах было сказано, что они обычно имеют значение, не вытекающее непосредственно из значения того слова, от которого они образуются, то вводные предложения, наоборот, ничем в этом отношении не отличаются от обычных предложений. Их особенность состоит, таким образом, не в их значении, создаваемом лексическим составом, а в функции, ими выполняемой по отношению к предложению, в которое они вводятся. Вводное предложение выражает отношение говорящего к своему собственному высказыванию как нечто сопровождающее это высказывание, а не как равноправное и нужное ему для той же цели и в такой же мере, как основное высказывание. Степень этой «побочности» вводных предложений в различных случаях различна, но всякое вводное предложение характеризуется тем, что оно не было бы сказано, если бы не было того предложения, в которое оно введено. Эта же черта вводных предложений отражается очень ярко на их ритмомелодической стороне: сравнительно с предложением, в которое они вводятся, они произносятся всегда несколько более ускоренным темпом, с меньшим напряжением голоса; в интонационном отношении они обычно составляют одно целое с тем предложением, в которое вводятся, хотя при распространенности могут иметь свое второстепенное фразовое повышение голоса.

Место вводного предложения определяется говорящим в зависимости от того, когда вставка его кажется более своевременной.

Для удобства обзора целесообразно разделить вводные предложения на глагольные и неглагольные — в зависимости от того, выражен ли в них главный член глаголом или другой частью речи.

Глагольные вводные предложения

В эту группу входят предложения с главным членом — глаголом, обозначающим действие или состояние, сообщением о котором говорящий показывает свое отношение к высказываемой им мысли. В говорах встретились следующие типы вводных предложений этой группы:

1. С глаголами, обозначающими высказывание, психические процессы (восприятие, чувствования и т. п.). Наиболее частыми являются глаголы со значением высказывания, употребляемые обычно при передаче чужой речи. Они могут быть личными, обобщенно- и неопределенно-личными и безличными.

1) Главный член выражен глаголом *говорить* (употребляется во всех говорах).

Вы ѓварю мене ныне премируйте, ани надо мной смех (Ряз.).

...А то ѓварю кляуци нэпирают все, ряка будет полная (Ряз.).

Одйнаять суток ходил и не пбмёр, — «кор'мили говорит меня» (Вол.).

Отправлэюси говорит на самолётках (Арх.).

Пошбь говорит Иван-от Петровиц' пошёл? (Арх.).

Я переберу говорит всех по одёноке (Арх.).

Мама, я живу хорошо, конфеты ем, обо мне не тоскуй говорит (Арх.).

Погляди говорит, можот зацепило где ни (Арх.).

Я говорит пойду сам на лицё (т. е. самолично; Арх.).

У тебя стара дурь из головы-то не вышла говорит (Арх.).

Ты бы говорит села да, поёла да (Арх.).

Я вас ѓварит в разбр рэзарю (Ряз.).

Дорога хорбша говорят, тразтовая (Арх.).

Ты поди говоря домой (Арх.).

Первой день там говоря наловили лесцёв (Арх.).

Дак был серой конь, дак говоря один владбл (т. е. один мог свезти очень тяжелую кладь; Арх.).

Нередко вводное предложение, состоящее из одного глагола *говорить*, употребляется в предложении дважды, что обычно

составляет индивидуальную привычку некоторых лиц или же вызывается эмоциональным характером передачи рассказчиком чужой речи.

Ой говорит, бабушка, говорит, ноги-то молодые, так топаю (Арх.).

Хозяйка говорит нонь їздила, да ницёго не привёзла говорит (Арх.).

Иван, сыми телёнка говорит да сварим говорит да (Арх.).

Вот я тебе дам говорит большого коня говорит про-давать (Арх.).

Бабка Домна, у тебе їварить девки їварить кри-чать (Ряз.).

Специфический характер вводных предложений (со стороны их функции и ритмомелодии), в особенности состоящих из одного слова и часто употребляющихся, приводит к тому, что некоторые из них деформируются в отношении своего звукового состава: значительная редукция приводит к полной потере части или почти всех гласных звуков, а убыстрение темпа произношения вызывает иногда утрату части согласных. За этим следует утрата вводным предложением своего лексического содержания и превращение его в ничего не значащую частицу, в которой отражается лишь эмоциональность, сопровождающая высказывание.

Я grit мы помош даем (Арх.).

И тот-то, подшош нуко. «Это наша гэт пбжня, ваша-то гэт тамокá у рйц'ки» (Вол.).

— *А ты што жа малчишь? На какую ты надела? — А я гат на такú, на разáстую* (Черныш.— М.).

Аттáда ана вэратйлáсь, їватъ, їрах Талстбóу бедных привéчйать хърашб, абдилйить... бн ў стбóргну живётъ, у лeáсбчкю... он их привéтил храшб, їватъ, аїурцбóу дáл на дарбóу... (Б.— Т.).

А патом, прáўда ли нет ли, їватъ, їрах Талстбóу зeáмьли мнбáа, їватъ, хбчя свайм, їватъ, христйáнам раздать... (Б.— Т.).

Как показывают примеры, глагол *говорить* употребляется преимущественно в формах 1-го и 3-го лица, причем в 3-м лице мн. числа он имеет значение неопределенно-личное. Для 1-го и 3-го лица ед. числа характерно отсутствие подлежащего, которое всегда понятно, так как при форме 1-го лица возможно лишь я (во мн. числе — мы), а 3-е лицо глагола указывает на отнесение последнего к тому лицу, речь которого передается рассказчиком. Впрочем, при 1-м лице подлежащее (местоимение 1-го лица) иногда встречается.

Дядя Микитка я їварю съешь (Ряз.).

Да анá нецёво братъ я їварю (Ряз.).

2) Главный член выражен глаголом *бать* (употребляется преимущественно в северновеликорусских говорах).

Такой бат глэденькой (Арх.).

Поди бат не жив (поди в значении «пожалуй»; Вол.).

Никак бат не выпускают приѣхать (Вол.).

Никто́ро бат место не болит (Вол.).

Што бат, мама, не узнала бат меня? (Вол.).

Я мэл сло́жу к Онисимовне: она баю́т (или бат), хороша баба (Мат. 1910—Влад.).

Он — бат насилу — бат кошель вы́здынул (выздынуть — поднять; Кулик.—Олон.).

3) Главный член выражен другими глаголами (примеры как из северновеликорусских, так и из южновеликорусских говоров).

...Выходи́ла-то я кажу́ (Ряз.).

Ана́ умярла́ можно сказа́ть сама от себе (т. е. естественной смертью; Ряз.).

Маленький есѣ́ был как на́тъ сказа́ть на двена́дцатом годе (Арх.).

Ды сын-то неѣ́ сказа́ть кор'мит, вот кор'мит (Арх.).

Потѣ́м, как-бы те сказа́ть — не совра́тъ пошбу́ в монастырь... (См.—Тв.).

Мама пише́ть прие́хай ко мне (Ряз.).

У нас слы́хали́ монастырь-ти Ра́иха... (Б.—Кал.).

Ах, на кой ду́маю я атѣ́ля уехала (Ряз.).

Аль цѣ́лавать ду́мзита́ ён вас бу́ди? (Д.—Кал.).

Вот ду́мат переночу́ю нѣ́чот (Кар.—Вят.).

Семь т́ривен ду́мае́щи кило брусника (Ряз.).

Она не знаю́ Захарку тѣ́тка бу́дет али сѣ́стра (Вол.).

2. Среди глаголов, обозначающих психические процессы, особую группу составляют глаголы в форме 2-го лица (*видишь, знаешь, понимаешь* и нек. др.). Значение этих вводных предложений — придание высказыванию большей убедительности, настоятельности, иногда — желание оказать эмоциональное воздействие на слушающего.

Вот нынѣ помо́ц'ки види́шь большие (помо́ц'ки — дожди; (Арх.).

У нас ве́дь види́шь сѣ́верной край, да́к у нас все́ стыне́ (Арх.).

А хоро́мы-то види́шь, сугре́ва моя тѣ́плая, ру́чные (Арх.).

Вместо от́ця види́шь отдаё́ замуж племе́нницу (Арх.).

Где бы сѣ́ти спуститъ — гляди́шь ве́сел нет (Арх.).

Дава́ют им в мисѣ́и' знае́шь весе́мь рубле́й на таба́к (Ряз.).

Я знае́те пятина́дцать лет не раба́ла (Ряз.).

Он понимае́шь сумку забы́л (Вол.).

3. В северновеликорусских и в южновеликорусских говорах для указания, что то, о чем идет речь, относится к прошлому и представляет собою частое и обычное явление, употребляется вводное слово *бывало* (*бывалочи*).

Бывало лес ворбчали мужики-те (Ав.—Тер.).

А я бывало вёрс за семерину, за восьмерину сходишь (Арх.).

Буря бывало пайдётъ, зѣи на видать (Ряз.).

Мы бывало предѣм, а анѣ, штоб мы не зѣдрямѣли, все кажутъ сказки-то (Ряз.).

Бывало мы их пѣдпѣяшем — анѣ едѣ нам долѣе были — так мы их падеѣжем (о паневах; Ряз.).

Бывало уберѣи, это все пристойно, приулятно (уберется — нарядится; Ряз.).

Пайдётъ бывало какие-то канавы капѣтъ, под осень (Ряз.).

Кузовы грамѣдныя, мерныя, *бывало* нѣберѣшь, несѣшь (Ряз.).

А земский нацѣльник у нас бывало с пѣзванкѣми ездил (с позвонкѣми — с бубенцами; Ряз.).

На кѣрках таскѣли бывѣлочи крижѣѣ (кѣрки — плечи; крига — рыболовная сеть; Кар.—Греб.).

4. Приведем еще несколько типов глагольных предложений с разными значениями.

Он *смати-ка* вон идѣтъ (Ряз.).

У нѣоб сейцѣс на усадѣбе *пѣсматрѣ* зѣлюбуѣи, цисто сад, и около дома (Ряз.).

Около ста деньгами полуцил *кѣжеѣи* (Арх.).

Видиѣи робко ямѣ (Ряз.).

5. Встречаются, как это было отмечено относительно вводных слов, также глагольные вводные предложения не общераспространенного типа, а либо специфического, либо индивидуального употребления. К первым относятся разные виды божбы, заклинаний и т. п., ко вторым — излюбленные выражения, вставляемые в речь без всякой видимой надобности.

Сроду не руѣала пѣвалѣѣи (Ряз.).

Зимой реѣка замѣрзла, а сейцѣс пѣвалиѣсь мост, парѣм (Ряз.).

А ницем сохрани господи не бѣливала есѣ (Арх.).

Ноне назывѣтца я в городе быѣ (См.—Тв.).

...Дале — зашѣу к своѣчнице, — она *назывѣтца* у игуменьи ф повариѣцах... (См.—Тв.).

Неглагольные вводные предложения. Общие замечания

К этой группе относятся вводные предложения, в которых главный член выражен наречием либо существительным (обычно в им. падеже). Вводные предложения этого типа

встречаются во всех говорах. Приведем перечень наиболее употребительных.

Видно

Это вводное предложение употребляется для выражения оттенка предположительности.

*В налбгах е лен, да не скося **видно** (Арх.).*

*Туды в поле **видно** ушли (Арх.).*

*Продольник розвѣшиват, никто не попал **видно** (Арх.).*

*Я **видно** и вправде захворал. Голова у меня словно цигуном налита; весь я не свой (Двин.—Разгов.).*

*Курица-то эта клокет, **видно** где-то меж полинницами паритца; у нас каждой год самосадки, а сами не садим (Лук.—Перм.).*

Знамо, знатно

Эти вводные предложения, употребляющиеся как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах, служат для указания, что говорящий считает содержание своего высказывания общеизвестным, общепризнанным, само собою разумеющимся.

*— Пойдешь? — **Знамо** пойду (Ак. сл.—Яр.).*

***Знамо** без эстова не обойдѣсса (Ак. сл.—Яр.).*

*Лежала эфта дефка на печи, а мѣталычик **знамо** втѣрса в избу... (Гр.—Арх.).*

*Зимой **знамо** уж тѣплá нет (Ряз.).*

*Вецером **знамо** мѣладые-то играють вон в карты (Ряз.).*

*Мы-то не видали, спали **знамо** (Ряз.).*

*Канапí, **знатна**, как лен сѣям (Б.—Ряз.).*

Надо, надоть, набо быть

Это вводное предложение в указанных вариантах встречается в разных говорах. Оно употребляется для выражения оттенка предположительности.

*Топерь их нет, ушли **надо** в большие островá (Вол.).*

*Вы **надоть** цѣй попили (Ряз.).*

*Сын-от учителем **надо быть** (Ав.—Тер.).*

Похоже (похож)

Это вводное предложение встретилось в южновеликорусских говорах. Оно употребляется для выражения оттенка предположительности, иногда — оттенка приблизительности.

...*Природные пахбж* — все вот шапкой завивающи (о волосах; Ряз.).

Недель пятнацять пахбже жил (Ряз.).

Года два мы пахбж там жили (Ряз.).

Правда

Это вводное предложение встретилось в южновеликорусских говорах. Оно употребляется для указания, что говорящий с чем-то соглашается, в чем-то уступает.

Их и денег правда куща (Ряз.).

Да летом правда у нас в яйця играли, в куц'ки (Ряз.).

Я правда уж сама-то, милый, свайх рущ'ков не цыяла: и на агарбде, и... (Ряз.).

Вводные предложения, заключающие в себе слова *бог, господь, чорт*, а также брань, проклятия и т. п.

Вводные предложения этого типа употребляются для выражения чувства удовлетворенности, неудовольствия, тревоги и т. п.

Всё сытая слава богу была (Арх.).

А сусед-от итот ему ни дна, ни покрывики с поклонами унимает нас посидеть у него чясок-другой... (См. — Тв.).

Эта такая питюга итот ей пуста была (питюга — птица, пичуга; Кар. — Греб.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Синтаксический строй русской диалектной речи до сих пор совершенно не исследован. Между тем изучение его, помимо того значения, которое оно имеет для самой диалектологии, чрезвычайно важно для понимания многих явлений, характеризующих синтаксический строй разговорной речи в отличие от речи книжной.

2. Ввиду полного отсутствия описаний синтаксической системы хотя бы отдельных говоров в настоящее время на очереди стоят две задачи: а) приступить к исследованию и описанию синтаксического строя значительного числа отдельных русских говоров, с тем чтобы в дальнейшем на основе таких описаний создать работы сравнительного и обобщающего характера; только такие исследования сделают возможным также историческое освещение синтаксических явлений русских говоров и значительно укрепят фундамент под зданием исторического синтаксиса, построение которого является одной из важнейших очередных задач науки о русском языке; б) дать хотя бы несколько обобщающих очерков отдельных сторон диалектного синтаксиса с целью наметить синтаксическую проблематику, продемонстрировать и, насколько возможно, проанализировать собранный материал и сделать из этого анализа некоторые выводы по тем синтаксическим вопросам, которые поддаются более полному и глубокому истолкованию на диалектном материале. В настоящей работе сделана попытка разрешить, пока лишь частично, вторую из упомянутых задач, а именно: дав описание строения предложения в говорах, поставить и по возможности разрешить некоторые проблемы синтаксиса разговорной речи вообще.

3. Синтаксическое изучение многих и притом различных русских говоров убеждает нас в том, что в отношении большинства — и притом важнейших — явлений, относящихся к строю предложения, говоры обнаруживают чрезвычайно много общих черт, которыми они характеризуются в отличие

от книжно-литературной речи. Черты различия в области строения предложения в говорах, подчас очень яркие, лишь отчасти совпадают с принятыми группировками говоров, установленными на основании фонетических, морфологических и лексических признаков. Однако недостаточность имеющегося в распоряжении исследователя материала делает пока невозможным сколько-нибудь полную и точную локализацию отдельных явлений, относящихся к строению предложения. Впрочем, с точки зрения той цели, ради которой данная проблема здесь изучается, вопрос о такой локализации не имеет существенного значения.

4. В настоящей работе представлена почти исключительно диалогическая речь, в которой, как известно, язык, отражая твердо отстоявшиеся в нем нормы, вместе с тем обнаруживает очень ярко черты своего хотя и медленного, но непрерывного движения и развития. Речь диалогическая, имея в своей основе непосредственное общение говорящих и будучи всегда тесно связана с окружающей жизненной обстановкой, обнаруживает, сравнительно с речью монологической, наиболее высокие и разнообразные формы языкового творчества говорящих.

5. Непосредственные наблюдения над диалектной речью приводят к заключению, что в ней оформление речевого потока находится в особенно тесной связи с выраженными в речи психическими процессами. Выражение этих процессов мы находим в ряде структурных черт; наиболее характерные из них: волнообразное следование друг за другом словесных групп (иногда отдельных слов), которые представляют собой не части плавно образуемого ими единого и гармонически цельного предложения, а группы отдельных, большей частью неполных предложений, сливающихся в конечном счете в своеобразные сложные предложения паратактического строя; относительная слабость синтаксического сцепления отдельных частей («простых предложений»), из которых образуются сложные предложения; чрезвычайно важная роль ритмомелодии как средства выражения основных синтаксических отношений; распространенность приема дословного и варьированного повторения сказанного; обилие неполных и незаконченных предложений; преимущественное пользование формами прямой речи сравнительно с формами косвенной речи; переименование структурных планов, выражающееся в таких приемах, как смешение прямой речи с косвенной; вставка в предложение слов, словосочетаний и целых предложений с разрывом при вставке синтаксической ткани основного предложения; частое употребление вводных слов и вводных предложений весьма разнообразных типов; обилие частиц различного характера и разнообразных по функциональным оттенкам.

6. Наряду с отрезками речевого текста, которые могут быть названы предложениями исключительно в силу их ритмомелодической противопоставленности другим таким же отрезкам, но отличаются слабостью сцепления их составных частей, находим в говорах немало и таких предложений, в которых это сцепление выражено достаточно отчетливо и носит устойчивый характер. Пользование структурными типами предложения того и другого рода (часто наблюдаемое у одних и тех же лиц даже во время одной и той же беседы) обуславливается рядом факторов как объективного, так и субъективного свойства, к числу которых относятся: тема разговора, цель его, обстановка, в которой он протекает, характер речи собеседника, настроение говорящих (в частности, обстоятельства, вызывающие экспрессию) и т. п.

7. Паратактический способ соединения меньших отрезков речи в большие значительно преобладает в говорах над гипотактическими. Чистый гипотаксис встречается сравнительно редко и обычно сочетается с паратактическими конструкциями. При паратаксисе решающую роль для выражения смысловых отношений играет ритмомелодия в сочетании с порядком объединения в одно синтаксическое целое отрезков; частные виды отношений между объединяемыми элементами выражаются союзами (так наз. сочинительными). Однако уловить эти отношения во всей их полноте возможно исключительно на основании сопоставления реального содержания объединяемых отрезков.

8. Предложения, представляющие собой переходную форму от паратаксиса к гипотаксису, характеризуются обильным употреблением частиц, являющихся преимущественно словами оттеночного значения по отношению к знаменательным словам или словесным группам и, вместе с тем, служащих для усиления тех отношений между частями сложного предложения, которые выражены в основном другими средствами (ритмомелодией, порядком этих частей), или, по крайней мере, для более резкого обозначения границ между объединяемыми частями.

9. Гипотаксис осуществляется при помощи союзов (так наз. подчинительных) и относительных слов. Выражение гипотактических отношений без помощи союзов и относительных слов, т. е. только посредством ритмомелодии и порядка соединяемых частей, — явление значительно более редкое, нежели выражение этими средствами паратактических отношений. При наличии союзов и относительных слов роль ритмомелодии и порядка соединяемых частей в одних случаях снижается, в других используется для передачи частных видов отношений (когда союзы выражают слишком широкие категории отношений). Кроме ритмомелодии и порядка составных частей, в некоторых

случаях частные виды отношений выражаются также употреблением определенных видовых и временных глагольных форм и их соотносительностью в той и другой соединяемой части.

10. Из союзов, употребляющихся для выражения гипотактических отношений, большая часть встречается во всех или в большинстве говоров. Из остальных союзов одни типичны для говоров северновеликорусских, другие для говоров южно-великорусских. Наблюдается проникновение в говоры незначительного количества союзов из книжно-литературного языка, а также из городского просторечия.

11. Из относительных слов, употребляющихся для выражения гипотактических отношений, местоимение *который* употребляется преимущественно в северновеликорусских говорах и лишь редко в южновеликорусских, где соответствующую функцию выполняет местоимение *какой*. Подчиненные предложения как с тем, так и с другим относительным словом могут стоять как после подчиняющего предложения, так и перед ним.

12. Во всех говорах широко распространен тип сложного предложения, заключающий в себе, в качестве подчиненного, вопросительное или восклицательное предложение, теряющее в таких случаях свою специфическую интонацию («косвенно-вопросительные» и «косвенно-восклицательные» предложения). Наряду с этим часто встречаются случаи, когда потеря вопросительным предложением (особенно стоящим на первом месте) своей вопросительной интонации имеет лишь частичный характер, вследствие чего получается предложение полукосвенно-вопросительное.

13. Из типов простого предложения широко распространено так наз. односоставное предложение. При этом почти не наблюдается «бессказуемых» предложений, а из «бесподлежащих» особенно часты предложения безличные. Из этих последних больше других распространены предложения инфинитивные (в особенности с отрицанием), предложения с *надо*, *можно*, *нельзя* и т. п., предложения с кратким страдательным причастием от глаголов не только переходных, но и непереходных, а в части северновеликорусских говоров — предложения с кратким страдательным причастием в сочетании с предложно-падежной конструкцией «у + род. падеж существительного, обозначающего фактического производителя действия», и предложения со словами *есть*, *бывает*, *будет* в сочетании с род. падежом существительного, обозначающего предмет, наличие которого констатируется говорящим (*У нас есть стариков*, *Там было скота*).

14. Предложения, относящиеся к так наз. двусоставным, подразделяются на три группы: а) согласованные — в которых

грамматическая зависимость сказуемого от подлежащего выражается согласованием первого со вторым в форме числа и рода; б) несогласуемые — в которых морфологическая структура того или другого главного члена (либо и того и другого) исключает возможность согласования; в) несогласованные — в которых грамматическая зависимость сказуемого от подлежащего не выражена, несмотря на возможность этого, формами согласования первого со вторым.

Из предложений, относящихся к последней группе, в говорах особенно широко представлены следующие типы: а) сказуемое в форме ср. рода при подлежащем в форме другого рода (*Год прошло*); б) сказуемое в форме ед. числа при подлежащем в форме мн. числа (*Денег у него нагружено полны карманы*); в) сказуемое в форме мн. числа при подлежащем в форме ед. числа, выраженном существительным с «собираательным» значением (*Народ придут, Никто пбдани не пблтють*), а также, в известных случаях, сочетанием количественного числительного с существительным (*Четыре коня убегли*).

15. В двусоставном предложении подлежащее выражается существительным в им. падеже и различными субстантивированными формами. Наряду с однословным подлежащим употребляется также подлежащее сложное, состоящее из количественного числительного и существительного в род. или им. падеже (*Четыре коня, Двое сутки*). Сказуемое может быть: а) простое — выражаемое спрягаемой глагольной формой; б) составное — выражаемое сочетанием глагола-связки с именной частью речи или с деепричастием; в) сложное — выражаемое сочетанием спрягаемой глагольной формы с инфинитивом или именной частью речи (*Легли спать, Лиса притворилась дохлая*); г) сложно-составное — представляющее собой комбинацию сложного сказуемого с составным (*Мужик ббёк был роботать*).

16. В говорах широко распространены «неполные» предложения различных типов. Преимущественно диалогический характер диалектной речи, общность многих представлений и понятий, тесно сближающая собеседников, и громадная роль, которую играет при речевом общении окружающая обстановка, делают неполные предложения преобладающей формой выражения мыслей и чувств. «Полное» предложение встречается, как правило, лишь в особых случаях: в начале сообщения, когда требуется ввести слушателя в суть дела, в высказываниях, носящих характер рассуждения, иногда в вопросах и нек. др. В случае непонятности неполного предложения, обнаруживающейся в процессе речи, говорящий прибегает к различным приемам восполнения сказанного, как,

например, к повторению сказанного с иной ритмомелодией или в варьированном лексически либо грамматически виде, к добавлению одного или нескольких слов (образующих, в свою очередь, новое неполное предложение), к замене сказанного предложения новым и др.

17. Вопросительные предложения занимают в диалектной речи весьма видное место. Они характеризуются прежде всего и главным образом специальной вопросительной интонацией, заметно различающейся по своему рисунку в южновеликорусских и северновеликорусских говорах. Наряду с интонацией, в качестве дополнительного средства, употребляются специальные вопросительные слова: а) начальное *что*, служащее предупреждающим «сигналом» о следующем тут же за ним вопросе; б) ряд частиц, придающих задаваемому вопросу различные частные оттенки; в) вопросительные местоимения.

18. Восклицательные предложения также оформляются в основном интонационно. Кроме того, в качестве дополнительных средств используются: а) междометия, б) местоимения (*какой, экий, сколько, как, эки* и т. п.); некоторые из этих местоимений могут еще усиливаться частицами (*вот, вон, во*).

19. В отрицательных предложениях обращают на себя внимание следующие структурные явления: а) довольно частое предварение предложения, являющегося отрицательным ответом на заданный вопрос, словом-предложением *нет* (*Нет, не могу, Нет, без раны убило*); б) широко распространенное в северновеликорусских говорах употребление в роли сказуемого многократного глагола для выражения категорического отрицания (*Плато́чка на голову не да́вывала мне, А как сюды пришла, не та́нивали никто*); в) преобладание в северновеликорусских говорах личных конструкций над безличными (*А доро́га-то не́ была на Кенозеро, Ни зимой, ни летом не́ был отдых ей*; ср. в южновеликорусских: *Штоб пы́ли не было, Никакба стра́ения не было*); г) распространенность в северновеликорусских говорах конструкций с отсутствующим отрицанием при сказуемом, если последнее связано с каким-нибудь местоимением, имеющим отрицание *ни* (*Нигде возьмешь, Никто ему велел*).

20. Широко распространены во всех говорах предложения с существительно-местоименной конструкцией, состоящей в том, что говорящий сначала называет предмет, а затем, после небольшой паузы, сообщает о чем-нибудь связанном с этим предметом, заменяя название последнего местоимением. Существует несколько структурных вариантов таких предложений: а) существительное, стоящее в начале предложения, имеет форму им. падежа, а заменяющее его далее местоимение стоит в им. падеже или в косвенном (*Вино, оно больно уда́рят в голову, А Сныткин, яе́б карить*

нлѣзѣ); б) существительное, стоящее в начале предложения, имеет форму косвенного падежа (*Нюшу-ту, пожа́луй тут аста́вю ее*). Существительное, стоящее в начале предложения, обычно произносится с повышением тона, близким по своему характеру к повышению в вопросительном предложении. Это повышение тона и следующая за существительным пауза, повидимому, свидетельствуют о том, что данный тип предложения сложился на основе вопросо-ответной конструкции (*Нюшу-ту?—Пожа́луй, тут аста́вю ее*). В современном виде существительно-местоименная конструкция служит для говорящего средством выдвинуть существительное на первое место, как бы сначала выставить его для обозрения и уж только после этого высказать по поводу соответствующего предмета то или иное суждение.

21. Ввиду крайне неудовлетворительного состояния разработки вопроса о порядке слов в русском языке не представляется возможным сколько-нибудь полно и углубленно проследить, какую роль выполняет порядок слов в структуре предложения. Нет еще пока никаких оснований для утверждения, что русскому языку свойствен «твердый» порядок слов, как нет оснований и для утверждения противоположного характера. Дело в том, что в русском языке, во-первых, порядок слов, за очень редким исключением, не является средством выражения грамматических отношений (а играет роль стилистического средства), а во-вторых — в подавляющем большинстве случаев тот или иной порядок слов неразрывно связан с интонацией и является дополнительным по отношению к ней средством выражения синтаксических отношений. Следует различать порядок слов в собственном смысле, т. е. порядок знаменательных слов в словосочетании, и порядок «составов» в предложении (понятно — в двусоставном). В настоящей работе намечены основные типы расположения «составов» в двусоставном предложении и слов в односоставном — во взаимодействии с теми или иными приемами интонационного выделения главных членов — и сделаны некоторые предварительные наблюдения над общими и частными явлениями в рассматриваемой области.

22. В говорах встречается большое количество предложений с однородными членами. При этом наблюдаются следующие структурные явления: а) паузы между однородными членами, не соединенными посредством союзов, часто довольно продолжительны, а это обозначает, что перед нами фактически не единое предложение с несколькими однородными членами, а несколько однородных неполных предложений; б) очень редки предложения с однородными подлежащими, что, быть может, находится в определенной логической связи с тем, что среди односоставных предложений мы редко встречаемся с

«бессказуемыми» предложениями так наз. назывного типа; в) довольно часты предложения с однородными членами, не соединенными союзами и представляющими собой парные сочетания одноформенных слов, которые выражают в одних случаях аналогичные, в других противоположные понятия (*Руц'ки ножки не владѣли у нее, За день взад вперед прибежѹ*). Союзы, употребляющиеся между однородными членами предложения, делятся на одиночные и повторяющиеся. В части северновеликорусских говоров наблюдается постановка союзов *да, да и*, и изредка *и* после соединяемых однородных членов, причем иногда наблюдается двусторонний охват однородного члена союзом (*Сострѣпат наливѹшки да и, молоком помѣжут да и, да и дают да и*).

23. Чрезвычайно широко распространено в говорах употребление частиц. Функции частиц многообразны: в огромном большинстве случаев они служат для выделения и усиления того или иного знаменательного слова в предложении; кроме того, они могут служить для усиления той синтаксической связи между частями сложного предложения, которая выражена ритмомелодическими средствами или которая вытекает из сопоставления реального содержания этих частей; наконец, существуют частицы, из которых одни близки в некоторых отношениях к наречиям, а другие — к вводным словам, но все же не являющиеся ни теми, ни другими. То, что по традиции квалифицируется как частицы, на самом деле представляет собой остаточный разряд служебных и полужнаменательных-полуслужебных слов, который не только сам нуждается в специальном обследовании и точной классификации, но и зовет к необходимости пересмотра всей проблемы деления слов на грамматические разряды с точки зрения их роли в предложении. Из числа встречающихся в говорах частиц большая часть является общераспространенной, остальные характерны для отдельных больших или меньших групп говоров.

24. Вводные слова и вводные предложения также очень широко распространены в говорах. Вводные слова, как правило, характеризуются тем, что значения их разошлись со значением тех основ, с которыми они этимологически связаны; таким образом, вводные слова представляют собой идиомы. Вводные предложения, наоборот, такую связь, более или менее близкую, сохраняют. Вводные предложения распадаются на глагольные и неглагольные. Как и частицы, вводные слова и вводные предложения также в большей своей части употребляются во всех говорах, частично же составляют одну из характерных принадлежностей отдельных групп говоров или отдельных говоров. Встречаются довольно часто вводные слова и вводные предложения, принадлежащие речи отдельных лиц и встав-

ляемые ими в речь с различными целями: для «украшения», для выражения различных эмоций, для придания сказанному большей убедительности и т. п.

В отношении строения предложения говоры (особенно принадлежащие к северновеликорусским) во многом близки к языку древнерусских памятников, отражающих нормы живой русской речи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Ав.—Влад.— Р. И. Аванесов. О говоре Переславль-Залесского уезда Владимирской губ. «Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка», вып. 9.
- Ав.—Тер.— Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Говор терюхан Нижегородской области и района. М., 1929 (в рукописи).
- Ак. сл. — Словарь русского языка Академии наук, тт. I—XIV.
- Акты — Акты Холмогорской и Устюжской епархий, кн. III. (В приложении — Акты Лодомской церкви.) «Русская историческая библиотека», т. XXV.
- Арх. — Записи, сделанные членами экспедиции Моск. гор. пед. ин-та в 1940 г. в Приозерном районе Архангельской области (под нашим руководством).
- Арх. Слов. — Архив Словарного сектора Ин-та языкознания АН СССР.
- Аф. Ск. — А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки. Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Аядреева, Ю. М. Соколова, в трех томах. М., Гослитиздат, 1936—1940.
- Б.—Д. з.— Е. Ф. Будде. Диалектологические заметки. РФВ, т. 48, № 3—4, 1902.
- Б.—Ист.— Е. Ф. Будде. К истории великорусских говоров. Казань, 1896.
- Б.—Кал.— Е. Ф. Будде. Главнейшие черты народного русского говора в Калужской губернии. РФВ, т. XXXII, № 3, 1899.
- Б.—К диал.— Е. Ф. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанских говоров. РФВ, № 2—3, 1892.
- Б.—Кол.— В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. Сб. ОРЯС, т. LXVIII, № 4, 1901.
- Б.—Ряз.— Е. Ф. Будде. Записи рязанских говоров (Скопинский уезд). «Этнограф. обозрение», кн. XXI, № 2, 1894.
- Б.—Т.— Е. Ф. Будде. О говорах в Тульской губернии (отд. оттиск из Изв. ОРЯС, т. III, кн. 4, 1898).
- Б.—Т. К.— Е. Ф. Будде. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях. Изв. ОРЯС, т. III, кн. 3, 1898.

- Б.—Т. О.— Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследования и словарь (отд. оттиск из Сб. ОРЯС, т. LXXVI, 1904).
- Васи.—Вят. — Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного словаря Вятского говора. Вятка, 1907.
- ВГО — Архивные материалы Всесоюзного географического общества (перед ВГО обозначается сокращенно наименование губернии, после ВГО — шифр по каталогу архива).
- Вин.—Костр. — Н. Виноградов. О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда Костромской губернии. ч. I. Фонетика. Сб. ОРЯС, т. LXXVII, № 8, 1904.
- Вол. — Записи, сделанные членами экспедиции Моск. гор. пед. ин-та в 1938 г. в Никольском районе Вологодской области (под нашим руководством).
- Вол. д. сб., I — Диалектологический сборник. Под ред. А. С. Ягодинского, вып. I. Вологда, 1941.
- Вол. д. сб., II — Диалектологический сборник. Под ред. А. С. Ягодинского, вып. II. Вологда, 1942.
- Гв.—Пенз. — А. Н. Гвоздев. Говор западной части Вадского района Пензенской области. «Ученые записки Куйбышевского гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева», вып. 5, 1942.
- Гильф., III — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. III, СПб., 1900.
- Гл.—Посл.— П. Глаголевский. Синтаксис языка русских пословиц. ЖМНП, 1871, июль.
- Горьк. — Записи, сделанные членами экспедиции Моск. гор. пед. ин-та в 1944 г. в Кологривском районе Горьковской области (под руководством В. Г. Орловой).
- Гр.—Арх. — А. Грандильевский. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. Сб. ОРЯС, т. LXXIII, № 2, 1907.
- Гр., I — Н. П. Гринкова. Очерки по русской диалектологии, I. К вопросу о сицкарях. Изв. ОРЯС, т. XXX, 1925.
- Гр., II — Н. П. Гринкова. Очерки по русской диалектологии, II. О говорах северо-восточной части Моложского уезда Ярославской губернии. Изв. ОРЯС, т. XXX, 1925.
- Гр., III — Н. П. Гринкова. Очерки по русской диалектологии, III. К диалектологии Ленинградской губернии. Изв. ОРЯС, т. XXX, 1925.
- Гр., IV — Н. П. Гринкова. Очерки по русской диалектологии, IV. Говор тузовлян Ржевского уезда. Изв. ОРЯС, т. XXXI, 1926.
- Гр., V — Н. П. Гринкова. Очерки по русской диалектологии, V. О некоторых говорах б. Задонского и Землянского уездов Воронежской губернии. Изв. по рус. яз. и слов. АН СССР, т. II, кн. 1, 1929.

- Гр., VI — Н. П. Грянкова. Очерки по русской диалектологии, VI. К вопросу о влиянии русских говоров на пограничные украинские. Изв. по рус. яз. и слов. АН СССР, т. III, кн. 1, 1930.
- Гр., VII — Н. П. Грянкова. Очерки по русской диалектологии, VII. О русских говорах б. Коротоякского уезда Воронежской губернии. Изв. по рус. яз. и слов. АН СССР, т. III, кн. 2, 1930.
- Григ., III — Архангельские былины и исторические песни с напевами, записанными посредством фонографа. Собр. А. Л. Григорьев. Т. III, СПб., 1910.
- Даль — Посл. — В. Даль. Пословицы русского народа. М., 1862.
- Даль — Тамб. — Автограф В. И. Даля. Запись разговора крестьян Тамбовской губ. (с заголовком «Тамбов. надом»). Из архива акад. Б. М. Ляпунова. (Запись хранится в архиве В. И. Чернышева.)
- Д. — Бес. — Е. И. Дьячкова. Записи из говоров Безенчукского района Куйбышевской области (в рукописи).
- Дв. гр. — А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., ч. I и II. СПб., изд. ОРЯС ИАН, 1903.
- Двин. — Разгов. — А. Двинянинов. Разговор матери с сыном в с. Ошланском Нолинского уезда. ВГО, 9—X.
- Держ. — Ярослав. — О. А. Державина. Говор города Углича Ярославской губ. «Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка», вып. 9.
- Д. К. — Картотека б. диалектологической комиссии ленинградского отделения Ин-та русского языка АН СССР (перед Д. К. — сокращенное наименование области, после Д. К. — номер карточки). В настоящее время картотека находится в Институте языкознания АН СССР, в Москве.
- Д. — Кал. — Н. Дурново. Диалектологическая карта Калужской губ. СПб., 1903.
- Добр. — Слова — В. Н. Добровольский. Слова, записанные в сельце Теревени Жиздр. у. Калужской губ. (год не указан). Рукопись хранится в архиве словарн. отд. Ин-та языкознания АН СССР, № 30.
- Добр. — Тер. — В. Н. Добровольский. Знакомство с разговорным языком с. Теревени Жиздр. у. Калужской губ. (год не указан). Рукопись хранится в словарн. отд. Ин-та языкознания АН СССР, № 29.
- Дом. — Домострой. По Ковшинскому списку и подобным. М., 1908.
- Д. — П. — Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии. Отиск из РФВ Варшава, 1903.
- Д. — Тамб. — Н. Н. Дурново. Заметка о говоре Шацкого уезда Тамбовской губ. Изв. ОРЯС, т. V, кн. 3, 1900.
- Ер. — Ул. — С. А. Еремин. Описание уломского и ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губернии. Сб. ОРЯС, XCIX, № 5, 1923.
- Ж. — А. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Изд. Импер. археогр. комиссии. Пгр., 1916 (Житие В.).

- Зел.—Вят.— Д. Зеленин. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. Сб. ОРЯС, т. LXXVI, № 2, 1903.
- Зел.—Яр.— Д. К. Зеленин. Отчет о поездке в Яранский уезд. «Ученые записки юрьевского ун-та», № 3, 1902.
- Зуб.—Разгов.— А. Зубарев. Простонародные разговоры Глазовского уезда по Унинскому приходу. ВГО, 17—X.
- Зык.—Разгов.— Г. Зыков. Село Ишлык Петропавловской церкви, в Яранском уезде стоящее. ВГО, 4—X.
- Иер.—Пск.— К. А. Иеропольский. Говор дер. Савкино Пушкинского района Псковского округа. Изв. по рус. яз. и слов. АН СССР, т. III, кн. 2, 1930.
- Кам.—Тульск.— В. Н. Каменев. О говорах северо-восточной части Одоевского уезда Тульской губернии. «Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка», вып. 9.
- Кар.—Бр.— Н. М. Каринский. О говорах восточной половины Бронницкого уезда. Изв. ОРЯС, кн. 1, 1903.
- Кар.—Вят.— Е. Н. Каринская. Описание говора деревни Толстовской Молосниновской волости Котельнического уезда Вятской губернии. «Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка», вып. 9.
- Кар.—Греб.— М. А. Караулов. Говор гребенских казаков. Отд. оттиск из Сб. ОРЯС, т. LXXI, № 7, 1902.
- Кар.—Мозд.— М. А. Караулов. Говор станиц бывшего Моздокского полка Терского казачьего войска. Варшава, 1900 (оттиск из РФВ).
- Кар.—Оч.— Н. М. Каринский. Очерк из области русской диалектологии. «Ученые записки Ин-та языка и литературы РАНИОН». Лингвистическая секция, т. IV. М., 1931.
- Кир., IV — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I—X, 1862—1874.
- Кирша — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, 1938.
- Коп.—Пск.— И. К. Копаневич. Областные слова Псковского уезда. СПб., 1902. (Рукопись хранится в рукописном отделе библиотеки АН СССР в Ленинграде, № 45—8—244.)
- Котош.— О России в царствование Алексея Михайловича. Сочинение Григория Котошихина, изд. 4. СПб., 1906.
- Кудр.—Тв.— Записи А. Е. Кудряшовой из говоров Бежецкого уезда Тверской губернии. Напечатано в «Русской диалектологии» С. А. Еремина и И. А. Фалева. Под ред. акад. Е. Ф. Карского. М.—Л., 1928.
- Кулик.—Олон.— Герман Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Курб.—2 разгов.— А. Курбатов. Два разговора между двумя крестьянами Глазовского уезда Кленовской волости села Утинского. ВГО. 5—X.

- Лук.—Перм.— А. Луканин. Сборник простонародных слов, употребляемых в Пермском, Кунгурском, Осинском, Оханском, Соликамском, Чердынском уездах Пермской губернии. 1856. (Рукопись хранится в архиве словарн. отд. Ин-та языкознания АН СССР.)
- Мал.—Куйб.— В. А. Малаховский. Говоры Новоульяновского района Куйбышевской области. «Ученые записки Куйбышевского гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева», вып. 5, 1942.
- Мат. (год, губ.) — Материалы для изучения великорусских говоров (11 выпусков), помещенные в Сб. ОРЯС, кончая 1923 г.
- Машк.—Курск.— М а ш к и н. Образцы простонародных разговоров города Обояни и его уезда (80-е годы). ВГО, 24—XIX.
- М.—Н.— В. Мансикка. Заметки о говоре Никольского уезда Вологодской губернии. Изв. ОРЯС, т. XIX, кн. 4, 1914.
- М.—П. — В. Мансикка. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. Изв. ОРЯС, т. XIX, кн. 4, 1914.
- М.—Ш.— В. Мансикка. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии. Изв. ОРЯС, т. XVII, кн. 2, 1912.
- Петр.—Ряз. — Ю. В. Петровская. К диалектологии рязанских говоров. Говор села Матыр Зарайского уезда. Сб. ОРЯС, т. XCIX, № 6, 1922.
- Подв.—Арх.— Александр Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Полисад.—Влад. — Полисадов. Село Шиморское (Владимирской губернии Меленковского уезда). ВГО, 67—XI.
- Прих.—расх. — Монастырские прихода-расходные книги, вып. I. Книги Павлова Обнорского и Болдина Дорогобужского монастырей. Л., 1924.
- Пр. рус. — Правда русская. I. Тексты. Под ред. акад. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940. Троицкий вид.
- Пск. гр. — Псковская судная грамота. СПб., изд. Импер. археограф. комиссии. СПб., 1914.
- Разгов.—Вят.— Разговор крестьян Вятской губернии. ВГО, 8—X.
- Раст.—См.— П. А. Расторгуев. Некоторые синтаксические особенности в народных говорах Смоленской губернии. «Ученые записки Ин-та языка и литературы РАНИОН». Лингвистическая секция, т. IV. М., 1931.
- Рез.—Курск.— Е. Н. Резанова. Наблюдения над говором крестьян деревень Масловки и Хитровки Суджанского уезда Курской губернии. Изв. ОРЯС, т. XVII, кн. 1, 1912.
- Роз.—Тамб.— В. Розанов. Разговор двух крестьян Козловского уезда Тамбовской губернии и несколько местных слов, 1949, ВГО, 11—X.
- Рыбн., I, II — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2, т. I, 1909; т. II, 1910.

- Ряз. — Записи, сделанные членами экспедиции Моск. гор. пед. ин-та в 1939 г. в Спасском районе Рязанской области (под нашим руководством).
- Сах.—Орл.— А. И. Сахаров. Язык крестьян Ильинской волости Болховского уезда Орловской губернии. Сб. ОРЯС, т. LXVIII, № 5, 1901.
- Сел.—Д. о. С.— А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, вып. 1. Иркутск, изд. Гос. иркутск. ун-та, 1921.
- Син. сп. I Н. л. — Синодальный список I Новгородской летописи.
- См.—Тв.— Н. Т. Смирнов. Кашинский говор. Сб. ОРЯС, т. LXXVII, № 9, 1904.
- Сол.—Астр.— Н. И. Соловьев. Материалы для этнографии Астраханского края. РФВ, т. LXIII, 1910.
- Сол.—Д. к.— В. Ф. Соловьев. Особенности говора донских казаков. Сб. ОРЯС, т. LXVIII, № 2. 1901.
- Сол.—Курск.— Ф. Солодовников. О старооскольском народном говоре. «Филол. записки», вып. II, III—IV, 1877.
- Сол.—Новг.— В. Ф. Соловьев. Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губернии. Сб. ОРЯС, т. LXXVII, № 7, 1904.
- С. о. и. И. — Акад. А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., Изд-во АН СССР, научно-популярная серия, 1938.
- Т. пр. — Дела Тайного приказа, кн. IV. Л., 1926.
- Тих.—Бр.— Т. И. Тиханов. Брынский говор. Сб. ОРЯС, т. LXXVI, № 4, 1904.
- Улож. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. Изд. историко-филолог. фак-та Импер. моск. ун-та, 1907.
- Фил.—Вор.— К. Филатов. Очерк народных говоров Воронежской губернии. РФВ, № 1—2, 1908.
- Фил.—Разгов.— Н. Филимонов. Краткий образец наречия простолюдинов с. Елганского Глазовского уезда. ВГО, 7—X.
- Ф. С. — Повесть о Фроле Скобееве.
- Ф. Шакл. — Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т. I, изд. Импер. археогр. комиссии, СПб., 1884.
- Хал.—Курск.— В. Г. Халанский. Народные говоры Курской губернии. Сб. ОРЯС, т. LXXVI, № 5, 1904.
- Ч.—Ил.— Н. Черных. Русские говоры Илимского края (отд. оттиск; место и год издания не указаны).
- Ч.—Мам.— Н. Черных. Русские говоры Мамырской волости Тулунского уезда Иркутской губернии. Сб. трудов профессоров и преподавателей Иркутского гос. ун-та, т. V. Иркутск, 1923.
- Черныш.—Б. М.— В. И. Чернышев. Народные говоры селений, расположенных от Боровска до Москвы по старому московскому тракту. Изв. ОРЯС, т. XIII, кн. 3, 1908.
- Черныш.—Бор. прост. — В. И. Чернышев. Из Боровского просторечия. Дополнения к Академическому словарю 1847 года и Областному 1852 года. (Список составлен из слов, которых нет в этих

- словарях.) Архив словарн. отд. Ин-та языкознания АН СССР № 118.
- Черныш.—Мещ.—В. Чернышев. Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда Калужской губернии. Сб. ОРЯС, т. LXX, 1902.
- Черныш.—М.—В. И. Чернышев. Сведения о говорах некоторых селений Московского уезда. Сб. ОРЯС, т. LXVIII, 1901.
- Шахм.—Лек. гов.—А. А. Шахматов. Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. Изв. ОРЯС, т. XVIII, кн. 4, 1913.
- Шахм.—Олон.—Записанные А. А. Шахматовым в 1884 г. северные сказки.
-

- Сборник Ончукова, № 90, 1909.
- В.—Le lang. — Charles Bally. Le langage et la vie. Paris, 1926.
- Blüm.—Einführ.—Rudolf Blümel. Einführung in die Syntax. Heidelberg, 1914.
- Hofm.—L. U.—J. B. Hofmann. Lateinische Umgangssprache. Heidelberg, 1926.
- Lerch —Hauptpr.—Eugen Lerch. Hauptproblemen der französischen Sprache. I. Allgemeines. 1930. II. Besonderes, 1931.
- Mikl.—V. S.—Franz Miklosich. Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen. Wien, 1883.
- Sech.—Str. log. — Albert Sechehaye. Essai sur la structure logique de la phrase. Paris, 1926.
- Vondr.—V. S. G. II — Dr. Wenzel Vondrak. Vergleichende slavische Grammatik, Band. II. Formen und Syntax. Göttingen, 1908.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
<i>Введение</i>	5
<i>Общие явления строения предложения</i>	27
<i>Строение сложного предложения</i>	46
Сложные предложения, части которых связаны без помощи служебных слов	46
Сложные предложения, части которых связаны при помощи служебных слов	59
<i>Сложные предложения, части которых связаны посредством частиц</i>	59
Частица <i>ведь</i>	60
Частица <i>так</i>	61
Частица <i>то</i>	66
Частица <i>и</i>	66
<i>Сложные предложения с союзами и относительными словами</i>	67
Сложные предложения с союзами	67
Сложные предложения с сочинительными союзами	67
Союзы одиночные	67
Союз <i>и</i>	67
Союз <i>да</i>	68
Повторное употребление союза <i>да</i> в конце предложения	69
Союз <i>да и</i>	70
Союз <i>а</i>	71
Союз <i>зато</i>	75
Союз <i>а то</i>	75
Союз <i>только</i>	77
Союз <i>или</i>	77
Союз <i>вот и</i>	77
Союз <i>так и</i>	78
Союзы повторяющиеся	78
Союз <i>и—и</i>	79

Союзы <i>да—да...</i> , <i>да и—да и...</i>	80
Союз <i>ли—ли...</i>	81
Союз <i>то—то...</i>	81
Сложные предложения с подчинительными союзами	82
Союз <i>что</i>	82
Союз <i>чтобы</i>	84
Союз <i>как</i>	86
Союз <i>когда</i>	93
Союз <i>с тех пор как</i>	96
Союз <i>только</i>	96
Союз <i>если</i>	96
Союз <i>если бы</i>	97
Союз <i>если бы</i>	98
Союз <i>когда (когда)</i>	98
Союзы <i>раз, буде</i>	99
Союз <i>кабы</i>	99
Союзы <i>пока, покамест, чокуда и т. п.</i>	101
Союз <i>где</i>	102
Союз <i>куда</i>	103
Союзы <i>потому (потому что), по случаю</i>	104
Союз <i>хоть (хотя, хош, хоша)</i>	104
Союзы <i>роено, словно</i>	106
Союз <i>чем</i>	106
Сложные предложения с относительными словами	107
Относительное слово <i>который</i>	107
Относительное слово <i>какой</i>	109
Относительное слово <i>где</i>	110
Относительное слово <i>кто</i>	110
Относительное слово <i>что</i>	111
Относительные слова <i>как, сколько</i>	113
Сложные предложения с косвенно-вопросительными и косвенно-восклицательными предложениями	113
Сложные предложения с оборотами <i>какой ни, куда ни, как ни и т. п. в одном из связываемых предложений</i>	117
Некоторые дополнительные замечания о характере сложного предложения в говорах	117
Строение простого предложения	129
Односоставные предложения	129
Бесказуемые предложения	129
Бесподлежащие предложения	130
Личные предложения	130
Формы изъявительного наклонения	130
Формы настоящего и будущего времени	130
Формы прошедшего времени	133
Формы повелительного наклонения	135
Безличные предложения	136

Двуосоставные предложения	146
<i>Двуосоставные несогласованные предложения</i>	<i>146</i>
<i>Двуосоставные согласованные предложения</i>	<i>154</i>
Выражение подлежащего	154
Выражение сказуемого	156
Выражение простого сказуемого	157
Выражение непростого сказуемого	161
Сказуемое составное	161
Сказуемое сложное	169
Подтипы первого типа сложного сказуемого	170
Подтипы второго типа сложного сказуемого	174
<i>Некоторые явления из области согласования сказуемого с подлежащим</i>	<i>176</i>
Форма числа и рода сказуемого при подлежащем, обозначающем количественное понятие	176
Форма числа сказуемого при подлежащем, выраженном собирательным существительным	179
Форма числа сказуемого при подлежащем, обозначающем лицо, которое заслуживает особого уважения	181
Форма числа и рода сказуемого при слитном подлежащем	181
Различные типы предложений	181
<i>Неполные предложения</i>	<i>181</i>
С отсутствующим подлежащим	183
С отсутствующим сказуемым	184
С отсутствующими двумя или несколькими членами предложения, в том числе и второстепенными	185
<i>Вопросительные предложения</i>	<i>186</i>
<i>Восклицательные предложения</i>	<i>191</i>
<i>Отрицательные предложения</i>	<i>195</i>
<i>Предложения с существительно-местоименной конструкцией</i>	<i>199</i>
<i>О порядке слов в предложении</i>	<i>202</i>
<i>Порядок слов в двуосоставных предложениях</i>	<i>205</i>
<i>Порядок слов в односоставных предложениях</i>	<i>210</i>
Предложения неопределенно- и обобщенноличные	211
Предложения побудительные	212
Предложения безличные	212
Предложения с однородными членами	215
<i>Предложения, в которых однородные члены соединены без помощи союзов</i>	<i>216</i>
Предложения с однородными сказуемыми	216
Предложения с однородными второстепенными членами	219
<i>Предложения, в которых однородные члены предложения соединены посредством союзов</i>	<i>221</i>
Союзы одиночные	221
Союз <i>и</i>	221
Союз <i>да</i>	223

Союз <i>да</i> и	225
Союз <i>а</i>	227
Союзы <i>али</i> (<i>аль</i>), <i>ли</i> , <i>или</i>	228
Союзы повторяющиеся	229
Союз <i>и—и</i>	230
Союз <i>ни—ни</i>	230
Союзы <i>ли—ли</i> ..., <i>либо—либо</i> ..., <i>али—али</i> ... (<i>але—але</i>)...	231
Союзы <i>то—то</i> ..., <i>буде—буде</i>	231
<i>Обобщающие слова при однородных членах</i>	231
О некоторых особенностях употребления союзов в говорах	232
Союз <i>да</i>	233
Союз <i>да</i> и	235
Союз <i>и</i>	235
Употребление частиц	237
Обзор частиц, наиболее употребительных в говорах	238
Частица <i>и</i>	238
Частица <i>а</i>	241
Частица <i>да</i>	243
Частица <i>ведь</i>	245
Частица <i>даж</i> (<i>дѣк</i>)	249
Частица <i>тоже</i>	252
Частица <i>все-таки</i>	252
Частица <i>и то</i>	253
Частица <i>зот</i> (изредка <i>во, эво, от</i>)	253
Частицы <i>вом</i> (<i>он</i>), <i>эвом</i> (<i>эвоно</i>)	256
Частица <i>это</i>	256
Частица <i>тах-то</i>	257
Частица <i>оно</i> (<i>она</i>)	258
Частица <i>есѣ</i>	260
Частица <i>только</i>	262
Частица <i>то</i>	263
Частица <i>ну</i>	266
Частица <i>нуко</i> (<i>нука</i>)	267
Частица <i>уж</i>	268
Частица <i>хоть</i> (<i>хош, хуч</i>)	268
Частица <i>будто</i>	270
Частица <i>ровно</i>	271
Частица <i>еще</i> (<i>ошѣ</i>)	271
Частица <i>тамока</i>	273
Частица <i>е акурате</i> (<i>в акурат, акурат</i>)	273
Частица <i>разе</i>	274
Частица <i>ка</i> (<i>ко</i>)	274
Частицы, встречающиеся более редко	276
Частицы <i>ай, нешто, неужто, неужели, чи</i> (<i>ти</i>)	276

Частицы <i>как, ишь (вишь), коль</i>	276
Частицы <i>совсем, вовсе, одва, чуть (чуть ли не), почти, всего</i>	277
Частицы <i>все равно, все одно</i>	277
Частица <i>лишь</i>	277
Частицы <i>даже, прямо, просто, ажно, тожно, нали</i> . .	278
Частица <i>эх</i>	278
Сложные частицы	278
Сложные с <i>вот (эво)</i>	279
Сложные с <i>ведь</i>	279
Сложные с <i>как</i>	279
Сложные с <i>это</i>	280
Сложные с <i>уж</i>	280
Другие сложные частицы	280
Вводные слова и предложения. Общие замечания	281
<i>Вводные слова</i>	282
<i>Ска (ску)</i>	282
<i>Мотри (реже смотри)</i>	283
<i>Знать</i>	284
<i>Может быть, может(може, може)</i>	284
<i>Што ли (што ль)</i>	285
<i>Гляди, глядь</i>	285
<i>Как сказать, сказать, сказать тебе</i>	286
<i>Считай, почитай (почитай что), почесть (почесть что)</i>	286
<i>Должно быть, должно</i>	286
<i>Небось (небоса)</i>	287
<i>Пожалуй</i>	287
<i>Конечно</i>	287
<i>Значит</i>	288
<i>Либо</i>	288
<i>Вишь</i>	288
<i>Знай</i>	289
<i>Блаа</i>	289
Редкие и индивидуально употребляющиеся вводные слова	289
Вводные предложения. Общие замечания	290
Глагольные вводные предложения	291
Неглагольные вводные предложения. Общие замечания . .	294
<i>Видно</i>	295
<i>Знамо, анатно</i>	295
<i>Надо, надоть, надо быть</i>	295
<i>Похожэ (похожэ)</i>	295
<i>Правда</i>	296
Вводные предложения, заключающие в себе слова <i>бог, гос-подь, чорт</i> , а также брань, проклятия и т. п.	296
Заключение	297
Список сокращений	306

*Утверждено к печати
Институтом языкознания
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *И. А. Оссоецкий*
Технический редактор *Т. В. Алексеева*
Корректор *Р. Ф. Астафьева*

*

РИСО АН СССР № 14-67В Т-04282. Издат. № 18.
Тип. заказ № 1270. Подп. и печ. 18/VII 1953 г.
Формат бум. 60×92¹/₁₆. Бум. л. 10. Печ. л. 20.
Уч.-издат. 20. Тираж 10 000.

Цена по прейскуранту 1953 г. 13 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

2-я ТИПОГРАФИЯ
Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

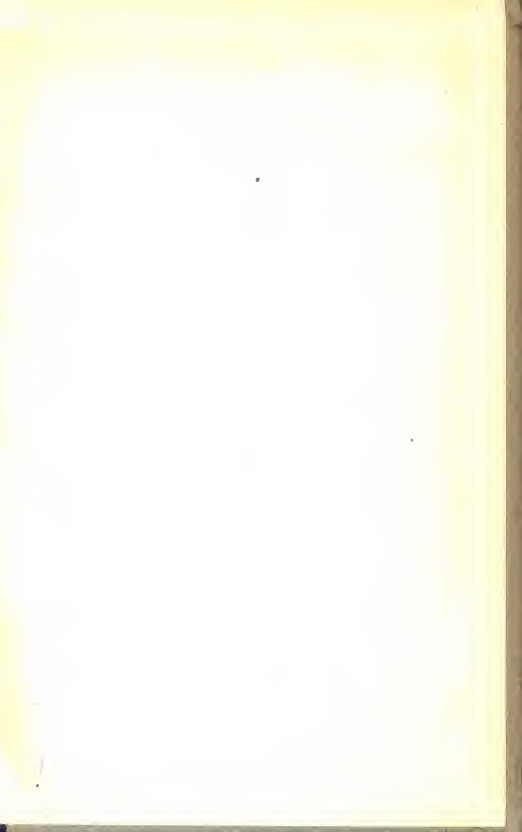
КОНТРОЛЕР № 1

При обнаружении недостатков
в книге просим возвратить книгу
вместе с этим ярлыком для обмена

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
✓ 10	22 сл.	говоров села	говоров. Говор села
10	18 сл.	1923	1922
18	3 сл.	1937	1877
25	1 сл.	№ 6	№ 5
27	12 сл.	hervorstehende	hervorstehende
88	6 сл.	«скрытостью»	«скрытостью»
✓ 281	10 сл.	езкоер	резкое

А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров

1872 / 52